

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

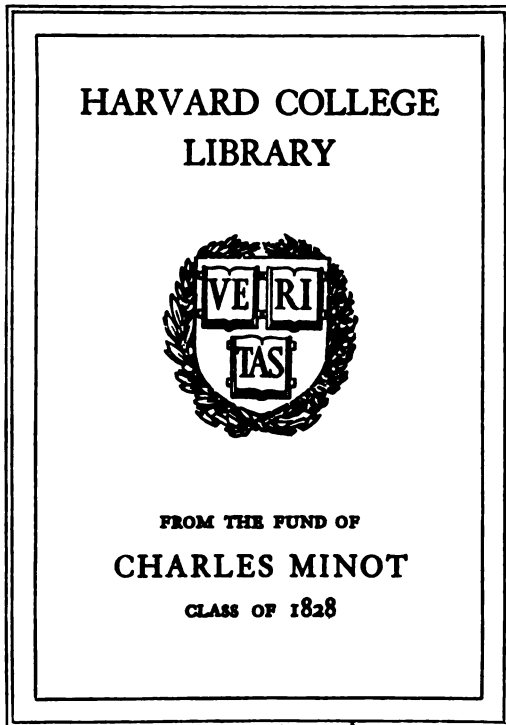
About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 2044 021 945 3

L Soc 3983.56.5

ДВАДЦАТЬ ПЯТОЕ ПРИСУЖДЕНИЕ

УЧРЕЖДЕННЫХЪ

П. Н. ДЕМИДОВЫМЪ

ПАГРАДЪ.

26 МАЯ 1856 ГОДА.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.

1856.

~~L Soc 3983 48~~

L Soc 3983. 56. 5

Minor Fund

Издано по опредѣленію Академіи Наукъ.

4 Октября 1886 года.

За Непрерывнаго Секретаря

Академикъ *Вессоловскій*.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
Общій отчетъ о двадцати пятихъ присужденіи Демидовскихъ наградъ, читанный въ публичномъ собраніи Императорской Академіи Наукъ Академикомъ <i>К. С. Веселовскимъ</i> , 26 мая 1886 года.....	1
Общій обзоръ перваго двадцатипятилѣтія учрежденія Демидовскихъ премій..	41
Разборъ сочиненія <i>И. М. Бодянского</i> подъ заглавіемъ: О времени происхожденія Славянскихъ писемъ. Академика <i>И. И. Срезневскаго</i>	63
Разборъ рукописнаго сочиненія <i>Г. Ундольскаго</i> подъ заглавіемъ: Исслѣдованія о Церковно-Славянскихъ Хронографахъ. Томъ I. О временникѣ <i>Георгія Амартола</i> въ отношеніи къ <i>Несторовой Лѣтописи</i> . Академика <i>А. А. Куника</i>	71
Разборъ сочиненія <i>Г. Лакіера</i> : Русская Геральдика. Академика <i>Н. Г. Устрялова</i>	85
Нѣсколько замѣчаній Академика <i>М. И. Броссе</i> на книгу <i>Г. Лакіера</i> : Русская Геральдика.....	101
Разборъ сочиненія <i>П. И. Небольсина</i> : Очерки торговли Россіи съ Среднею Азією. Корреспондента Академіи <i>В. В. Гриморьева</i>	109
Разборъ сочиненія <i>Я. А. Соловьева</i> подъ заглавіемъ: Сельско-Хозяйственная Статистика Смоленской губерніи. Академикомъ <i>П. И. Кетлена</i> и <i>К. С. Веселовскаго</i>	183
Разборъ сочиненія <i>Г. Сѣверцова</i> подъ заглавіемъ: Периодическія явленія въ жизни зѣбрей, птицъ и гадюкъ Воронежской губерніи. Академика <i>А. Ф. Миддендорфа</i>	191
Разборъ сочиненія <i>А. Жиряева</i> подъ заглавіемъ: Теорія уликъ. Орд. Проф. <i>С. Петерб. Универс. Я. И. Баршсга</i>	213

Разборъ сочиненій Г. Доктора Круселя: 1) Внутреннія средства противъ рака и нѣкоторыхъ другихъ болѣзней; 2) Пирокаустика, или хирургическое употребленіе огня противъ рака и нѣкоторыхъ другихъ болѣзней. Профессора Медико-Хирургич. Акад. <i>Неммерта</i>	221
Мнѣніе Академиковъ Буяковскаго, Якоби и Чебышева о двухъ изобрѣтенныхъ г. Зарубинимъ инструментахъ: Планиметръ-Самокатъ и Трансформаторъ (представленныхъ съ приложеніемъ описанія сихъ снарядовъ).....	241
Разборъ сочиненія Г. С. Ешевскаго подь заглавіемъ: К. С. Аполливарій Силовій, Эпизодъ изъ Литературной и Политической Исторіи V вѣка. Проф. <i>А. Деллена</i>	251
Разборъ изданной П. Безсоновымъ книги: Болгарскія пѣсни. Адъюнкта <i>Дубровскаго</i>	311
Разборъ сочиненія Г. Каченовскаго подь заглавіемъ: О наперахъ и производствѣ въ отношеніи къ нейтральной торговлѣ. Орд. Проф. С. Петерб. Универс. <i>И. С. Ивановскаго</i>	321
Разборъ Полнаго Нѣмецко-Русскаго Словаря Г. Павловскаго, составленный Академикомъ <i>А. Х. Востоковымъ</i>	333

ОБЩИЙ ОТЧЕТЪ

О

ДВАДЦАТЬ ПЯТОМЪ ПРИСУЖДЕНИИ

ДЕМИДОВСКИХЪ НАГРАДЪ,

ЧИТАННЫЙ

ВЪ ПУБЛИЧНОМЪ СОБРАНИИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ

АКАДЕМИКОМЪ В. С. Вессловскимъ,

26 мая 1856 года.

Въ нынѣшнемъ году исполнилось 25 лѣтъ тому учрежденію, которое, по щедрости благороднаго ревнителя наукъ, открыло новый источникъ поощренія на пространный поприщъ народнаго образованія. Что это учрежденіе имѣло благотворное вліяніе на оживленіе полезныхъ трудовъ и на усовершенствованіе отечественной словесности, доставленіемъ пособія тѣмъ, которые посвящаютъ себя постояннымъ усиліямъ и скромной славѣ учености — въ этомъ кажется не можетъ быть сомнѣнія.

Со времени основанія многочисленныхъ и разнообразныхъ учебныхъ заведеній, преимущественно же университетовъ и другихъ высшихъ разсадниковъ воспитанія, образованность сдѣла въ Россіи большіе успѣхи и очевидно пробудились любовь и стремленіе къ просвѣщенію; но самостоятельная обработка наукъ, откровенно сознаемъ въ томъ, была у насъ вообще еще въ слабомъ развитіи. Какъ растеніе, перенесенное къ намъ съ чужой почвы, наука еще не успѣла пустить сильныхъ корней; воздѣлываніе ея оставалось удѣломъ лишь немногихъ воодушевленныхъ ея послѣдователей или избранныхъ ея жрецовъ, или же обращалось на тѣ ея отрасли, которыя непосред-

ственно могли доставлять удовлетвореніе самых настоятельныхъ житейскихъ потребностей.

Порою, правда, въ числѣ произведеній умственной нашей дѣятельности являлись, какъ блестящіе метеоры, прекрасныя ученія творенія; но большую часть такихъ произведеній все-таки составляли учебники и тому подобныя пособія, да и то, говоря вообще, весьма посредственные. Многія изъ отраслей наукъ были еще очень мало обрабатываемы, другія же и вовсе не обрабатывались. Въ особенности замѣтенъ былъ недостатокъ съ одной стороны въ надежныхъ руководствахъ, а съ другой въ основательныхъ и самостоятельныхъ изслѣдованіяхъ по разнымъ отраслямъ наукъ. Къ подъятію такихъ трудовъ, неразлучныхъ съ отрѣченіемъ отъ многихъ земныхъ благъ, недоставало, вообще говоря, поощренія нравственнаго и пособія вещественнаго.

Надобно отдать справедливость, что со времени учрежденія Демидовскихъ наградъ замѣтно усилилось у насъ занятіе наукою: нашлись дѣлатели повсѣмъ отраслямъ ея, стали чаще появляться дѣльные самостоятельные труды, надежныя руководства и основательныя спеціальныя монографіи; а притомъ уже самое обстоятельство, что въ Положеніи о наградахъ ближе были опредѣлены тѣ отрасли знанія, которыя именно желалъ преимущественно поощрить учредитель, могло подстрекнуть инаго къ предпринятію того или другаго общепользнаго труда, за который онъ, можетъ быть, и не взялся бы иначе; другихъ же однажды оказанное поощреніе ободряло съ усугубленными усиліями продолжать избранныя изслѣдованія; наконецъ присоединилась и новая пружина: благородное соревнованіе, — и все это не могло не обратиться въ пользу отечественной науки: Демидовское учрежденіе, какъ живительная роса, освѣжила жаждавшую ниву Русской ученой литературы и вызвало изъ иждаръ ея вождѣлѣнные плоды.

Но если оно дало новый порывъ, новое благодѣтельное направленіе умственной дѣятельности нашего отечества, то съ

другой стороны можетъ, если не въ полной мѣрѣ, то отчасти, служить и ея мѣриломъ. Въ силу Положенія о наградахъ, на судъ Академіи должны были стекаться, за исключеніемъ нѣкоторыхъ изъятыхъ отъ права на состязаніе, почти всѣ лучшія произведенія нашей ученой литературы. И подлинно, просматривая рядъ отчетовъ ея за минувшее двадцатипятилѣтіе, находимъ, что въ нихъ собранъ почти весь цвѣтъ умственныхъ произведеній нашего отечества. Тутъ съ самаго почти учрежденія красуются творенія самостоятельныя, запечатлѣнные истинною любовью къ наукѣ, являются имена, приобрѣвшія съ тѣхъ поръ всеобщую извѣстность. Естественно, что въ этомъ ряду явленій особенно преобладаетъ все отечественное, какъ ближайшая цѣль, которую имѣлъ въ виду учредитель наградъ; а именно отечественная исторія съ ея сопредѣльными вѣтвями, теорія отечественнаго слова, отечественная лингвистика, путешествія по разнымъ странамъ Россіи, Русская флора и фауна; но рядомъ съ этими явленіями мы видимъ также и по другимъ отраслямъ знанія такія произведенія, которыя сдѣлали бы честь и всякой другой литературѣ.

Укажемъ еще на одну, хотя постороннюю, но тѣмъ не менѣе также существенную заслугу, оказанную Демидовскимъ учрежденіемъ. Необходимость — давать ежегодно публичный отчетъ о всѣхъ присужденіяхъ — породила сама собою много весьма дѣльныхъ и вполне отчетливыхъ критикъ. Перебирая лѣтопись учрежденія, мы найдемъ въ числѣ ихъ иныя, которыя по истинѣ могутъ почестъся въ своемъ родѣ образцовыми. Демидовское учрежденіе, виѣсть съ развитіемъ у насъ научной литературы, послужило также къ развитію ученой критики.

Итакъ воздадимъ подобающую дань признательности памяти того доблестнаго вельможи-патріота, который возымѣлъ благую мысль принять подъ свой призоръ юное древо отечественной науки, столько нуждавшееся въ подпорѣ. Академія же съ своей стороны съ истиннымъ удовольствіемъ воспоминаетъ,

что имѣла также свою долю участія въ этомъ общепольномъ дѣлѣ.

Обращаемся къ отчету о присужденіи наградъ за нынѣшній годъ.

Къ сроку закрытія XXV конкурса, 1 ноября 1855 года, поступило въ Академію 29 соискательныхъ сочиненій. За исключеніемъ изъ нихъ тѣхъ, которыя взяты обратно сочинителями, и тѣхъ, которыя по разнымъ причинамъ отложены до слѣдующаго года, въ состязаніе по нынѣшнему конкурсу вошли 25 сочиненій; въ томъ числѣ

по Исторіи, Хронологіи и Археологіи.....	8
— Статистикѣ.....	3
— Юридическимъ наукамъ.....	2
— Географіи.....	1
— Математикѣ и Физикѣ.....	2
— Естествознанію.....	1
— Сельскому Хозяйству.....	2
— Медицинскимъ наукамъ.....	2
— Языкознанію и Филологіи.....	4

25

Изъ нихъ печатныхъ книгъ 22, рукописей 3, — всѣ на русскомъ языкѣ.

Въ самой Академіи разсмотрѣно 16 сочиненій; остальныхъ 9—посторонними учеными, по выбору и приглашенію Академіи.

Къ присужденію полныхъ премій Академія на этотъ разъ не нашла побудительныхъ причинъ; второстепенными же преміями награждено 9 сочиненій, о содержаніи и достоинствахъ которыхъ, мы, по примѣру прежнихъ лѣтъ, представимъ въ настоящемъ отчетѣ краткій обзоръ, на основаніи подлинныхъ рецензій.

Сочиненія, удостоенныя премій, принадлежатъ къ разнымъ отраслямъ наукъ; но, весьма естественно, большая часть ихъ относится къ познанію Россіи съ тѣхъ различныхъ точекъ зрѣнія, которыя составляютъ удѣлъ раз-

нородныхъ наукъ. Такимъ образомъ Академія можетъ считать себя счастливою, что предоставленныя въ ея распоряженіе средства поощренія даютъ ей возможность увѣнчать на нынѣшній разъ преимущественно сочиненія, содѣйствующія къ ближайшему познанію дорогаго для всѣхъ насъ отечества, какъ въ его настоящемъ, такъ и въ историческихъ его судьбахъ.

Изъ удостоенныхъ преміями трудовъ, три относятся болѣе или менѣе къ отечественной исторіи.

I.

О вѣрности происхожденія Славянскихъ писемъ. Сочиненіе
О. Бодянскаго.

Въ числѣ замѣчательныхъ дѣятелей на поприщѣ отечественной науки, профессоръ О. М. Бодянскій, корреспондентъ нашей Академіи, извѣстенъ всякому, слѣдующему за ходомъ литературы, столько же обширными знаніями, сколько и любовью къ дѣлу и ревностію къ пользѣ общей. Довольно вспомнить Чтенія Московскаго Общества Древностей, имъ изданныя. Эта обширная бібліотека, необходимая для всякаго, изучающаго Россію и Славянство, запечатлѣна вся его мыслію и трудомъ. Такія изданія рѣдки въ самыхъ богатыхъ литературахъ; тѣмъ болѣе дорожить ими должны мы, будучи богаты болѣе надеждами и предположеніями, чѣмъ ихъ исполненіемъ. — Новый трудъ г. Бодянскаго есть новое свидѣтельство его начитанности и трудолюбія.

Академикъ Срезневскій, которому было поручаемо рассмотреть это сочиненіе, изложивъ въ подробности ученія его достоинства, между прочимъ говоритъ: «Въ началѣ второй половины IX столѣтія, какъ извѣстно, Константинъ Философъ, уроженецъ Солуни, что въ Македоніи, въ монашествѣ принявшій имя Кирилла, избравъ для себя поприще проповѣдыванія вѣры Христовой у Славянъ, на ихъ родномъ языкѣ, и принявъ поэтому на себя обязанность перевести и написать по Славянски всѣ необходимыя церковныя книги, напалъ

на счастливую мысль прилѣпить къ Славянскому языку азбуку Греческую, увеличивъ ее нѣсколькими особенными знаками и, сколько можемъ судить по оставшимся древнѣйшимъ даннымъ, умѣлъ прилѣпить эту мысль къ дѣлу очень успѣшно. Не тогда въ первый разъ явилась грамотность у Славянъ; не одной Кирилловской грамотой пользовались Славяне и ранѣе и позже IX вѣка; тѣмъ не менѣе изобрѣтеніе Константина Философа осталось важнѣйшимъ изъ фактовъ этого рода въ исторіи первоначальнаго просвѣщенія Славянскихъ народовъ; вотъ почему г. Бодянский на этомъ изобрѣтеніи сосредоточилъ всѣ свои соображенія при разборѣ вопроса «о времени изобрѣтенія Славянскихъ письменъ». Есть указаніе, очень важное по древности, что Константинъ Философъ изобрѣлъ свою Славянскую азбуку въ 855 году. Это указаніе навело мысль ученыхъ на возможность праздновать тысячелѣтіе Славянской азбуки въ одинъ годъ со столѣтіемъ Московскаго Университета, — и придавала на-время особенную важность вопросу, и безъ того любопытному. Отвѣчать на этотъ вопросъ въ Москвѣ и для Москвы было всего ближе г. Бодянскому, какъ профессору Славянской филологіи въ Московскомъ Университетѣ, — и онъ не отказался воспользоваться этимъ случайнымъ поводомъ приняться за трудъ общепользныи. Разработка данныхъ привела г. Бодянскаго не къ такому выводу, который былъ бы кстати на ту пору, не позволила ему приурочить изобрѣтеніе Константина Философа къ 855 году; такимъ образомъ возможность отпраздновать въ прошедшемъ году въ Москвѣ двойной юбилей была утрачена. Но въ этомъ, конечно, можетъ всякій утѣшиться, взглянувъ потомъ на совѣстливый и обширный трудъ нашего ученаго и принявъ въ расчетъ его важность среди явленій нашей современной литературы. Разсматривая книгу г. Бодянскаго легко можно убѣдиться, что авторъ сводилъ свои соображенія не съ желаніемъ угодить временной прихоти, не жалѣлъ труда и времени, и, можетъ быть, не безъ внутренней скорби самъ разставшись

съ мыслию соединить въ одно два торжества, равно дорогія сердцу Русскаго, искалъ себѣ успокоенія въ совѣстливомъ пересмотрѣ всего, что и его самого и другихъ могло убѣдить въ томъ, что ему представлялось какъ истина.

Такъ случайный поводъ далъ Русской историко-критической литературѣ сочиненіе, вовсе не случайно замѣчательное и въ своемъ родѣ принадлежащее въ ней къ числу очень немногихъ.

Что касается самого вопроса, который предложилъ себѣ авторъ, то рецензентъ, сообщивъ, какъ разысканія г. Бодянскаго привели его къ тому выводу, что изобрѣтеніе Кирилла должно быть отнесено не къ 855, а къ 862 году, замѣчаетъ: «Точно ли при такомъ выводѣ и должна остаться исторія Славянской письменности, это мы можемъ оставить пока въ сторонѣ; но изслѣдованія г. Бодянскаго тѣмъ не менѣе должны были быть очень обширны, разнообразны и, по самому положенію автора, вполне самостоятельны».

Эти разысканія, какъ видно изъ рецензіи г. Срезневскаго, представляли не мало трудностей: надлежало не только сличить между собою извѣстія многообразныхъ источниковъ о жизни и дѣятельности Константина Философа и его брата Меѳодія, но еще принять въ расчетъ множество стороннихъ показаній, взвѣсить и ихъ достовѣрность, войти въ разборъ сказаній о многихъ событіяхъ, по видимому вовсе не относящихся къ дѣлу;—и все это было тѣмъ необходимѣе, чѣмъ болѣе въ настоящемъ случаѣ требовалось приурочить тотъ или другой фактъ жизни Константина Философа или Меѳодія къ опредѣленному году. Такимъ образомъ г. Бодянскій долженъ былъ большую половину своей книги посвятить обзорѣ и критическому разбору всѣхъ показаній, прямо или стороною относящихся къ дѣлу. Очень естественно, что такое направленіе разработки дѣла не могло не дать книгѣ автора обширность, можно сказать неожиданную, а вмѣстѣ съ тѣмъ и значеніе не только частное, по отношенію къ году изобрѣтенія азбуки, но и болѣе

общее, по отношенію ко многимъ другимъ предметамъ древностей Славянскихъ. И это значеніе книги г. Бодянскаго, даже совершенно независимо отъ успѣха рѣшенія главной задачи, ставить ее въ рядъ произведеній, необходимыхъ для всякаго, кто занимается древними судьбами Славянской образованности. Она есть плодъ труда самостоятельнаго, совершеннаго ученымъ не только близко знакомымъ со всѣми источниками и пособіями, но и старавшимся обогатить науку открытіемъ и разъясненіемъ новыхъ, неизвѣстныхъ источниковъ.

II.

Другой трудъ, увѣнчанный премією и имѣющій отношеніе къ Русской Исторіи, есть историко-критическое изысканіе г. Ундольскаго:

О времени г. Георгія Амартола въ отношеніи къ Несторовой Лѣтописи. (Рукопись).

Разсматривавшій это сочиненіе Академикъ Куникъ, въ своемъ разборѣ слѣдующимъ образомъ указываетъ на важность предположенной авторомъ задачи:

«Происхожденіе и развитіе историографіи у разныхъ европейскихъ народовъ принадлежитъ къ числу важнѣйшихъ предметовъ исторической науки; но этотъ предметъ донынѣ почти вездѣ обработанъ еще неудовлетворительно. Причина тому, въ сущности, состоитъ въ томъ, что историческою критикою слишкомъ поздно стали заниматься, какъ отдѣльною, самостоятельною наукой, и вслѣдствіе того мало приготовлено сочиненій, предварительно необходимыхъ и составляющихъ самое прочное основаніе исторической критики, т. е. обстоятельныхъ монографій о важнѣйшихъ источникахъ. Въ нашей исторической литературѣ плодотворные труды для объясненія русскаго лѣтописанія вызваны были, какъ извѣстно, скептицизмомъ, и первое въ этомъ родѣ изслѣдованіе, извѣстное сочиненіе М. П. Погодина о Несторѣ, справедливо было увѣнчано въ 1840 году полною премією. Съ тѣхъ поръ крити-

ческія изысканія объ источникахъ у насъ уже не рѣдкость, хотя полная исторія русскаго лѣтописанія до Петра Великаго, можетъ быть, еще долго будетъ лишь предметомъ желаній. Разборъ и оцѣнка источниковъ порознь донинѣ остаются самою настоятельною потребностью, потому что безъ этого русская исторія никогда не достигнетъ истиннаго значенія науки.

Въ числѣ специальныхъ критическихъ трудовъ, необходимыхъ для исторіи русскаго лѣтописанія, первое мѣсто естественно занимаетъ вопросъ о вліяніи византійскихъ историковъ на русскіе лѣтописцевъ. Россія получила изъ Византіи, вмѣстѣ съ христіанствомъ, и первыя стихіи литературнаго образованія. Могло быть, и даже очень вѣроятно, что первыя начатки нашего лѣтописанія возникли въ Кіевѣ еще въ IX вѣкѣ, вслѣдъ за первымъ крещеніемъ Руссовъ, — въ видѣ краткихъ замѣтокъ о туземныхъ событіяхъ; но та литературная форма, въ которой дошла до насъ первая русская лѣтопись, безъ сомнѣнія составила подъ вліяніемъ образца византійскаго. Въ чемъ же именно состояло это вліяніе? Еще до возстановленія въ 1803 году историко-филологическаго отдѣленія въ нашей Академіи, иностранные ученые замѣтили, что въ Несторовой лѣтописи есть нѣкоторое сходство съ неизданною византійскою лѣтописью Георгія Амартола. Въ самой Россіи этотъ взглядъ впервые высказанъ былъ покойнымъ Академикомъ Кругомъ въ 1806 году. Но тогда думали, что Георгій Амартолъ, и именно мѣста, внесенныя изъ него въ русскую лѣтопись, переведены были самимъ Несторомъ. Вскорѣ однакожь этотъ взглядъ оказался ошибочнымъ. По разысканію П. М. Строева, обнаружилось, что Несторъ имѣлъ подъ рукою церковно-славянскій (или болгарскій) переводъ Георгія Амартола, а впоследствии открылось еще, что Несторъ пользовался переводомъ не только самаго Амартола, но и его неизвѣстнаго продолжателя.

Между тѣмъ оказалось, что прежде нежели приступлено будетъ къ изданію Георгія Амартола полезно и даже почти необходимо рѣшить нѣкоторые историко-литературные

вопросы о личности Георгія Амартола и объ отношеніи его хронографіи, вмѣстѣ съ славянскимъ ея переводомъ, къ другимъ подобнымъ хроникамъ. Въ послѣдніе годы считали почти за достовѣрное, что хронографъ Георгій, о которомъ говорится здѣсь, является въ литературѣ подъ разными наименованіями, именно 1) подъ именемъ Γεώργιος μοναχός, по церковно-славянскому переводу «Георгій мнихъ», 2) Γεώργιος ἀμαρτωλός (peccator), въ церковно-славянскомъ переводѣ «Георгій грѣшный». Нетолько византисты слили этого Георгія монаха съ Георгіемъ Амартоломъ, но и между славянскими учеными считалось чуть ли не навсегда рѣшеннымъ дѣломъ, что церковно-славянскій переводъ такъ называемаго Георгія мниха или грѣшнаго дошелъ до насъ въ двухъ редакціяхъ, именно въ болгарской и въ сербской. Однако, при ближайшемъ разсмотрѣніи, эта догадка не можетъ выдержать критики и если она преобладала до сихъ поръ, то только потому, что не нашлось еще никого, кто принялъ бы на себя трудъ доказать, на основаніи положительныхъ свидѣтельствъ, какимъ образомъ возникла въ ученомъ мірѣ эта догадка и какъ необходимо, не только для славянской, но и для византийской исторіи, ближе прояснить такія темныя и безотчетныя мнѣнія. За этотъ-то трудъ взялся г. Ундольскій, бывший питомецъ Московской Духовной Академіи, который своими отдѣльными трудами приобрѣлъ въ послѣднія 12 лѣтъ славу страстнаго любителя и основательнаго знатока церковно-славянской литературы. Въ своихъ поискахъ для приобретенія церковно-славянскихъ рукописей и для удовлетворенія своей любознательности, онъ обращалъ особенное вниманіе на церковно-славянскіе хронографы, или переведенные съ греческаго, или выбранные изъ греческихъ источниковъ по отрывкамъ, — родъ исторической литературы, которому долго не знали настоящей цѣны.

Въ первомъ томѣ своихъ изслѣдованій о церковно-славянскихъ хронографахъ г. Ундольскій предпринялъ изслѣдовать Временникъ Георгія Амартола въ отношеніи къ лѣтописи Нестора, при чемъ возникло нѣсколько частныхъ историко-литератур-

ныхъ вопросовъ. Важнѣйшіе пункты въ ходѣ этого спеціальнаго изслѣдованія г. Купикъ выставляетъ въ слѣдующемъ видѣ:

Доселѣ считалось несомнѣннымъ, что на греческомъ языкѣ и въ славянскихъ переводахъ, существуютъ двѣ редакціи хроники Георгія Амартола. Между тѣмъ, обращаясь къ разсмотрѣнію церковно-славянскихъ переводовъ, нельзя не убѣдиться, что обѣ редакціи переведены на два разныя нарѣчія, — на болгарско-церковно-славянскій и на сербско-церковно-славянскій языкъ. Вопреки этимъ и другимъ отличіямъ, не переставали приписывать обѣ редакціи одному и тому же Георгію Амартолу; но именно эти отличія такъ называемыхъ славянскихъ редакцій Амартоловой хроники въ сербскомъ и болгарскомъ переводахъ заставили г. Ундольскаго внимательнѣе изслѣдовать составъ этихъ редакцій и рѣшить положительнѣе, дѣйствительно ли на греческомъ и въ переводахъ церковно-славянскихъ были двѣ разныя редакціи одной и той же Амартоловой хроники, или же, на перекоръ общему мнѣнію, было два разныхъ писателя, одинаковыхъ только по имени? — На сей конецъ г. Ундольскій съ свойственною ему энергіею принялся собирать: а) мнѣнія ученыхъ разныхъ странъ и временъ объ Амартолѣ и его хроникѣ, б) описанія греческихъ кодексовъ Амартола и в) самыя извлеченія изъ Амартола, напечатанныя разными учеными при сочиненіяхъ и изданіяхъ, и наконецъ г) мѣста греческаго текста Георгія Амартола, еще неизданныя у московскихъ и петербургскихъ ученыхъ, имѣвшихъ возможность пріобрѣсть болѣе или менѣе значительныя выписки изъ подлинника Амартола.

По тщательномъ сличеніи между собою всѣхъ этихъ матеріаловъ, г. Ундольскій удостовѣрился въ томъ, что не одинъ, а двое было разныхъ лѣтописателей греческихъ подъ именемъ Георгія, которыхъ хроники встрѣчаются и отдѣльно безъ продолжателей. Въ славянскихъ переводахъ, болгарскомъ и сербскомъ, содержится не одна и та же Амартолова хроника, но только въ первомъ, т. е. въ болгарскомъ; въ сербскомъ же со-

держится лѣтовникъ такъ называемаго Георгія инока. Сербскій лѣтовникъ Георгіевъ во многомъ несходенъ съ московскимъ синодальнымъ греческимъ кодексомъ, особенно во второй половинѣ; цѣлыя царствованія въ немъ иногда подробнѣе греческаго, а иногда на оборотъ. И такъ значить, вмѣсто двухъ редакцій подлинника Амартоловой хроники, у насъ имѣются два отдѣльные хрониста греческіе, продолженные по 948 годъ, но встрѣчающіеся въ подлинникѣ и отдѣльно.

Переходя къ опѣнкѣ труда г. Ундольскаго, Академикъ Куникъ говоритъ между прочимъ, что сочиненіе это не есть какой нибудь сборникъ библиографическихъ свѣдѣній, а трудъ критическій. Правда, предметъ изслѣдованія разсматривается здѣсь преимущественно съ историко-литературной стороны; но съ этого именно и надобно было начать. То, чего хотѣлъ достигнуть авторъ, онъ выполнилъ совершенно удовлетворительно. Личность Георгія Амартола и его сочиненіе — такъ называемый Временникъ Георгія Грѣшнаго, послужившій первообразомъ Нестору, — нынѣ поставлены внѣ всѣхъ недоумѣній, такъ что отнынѣ уже нельзя болѣе смѣшивать хронику этого писателя съ подобными греческими и церковно-славянскими текстами, потому что сходство между ними отнюдь не простирается до тождества. Не такъ рѣшителенъ выводъ автора о лѣтовникѣ Георгія монаха и объ отношеніи его къ Временнику Георгія Амартола. Но, по самому свойству этого вопроса, окончательнаго его разрѣшенія и нельзя ожидать прежде обнаруженія всѣхъ относящихся до сего текстовъ, какъ греческихъ, такъ и славянскихъ. Изъ разысканій автора мы достоверно узнаемъ покуда, что въ Лѣтовникѣ и Временникѣ Георгіевъ намъ подлежатъ двѣ особенныя, хотя во многомъ сходныя, но въ цѣломъ самостоятельныя редакціи хронографіи отъ С. М. въ одномъ по 839, а въ другомъ по 867 годъ, и что обѣ редакціи, начиная отъ показанныхъ годовъ, были продолжаемы двумя разными лицами до 948 года, изъ коихъ одинъ на греческомъ языкѣ донинѣ еще не изданъ. Этимъ для

критики византийских источниковъ открывается обширное поле, и нѣтъ сомнѣнiя, что весь этотъ вопросъ прольетъ новый свѣтъ и на другiе византийскiе и славянскiе хронографы, состоящиe болѣе или менѣе въ связи съ Временникомъ Георгiя Амартола, именно на важный вопросъ о Симѣонѣ Логоетѣ.

«Послѣ всего сказаннаго, по мнѣнiю Академика Куника, не можетъ подлежать сомнѣнiю, что въ сочиненiи г. Ундольскаго мы имѣемъ самостоятельное изслѣдованiе, выполненное вообще съ тщательностию на основанiяхъ ученой критики. Встрѣтить такой трудъ тѣмъ прiятнѣе, что въ немъ византийскiя лѣтописи не только въ русской, но и во всей ученой литературѣ *впервые* подвергаются ученому разбору совокупно съ славянскими ихъ переводами и компиляциями. Академiя давно признала важность и необходимость такихъ критическихъ сравненiй и не разъ публично вызывала на подобные труды. И такъ мы поступимъ совершенно въ духѣ Демидовскаго учрежденiя, если увѣичаемъ сочиненiе, которое съ успѣхомъ прокладываетъ новый путь въ нашей ученой литературѣ».

Академiя вполне соглашаясь съ заключенiями Академика Куника, и въ надеждѣ поощрить автора къ дальнѣйшимъ трудамъ на избранномъ имъ поприщѣ, присудила г. Ундольскому половинную премiю и вмѣстѣ съ тѣмъ назначила 400 руб. сер. на изданiе его рукописи.

III.

Третье сочиненiе, хотя не прямо историческое, но все основанное на историческихъ изслѣдованiяхъ, принадлежитъ г. Лакіеру:

Русская Гереальдика, два тома.

Въ исторической литературѣ Западной Европы принято за доказанное, что геральдика была плодомъ, возникшимъ и сзрѣвшимъ на почвѣ среднихъ вѣковъ, когда личная храбрость

и воодушевленіе двигали сердцами рыцарей и воспламеняя ихъ къ геройскимъ подвигамъ, искали себѣ проявленія извнѣ въ разныхъ эмблемахъ и символахъ.

Крестовые походы, сблизивъ рыцарство съ символическимъ востокомъ, а потомъ установленіе рыцарскихъ орденовъ и турнировъ, послужили къ развитію геральдики. Сначала гербы были, можетъ быть, только внѣшними знаками, принятыми для того, чтобы удобнѣе собирать подвижниковъ около рыцаря-крестоносца, и особенно необходимыми въ многочисленныхъ войскахъ, составленныхъ изъ самыхъ разнородныхъ стихій.

Въ послѣдствіи совершенный рыцаремъ *подвигъ* придавалъ гербамъ особый вѣсъ, а славолюбіе, столько свойственное рыцарству, заставляло сохранять ихъ.

Ученый геральдикъ XVI вѣка, Менетріе (Menestrier) въ своихъ сочиненіяхъ убѣдительно доказалъ, что объясненія начала и значенія гербовъ должно искать вовсе не въ печатяхъ, завѣщанныхъ древностью, и не въ знакахъ, изображавшихся на шлемахъ и щитахъ Грековъ и Римлянъ, а въ *подвигахъ* рыцарей среднихъ вѣковъ и въ обрядахъ, соблюдавшихся при турнирахъ. Исторія подвига находила себѣ вѣрнаго, хотя и не всегда и не для всѣхъ яснаго истолкователя въ гербѣ, котораго обстановка — шлемъ, наметъ, корона, щитъ, и т. д. — была сколкомъ съ рыцарскаго вооруженія во всей его полнотѣ. Плодотворная мысль, брошенная Менетріе, была разработана въ сочиненіяхъ геральдиковъ XVII и XVIII столѣтій, и съ тѣхъ поръ становится неумѣстнымъ всякій трудъ о гербахъ, неосвѣщенный историческою разработкою подвиговъ, стяжавшихъ лицу и его потомству право на извѣстныя отличія въ гербѣ.

Многія изъ основаній западной геральдики перешли и въ геральдику русскую: внѣшняя форма герба, его обстановка, атрибуты остались тѣже самыя. Но за всѣмъ тѣмъ не могли не присоединиться и нѣкоторыя самостоятельныя отличія, уже

потому, что и самое начало и образованіе русскаго дворянства было во всѣхъ отношеніяхъ отлично отъ дворянства Западной Европы, дворянства рыцарскаго.

Всѣ, прежде изданныя въ Россіи, сочиненія о геральдикѣ, конхъ число впрочемъ весьма ограничено, крайне неполны, несовершенны и, не отличаясь самостоятельностью разработки, по видимому, даже не подозрѣвали возможности русской геральдики. Г-ну Лакіеру принадлежитъ честь перваго опыта систематическаго изложенія предмета.

Авторъ раздѣлилъ свой трудъ на двѣ части. Въ первой, бросивъ взглядъ на исторію гербовъ Западной Европы, онъ излагаетъ общія основанія русской геральдики, а также исторію герба государственнаго и городскихъ гербовъ; вторая же исключительно посвящена исторіи гербовъ частныхъ дворянскихъ фамилій.

Изъ донесенія рецензента, разбиравшаго эту книгу, Академика Устрялова, видно, что г. Лакіеръ не только употребилъ на обработку своего предмета большое тщаніе, но и умѣлъ придать ему много занимательности. Особенно любопытны и поучительны изслѣдованія его о происхожденіи гербовъ съ одной стороны изъ печатей, преимущественно княжескихъ, а съ другой изъ денегъ Великихъ и Удѣльныхъ Князей. Такимъ образомъ онъ доказываетъ, что исторіи Кіевскаго герба нельзя разяснить безъ надлежащаго изученія печатей Кіевскихъ Великихъ Князей, носившихъ съ XII вѣка изображеніе Архистратига Михаила, или Московскаго всадника, не прошедши по монетамъ и печатямъ разныхъ видоизмѣненій того же самого первообраза, — портрета Великаго Князя и Царя, поражающаго и наконецъ преодолевшаго враговъ своихъ въ видѣ дракона. Исторія печатей, какъ то подробнѣе развилъ авторъ, служитъ введеніемъ въ исторію гербовъ и равно необходима какъ для государственной, такъ и для частной дворянской геральдики.

Далѣе занимательны разысканія о Государственномъ гер-

бѣ, потому что въ видоизмѣненіяхъ, которыми въ разные времена подвергался символъ Русскаго царства — орелъ, и въ постепенномъ приумноженіи разныхъ его атрибутовъ наглядно отразилась вся исторія Россіи. Много любопытнаго представляетъ также исторія городскихъ гербовъ: она служитъ къ объясненію съ одной стороны эмблемъ въ нынѣ существующихъ гербахъ губерній, а съ другой — значенія гербовъ Княжескихъ фамилій Рюрикова потомства. Городскіе гербы получили окончательное свое образованіе при Петрѣ Великомъ, когда Государь, размѣстивъ сформированное имъ постоянное войско по губерніямъ, повелѣлъ дать каждому полку особое названіе и изобразить на знамени гербъ той провинціи, въ которой онъ былъ расположенъ.

Во второмъ томѣ, т. е. въ частной Геральдикѣ, авторъ сначала доказываетъ, что коренное Русское дворянство ни относительно къ древности, ни относительно къ благородству, ни сколько не уступаетъ дворянству Запада. Прибывшіе къ Славянамъ Варяго-Руссы были одного и того же происхожденія съ Норманами, отъ которыхъ ведутъ свое начало древнѣйшіе дворянскіе роды Западной Европы; но различіе состоитъ въ томъ, что они не поглотили собою туземныхъ родовъ, конхъ потомки несомнѣнно продолжаютъ и понынѣ. Съ образованіемъ Великокняжескаго двора произошла перемѣна: входившія въ составъ его лица — дворяне — раздѣлились на разряды разныхъ наименованій, смотря по мѣсту, занимаемому ими въ службѣ придворной, военной и гражданской. Въ меньшихъ размѣрахъ такой же дворъ, какъ у Великаго Князя Московскаго, былъ также у Удѣльныхъ Князей, у *меньшей братьи*, а въ послѣдствіи времени, когда удѣлы слились съ Москвою и сами Удѣльные Князья стали *служебными князьями*, служба естественно стала различаться *по Москвѣ и по городу*. Съ покореніемъ Казани, Астрахани, Сибири и пр., къ Московскому дворянству примкнули Цари, Царевичи и дворяне разнаго происхожденія. Кромѣ того къ благородному сословію причислены были выгѣз-

жіе изъ разныхъ странъ Европы и Азіи дворяне, и какъ всѣ такіе роды были надѣлены своими правами и преимуществами, то уже изъ этого одного само собою объясняется, что должны были возникнуть разные споры о мѣстничествѣ. Уничтоженіемъ его положено первое основаніе Русскаго дворянства, какъ сословія: вмѣсто прежнихъ частныхъ разрядовъ заведена была въ Государственномъ Разрядѣ официальная родословная книга, куда можно было вносить родъ не прежде, какъ по представленіи имъ надлежащихъ о его происхожденіи доказательствъ, въ числѣ каковыхъ находились и гербы.

Дальнѣйшій шагъ къ упроченію Русской Гереальдики сдѣланъ былъ при Петрѣ Великомъ. Табелю о рангахъ 1722 года постановлено было, чтобы у каждаго дворянина былъ гербъ, и для повѣрки прежнихъ гербовъ, равно какъ и для дарованія новыхъ учреждена была Герольдія; ея исторією оканчивается введеніе въ частную дворянскую Гереальдику.

Кромѣ того во второмъ томѣ изложены правила для составленія гербовъ, объяснено значеніе городскихъ знаменъ, которыя въ разныхъ сочетаніяхъ составляютъ коренныя эмблемы для древнѣйшихъ Русскихъ гербовъ, гербовъ Княжескихъ семей Рюрикова потомства, и наконецъ помѣщено подробное исчисленіе дворянскихъ гербовъ, а въ поясненіе текста приданы 25 таблицъ съ изображеніемъ печатей и гербовъ.

IV.

Рядомъ съ исторією, имѣющею дѣло съ временами давно прошедшими, является статистика, обращающаяся преимущественно къ современному быту государства. На нынѣшнемъ конкурсѣ она имѣла двухъ увѣчаныхъ представителей: П. И. Небольсина и Я. А. Соловьева.

Никогда, можетъ быть, живѣе не была ощущаема важность истины, что торговля составляетъ одинъ изъ главнѣйшихъ рычаговъ благосостоянія государства, какъ въ наше время, когда торговля стремится принять болѣе и болѣе всемірное направленіе.

Всѣ, сколько нибудь значительныя, державы соревнуютъ между собою на этомъ поприщѣ, облегчая по возможности взаимныя свои сношенія, заводя новыя связи съ отдаленнѣйшими странами, прокладывая себѣ, иногда не безъ большихъ жертвованій и усилій, новые пути для расширенія своей торговли. При такомъ направленіи экономическихъ идей въ Европѣ, Россія не можетъ оставаться чуждою этому общему стремленію, и потому все, что относится къ расширенію ея торговыхъ связей, заслуживаетъ особенное вниманіе.

Къ замѣчательнымъ предпріятіямъ этого рода принадлежитъ совершенное П. И. Небольсинымъ въ 1850 году, при содѣйствіи Географическаго Общества и одного ревностнаго Русскаго патріота, путешествіе на Оренбургскую линію съ цѣлію изучить на мѣстѣ торговыя отношенія Россіи къ пограничнымъ ей съ этой стороны народамъ. Плодомъ этой поѣздки были появившіеся въ X книжкѣ Записокъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества и представленные авторомъ къ нынѣшнему конкурсу:

Очерки торговли Россіи съ Средней Азіей. П. И. Небольсина.

Разборъ этого сочиненія былъ поручаемъ Академіею двумъ лицамъ: корреспонденту ея В. В. Григорьеву и члену Географическаго Общества Н. С. Щукину.

Первый изъ нихъ, проживающій уже четыре года въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ г. Небольсинъ производилъ свои разысканія, и хорошо знакомый съ тамошнимъ краемъ, составилъ весьма подробный и основательный разборъ, въ которомъ сначала указываетъ на недостаточность познаній о Средней Азіи вообще и въ особенности о ея торговлѣ, господствовавшую у насъ до самыхъ новѣйшихъ временъ. Еще за четверть вѣка назадъ русскій политико-экономистъ могъ почерпнуть свои свѣдѣнія объ этомъ предметѣ только изъ плохихъ статистическихъ учебниковъ о Россіи, фантастическихъ картъ Средней Азіи и «Россійскаго унтеръ-офицера Ефремова десятилѣтнихъ странствованій и приключеній въ Бухарѣ, Хивѣ» и т. д. Даже и въ За-

падной Европѣ о современномъ состояніи Центральной Азіи знали такъ немного, что знаменитый географъ, Мальтбренъ, говоря о Туранѣ, долженъ былъ ограничиться преимущественно извѣстіями Ибн-Хаукала изъ X-го и Марко-Поло изъ XIII-го столѣтія. — Въ послѣдніе годы однако этотъ мракъ, облекавшій собою Среднюю Азію, начинаетъ разсѣваться. Западно-Европейскія литературы, особенно Англійская, обогатились многими очень замѣчательными сочиненіями, какъ то: Элъфингстона, Фрезера, Конолли, Борнса, Вуда, Муркрофта, Аббота, Гюгеля, Гюка и Гумбольдта, а Русская литература Сибирскимъ вѣстникомъ, сочиненіями Назарова, Муравьева, Тимковскаго, О. Іакинеа, Левшина, Даля, Генса, Ханькова, Базинера, Данилевскаго, Лемана и другихъ. — Такимъ образомъ, особенно въ послѣднее пятнадцатилѣтіе, мы довольно основательно ознакомились съ хозяйственнымъ положеніемъ и географіей сосѣднихъ съ нами частей Внутренней Азіи. Все это конечно не мало содѣйствовало также къ расширенію нашихъ свѣдѣній о торговлѣ Средней Азіи; но за всѣмъ тѣмъ подробности о дѣйствительномъ состояніи этой торговли, самыя основныя условія ея и причины этихъ условій, — безъ познанія которыхъ нельзя не только сдѣлать шага впередъ, но и произнести какое либо основательное сужденіе о предметѣ, — оставались, за исключеніемъ немногаго, мимоходомъ объясненаго Мейендорфомъ, Борнсомъ, Генсомъ, Ханьковымъ, Данилевскимъ, Мельниковымъ, Г. П. Неболсинымъ, почти столь же неизвѣстными публикѣ, какъ и около 1820 годовъ. Сущность дѣла знали только самыя его производители, торговцы Оренбургскіе, Троицкіе и Петропавловскіе, да прикащики Ростовскихъ и другихъ Великороссійскихъ купцовъ, принимавшихъ участіе въ торговлѣ. Чтобы воспользоваться этимъ капиталомъ, надлежало собрать его по-мелочи, на самомъ мѣстѣ производства торговыхъ оборотовъ, отъ множества разныхъ лицъ, не сообщительныхъ и по расчету, и по натурѣ; провѣрить рассказы однихъ допросомъ другихъ и добы-

тый такимъ способомъ съ большими трудами, при помощи ухищреній и издержекъ, сырой матеріалъ сгумѣть разсортировать и обработать приличнымъ образомъ. За этотъ трудъ взялся П. И. Небольсинъ. Въ 1850 году онъ объѣхалъ съ этою цѣлью всю Оренбургскую линію, пробылъ по нѣсколькимъ мѣсяцевъ въ Оренбургѣ и Троицкѣ, заглядывалъ въ Киргизскую степь, переспросилъ до 200 лицъ изъ Русскихъ, Татаръ, Киргизовъ, Хивинцевъ, Бухарцевъ, Коканцевъ, Афганцевъ и въ заключеніе посѣтилъ Астрахань. Плодомъ этой поѣздки явились, между прочимъ, «Очерки торговли Россіи съ Средней Азіей».

Объяснивъ всю трудность задачи, предположенной себѣ г. Небольсинымъ, рецензентъ разсматриваетъ вопросъ о томъ, въ какой мѣрѣ и какимъ образомъ разрѣшена задача.

Г. Небольсинъ обнялъ въ своей книгѣ торговлю Россіи не со всею Среднею Азіею, а только съ тремя ея владѣніями: Бухарою, Коканомъ и Хивомъ; торговля же съ Китаемъ, не только Кяхтинская, но даже черезъ Чугучакъ и Кульджу, равно какъ и торговля съ Персіею, исключены изъ предѣловъ его изслѣдованія. Въ особомъ введеніи поставивъ читателя на ту точку зрѣнія, съ которой собственно слѣдуетъ смотрѣть на эти страны, и давши понятіе о средствахъ и отношеніяхъ тамошнихъ торговцевъ и о производителяхъ азіатской торговли съ нашей стороны, а равно указавъ причины нынѣшняго ея состоянія и будущія ея надежды, авторъ въ 1-мъ и 2-мъ отдѣлахъ своей книги разбираетъ обстоятельства, обуславливающія ходъ каравановъ изъ Бухары, Ташкента и Хивы на Оренбургскую линію и обратно. Оба эти отдѣла, по отзыву г. Григорьева, обработаны превосходно и на каждомъ шагу обогащаютъ читателя совершенно новыми, самимъ авторомъ собранными свѣдѣніями о предметахъ, существованія которыхъ люди, небывалые въ степи, даже и подозревать не могутъ и которые между тѣмъ имѣютъ первостепенную важность въ описываемомъ дѣлѣ. Это, по мнѣнію рецензента, одна изъ лучшихъ ча-

стей труда г. Небольсина, въ которой онъ является совершеннымъ Колумбомъ караваннаго быта.

Дополнивъ свѣдѣнія автора нѣкоторыми дальнѣйшими подробностями, которыя не могли быть извѣстны ему, потому что возникли или были обнаружены уже по напечатаніи его книги, рецензентъ переходитъ къ прочимъ ея отдѣламъ, въ которыхъ излагаются караванные маршруты, порядокъ очищенія товаровъ пошлиною, пути и способы доставленія ихъ съ Линіи на Нижегородскую ярмарку, торговыя связи Средне-Азіятскихъ владѣній между собою и караванныя между ними сообщенія. Наибольшую важность рецензентъ придаетъ послѣднимъ двумъ отдѣламъ Очерковъ, т. е. осьмому и девятому, гдѣ разсматриваются статьи отпускной и привозной торговли Россіи съ Внутреннею Азіей. Каждая изъ этихъ статей объяснена во всѣхъ потребныхъ для дѣла подробностяхъ, какихъ видовъ и сортовъ отпускается и привозится товаръ, почему онъ продается въ Азіи и Россіи, гдѣ и какъ производится, въ какихъ мѣстахъ пріобрѣтается и въ какихъ расходится, почему именно тѣ или другіе сорта его обращаются въ торговлѣ, какими обстоятельствами опредѣляются тѣ или другія на него цѣны, наконецъ какое количество и на какую сумму получено и отпущено было каждаго рода товаровъ ежегодно въ теченіе десятилѣтія съ 1840 по 1850 годъ.

«Еслибы Очерки г. Небольсина, замѣчаетъ рецензентъ, не представляли ничего, кромѣ этихъ двухъ отдѣловъ, то и тогда это былъ бы трудъ превосходный, за который каждый статистикъ въ Европѣ и всякій, до кого тѣмъ или другимъ образомъ касаются дѣла Азіятской торговли, былъ бы обязанъ ему полною благодарностію. Такому основательному, отчетливому и въ особенности подробному изученію не была подвергнута у насъ ни одна изъ отраслей нашей торговой промышленности, а по той ея отрасли, которую предположилъ себѣ разъяснить г. Небольсинъ, не имѣлъ онъ, въ добавокъ къ прочимъ достоинствамъ его труда, ни одного предшественника.

По другимъ отдѣламъ «Очерковъ» большимъ пособіемъ служили ему рукописныя замѣтки покойнаго Генса: въ этихъ же двухъ является онъ изыскателемъ, собирателемъ и объяснителемъ совершенно самостоятельнымъ».

Съ другой стороны рецензентъ дѣлаетъ упрекъ г. Небольсину за то, что онъ, изучивъ свой предметъ столь основательно и изложивъ его съ такою полнотою и подробностью, упустилъ сдѣлать надлежащій общій выводъ изъ собранныхъ имъ данныхъ. Во второй половинѣ введенія онъ правда представилъ нѣсколько общихъ взглядовъ; но они не удовлетворительны, и какъ бы не довѣря въ этомъ самому себѣ, онъ въ дополненіи сообщаетъ замѣчанія одного неизвѣстнаго автора о торговлѣ съ Бухарою, замѣчанія весьма дѣльныя, но уже устарѣвшія.

Въ заключеніе своей рецензіи г. Григорьевъ исчисляетъ важнѣйшіе результаты труда г. Небольсина. Изъ нихъ видно между прочимъ, что собственно не Россія ведетъ торгъ съ Внутреннею Азією, а Внутренняя Азія съ Россіей, такъ какъ закупка и продажа товаровъ производится почти исключительно Азіятскими торговцами; что это происходитъ не отъ недостатка капиталовъ и предприимчивости у нашего купечества, а отъ препятствій, противопологаемыхъ торговлѣ Русскихъ и вообще христіанъ, въ Азіи общественнымъ неустройствомъ и еще болѣе правительствами Средне-Азіятскихъ владѣній; что относительно торговли Россіи съ Хивою и Коканомъ выгоды, чѣмъ съ Бухарою; что въ Среднюю Азію отправляются издѣлія нивкаго достоинства не потому, чтобы не могли или не хотѣли посылать лучшихъ, а потому, что только такого разбора товары и требуются тамъ, по причинѣ бѣдности края и отсутствія въ немъ общественной безопасности. Бухара, Хива и Коканъ вывозятъ изъ Россіи главнѣйше такіе товары, которыхъ, по цѣнамъ ихъ, не могли бы получать ни откуда въ мірѣ, какъ-то металлы, кожа и пр., а на оборотъ посылаютъ въ Россію такія произведенія, которыя мы можемъ получать и получаемъ и изъ другихъ странъ или безъ которыхъ можемъ обойтись, тогда

какъ они этихъ произведеній никуда кромѣ Россіи съ выгодною сбывать не могутъ. По всѣмъ этимъ причинамъ соперничество Англичанъ во Внутренней Азіи, со стороны Персіи и Индіи, не опасно для Россіи, а въ отношеніи къ Средне-Азіятскимъ правительствамъ мы имѣемъ всю возможность стать въ несравненно выгоднѣйшія торговыя отношенія, чѣмъ донынѣ, и торговля съ Внутреннею Азіею очень можетъ быть расширена даже и при нынѣшнихъ обстоятельствахъ.

Второй рецензентъ, разбиравшій ту же книгу, Н. С. Щукинъ, также отдаетъ полную справедливость трудолюбію автора Очерковъ и умѣнію его пользоваться имѣвшимися у него подъ рукою богатыми источниками, замѣчая между прочимъ, что у насъ еще не имѣлось описанія торговли Оренбургской линіи столь подробнаго и полнаго, какъ то, которое составилъ г. Небольсинъ.

V.

Другое сочиненіе по предмету отечественной статистики, увѣнчанное премією, есть:

Сельско-хозяйственная Статистика Смоленской Губерніи Я. А. Соловьева.

Это сочиненіе за 2 года выступило на состязаніе въ рукописи и признано достойнымъ половинной преміи; но тогдашнія обстоятельства не дозволили увѣнчать его, при чемъ однако объявлено было, что оно можетъ вторично быть представлено на конкурсъ по отпечатаніи его. Это и было исполнено авторомъ.

Сельско-хозяйственная Статистика Россіи, какъ и другія отрасли отечественной статистики, считаетъ въ нашей литературѣ еще весьма мало произведеній несомнѣннаго достоинства. Причиною этого должно признать съ одной стороны недостаточность основныхъ данныхъ, а съ другой немнѣніе подробныхъ и обстоятельныхъ описаній положенія хозяйства, въ обширномъ его смыслѣ, въ разныхъ отдѣльныхъ мѣстно-

стяхъ Россіи. Изъ этого слѣдуетъ, что критическая разработка числовыхъ показаній о такъ называемыхъ основныхъ силахъ государства, хотя бы она ограничивалась сравнительно небольшимъ по пространству своему краемъ, и вѣрное изображеніе современнаго положенія хозяйства во всѣхъ его видоизмѣненіяхъ, существенно обогащаютъ запасъ матеріаловъ, изъ которыхъ можно будетъ со временемъ возвести стройное зданіе Хозяйственной Статистики Россіи. По обширности нашего отечества и разнообразію частей, его составляющихъ, монографіи отдѣльныхъ губерній или полостей имѣютъ особенную важность, и при нынѣшнемъ положеніи у насъ статистическихъ свѣдѣній мы даже должны, во многихъ отношеніяхъ, отдать преимущество такимъ монографіямъ предъ трудами, имѣющими предметомъ цѣлую Россію, ибо прежде чѣмъ описывать цѣлое, нужно хорошо изучить части.

Г. Соловьевъ, избравъ себѣ задачею такое спеціальное описаніе, исполнилъ ее съ совершеннымъ знаніемъ дѣла. Проведя въ Смоленской губерніи три года въ качествѣ начальника отряда для уравниванія государственныхъ крестьянъ въ денежныхъ сборахъ, онъ управлялъ всею операціею тамъ кадастраціи, при которой по необходимости долженъ былъ вникать во всѣ подробности хозяйственнаго быта губерніи, и имѣя въ рукахъ всѣ оффиціальныя статистическія свѣдѣнія, воспользовался многократными своими разъѣздами по губерніи для пополненія ихъ и повѣрки. Будучи такимъ образомъ поставленъ въ возможность хорошо ознакомиться съ краемъ, и изъ личныхъ обзорѣній и изъ письменныхъ документовъ, мало доступныхъ для писателя не должностнаго, г. Соловьевъ предпринялъ изложить плодъ своихъ наблюденій и разысканій въ видѣ полнаго и систематическаго описанія губерніи въ хозяйственномъ отношеніи.

Касательно обработки самого сочиненія, Академики Кепень и Веселовскій, разбиравшіе его, свидѣтельствуютъ, что оно въ отношеніи полноты не оставляетъ болѣе ничего желать,

объемля собою всё стороны хозяйственного быта страны и представляя ихъ въ живой и отчетливой картинѣ. Въ особен-ности же они указываютъ на то, что авторъ умѣлъ осторожно и критически пользоваться имѣвшимися у него подъ рукою обильными статистическими данными и изложилъ ихъ въ сжа-томъ прагматическомъ видѣ, съ избѣжаніемъ излишняго мно-гословія, но за всѣмъ тѣмъ и безъ опущенія чего либо важна-го, могущаго послужить къ объясненію хозяйственного бы-та описываемаго имъ края, а притомъ сообщилъ объ немъ много новыхъ свѣдѣній, почерпнутыхъ имъ изъ собственныхъ наблюденій и изъ разысканій подвѣдомственнаго ему када-строваго отряда или собранныхъ изъ разныхъ присутствен-ныхъ мѣстъ. Къ числу такихъ приращеній науки принад-лежатъ: вѣрный и весьма удовлетворительный геогностическій обзоръ Смоленской губерніи, описаніе ея почвы и климатиче-скихъ условий, изслѣдованіе о движеніи ея народонаселенія, сличеніе данныхъ 8-й и 9-й ревизіи съ метрическими книгами и почти вся вторая часть книги, посвященная сельскому хозяй-ству и другимъ отраслямъ промышленности.

По всѣмъ этимъ уваженіямъ рецензенты признали трудъ г. Соловьева существеннымъ приращеніемъ отечественной ста-тистики, могущимъ служить образцомъ при провазодствѣ сель-ско-хозяйственныхъ изслѣдованій и при составленіи и изданіи сочиненій этого рода.

VI.

Къ разряду же сочиненій, имѣющихъ предметомъ изученіе Россіи, но съ совершенно иной точки зрѣнія, а именно со сто-роны естествознанія, принадлежитъ замѣчательное произведеніе г. Сѣверцова, изданное подъ заглавіемъ:

Периодическія явленія въ жизни звѣрей, птицъ и гадовъ въ
Воронежской губерніи.

Академикъ Миддендорфъ, которому былъ порученъ раз-боръ этого труда, выразилъ мнѣніе, что это сочиненіе, напи-

санное на степень магистра и слѣдовательно трудъ-первенецъ молодаго автора, представляетъ въ Русской естественно-исторической литературѣ явленіе совершенно новое. Содержаніе его имѣетъ основаніе самостоятельное, оно почерпнуто изъ наблюдений, сдѣланныхъ надъ самою природою въ теченіе 9 лѣтъ сряду. «Приступая къ разсмотрѣнію столь замѣчательной книги, говорить г. Миддендорфъ, мы ожидали чего-то необыкновеннаго и на этотъ разъ надежды наши не были обмануты. Чтеніе труда г. Сѣверцова вполнѣ удовлетворило наши ожиданія и мы нашли въ немъ не мало для насъ самихъ поучительнаго».

Какъ не радоваться при видѣ побѣды, какую надъ самимъ собою одержалъ авторъ, рѣшившись въ обстоятельствахъ, обыкновенно увлекающихъ молодость въ неизвѣстную даль, посвятить свою ученую дѣятельность исключительному изслѣдованію жизненныхъ проявленій въ непосредственно окружающей его мѣстности, — особенно если подвигъ его выполненъ съ такою твердостью воли и добросовѣстностью и наблюдатель не преминулъ вникать съ такою высокою степенью точности и основательности даже въ малѣйшія подробности.

Важность труда г. Сѣверцова преимущественно заключается въ томъ, что онъ сумѣлъ спеціальныя и совершенно новыя, добытыя имъ самимъ, данныя примѣнить къ хорошо обдуманному плану, и притомъ въ такомъ краю, гдѣ со временъ Гмелина не трудился ни одинъ зоологъ.

Между тѣмъ фауна этого края не представляла собою ничего особенно отличительнаго и могла обѣщать важныя послѣдствія только по той стезѣ, которой слѣдовалъ г. Сѣверцовъ, — стезѣ именно, проложенной лишь въ новѣйшее время.

Не довольно было того, чтобы сравнить фауну Воронежской губерніи, какъ представительницу континентальнаго климата, съ фауною Западной Европы; не довольно и того счастливаго обстоятельства, что авторъ производилъ свои наблюдения на рубежѣ двухъ такихъ противоположностей, каковы степь

и дѣла; — для того, чтобы ознаменовать себя необыкновенною заслугою на избранномъ полѣ изслѣдованія, автору нужно было покинуть обычный путь и искать главной цѣли зоологической географіи не въ подробномъ, хотя и сравнительномъ исчисленіи животныхъ породъ, а напротивъ того въ рѣшеніи гораздо труднѣйшей задачи, — въ опредѣленіи законовъ той тѣсной связи, которая существуетъ между отличительными свойствами изслѣдуемой фауны и особенностями мѣстонахождения и климата. Что такая связь существуетъ, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія; вся трудность состоитъ въ томъ, чтобы изыскать для каждаго отдѣльнаго случая, въ какой мѣрѣ въ немъ проявляется самый законъ, т. е. *типическая сила* извѣстной породы или извѣстнаго недѣльнаго, или же только *случайность*, т. е. измѣненіе этой силы отъ вліянія какихъ либо внѣшнихъ обстоятельствъ. Успѣхъ въ рѣшеніи столь трудной задачи зависитъ отъ того, достаточно ли приготовленъ наблюдатель, принявшійся за ея исполненіе, и умѣлъ ли онъ искусно воспользоваться представлявшимся ему міромъ явленій. Хотя и не вполне соглашаясь съ нѣкоторыми взглядами автора, — что и неудивительно по новизнѣ предмета и недостатку надлежащаго запаса матеріаловъ, — однако г. Миддендорфъ положительно признаетъ, что авторъ разрѣшилъ свою задачу осмотрительно и добросовѣстно.

Уже то заслуживаетъ похвалы, что г. Сѣверцовъ, не довольствуясь кругомъ собственныхъ наблюдений, старался освоиться и съ тѣмъ, что было сдѣлано по этой части другими изыскателями, какъ въ самой Россіи, такъ и въ чужихъ краяхъ, и что онъ между прочимъ отдаетъ полную дань уваженія заслугамъ нашего незабвеннаго Палласа.

Г. Сѣверцовъ поставилъ себѣ задачею точнѣйшее изслѣдованіе образа и проявленія жизни тѣхъ животныхъ своей отчизны, которые дышутъ воздухомъ. И такъ, исходя отъ предположенія тѣснѣйшей связи между явленіями жизни и внѣшними вліяніями, онъ пытался раскрыть ту непрерывную цѣпь, которою

особенности наблюдаемых имъ данныхъ связаны съ климатомъ его отчизны. На основаніи географическаго положенія Воронежской губерніи, авторъ сперва опредѣляетъ физико-географическій характеръ этой черноземной страны, лежащей на границѣ между лѣсомъ и степью, и съ большимъ искусствомъ объясняетъ глубокую связь между жизнью животныхъ и геогностическимъ свойствомъ земляныхъ слоевъ въ разныхъ мѣстностяхъ изслѣдованной имъ области. Начиная отъ русла рѣки, чрезъ долину ея, вверхъ по склонамъ береговъ до высокой степи, онъ вводитъ насъ въ особенности страны, никогда не упуская изъ виду главной своей идеи, и обращая особенное вниманіе на объясненіе немаловажнаго значенія подпочвы. Нигдѣ столько не важно, какъ въ этихъ степныхъ странахъ, знать — удерживаетъ ли подпочва воду или даетъ ей просачиваться, достигается ли какое либо мѣсто внешними разливами или нѣтъ. Съ различною степенью влажности почвы въ сухихъ странахъ тѣсно связано также свойство растительности, и особенно изобиліе или недостатокъ въ лѣсѣ, и это естественно приводитъ автора къ двумъ главнымъ разрядамъ животныхъ, лѣснымъ и степнымъ.

Во всѣхъ этихъ разысканіяхъ, авторъ, по свидѣтельству рецензента, дѣйствуетъ совершенно самостоятельно и нерѣдко съ большимъ, неожиданнымъ успѣхомъ.

Указавъ наконецъ на нѣкоторые недостатки и слабыя стороны разбираемаго сочиненія, — недостатки, по большей части неразлучные съ первымъ опытомъ, особенно на столь трудномъ полѣ литературы, рецензентъ заключаетъ свой отзывъ слѣдующими словами:

«Трудъ г. Сѣверцова доказываетъ необыкновенную способность къ наблюденіямъ, съ одной стороны обусловленную рѣдкимъ усердіемъ, а съ другой умѣряемую терпѣніемъ и добросовѣстностью и руководимую основательною начитанностью даже по частямъ сопредѣльныхъ съ зоологіею наукъ. Сочиненіе его богато драгоценными для науки матеріалами»

ми, плодомъ многолѣтнихъ самостоятельныхъ наблюдений, и всѣ эти матеріалы подведены подъ одну господствующую мысль, пронскешую изъ того плодотворнаго направленія, какое было сообщено естественнымъ наукамъ въ послѣднее время.

«Съ сочиненія г. Сѣверцова начинается новый отдѣлъ въ исторіи зоологической у насъ обработки, и когда книга эта сдѣлается доступною Западу, то можно ожидать, что она не только будетъ принята самою лестною встрѣчею, по причинѣ новизны ея содержанія, но еще вѣроятно окажетъ благотворное вліяніе на ходъ зоологической журналистики.

«Если же я за всѣмъ тѣмъ предлагаю присудить этому труду не полную, а половинную премію, то къ этому побуждаюсь личнымъ моимъ взглядомъ на значеніе полной награды и соображеніемъ нѣкоторыхъ недостатковъ, впрочемъ неизбѣжныхъ въ трудѣ-первенцѣ молодаго писателя».

VII.

Изъ сочиненій, относящихся къ кругу юридическихъ наукъ, удостоено преміи:

Теорія уликъ, сочиненіе исправляющаго должность ординарнаго профессора Дерптскаго Университета, магистра А. Жиряева.

По приглашенію Академіи, разборомъ этого сочиненія занимался профессоръ адѣшняго Университета, г. Баршевъ.

Вопросъ объ уликахъ имѣетъ интересное значеніе какъ въ современной наукѣ уголовного права, такъ и въ уголовной практикѣ и уголовномъ законодательствѣ. Въ наукѣ происходитъ жаркій споръ въ особенности о силѣ и вліяніи ихъ на уголовные приговоры. Практика, находя въ уликахъ средство открыть настоящую истину при слѣдствіи и судѣ надъ преступленіемъ, нуждается въ точномъ и вѣрномъ опредѣленіи свойствъ и въ особенности значенія ихъ, какъ доказательствъ въ уголовныхъ дѣлахъ. Поэтому и для законодательства во-

прось о принятіи или непринятіи уликъ въ систему уголовно-судебныхъ доказательствъ и о силѣ и условіяхъ дѣйствія ихъ составляетъ одну изъ числа важныхъ законодательныхъ проблемъ.

Изложивъ существенное содержаніе труда г. Жиряева и съ особенною похвалою отозвавшись о нѣкоторыхъ отдѣльныхъ его частяхъ, рецензентъ опредѣляетъ достоинство его, говоря, что вообще въ этомъ сочиненіи улики рассмотрѣны съ главныхъ сторонъ ихъ и представленъ любопытный сводъ многообразныхъ взглядовъ на нихъ, юристовъ, въ особенности германскихъ, и что высказанный авторомъ взглядъ на доказательство ими соотвѣтствуетъ дѣйствительному значенію ихъ въ практикѣ. Сверхъ того разсужденіе написано отчетливымъ языкомъ и со строгою логическою послѣдовательностію. Авторъ его заслуживаетъ полнаго одобренія за искусное изложеніе матеріала и отчетливую передачу его Русской юридической литературѣ.

VIII.

Облегченіе страданій человѣческихъ есть безъ сомнѣнія одна изъ величайшихъ заслугъ, какія можетъ человѣкъ оказать своему ближнему, и всякое относящееся къ сему важное изобрѣтеніе или открытіе заслуживаетъ живѣйшаго нашего вниманія и искренней благодарности.

Такое открытіе сдѣлано г. Круселемъ авторомъ представленныхъ въ рукописи сочиненій:

Внутреннія средства противъ рака и нѣкоторыхъ другихъ болѣзней, и

Пирокаустика, или хирургическое употребленіе огня противъ рака и нѣкоторыхъ другихъ болѣзней.

Одинъ изъ искуснѣйшихъ врачей и хирурговъ нашихъ, профессоръ здѣшней Медико-Хирургической Академіи, г. Неммертъ, который по приглашенію Академіи принялъ на себя трудъ рассмотрѣнія этихъ двухъ рукописей, представилъ намъ

подробное донесеніе, изъ котораго видно, что оба эти сочиненія г. доктора Круселя составляютъ одно цѣлое, потому что цѣль обоихъ доказать, что есть средства, излечивающія болѣе или менѣе надежнымъ способомъ ракъ и другія упорныя наружныя болѣзни.

Извѣстно, что уже съ самыхъ древнихъ временъ раковидныя пораженія (*carcer*) составляли настоящій камень преткновенія для врачей по своей неуступчивости, какъ наружнымъ, такъ и внутреннимъ средствамъ, а если уступали дѣйствию средствъ, то упорно возвращались или на прежнемъ мѣстѣ, или же избирали новое и губили больнаго. Поэтому уже съ давнихъ поръ старались отыскать средство, непременно исцѣляющее ракъ, и, казалось, находили то наружное, то внутреннее средство, которое всегда сначала хранилось секретнымъ и, казалось, дѣйствительно исцѣляло раны, вслѣдствіе чего прославлялось и наконецъ дѣлалось общимъ достояніемъ. Но прославленное подобное секретное средство, съ расширеніемъ круга дѣйствія, обыкновенно теряло свою славу, потому что дѣйствія его обсуживались уже не одними не-врачами, и тогда обнаруживалось, что оно или оказывалось дѣйствительнымъ только въ доброкачественныхъ (т. е. не раковыхъ, а только сходныхъ по наружности съ ракомъ) пораженіяхъ, или же уничтожало ракъ только на время;—даже замѣчено, что въ нѣкоторыхъ видахъ раковыхъ язвъ, а именно въ наклонномъ (*carcer cutaneus epithelialis*) состояніе язвы ухудшалось, что и доставило этому виду рака названіе «*poli me tangere*», видъ, который при средствахъ индифферентныхъ, невинныхъ, увеличивался медленно, между тѣмъ какъ при средствахъ, такъ называемыхъ специфическихъ, быстро ухудшался и вель больнаго, при сильнѣйшихъ мученіяхъ, ко гробу.

Стоитъ взглянуть въ любую фармакологию, чтобы увидѣть, какое множество средствъ было предложено противъ рака. Число ихъ можетъ только сравниться съ числомъ средствъ, предложенныхъ противъ водобоязни и падучей болѣзни, бо-

лѣзней, къ несчастію, столько же неизлечимыхъ, какъ и ракъ.

Врачамъ послѣ всего этого оставалось одно: останавливать, хотя на время, разрушительный ходъ рака, и тѣмъ избавлять больнаго временно отъ жестокихъ мученій, и этого достигали разстройствомъ и удаленіемъ рака помощью наружныхъ средствъ. Но ракъ не всегда доступенъ этимъ средствамъ; не говоря уже о ракъ внутренностей, скрытыхъ въ полостяхъ, должно замѣтить, что помянутыя средства неудобопримѣнимы даже при ракъ однихъ наружныхъ частей или потому, что онъ очень глубоко проникъ, или же находится вблизи важнаго для жизни органа, поврежденія котораго, при удаленіи рака, нельзя избѣгнуть, или наконецъ если его поверхность слишкомъ обширна.

Бросивъ краткій взглядъ на недостаточность нашихъ познаній о сущности раковаго худосочія, а слѣдовательно и на недостаточность вѣрныхъ средствъ противъ этого жестокаго недуга, рецензентъ замѣчаетъ, что съ радостью и благодарностью должно принять всякое новое открытіе, даже всякую болѣе удачную попытку, къ побѣжденію этого врага, и потому факты, представленные г. Круседемъ, должны обратить на себя вниманіе каждаго благонамѣреннаго человѣка, тѣмъ болѣе врача, котораго прямая обязанность излечить, а если это не возможно, то облегчить страданіе больнаго.

Подвергнувъ подробному разсмотрѣнію оба сочиненія г. доктора Круседа и оцѣнивъ предлагаемыя имъ средства, рецензентъ выводитъ итогъ своихъ объ нихъ сужденій, признавая несомнѣнными ихъ достоинствами: отчетливость въ изложеніи исторій болѣзней, правдивость которыхъ засвидѣтельствована извѣстными врачами и подтверждена вѣрными фотографо-стереоскопическими рисунками, откровенность и послѣдовательность въ разсказѣ о постепенномъ открытіи средствъ противъ рака, внутреннихъ и наружныхъ, для усовершенствованія которыхъ г. Крусель не шадилъ ни времени, ни труда, ни значительныхъ денежныхъ издержекъ въ теченіе нѣсколь-

нихъ лѣтъ. Открытіемъ внутренняго средства терапия приобрѣла новое, хотя не совершенно вѣрное, однако дѣйствительное средство противъ рака и другихъ худосочій. Но важно въ особенности изобрѣтеніе пирокаустики. Это наружное средство дѣйствительно обогатило хирургию новымъ, сильнымъ, безопаснымъ агентомъ. Открытіе его уже въ короткое время принесло значительную пользу; но, безъ сомнѣнія, эта польза будетъ въ послѣдствіи огромною для страждущаго человѣчества, удобно, скоро и безопасно устраняя страданія, нынѣ считающіяся или трудно или вовсе не удалимыми. Раковыя пораженія приобрѣли въ этихъ открытіяхъ сильныхъ противодѣятелей, а страждущее человѣчество новыхъ поборниковъ.

Таковъ въ сущности отзывъ г. профессора Неммерта о изобрѣтеніяхъ доктора Круселя. Въ чужихъ краяхъ также отдають ему полную справедливость и еще недавно авторъ отличнаго сочиненія: *Die Galvanocaustik, ein Beitrag zur operativen Medicin* (Breslau 1854), Бреславскій профессоръ д-ръ Миддельдорфъ открыто объявилъ, что честь изобрѣтенія гальванокаустики принадлежитъ доктору Круселю.

Наконецъ нашъ знаменитый хирургъ, докторъ Пироговъ, посѣтивъ изобрѣтателя и осмотрѣвъ всѣ его орудія и образъ примѣненія пирокаустики, въ письмѣ на имя непремѣннаго секретаря Академіи отъ 10 Апрѣля сего года отозвался, что, по его мнѣнію, д-ръ Крусель безусловно заслуживаетъ награды, какъ первый, который примѣнилъ гальванолизу къ исцѣленію разныхъ болячекъ, и въ возмездіе за то постоянство, съ которымъ онъ продолжалъ шествовать по впервые имъ самимъ проложенной тропѣ, пока его усилія не увѣнчались счастливымъ успѣхомъ.

Отвращаясь на эти свидѣтельства, Академія исполнила лишь свой долгъ, присудивъ г. Круселю премію и назначивъ 250 рублей для изданія его рукописи.

IX.

Наконецъ послѣдній конкурсный трудъ, о которомъ намъ еще остается донести свѣдѣнiя, касается также изобрѣтенiя, но изобрѣтенiя, относящагося къ иной сферѣ, а именно къ практической геометрiи.

Планиметръ-самокатъ и трансформаторъ Г-на Зарубина. (Съ рукописнымъ описанiемъ этихъ инструментовъ).

Разсматривавшiе это изобрѣтенiе Академики Буняковскiй, Якоби и Чебышевъ, представили о немъ отзывъ, содержанiе котораго главнѣйше заключается въ слѣдующемъ:

Уже за два года присуждена была г-ну Зарубину второстепенная премiя за изобрѣтенiе различныхъ инструментовъ, которыми облегчается составленiе плановъ и въ особенности ихъ измѣренiе. Нынѣ г-нъ Зарубинъ представилъ на конкурсъ еще два инструмента для измѣренiя площадей: *планиметръ-самокатъ* и *трансформаторъ*. Первый изъ нихъ весьма важенъ въ практическомъ отношенiи: особенность его заключается въ томъ, что *поле* его дѣйствiй несравненно болѣе чѣмъ другихъ планиметровъ. Прежнiе инструменты этого рода служили непосредственно для измѣренiя небольшихъ плановъ, въ которыхъ ни длина, ни ширина не превосходятъ извѣстныхъ предѣловъ, и эти предѣлы, зависящiе отъ размѣра самаго инструмента, слишкомъ тѣсны для большей части случаевъ практическихъ. Новый инструментъ г. Зарубина даетъ площадь плана, какъ бы она ни была длинна; ограниченiе остается только въ ширинѣ плана.

Устройство такого планиметра, котораго бы поле дѣйствiя было безконечно въ одномъ направленiи, представляло особенную трудность: надлежало, чтобы указатель, которымъ обводится планъ, и стрѣлки циферблата, на которомъ обозначается величина измѣряемой площади, были соединены какими либо органами передачи движенiя; величина этихъ органовъ по необходимости полагаетъ предѣлъ удаленiя указателя отъ

циферблата, а потому указатель планиметра может двигаться безпредѣльно по какому либо направленію только въ томъ случаѣ, когда циферблатъ вмѣстѣ со всѣмъ планиметромъ способенъ перемѣщаться. Но съ другой стороны ясно, что планиметръ долженъ имѣть только извѣстные и опредѣленные движенія; иначе онъ не могъ бы дать никакого надежнаго результата.

Для побѣжденія этихъ трудностей г. Зарубинъ напалъ на остроумную мысль принять за основаніе планиметра-самоката уже извѣстную Академіи линейку-планиметръ, которая, катаясь на двухъ цилиндрикахъ, прикрѣпленныхъ къ одной оси, свободно движется параллельно себѣ и представляетъ значительное сопротивленіе другимъ перемѣщеніямъ. По движенію поступательному линейки и движенію указателя вдоль ея, площадь измѣряемой фигуры опредѣляется безъ затрудненія. Употребленный г. Зарубинымъ механизмъ вполне достигаетъ своей цѣли; величина измѣряемой площади показывается стрѣлками на циферблатѣ также, какъ въ другихъ планиметрахъ. Но нельзя ожидать вѣрныхъ результатовъ отъ этого инструмента, если, при употребленіи его, не будетъ принято особой предосторожности отъ ненормальнаго движенія инструмента, чего вполне, разумѣется, нѣтъ возможности достигнуть.

Во всякомъ случаѣ планиметръ-самокатъ имѣетъ превосходства передъ другими инструментами этого рода относительно обширности поля его дѣйствія. А такъ какъ въ планиметрѣ главное достоинство — вѣрность его показаній при удобствѣ и скорости его употребленія, для чего требуется особый навыкъ, то Академія поручала своему Корреспонденту Н. Д. Брашману, въ Москвѣ, подвергнуть испытанію инструментъ г. Зарубина относительно той степени точности, до которой можно достигнуть продолжительнымъ его употребленіемъ. На этотъ конецъ г. Брашманъ произвелъ, вмѣстѣ съ изобрѣтателемъ, 14 рядовъ опытовъ измѣренія различныхъ фигуръ какъ

прямолинейныхъ, такъ и криволинейныхъ. Эти опыты показали, что, при значительномъ навыкѣ къ употребленію планиметра-самоката, можно получать помощью его очень скоро результаты довольно точные.

Новоизобрѣтенный инструментъ уже около двухъ лѣтъ употребляется въ Межевой Канцеляріи, гдѣ съ помощью его ежедневно повѣряется около 100 плановъ, заключающихъ въ себѣ не меньше 5000 квадр. дюймовъ. Это доказываетъ прочность снаряда и подтверждаетъ годность его на самомъ дѣлѣ.

Другой инструментъ — трансформаторъ, г. Зарубинъ придумалъ для облегченія извѣстнаго въ Геометріи построенія, которымъ всякая многоугольная фигура превращается въ треугольникъ. Этотъ инструментъ можетъ замѣнить собою также планиметръ для опредѣленія плана, ограниченаго прямыми линиями. Передъ линейкою-планиметромъ онъ имѣетъ то преимущество, что въ немъ собственно двѣ линейки, которыхъ взаимное наклоненіе можно измѣнять согласно съ требованіемъ самаго превращенія многоугольника въ треугольникъ, чѣмъ значительно ускоряется измѣреніе площади.

Основываясь на отзывѣ рецензентовъ и на опытахъ профессора Брашмана, Академія, принимая въ соображеніе практическую пользу остроумнаго изобрѣтенія г. Зарубина, опредѣлила наградить его половинною преміей и выдать ему сверхъ того 150 руб. сер. на изданіе въ свѣтъ описанія его изобрѣтенія.

Кромѣ вышеприведенныхъ изобрѣтеній и сочиненій, признаны были Академіею со стороны тѣхъ лицъ, которымъ порученъ былъ разборъ ихъ, заслуживающими поощрительныхъ премій еще слѣдующія :

С. Ешевскаго, Аполливарій Сидоній, эпизодъ изъ литературной и политической истории Галліи V вѣка. Москва 1855 8, — по рецензіи г. Профессора Дѣллена въ Кіевѣ.

П. Безсонова, Болгарскія пѣсни изъ сборниковъ Ю. И. Венелина, Н. Д. Катранова и другихъ Болгарь. 2 выпуска.

Москва 1855. 8, — по рецензiи г. Академика Дубровскаго.

Д. Каченовскаго, О каперахъ и призовомъ судопроизводствѣ въ отношенiи къ нейтральной торговлѣ. Москва 1855.

8, — по рецензiи г. Профессора Ивановскаго.

И. Павловскаго, Полный Нѣмецко-Русскiй Словарь. 2 части.

Рига 1856. 8, — по рецензiи г. Академика Востокова.

Но, этимъ сочиненiямъ, по ограниченности бывшихъ въ распоряженiи Академiи суммъ, не могли быть присуждены премiи, и въ замѣнъ того они удостоены почетныхъ отзывомъ.

Въ заключенiе настоящаго отчета о XXV присужденiи Демидовскихъ наградъ, Академiя долгомъ сочла изъявить свою признательность стороннимъ ученымъ, содѣйствовавшимъ ей въ разсмотрѣнiи соискательныхъ сочиненiй, и вмѣстѣ съ тѣмъ признала справедливымъ назначить установленныя для рецензентовъ золотыя медали: перваго достоинства своему Корреспонденту дѣйств. ст. сов. В. В. Григорьеву и Протоiерю **Θ. Θ. Сидонскому**, и таковыя же втораго достоинства Профессору Московскаго Университета дѣйств. ст. сов. **Н. Д. Брашману** и Профессору Университета Св. Владимира ст. сов. **А. К. Деллену**.

ОБЩІЙ ОБЗОРЪ
ПЕРВАГО ДВАДЦАТИПЯТИЛѢТІЯ
УЧРЕЖДЕНІЯ
ДЕМИДОВСКИХЪ ПРЕМІЙ.

А. ВЪДОМОСТЬ
О ЧИСЛѢ СОИСКАТЕЛЬНЫХЪ СОЧИНЕНІЙ ПО ГОДАМЪ.

Годы.	Получено отъ авторовъ.	Принято безъпроебъ авторовъ.	И того.	Въ томъ числѣ.			Разсмотрѣно.		Возвращено до приговора.	
				Печатныхъ.	Рукописныхъ.	На Русскомъ языкѣ.	На иностр. языкахъ.	Въ Академіи.		Въ Академіи.
1831	43	4	47	45	2	14	3	42	3	2
1832	44	3	47	43	4	45	3	42	4	1
1833	46	—	46	43	3	43	3	41	4	—
1834	41	2	43	42	1	43	—	8	5	—
1835	23	4	27	21	6	24	3	46	9	2
1836	26	3	29	28	1	26	3	44	13	2
1837	20	4	24	24	—	48	4	20	4	—
1838	24	1	25	24	1	21	4	14	11	1
1839	27	2	29	23	6	28	3	21	7	—
1840	30	—	30	27	3	27	3	23	7	—
1841	33	3	36	35	1	35	1	43	48	5
1842	27	—	27	22	4	22	4	18	8	1
1843	20	6	26	22	3	18	7	16	9	1
1844	19	4	23	13	9	17	5	15	7	1
1845	26	1	27	19	8	22	5	16	11	—
1846	33	4	34	28	6	29	5	24	8	2
1847	32	4	36	21	12	29	4	23	10	3
1848	25	3	28	24	2	21	5	20	6	2
1849	22	5	27	16	5	17	4	14	7	6
1850	20	—	20	16	2	17	3	20	—	—
1851	23	2	25	23	2	13	3	16	9	—
1852	44	3	47	44	3	43	4	45	8	—
1853	24	3	27	21	2	24	3	19	8	—
1854	27	—	27	21	6	23	3	23	4	—
1855	27	1	28	26	2	26	2	18	10	—
Итого...	576	59	635	525	96	533	88	421	486	29

Б. ВЪ ДОМОСТЬ

О ЧИСЛѢ ПРИСУЖДЕННЫХЪ НАГРАДЪ И КОЛИЧЕСТВѢ ВЫДАННЫХЪ НА ТО ДЕНЕГЪ, РАВНО О КОЛИЧЕСТВѢ И ДОСТОИНСТВѢ
 ВЫДАННЫХЪ ПОСТОРОННИМЪ РЕЦЕПЕНТАМЪ ЗОЛОТЫХЪ МЕДАЛЕЙ.

Годы.	Полныя награды.		Второстепенныя награды.		На выдаче рукописи.		Итого на	Постороннимъ рецепентамъ медалей въ 12 чера. въ 8 чера.
	Число нагр.	На сумму.	Число нагр.	На сумму.	Число.	На сумму.		
1831	2	2,856	2	1,428	1	1,428	5,712	—
1832	2	2,856	6	4,284	1	1,428	8,568	—
1833	—	—	7	4,998	—	—	4,998	2
1834	3	4,284	2	1,428	—	—	5,712	1
1835	3	4,284	8	5,712	—	—	9,996	—
1836	3	4,284	8	5,712	—	—	9,996	6
1837	1	1,428	40	7,140	—	—	8,568	—
1838	2	2,856	6	4,284	—	—	7,140	4
1839	3	4,284	7	4,998	—	—	9,282	1
1840	1	1,428	6	4,284	2	1,428	7,999	—
1841	1	1,428	7	4,998	1	1,428	6,855	—
1842	—	—	9	6,426	2	1,428	7,854	2
1843	2	2,856	4	2,856	1	1,428	5,997	—
1844	1	1,428	8	5,712	1	571	7,711	1
1845	1	4,284	3	2,142	2	4,228	7,854	1
1846	3	4,284	2	1,428	1	1,000	6,712	2
1847	—	—	8	5,712	1	1,428	7,140	2
1848	—	—	9	6,426	1	4,000	7,426	1
1819	1	1,428	8	5,712	2	1,000	8,140	2
1850	2	2,856	8	5,712	—	—	8,568	3
1851	2	2,856	4	2,856	1	1,000	6,712	—
1852	1	1,428	6	4,284	1	600	6,312	1
1853	3	4,284	5	3,570	—	—	7,854	—
1854	1	1,428	6	4,284	2	1,428	7,140	2
1855	—	—	9	6,426	3	800	7,226	2
Итого...	40	57,420	158	412,812	23	16,540	486,472	38
								30

В. Вѣдомость

**ОБЪ УДОСТОЕННЫХЪ СОЧИНЕНІЯХЪ ПО ПРЕДМЕТАМЪ И ГОДАМЪ
съ 1834 по 1856 г.**

Примечаніе: Звѣздочка при имени означаетъ полную премію.

Науки.	Годы.	Заглавіе книгъ.	На изданію.
Богословіе.	1853	* Жафарія : Православно-догматическое Богословіе. V томовъ.	
	1836	Эрнстена : Словарь историческій о Святыхъ, прославленныхъ въ Россійской Церкви.	
		Почтительнаго отзыва:	
	1837	Десницина : Описаніе Соловецкаго монастыря.	
	1838	Венштагъ : Священная исторія для дѣтей, выбранная изъ Ветхаго и Новаго Заѣта.	
	1840	Дебольскаго : Для Богослуженія Православной Церкви.	
Философія.	1834	* Сидоренка : Введеніе въ науку философіи.	
	1834	Галлча : Картина человѣка.	
		Почтительнаго отзыва:	
	1841	Зедергельма : Исторія древней философіи.	
Математика.	1835	* Враншана : Курсъ Аналитической Геометріи (рукопись).	
	1832	Севастьянова : Приложеніе начертательной Геометріи къ воздушной перспективѣ.	
	1835	Петрушевскаго : Эвклидовыхъ началъ. 3 книги.	
	1837	Враншана : Статика твердыхъ и жидкихъ тѣлъ.	
	1837	Сомова : Теорія определенныхъ алгебраическихъ уравненій высшихъ степеней.	
	1837	Вурача и С. Зеленаго : Лекціи алгебраическаго анализа	
	1838	Метриковскаго : Курсъ практической механики.	
	1842	Татаршова : Начальныя основанія Геометріи	
	1843	Зернова : Дифференціальное вычисленіе съ приложеніемъ къ Геометріи.	
	1844	Слонимскаго : Арифметическая машина.	
	1844	А. Зеленаго : Краткое Руководство къ начертательной Геометріи.	
	1845	Вруна : Руководство къ политической Арифметикѣ.	

Науки.	Годы.	Заглавіе книгъ.	На изданіе.	
Математика.	1847	Семова: Аналитическая Теорія воображаемаго движенія вобра.	500 р. с.	
	1847	Давидова: Теорія равновѣсія тѣлъ, погруженныхъ въ жидкость (рукопись).		
	1848	Чебышева: Теорія сравненій.		
	1849	Давидова: Теорія капиллярныхъ явленій (рукоп.).		
	1849	Венжуринова: Теорія паровыхъ машинъ.		
	1850	Семова: Основанія Теоріи эллиптическихъ функций.		
	Почетнаго отзыва:			
	1838	Линна: О началахъ равновѣсія и движенія.		
	1838	Бруна: Собраніе задачъ и предложеній, относящихся къ линиямъ второй степени.		
	1852	Рахманнинова: Теорія вертикальныхъ водяныхъ колесъ.		
Метрологія.	1831	*Науера: <i>Metrologie Russlands (M. S.)</i>	1428 р. с.*	
	1846	Петрушевскаго: Общая метрологія (рукопись).	1000 р. с.	
Астрономія и Геодезія.	1836	*Аргеландера: <i>DLX stellarum fixarum positiones mediae ineunte anno 1830.</i>	150 р. с.	
	1845	*Савича: Приложеніе практической Астрономіи къ географическому опредѣленію мѣстъ.		
	1831	Перевощикова: Руководство къ Астрономіи.		
	1-37	Волетова: Руководство къ Геодезіи.		
	1841	Зеленаго: Астрономическія средства кораблевожденія.		
	1842	Перевощикова: Основанія Астрономіи.		
	1853	Зарубина: Вновь изобрѣтенные инструменты, относящіеся до межеванія, съ приложеніемъ руководства къ практическому ихъ употребленію (рукопись).		
	1854	Венальскаго: Теорія движенія Нептуна.		
	1855	Зарубина: Планиметр-Самокатъ, съ рукописнымъ описаніемъ инструмента.		
	Почетнаго отзыва:			
1842	Волетова: Руководство къ производству хозяйственной съемки, межеванія и нивелированія.			
1848	Ермакова: Ручной планиметръ.			
Военныя и морскія науки.	1838	*Барона Медема: Руководство къ тактикѣ.		
	1849	*Геремальцева: Руководство къ изученію тактики.		
	1851	*Барона Зеддлера: Военно-Энциклопедическій Лексиконъ.		

* Возвращено въ Давидовскій капиталъ на изданіи.

Науки.	Годы.	Заглавіе книгъ.	На изданіе.	
Военныя и морскія науки.	1833	Мелешцова: Полевая фортификація.		
	1836	Барона Медема: Обзорніе извѣстѣйшихъ правилъ и системъ Стратегіи.		
	1836	Вобанскаго: Краткая нпшология и курсъ верховой ѣзды.		
	1839	Теляковскаго: Фортификація, съ атласомъ.		
	1842	Шильова: Опытъ Теоріи Стратегіи.		
	1844	Барона Зедделера: Обзорніе Исторіи военнаго искусства.		
	1846	Смалевскаго: Руководство для служащихъ на военныхъ морскихъ пароходахъ. Ч. III.		
	1850	И. Песета: О вооруженіи военныхъ судовъ, съ атласомъ.		
				Почетнаго отзыва:
	1842	И. Шильма: Практическая морская Артиллерія.		
	1845	Смалевскаго: Руководство для служащихъ на военныхъ морскихъ пароходахъ. Ч. I. и II.		
	1847	Вогдановича: Записки Стратегіи.		
1853	Шульца: Словарь морскихъ словъ и рѣченій паруснаго и пароходнаго флота.			
Химія и Физика.	1845	*Клауса: Химическое изслѣдованіе остатковъ платиновой руды и металла рутенія.	1428 p. c.	
1847	Шернандера: Observations faites à l'observatoire magnétique et météorologique de Helsingfors (M. S.).			
1854	Савольева: О гальванической проводимости жидкостей.			
1854	Иванова: Начальныя основанія Аналитич. Химіи.			
Геогнозія и Минералогія	1832	Семелова: Руководство къ Минералогіи.		
1837	Фатера - фонъ - Шальдгейма: Ориктографія Московской губерніи.			
1839	Семелова: Курсъ Геогнозіи.			
1841	Гельмерсена: Генеральная карта горныхъ формаций Европейской Россіи, съ пояснительными прилѣжаніями.			
1843	Уаттеса: Курсъ горнаго искусства, съ атласомъ.			
1850	Грешинга: Beitrag zur Kenntniss der orographischen und geognostischen Beschaffenheit der Nordwestküste Amerika's.			
1852	С. Вутерги: Геогностическая Карта С. Петербургской Губерніи.			
1853	Воншарова: Матеріалы для минералогіи Россіи.			

Науки.	Годы.	Заглавіе книгъ.	На изданіе.
Геогнозія и Минералогія.	1842	ПОЧЕТНАГО ОТЗЫВА: Семалева: Руководство къ Геогнозіи, съ атласомъ.	
Естественныя науки.	1840	*Нестольца и Рундхейма: Описаніе морскихъ растений, собранныхъ въ Северномъ Тихомъ Океанѣ, у береговъ Россійскихъ владѣній, въ путешествіи вокругъ свѣта, совершенное по повелѣнію Государя Императора Николая I., въ военномъ Шлюпѣ «Сенявинъ» въ 1826, 1827, 1828 и 1829 годахъ подъ командою Флота-Капитана Ф. Литке.	
	1833	Эйхвальда: Plantae Caspico-Caucasicae.	
	1835	Гоблера: Uebersicht des Kautunischen Gebirges (M. S.).	
	1836	Фальдерманна: Fauna entomologica transcaucasica. T. I.	
	1838	Его же: Fauna entomologica transcaucasica. T. II. et III.	
	1844	Рундхейма: Symbolae ad historiam et geographiam plantarum Rossiarum (M. S.).	
	1844	Эвереманна: Fauna lepidopterologica Volgo-Uralensis.	
	1848	Менетрие: Catalogue des Insectes recueillis par feu M. Lehmann.	
	1849	Клауса: О растительности приволжскихъ странъ.	
	1852	Кеслера: Животныя Губерній Кіевскаго Учебнаго Округа.	
	1854	Мерилана: Palaeoendrologicon Rossicum.	
	1855	Сверцова: Периодическія явленія въ жизни змѣрей, птицъ и гадомъ въ Воронежской губерніи.	
		ПОЧЕТНАГО ОТЗЫВА:	
	1843	Эртеля: Dictionnaire complet de zoologie et de botanique en langue française, russe et latine.	
	1844	Вредова: Антропозфизіологія.	
	1854	Видеманна и Вебера: Beschreibung der phanerogamischen Gewächse Est-, Liv- und Curlands.	
Медицина.	1843	*Шрегема: Полный курсъ прикладной Анатоміи человѣческаго тѣла.	
	1850	*Его же: Патологическая Анатомія Азіатской холеры, съ атласомъ.	
	1832	Грешова: Изложеніе Судебной Медицины	

Науки.	Годы.	Заглавія книгъ.	На изданіе.	
Медицина.	1835	Всеселодова: Зоо-хирургія.	250 р. с.	
	1838	Грума: Монографія о радикальномъ леченіи паховопаховыхъ грыжъ.		
	1838	Чарукенскаго: Военно-походная медицина.		
	1840	Ширегена: Anatomia chirurgica.		
	1840	Филомастемсаго: Физиологія, изданная для руководства своихъ слушателей. Двѣ части.		
	1841	Селемена: Руководство къ оперативной хирургіи.		
	1848	Н. Заблещнаго: Ученіе о болѣзняхъ яичка, сѣменнаго канатика и мошонки, съ атласомъ.		
	1855	Круселли: Внутреннія средства противъ рака и нѣкоторыхъ другихъ болѣзней.		
				Почетнаго отзыва:
	1840	Мажина: Зоотомія или руководство къ познанію строения тѣла домашнихъ животныхъ.		
	1841	Всеселодова: Опытъ ученія о повальныхъ болѣзняхъ между домашними животными.		
	1841	Грума: Руководство для прививанія предохранительной оспы.		
	1841	Геста: Руководство къ повивальному искусству.		
	1845	Лей, Тарасова и Стрѣльцова: Энциклопедическій Медицинскій Лексиконъ.		
	1848	Шумкарева: О душевныхъ болѣзняхъ въ судебно-медицинскомъ отношеніи.		
	1852	Гердиница: Фармакодинамика или ученіе о дѣйствіи и употребленіи врачебныхъ средствъ.		
	Промышленность.	1839		*Шнеби: Гальваноластика
		1833		Барона Веде: Руководство къ виногр. садоводству.
1837		Дикта: Усовершенствованіе Русской печи.		
1838		Усова: Курсъ земледѣлія.		
1841		Бергштроссера: Руководство къ разведенію, улучшенію, кормленію и откормкѣ домашнихъ животныхъ.		
1851		Шльенкова: Курсъ Химической Технологіи.		
1853		*Похина: Новозобрѣтенный типографскій шрифтъ съ идѣльными очкомъ.		
		Почетнаго отзыва:		
1832		Мешкова: О винодѣліи и винной торговлѣ въ Россіи.		
1841		Амессона: О булатахъ, въ двухъ книгахъ.		
1841		Данго: Руководство для устройства усовершенствованныхъ веревчатыхъ приводовъ (Système funiculaire).		

Науки.	Годы.	Заглавія книгъ.	На изданіе.
Промышленность.	1843 1854	Брауншвейга: Der Flachsbau in Russland. Витта: Руководство къ сахарному производству.	
Теорія и Исторія Словесности.	1843 1832 1836 1839 1844 1847 1855	* Восточева: Остромирово Евангеліе 1056—57 года, съ приложеніемъ Греческаго текста Евангелія и съ грамматическими объясненіями. Глаголева: Начертаніе теоріи Словесности (рек.). Шеффера: Исторія поэзіи. Стресса: Описаніе памятниковъ Славяно-Русской литературы. Дубинскаго: Слово о полку Игоревѣ, объясненное по древнимъ письменнымъ памятникамъ. Валлерскаго: Судьбы Церковно-Славянскаго языка. Бодянскаго: О происхожденіи Славянскихъ письменъ. Почетнаго отзыва: Греча: Чтенія о Русскомъ языкѣ. Чистякова: Курсъ Теоріи Словесности. Безсенева: Болгарскія пѣсни изъ сборниковъ Венелина, Катранова и другихъ Болгаръ.	
Классическая Филологія и Археологія.	1839 1842 1844 1845 1847 1850	Ивановскаго: Асѣжовъ Еллуво-Русскихъ. Евлямпіоса: Амарантосъ или розы возрожденной Элады (рукопись). Шальонина: Краткая Синонимика, изложенная по Дедерлейну. Ивановскаго: Полный Россійско-Латинскій Словарь. Вессенича: Греческо-Русскій Словарь. Лесотьска: О поклоненіи Зевсу въ Древней Греціи.	285 р. с.
	1840 1848 1851	Почетнаго отзыва: Зедергельма: Xenophon's Anabasis. Ашика: Веспорское Царство съ его палеографическими и подгробными памятниками. Вешнера: Берегъ Понта Эвксинскаго отъ Истра до Борисеена въ отношеніи къ древнимъ его колоніямъ.	
Восточные языки.	1838 1839 1845 1846 1837	* Ф. Лангера: Китайская Грамматика. * Чубинина: Грузино-Русско-Французскій Словарь. * Шевалевскаго: Монголо-Русско-Франц. Словарь. * Чубинина: Русско-Грузинскій Словарь. Шевалевскаго: Монгольская Хрестоматія.	

Наука.	Годы.	Заглавія книгъ.	На изданіе.	
Восточные языки.	1840	Наваибена: Грамматика Турецко - Татарскаго языка.		
	1848	Шенева: Грамматика Калмыцкаго языка.		
	1850	Вобреншикова: Грамматика Монгольско-Калмыцкаго языка.		
	1850	Вереса: Начальныя основанія Гайканскаго языка, или практическая метода для удобнѣйшаго изученія его.		
	1854	Наваибена: Учебныя пособія для временнаго курса Турецкаго языка		
	Почетнаго отзыва:			
	1845	Гейтлина: Principia Grammatices Neo-Persicae cum metrorum doctrina et dialogis persicis.		
	1851	Наваибена: Дербендъ-Нама, или Исторія Дербенда.		
	1853	Вересама: Recherches sur les Dialectes Persans.		
	Лингвистика, Лексикографія.	1832	*Востокова: Русская Грамматика.	
1832		*Рейса: Dictionnaire russe-français (M. S.).	1428 p. c.	
1834		*Семелева: Церковно-Славяно-Россійскій Словарь.		
1843		*Наваибена: Филологическія наблюденія надъ составомъ Русскаго языка.		
1835		Вешьяншова: Грамматическія правила Алеутско-Ласьевскаго языка (рукопись).		
1841		Вашисевича: Корнесловъ Русскаго языка (рукоп).	428 p. c.	
1843		Мастрена: Elementa Grammatices Surjanicae (M. S.).	285 p. c.	
1845		Видеяма: Versuch einer Grammatik der Tschechremissischen Sprache (M. S.).	428 p. c.	
1849		Вашаботова: Грамматика Зырянскаго языка и Зырянско-Русскій и Русско-Зырянскій словари.		
1849		Видеяма: Grammatik der Wotjakischen Sprache (M. S.).	500 p. c.	
Почетнаго отзыва:				
1840		Гиндулова: Валахо-Молдавская Грамматика.		
1844		Эртелев: Нѣмецко-Русскій Словарь (рукопись).		
1848		Шеремѣевскаго: Начертаніе Русскаго Синтаксиса.		
1850		Рейса: Четыре новые параллельные словаря языковъ Русскаго, Французскаго, Нѣмецкаго и Англійскаго.		
1851		Шейса: Esthnische Volkslieder.		
1853		Арсена: Grammatik der Esthnischen Sprache Revalschen Dialektes, и Sprachfehler der Esthnischen Bibel.		

*

Наука.	Годы.	Заглавія книгъ.	На изданіе.	
Лингвистика, Лексикографія	1834	Верга: Пѣсни разныхъ народовъ	428 р. с.	
	1855	Навалевского: Нѣмецко-Русскій Словарь. 2 части.		
Географія и Статистика	1833	Левшина: Описаніе Киргизъ-Казачьихъ ордъ и степей.		
	1833	Григорьевъ: Описаніе Нахичеванской провинціи.		
	1835	Степанова: Енисейская губернія.		
	1837	Бруссинтерма: Précis du système, des progrès et de l'état de l'instruction publique en Russie.		
	1839	Обеденскаго: Теорія Статистики.		
	1840	Шевцова: Описаніе Армянской области (рукопись).		
	1842	Наимовъ: Статистическое описаніе Китайской Имперіи, съ прил. геогр. картъ.		
	1847	Герлева: Обзорніе Экономической Статистики Россіи (рукопись).		
	1848	Смальянскаго: Опытъ Статистическаго описанія Новороссійскаго края.		
	1849	Миллетима: Первые опыты военной Статистики.		
	1852	Ратлева: Skizze der ographischen und hydrographischen Verhältnisse von Liv-, Esth- und Curland. Ein geographischer Versuch.		
	1853	*Невелина: О пятинахъ и погостахъ Новгородскихъ въ XVI вѣкѣ.		
	1855	Селевцова: Сельско-Хозяйственная Статистика Смоленской губерніи.		
	1855	Н. Небольсина: Очерки торговли Россіи съ Среднею Азією.		
	Почтунаго отзыва:			
	1837	Черткова: Воспоминанія о Сициліи		
	1838	Верттроссера: Опытъ описанія Олонеккой губерніи.		
	1840	Вельяминова: Записки объ островахъ Унашскаго отдѣла.		
1842	Ольденкова: Geographie des Russischen Reiches.			
1842	Брума: Руководство къ сравнительной Статистикѣ Европейскихъ Государствъ.			
1843	Навалевского: Географія Россійской Имперіи, въ 2 частяхъ.			
1843	Завальйскаго: Статистика Царства Польскаго.			
1845	Г. Небольсина: Коммерческая Статистика.			
1847	Наимовъ: Китай въ гражданскомъ и нравственномъ состояніи.			
1850	Иттерка: Der Bauernstand in Russland.			

Науки.	Годы.	Заглавія книгъ.	На изданію.
Географія и Статистика.	1854	Жуащцова: Учебный курсъ Географія Россійской Имперіи.	
	1854	Верещака: Историческо-статистическое обзоріе учебныхъ заведеній С Петербургскаго Учебнаго Округа съ 1829 по 1853 годъ.	
Гидрографія.	1836	* Крузенштерна: Дополненіе къ изданнымъ въ 1826 и 1827 годахъ объясненіямъ, послужившимъ для составленія атласа южнаго моря.	
	1840	Штукенберга: Historisch - statistisch - technische Beschreibung aller im Russischen Reiche gegrabenen schiff- und flossbaren Kanäle.	857 p. c.
	1842	Его же: Hydrographie des Russischen Reichs oder topographisch-statistische Beschreibung seiner schiff- und flossbaren Flüsse und See'n, nebst einigen Nachrichten über die umgebenden Meere, deren Häfen und Anfahrten und über einige Gewässer Mittel-Asiens.	
	1850	* Рейнгома: Гидрографическое описаніе сѣвернаго берега Россіи.	1142 p. c.
	1853	Тельшмана: Атласъ сѣверо-западныхъ береговъ Америки отъ Берингова пролива до мыса Корриентесъ и острововъ Алеутскихъ.	
	Этнографія.	1835	Сивирова: Русскіе въ своихъ пословицахъ.
1839		Его же: Русскіе простонародные праздники и свѣтлыя обряды.	
1851		Руссулма: Die Schweden an den Küsten Esthlands und auf Runä. Eine historisch-ethnographische Untersuchung.	1000 p. c.
Государственное Хозяйство.	1831	* Гагемейстера: О финансахъ древней Россіи (рукопись).	
	1841	Герлова: Теорія Финансовъ.	
		Почетнаго отзыва:	
	1844	Михайлова: Политическая Экономія (рукопись). М. Заблещаго: О цѣнностяхъ въ древней Руси.	
Исторія.	1834	* Вашкова: Историческое обзоріе Ойратовъ или Калмыковъ.	
	1835	* Михайловскаго-Данилевскаго: Записки о походѣ 1813 года.	
	1836	* Уманова: Исторія военныхъ дѣйствій въ Азіатской Турціи въ 1828 и 1829 годахъ.	

Науки.	Годы.	Заглавіе книгъ.	На изданіе.
Исторія.	1839	*Шегодина: Несторъ, историческо-критическое разсужденіе о началѣ Русскихъ летописей.	
	1846	*Гр. Толстаго: Исторія финансовыхъ учреждений въ Россіи (рукопись).	
	1852	*Шиллотина: Исторія войны Россіи съ Франціею въ царствованіе Императора Павла I., въ 1799 году. Составлена по высочайшему повелѣнію Императора Николая I. 5 томовъ.	
	1831	Устрелова: Сказанія современниковъ о Дмитріѣ Самозванцѣ.	
	1833	Его же: Сказанія Князя Курбскаго.	
	1836	Михайловскаго-Дамилевскаго: Описаніе похода во Францію въ 1814.	
	1836	Семенова: Библиотека иностранныхъ писателей о Россіи.	
	1838	Шульгина: Изображеніе характера и содержанія Новой Исторіи	
	1841	Смарагдава: Руководство къ познанію Древней и Средней Исторіи.	
	1842	Лоренца: Руководство къ всеобщей Исторіи.	
	1842	Висковатова: Историческое описаніе одежды и вооруженія Россійскихъ войскъ, съ рисунками	
	1842	Крузе: Neoglivonica, т. е. древности Лифляндіи, Эстляндіи и Курляндіи, до введенія Христіанской вѣры въ при-Балтійскихъ губерніяхъ.	
	1848	Каминова: Собраніе свѣдѣній о народахъ, обитавшихъ въ Средней Азіи въ древнія времена (рукопись).	1000 р. с.
	1848	Хавскаго: Хронологическія таблицы.	
	1849	М. Шутерга: Исторія Апенской республики	
	1851	Жудрявцова: Судьбы Италіи отъ паденія Западной Римской Имперіи до возстановленія ея Карломъ Великимъ	
	1851	Иванова: Описаніе Государственнаго Архива старыхъ дѣлъ.	
	1852	Веселаго: Очеркъ исторіи Морскаго Кадетскаго Корпуса.	
	1852	Гиннинга: Нова и Ньюнкансъ или Введеніе въ Исторію С. Петербурга (рукопись).	отъ 600—800 р. с.
	1852	Нессельта: Tagebuch des Generals Patrick Gordon, während seiner Kriegsdienste unter den Schweden und Polen vom Jahre 1655 bis 1664 und seines Ausenthaltes in Russland vom	

Наука.	Годы.	Заглавіе книгъ.	На изданіе.
Исторія.		Jahre 1661 bis 1669; zum ersten Male vollständig veröffentlicht durch Dr. M. C. Posselt. 3 тома.	
	1853	Э. Муральта: Essai de chronographie Byzantine de 395 à 1057.	
	1854	Головацкаго: Хронологическая машина для Юлианскаго времячисленія Гражданскаго и Церковнаго Православнаго Исчисленія.	
	1854	Вунге: Liv-, Esth- und Carländisches Urkundenbuch, т. е. собраніе Лифляндскихъ, Эстляндскихъ и Курляндскихъ грамотъ съ хронологическимъ перечнемъ событій.	
	1855	Удальскаго: Временникъ Георгія Амартола въ отношеніи къ Несторовой лѣтописи.	400 р. с.
		Почетнаго отзыва:	
	1837	Терещенко: Обзоръ жизни сановниковъ, управлявшихъ иностранными дѣлами въ Россіи.	
	1840	Смарагдова: Руководство къ познанію Древней Исторіи.	
	1844	Его же: Руководство къ познанію Новой Исторіи.	
	1846	Смалковскаго: Исторія Новой Сѣчи или послѣдняго Коша Запорожскаго.	
	1846	Маларія: Исторія Христіанства въ Россіи до Равноапостольнаго Князя Владимира.	
	1846	Штрена: Два пасхальныхъ указателя.	
	1855	Кемова: Аполливарій Сидоній. Эпизодъ изъ литературной и политической Исторіи Галліи V вѣка.	
Нумизматика.	1834	Черткова: Описаніе древнихъ Русскихъ монетъ.	
	1837	Шедуара: Обзоръ Русскихъ денегъ.	
	1847	Савельева: Мухамеданская Нумизматика въ отношеніи къ Русской Исторіи.	
		Почетнаго отзыва:	
	1845	Жи. Баратаева: Нумизматическіе факты Грузинскаго Царства.	
Геральдика.	1855	Ламбера: Русская Геральдика. 2 части.	
Правовѣденіе.	1832	Р. Гольмерсона: Abhandlungen aus dem Gebiet des Livländischen Adelsrechtes.	
	1832	Стресса: Историко-юридическое изслѣдованіе Уложения (рукопись).	

Науки.	Годы.	Заглавіе книгъ.	На изданіе.	
Правовѣдѣніе.	1835	Р. Гольмерсона: Geschichte des Livländischen Adelsrechtes.		
	1839	Рейца: Verfassung und Rechtszustand der dalmatischen Küstenstädte und Inseln im Mittelalter, aus deren Municipalstatuten entwickelt. Ein Beitrag zur Geschichte Slavischer Rechte. (M. S.).		
	1840	Неселани: Энциклопедія законовѣдѣнія. 2 части.		
	1844	Вольфельда: Mittheilungen aus dem Strafrecht und dem Strafprocess in Livland, Esthland und Curland.		
	1850	Торнау: Изложеніе началъ Мусульманскаго законовѣдѣнія.		
	1851	* Неселани: Исторія Россійскихъ Гражданскихъ Законовъ 3 тома.		
	1855	Жарова: Теорія уликъ.		
	Почетнаго отзыва:			
	1838	Вунге: Das Liv- und Esthländische Privatrecht.		
	1840	Баршева: О мѣрѣ наказаній.		
	1844	Риктера: Лифляндское уголовное судопроизводство (рукопись).		
	1845	Риктера: Der Livländische Strafprocess.		
	1847	Линевскаго: Изслѣдованіе началъ Уголовнаго права.		
	1851	Шахмана: О судебныхъ доказательствахъ по древнему Русскому праву, преимущественно гражданскому, въ историческомъ ихъ развитіи.		
	1854	Вольфельда: Mittheilungen aus dem Strafrecht und dem Strafprocess in Livland, Esthland und Kurland.		
1855	Наченеваго: О каперахъ и призовомъ Судопроизводствѣ въ отношеніи къ нейтральной торговлѣ.			
Путешествія.	1835	* Литце: Путешествіе вокругъ свѣта, совершенное по военномъ шлюпѣ «Сенянинъ». Съ атласомъ.		
	1837	Гобеля: Reise in die Steppen des südlichen Russlands.		
	1841	* Врангеля: Путешествіе по сѣвернымъ берегамъ Сибири и по Ледовитому морю.		
	1844	* Аделунга: Kritisch-literarische Uebersicht aller Reisen der Ausländer in Russland bis 1700, deren Berichte bekannt sind.	571 p. c.	

Науки.	Годы.	Заглавіе книгъ.	На изданіе.	
Путешествія.	1846	*Гр. Искѣрлинга и Круземмтора: Wissenschaftliche Beobachtungen auf einer Reise in das Petschorland im Jahre 1843.		
	1846	*Дюшодона: Voyage dans la Russie méridionale et la Crimée par la Hongrie, la Valachie et la Moldavie, exécuté en 1837. 4 vols.		
	1847	Вашнера: Naturwissenschaftliche Reise durch die Kirgisensteppe im Jahre 1842 (M. S.).		
	1848	Загоскина: Пѣшеходная опись части Русскихъ владѣній въ Америкѣ.		
	1848	Гессмана: Reise nach den Goldwäshen Ost-sibiriens.		
	1849	Шрема: Reise nach dem Nordosten des Europäischen Russlands.		
	1853	Жемальскій: Сѣверный Уралъ и береговой хребетъ Ней-хой. Томъ I-II, съ 2-ми картами и 2-ми чертежами.		
				Почтутаго отзыва:
	1853	Влангала: Геогностическія поѣздки въ восточную часть Киргизской степи.		
	Архитектура и Искусства.	1850		Миртальева: Русская старина въ памятникахъ церковнаго и гражданскаго Зодчества. Текстъ Н. М. Снегирева.
1854		*Журавскаго: Результатъ изслѣдованій системы Гау, примененной къ мостамъ С. Петербурско-Московской желѣзной дороги.		
		Почтутаго отзыва:		
	1842	Спиззена: Учебное руководство къ Архитектурѣ.		
	1844	Гмантуса: Очерки теоріи рисованія, какъ общаго учебнаго предмета.		
	Педагогика.	1833		Метребцова: О системѣ наукъ, приличныхъ въ наше время дѣтямъ.
		1835		Флѣри: Глухо-нѣмые.
1836		Ярцова: Полезное чтеніе для дѣтей.		
1837		Ишановой: Исторія Россіи въ разсказахъ для дѣтей.		
		Почтутаго отзыва:		
1840	Ишановой: Исторія Россіи въ разсказахъ для дѣтей.			

Г. АЛФАВИТНЫЙ СПИСОКЪ

АВТОРОВЪ СОЧИНЕНІЙ, УВѢЩАННЫХЪ ПРЕМІЯМИ И УДОСТОВЕРЕННЫХЪ
ПОЧЕТНАГО ОТЗЫВА, РАВНО И РЕЦЕНЗЕНТОВЪ, ПОЛУЧИВШИХЪ
ОТЪ АКАДЕМІИ МЕДАЛИ.

Примечаніе: Звѣздочка при имени означаетъ полную премію.

Имя, напечатанное толстымъ шрифтомъ, означаетъ, что сверхъ преміи
выдана еще сумма на вознагражденіе надержки печатанія.

П. О. почетный отзывъ безъ преміи.

М. большаа, м. малая медаль за доставленныя рецензіи.

А.

Адолунгъ * 1844.
Амосовъ 1841.
Аргемидеръ * 1836.
Аренсъ 1854 П. О.
Ашкъ 1848 П. О.

Б.

Базинеръ 1847.
Бартаевъ, Кн., 1845 П. О.
Баршевъ 1840 П. О.
Безсоновъ 1855 П. О.
Беккеръ 1851 П. О.
Бергштроссеръ 1838 П. О., 1841.
Бергъ 1854 П. О.
Берединовъ 1834 м.
Бервардъ 1844 М.
Бероувъ 1850.
Бессеръ 1847 м.
Биларскій 1847.
Блунъ 1842 м., 1849 м.
Бобинскій 1836.
Боброниковъ 1850.
Бодо, Баронъ, 1833.
Бодяевскій 1855.
Бокерановъ 1849.
Болотовъ 1837, 1842 П. О.
Брашманъ * 1835, 1837, 1855 м.
Брауншвейгъ 1843 П. О.
Бредовъ 1844 П. О.
Брунъ 1888 П. О., 1842 П. О., 1845.
Буаге 1838 М., 1838 П. О.
Буратекъ и Зеленой 1837.

В.

Вальтеръ 1849 М.
Варнинскій 1845 М.
Веньяминовъ 1835, 1840 П. О.
Веселого 1852.
Веселовскій 1850 М.
Видеманъ 1845, 1849.
Висковатовъ 1842.
Витте 1854 П. О.
Влагалъ 1853 П. О.
Вольфельдтъ 1844, 1854 П. О.
Ворововъ 1854 П. О.
Востоковъ * 1832, 1833 М., 1834 М., * 1843.
Врангель, Баронъ, Е. В., 1838 м.
Врангель, Баронъ Ф. П., 1836 м., 1840 М.,
* 1841, 1853 М.
Всеволодовъ 1835, 1841 П. О.

Г.

Гагемейстеръ * 1831.
Галачъ 1834.
Гобель 1837.
Гоблеръ 1835.
Гельмерсенъ, Р., 1832, 1835.
Гельмерсенъ, Г. П., 1841.
Гефтъ 1841 П. О.
Гейтлингъ 1845 П. О.
Гинкуловъ 1840 П. О.
Гиншманъ 1852.
Гиппиусъ 1844 П. О.
Глаголевъ 1832.
Глазенацъ 1846 М., 1850 М.
Головацкій 1854.

Горемыкинъ * 1849.
Горловъ 1841, 1847, 1849 М.
Горьяновъ 1852 П. О.
Готвальдъ 1845 м.
Гофманъ 1841 М., 1848.
Грессингъ 1850.
Грейгъ 1836 М.
Гречъ 1833 м., 1840 П. О.
Григорьевъ 1833, 1855 М.
Гроновъ 1832.
Грунтъ 1838, 1841 П. О.

Д.

Давидовъ 1847, 1849.
Данилевскій-Михайловскій * 1835, 1836.
Дебольскій 1840 П. О.
Деллевъ 1855 м.
Демидовъ * 1846 ¹⁾.
Дестремъ 1854 М.
Диго 1841 П. О.
Дитъ 1837.
Досноей 1837 П. О.
Дубенскій 1844.
Дубовицкій 1848 М.

Е.

Евлавинскъ 1842.
Ермаковъ 1848 П. О.
Ессевъ 1835 М.
Ешовскій 1855 П. О.

Ж.

Жиряевъ 1855.
Журавскій * 1854.

З.

Заблоцкій, П. П., 1847 м., 1848.
Заблоцкій, М. П., 1854 П. О.
Завельскій 1843 П. О.
Загоскинъ 1848.
Зарубинъ 1853, 1855.
Зедделеръ, Баронъ, 1838 М., 1844 м., 1845
П. О., 1847 М., * 1851.
Зедергольмъ 1840 П. О., 1841 П. О.
Зейдлицъ 1836 м.
Зеленый 1837, 1841, 1844.
Зерновъ 1843.
Зонтагъ 1838, П. О.

И.

Ивановъ, П. И., 1851.
Ивановъ, Н. А., 1854.
Ильенковъ, П. А., 1851, 1854 м.
Ильенковъ, Я. С., 1844.
Ильявъ 1842 П. О.
Иноземцевъ М.
Ишимова, 1837, 1840 П. О.

І.

Ивановъ * 1834, * 1838, 1842, 1847 П. О.,
1848.
Юкинъ * 1853.

К.

Казембекъ 1840, 1851 П. О.
Камстремъ 1843, 1849 м.
Каченовскій 1855 П. О.
Кейзерлингъ и Крузенштертъ * 1846.
Келпепъ 1832 П. О., 1834 М.
Кесслеръ 1852.
Кикинъ 1840 П. О.
Клаусъ * 1845, 1849.
Кворре 1845 М.
Ковалевскій 1837, * 1845.
Ковальскій, 1853.
Коссовичъ 1847.
Кочетовъ 1838 М.
Крузенштертъ * 1836, 1837, * 1846.
Круссель 1855.
Кудрявцевъ 1852.
Кузнецовъ 1854 П. О.
Куторга, Ст. С., 1853.
Куторга, М. С., 1849.

Л.

Лакіеръ 1855.
Ласковскій 1854 М.
Левшинъ 1833.
Леонтьевъ 1850.
Лей, Тарасовъ и Стрѣлковскій 1845 П. О.
Ляновскій 1847 П. О.
Лятке * 1835.
Лихтенштедтъ 1835 М., 1836 м.
Лоренцъ 1838 м., 1840 М., 1842 м., 1844 м.

М.

Макарій 1846 П. О., * 1854.
Мартиновъ 1850.

¹⁾ Премія не взята авторомъ, и присоединена
обратно къ Демидовскому капиталу.

Медетъ, Баронъ, 1836, * 1838, 1851 М.
Мелетріе 1848.

Мерляинъ 1854.

Милютинъ 1849, * 1852.

Михайловскій-Давилевскій * 1835, 1836.

Михайловъ 1844 П. О.

Муральтъ 1848 м, 1853.

Н.

Напьерскій 1842 М.

Небольсинъ, Г. П., 1845 П. О.

Небольсинъ, П. И., 1855.

Неволинъ 1840, 1846 м., 1847 М., * 1851,
* 1853.

Нейманъ 1833 М.

Нейсъ 1851 П. О.

Нермандеръ 1847.

Новицкій 1841 М.

О.

Ободовскій 1836 м, 1839.

П.

Павловскій 1843 П. О., 1855 П. О.

Павскій * 1843.

Паумеръ * 1831.

Перовскій * 1843.

Петровъ 1848 П. О.

Петрушевскій 1835, 1846.

Пироговъ 1836 м., 1840, * 1843, * 1850.

Погодинъ * 1839.

Половцовъ 1833.

Поневъ 1848.

Порошинъ 1846 м.

Посельтъ 1852.

Постельсъ в Рупрехтъ * 1840.

Посьеть 1850.

Пушкаревъ 1848 П. О.

Р.

Ратлефъ 1852.

Рахманниковъ 1852 П. О.

Рейнке * 1850.

Рейтъ 1839.

Рейсъ * 1832, 1850 П. О.

Рихтеръ 1844, 1845 П. О.

Рупрехтъ 1840, 1844.

Руссууртъ 1851.

С.

Самантовъ 1849.

Савельевъ 1847, 1854.

Савичъ 1842 м, * 1845.

Самсонъ фонъ Гиммельштернъ 1833 М.,
1844 М., 1850 М.

Свинзевъ 1842 П. О.

Севастьяновъ 1832.

Семеновъ 1836.

Сидонскій * 1834, 1855 М.

Скаловскій 1845 П. О., 1848.

Словимскій 1844.

Смарагдовъ 1840 П. О, 1841, 1844 П. О.

Смиттъ 1840 М.

Свєгиревъ 1835, 1839

Соколовъ, Д. И., 1832, 1839.

Соколовъ, П. И., * 1834.

Соловьевъ 1855.

Сомовъ 1837, 1847, 1850.

Степановъ 1835.

Строевъ, В. М., 1832.

Строевъ, С. М., 1839.

Стрѣлковскій, Лей и Тарасовъ, 1845 П. О.

Сѣверцовъ 1855.

Т.

Тарасовъ, Лей и Стрѣлковскій, 1845 П. О.

Татариновъ 1842.

Тєбѣнниковъ 1853.

Тєляковскій 1839.

Тєрещенко 1837 П. О.

Толстой, Гр., * 1846.

Толь 1836 М.

Торнау 1850.

У.

Узатисъ 1843.

Ундольскій 1855.

Усовъ 1838.

Устряловъ 1831, 1833.

Ушаковъ * 1836.

Ф.

Фельдманъ 1836, 1838.

Филомаевскій 1840.

Фишеръ, А. А., 1834 М.

Фишеръ, Г. И., 1837.

Флеръ 1835.

Х.

Хавскій 1848.

Ц.

Циглеръ 1854 м.

Ч.

Чаруковский 1838.
Чобышевъ 1848, 1852 м.
Чертокъ 1834, 1837 П. О.
Чистяковъ 1847 П. О.
Чубиновъ * 1839, * 1846.

Ш.

Шенкель 1836.
Шиннишевичъ 1841.
Шмальцъ 1838 м.
Шодуаръ * 1837.
Шомель 1840.
Шренкъ 1849.
Штекгардтъ 1839 м.
Штумпелбергъ 1840, 1842.

Шульгинъ 1838.
Шульцъ 1853 П. О.

Э.

Эверманъ 1844.
Эйхвальдъ 1833.
Эрдманъ 1836 м.
Эристовъ 1836.
Эргель 1843, 1844 П. О.

Я.

Языковъ 1842.
Ялови * 1839.
Янишъ 1838 П. О.
Ярцова 1836.
Ястребовъ 1833.
Ястребовский 1838.

РАЗБОРЪ

СОЧИНЕНІЯ

І. М. БОДЯНСКАГО

ПОДЪ ЗАГЛАВІЕМЪ:

**О ВРЕМЕНИ ПРОИСХОЖДЕНІЯ СЛАВЯНСКИХЪ
ПИСЬМЕНЪ,**

СОСТАВЛЕННЫМЪ

АКАДЕМИКОМЪ И. И. СРЕЗНЕВСКИМЪ.

Въ числѣ замѣчательныхъ дѣлателей на поприщѣ отечественной науки профессоръ О. М. Бодянской, корреспондентъ нашей Академіи, извѣстенъ всякому, слѣдующему за ходомъ литературы, столько же обширными знаніями, сколько и любовью къ дѣлу и ревностію къ пользѣ общей. Довольно вспомнить «Чтенія Московскаго Общества Древностей», имъ изданныя: эта обширная библіотека, необходимая для всякаго, изучающаго Россію и Славянство, запечатлѣна вся его мыслию и трудомъ, и убѣдительно свидѣтельствуетъ какъ объ отчетливости мысли его, такъ и о тщательности труда. Такія изданія рѣдки въ самыхъ богатыхъ литературахъ; тѣмъ болѣе дорожить ими должны мы, будучи богаты болѣе надеждами и предположеніями, чѣмъ ихъ исполненіемъ, особенно въ томъ, гдѣ легче судить, чѣмъ трудиться. Новый трудъ г. Бодянскаго есть новое свидѣтельство его начитанности и трудолюбія.

Въ началѣ второй половины IX столѣтія, какъ всѣмъ извѣстно, Константинъ Философъ, уроженецъ Солуни, что въ Македоніи, въ монашествѣ принявшій имя Кирилла, избравъ для себя святое поприще проповѣдыванія вѣры Христовой у Славянъ на ихъ родномъ языкѣ, и принявъ поэтому на себя обязанность перевести и написать по-славянски всѣ необходимыя церковныя книги, попалъ на счастливую мысль пригнѣнить къ славянскому языку азбуку греческую, увеличивши ее нѣсколь-

кими особенными знаками, и, насколько можемъ судить по оставшимся древнѣйшимъ даннымъ, умѣлъ примѣнить эту мысль къ дѣлу очень успѣшно. Не тогда въ первый разъ явилась грамотность у Славянъ; не одною Кирилловскою грамотою пользовались Славяне и ранѣе и позже IX вѣка; тѣмъ не менѣе изобрѣтеніе Константина Философа осталось важнѣйшимъ изъ фактовъ этого рода въ исторіи первоначальнаго просвѣщенія Славянскихъ народовъ: вотъ почему г. Бодянский на этомъ изобрѣтеніи Константина Философа сосредоточилъ всѣ свои соображенія при разборѣ вопроса «о времени изобрѣтенія славянскихъ письменъ». Есть указаніе, очень важное по древности, что Константинъ Философъ изобрѣлъ свою славянскую азбуку въ 855 году. Это указаніе навело мысль нѣкоторыхъ ученыхъ на возможность праздновать тысячелѣтіе славянской азбуки въ одинъ годъ со столѣтіемъ Московскаго Университета, и придало на время особенную важность вопросу, и безъ того любопытному. Отвѣчать на этотъ вопросъ въ Москвѣ и для Москвы было всего ближе г. Бодянскому, какъ профессору славянской филологіи въ Московскомъ Университетѣ, и онъ не отказался воспользоваться этимъ случайнымъ поводомъ приняться за трудъ общепользныи. Разработка данныхъ привела г. Бодянскаго не къ тому выводу, который былъ бы кстати на ту пору, не позволила ему приурочить изобрѣтеніе Константина Философа къ 855 году; такимъ образомъ возможность отпраздновать въ предшедшемъ году въ Москвѣ двойной юбилей было утрачена. Но въ этомъ, конечно, могъ всякій утѣшиться — взглянувъ потомъ на совѣстливый и обширный трудъ нашего ученаго, и принявъ въ расчетъ его важность среди явленій нашей современной литературы. Разсматривая книгу г. Бодянскаго, легко убѣдиться, что авторъ сводилъ свои соображенія не съ желаніемъ угодить временной прихоти, не жалѣя труда и времени, что могъ быть не безъ внутренней скорби самъ разставившись съ мыслию соединить въ одно два торжества, равно дорогія сердцу Русскаго, искалъ себѣ

успокоенія въ совѣтливомъ пересмотрѣ всего, что и его самого и другихъ могло убѣдить въ томъ, что ему представлялось какъ истина.

Такъ случайный поводъ далъ Русской историко-критической литературѣ сочиненіе, вовсе не случайно замѣчательное, и въ своемъ родѣ принадлежащее въ ней къ числу очень немногихъ.

Изобрѣтеніе Кирилла должно быть отнесено не къ 855, а къ 862-му году: вотъ къ чему привели г. Бодянскаго его обширныя изслѣдованія. Точно ли при такомъ выводѣ и должна остаться исторія славянской письменности, это мы можемъ оставить пока въ сторонѣ; но изслѣдованія г. Бодянскаго, тѣмъ не менѣе, должны были быть очень обширны, разнообразны, и, по самому положенію автора, вполнѣ самостоятельны.

Объ обстоятельствахъ жизни и дѣятельности Константина Философа и брата его, Меодія, есть довольно много показаній разнаго рода: ихъ находимъ въ лѣтописяхъ и грамотахъ, въ житіяхъ и въ воспоминаніяхъ очень разнаго происхожденія и времени. Эти показанія, будучи всѣ любопытны сами по себѣ, когда ихъ рассматриваемъ отдѣльно, представляются въ нѣмъ свѣтѣ и значеніи, когда ихъ сличаемъ взаимно одни съ другими. Довѣрять всѣмъ не остается никакой возможности; довѣрять однимъ, изслѣдователь принужденъ отвергнуть другія; а чтобъ довѣрять однимъ и отвергнуть другія, надобно принять въ расчетъ множество стороннихъ показаній, взвѣсить и ихъ достоверность, войти въ разборъ сказаній о многихъ событіяхъ, по видимому вовсе не относящихся къ дѣлу: все это тѣмъ необходимо, чѣмъ болѣе нужды приурочить тотъ или другой фактъ жизни Константина Философа или Меодія къ опредѣленному году, и едва ли не всего труднѣе въ изслѣдованіи о годѣ изобрѣтенія славянской азбуки. Изобрѣтши азбуку, Константинъ Философъ сталъ переводить на Славянскій языкъ прежде всего Евангельскія чтенія и спустя нѣкоторое время явилъ

ся, какъ проповѣдникъ слова Божія, въ Моравіи: это фактъ несомнѣнный, не отвергаемый никѣмъ и ничѣмъ. Но пусть и совершилъ Константинъ Философъ свой трудъ перевода Евангельскихъ чтеній въ теченіе того или другаго, достовѣрно опредѣленнаго года, примѣрно скажемъ въ теченіе 862 года; изъ этого же еще нельзя заключать, что въ этомъ же году онъ и началъ свой трудъ въ первый разъ, никогда прежде не пытался братья за него, для какой бы то ни было цѣли; или что въ этомъ году примѣнивши славянскую азбуку, имъ изобрѣтенную, къ переводу Евангельскихъ чтеній, онъ никогда прежде и не думалъ объ азбукѣ, годной для славянскаго языка, и слѣдовательно не могъ изобрѣсти ее ранѣе, даже гораздо ранѣе, этого срока. Естественнѣе напротивъ заключать, что если въ 862 году у Константина Философа былъ уже готовъ переводъ Евангельскихъ чтеній на славянскій языкъ, то слѣдовательно первая попытка славянскаго перевода какихъ бы то ни было церковно важныхъ книгъ и первая попытки примѣненія особенной азбуки къ славянскому языку, если не должны, по крайней мѣрѣ могли быть ранѣе 862 года; и во всякомъ случаѣ, чтобы дать историческую достовѣрность заключенію, что именно въ 862 году все дѣло не только было окончено, но и первоначально начато, надобно положительно доказать, что ранѣе 862 года Константину Философу не было ни малѣйшей возможности и думать о славянской азбукѣ и объ ея примѣненіи къ славянскому переводу Евангельскихъ чтеній или чего нибудь другаго. Понимая невозможность миновать этого рода доказательства, легко понять необходимость изслѣдованій очень обширныхъ и разнородныхъ. Г. Бодянский не хотѣлъ ихъ миновать, и большую половину книги своей посвятилъ обзорѣнію и критическому разбору всѣхъ показаній, прямо или стороною относящихся къ дѣлу, не только не отстраняя, но даже нарочно вводя въ кругъ своихъ изслѣдованій другіе вопросы, связанные почему нибудь съ главнымъ вопросомъ. Очень естественно, что такое направленіе разработки дѣла не могло не

дать книгѣ г. Бодянскаго обширность, можно сказать, неожиданную, а вмѣстѣ и значеніе не только частное, по отношенію къ году изобрѣтенія азбуки, но и болѣе общее, по отношенію ко многимъ другимъ предметамъ древностей славянскихъ. И это значеніе книги г. Бодянскаго, даже совершенно независимо отъ успѣха рѣшенія главной задачи, ставить ее въ рядъ произведеній, необходимыхъ для всякаго, кто занимается древними судьбами славянской образованности. Она есть плодъ труда самостоятельнаго, твореніе ученаго не только близко знакомаго со всѣми источниками и пособіями, но и старавшагося обогатить науку открытіемъ и разъясненіемъ новыхъ, неизвѣстныхъ источниковъ. Что касается до главной задачи книги, то хотя и можно остаться неудовлетвореннымъ результатомъ изслѣдованій г. Бодянскаго, хотя можно и даже должно будетъ ранѣе или позже подвергнуть вопросъ новой разработкѣ, тѣмъ не менѣе въ этомъ отношеніи книга г. Бодянскаго на долго сохранить цѣнность важнаго пособія, достойнаго полнаго уваженія по многообразію соображеній.

Глядя такъ на новое произведеніе ученой дѣятельности профессора Бодянскаго, не могу не считать его вполне достойнымъ вниманія Академіи и поощрительной Демидовской награды.

РАЗБОРЪ

РУКОПИСНАГО СОЧИНЕНІЯ

Г. УНДОЛЬСКАГО

ПОДЪ ЗАГЛАВІЕМЪ:

ИЗСЛѢДОВАНІЯ

О ЦЕРКОВНО-СЛАВЯНСКИХЪ ХРОНОГРАФАХЪ.

Томъ I.

О ВРЕМЕНИКѢ ГЕОРГІЯ АМАРТОЛА

ВЪ ОТНОШЕНІИ КЪ НЕСТОРОВОЙ ЛѢТОЛИСИ,

СОСТАВЛЕННЫЙ

АКАДЕМИКОМЪ А. А. КУНИЦОВЪ.

Исторія происхожденія и развитія историографіи у разныхъ европейскихъ народовъ принадлежитъ къ числу важнѣйшихъ предметовъ исторической науки; но этотъ предметъ почти вездѣ до-нынѣ обработанъ, говоря вообще, еще неудовлетворительно. Причина тому, въ сущности, состоитъ въ томъ, что историческою критикою слишкомъ поздно стали заниматься, какъ отдѣльною, самостоятельною наукою, и вслѣдствіе того мало приготовлено сочиненій, составляющихъ самое прочное основаніе исторической критики: я разумѣю обстоятельныя монографіи о важнѣйшихъ источникахъ по одиначкѣ. Въ нашей исторической литературѣ плодотворные труды для объясненія начала русскаго лѣтописанія вызваны были, какъ извѣстно, дикимъ скептицизмомъ, и первое въ этомъ родѣ изслѣдованіе, извѣстное сочиненіе М. П. Погодина о Несторѣ, справедливо было увѣнчано въ 1840 году Академіею полной преміей. Съ тѣхъ поръ у насъ критическія изысканія объ источникахъ уже не рѣдкость, хотя сколько нибудь полная исторія русскаго лѣтописанія до Петра Великаго долго еще будетъ только желаніемъ, такъ какъ до сихъ поръ этому дѣлу положены, судя относительно, лишь немногія основанія. Разборъ и оцѣнка источниковъ по одиначкѣ до-нынѣ остаются самою настоятельною потребностью, потому что безъ этого русская исторія никогда не достигнетъ истиннаго значенія науки.

Въ числѣ специальныхъ критическихъ трудовъ, необходимыхъ для исторіи русскаго лѣтописанія, первое мѣсто естественно занимаетъ вопросъ о вліяніи византійскихъ историковъ на русскихъ лѣтописцевъ. Россія получила изъ Византіи, вмѣстѣ съ Христіанствомъ, и первая стихія литературнаго образованія. Могло быть, и даже очень вѣроятно, что первые начатки нашего лѣтописанія возникли въ Кіевѣ еще въ IX-мъ вѣкѣ, вслѣдъ за первымъ крещеніемъ Руссовъ, — въ видѣ краткихъ замѣтокъ о туземныхъ событіяхъ; но та литературная форма, въ которой дошла до насъ первая русская лѣтопись, безъ сомнѣнія, составила по образцу византійскому. Редакторомъ этой первой лѣтописи, или вѣрнѣе перваго лѣтописнаго сборника, справедливо признается преподобный Несторъ, который въ концѣ XI и въ началѣ XII вѣка, подъ вліяніемъ византійскихъ источниковъ, совокупилъ во-едино прежнія лѣтописныя замѣтки или записки и продолжалъ ихъ до своего времени.

Въ чемъ же именно состояло это вліяніе? Еще до возобновленія въ 1803 году историко-филологическаго отдѣленія въ нашей Академіи, иностранные ученые замѣтили, что въ Несторовой лѣтописи есть нѣкоторое сходство съ нежданною византійскою лѣтописью Георгія Амартола. Въ самой Россіи этотъ взглядъ въ первые высказанъ былъ покойнымъ Академикомъ Кругомъ, въ 1806 году, въ Академіи. Но тогда думали, что Георгій Амартолъ, именно мѣста, внесенныя изъ него въ русскую лѣтопись, переведены были самимъ Несторомъ. Вскорѣ однакожь этотъ взглядъ оказался ошибочнымъ: по указанію П. М. Строева и др., обнаружилось, что Несторъ имѣлъ подъ рукою церковно-славянскій (или болгарскій) переводъ Георгія Амартола, и въ тоже время оказалось еще, что Несторъ пользовался переводомъ не только самого Амартола, но и его неизвѣстнаго продолжателя.

Заботамъ гр. Румянцова и Круга удалось было склонить, просьбами и деньгами, Парижскаго Академика Газе къ изданію греческаго текста Амартола; но, по недоброхотству

этого ученаго, предпріятіе не состоялось. Переговоры объ этомъ предметѣ, возобновленные съ парижскимъ эллинистомъ въ 1845 году и продолжавшіеся до 1854, не повели къ чему: вслѣдствіе того III Отдѣленіе Академіи поручило изданіе греческаго оригинала одному нѣмецкому ученому, а II Отдѣленіе изданіе подобнаго же московскаго кодекса одному здѣшнему ученому. Оба эти предпріятія могли бы состояться, не только не мѣшая другъ другу, но и съ общою пользою, а между тѣмъ оказалось, что, до обнаруженія этихъ двухъ изданій, полезно бы было и даже почти необходимо рѣшить напередъ нѣкоторые историко-литературные вопросы о личности Георгія Амартола и объ отношеніи его хронографіи, вмѣстѣ съ славянскимъ ея переводомъ, къ другимъ подобнымъ хроникамъ. Коротко сказать: въ послѣдніе годы считали почти за достовѣрное, что хронографъ Георгій, о которомъ здѣсь говорится, является въ литературѣ подъ разными наименованіями, именно 1) подъ именемъ Γεώργιος μοναχός, по церковно-славянскому переводу Георгій *мнхъ*, 2) Γεώργιος ἀμαρτωλός (рессатор), въ церковно-славянскомъ переводѣ Георгій *грѣшный*. Не только византилисты слили этого Георгія Монаха съ Георгіемъ Амартоломъ, но между славянскими учеными считалось чуть ли не на-всегда рѣшеннымъ, что церковно-славянскій переводъ такъ называемаго Георгія Мнixa или Грѣшнаго донелъ до насъ въ двухъ редакціяхъ, именно въ болгарской и сербской. Дѣло казалось такъ просто и ясно, что нѣкоторые поборники этого догмата не захотѣли бы и выслушать какое-нибудь предостереженіе, еслибъ оно было голословно.

Между тѣмъ оказывается, что этотъ догматъ до сихъ поръ держался лишь потому, что никто не принималъ труда показать, на основаніи положительныхъ свидѣтельствъ, какъ возникъ этотъ догматъ въ ученое мірѣ и сколь необходимо прояснить такія темныя и безочетныя мнѣнія какъ для славянской, такъ и для византийской исторической литературы. Такой необходимый трудъ предлагаетъ намъ г. Ундольскій въ разсматриваемомъ сочиненіи.

Г. Ундольскій, бывшій воспитаникъ Московской Духовной Академіи, своими отдѣльными трудами, приобрѣлъ въ послѣднія 12 лѣтъ славу страстнаго любителя и основательнаго знатока церковно-славянской литературы. Случай къ умноженію его литературныхъ познаній доставляютъ ему, между прочимъ, занимаемыя имъ почетныя должности: Начальника Отдѣленія Архива Министерства Юстиціи въ Москвѣ, Библіотекаря въ Московскомъ Историческомъ Обществѣ и Члена Комитета для изданія Разрядныхъ и Записныхъ Книгъ, учрежденнаго при II Отдѣленіи Собственной Е. И. В. Канцеляріи. Въ своихъ поискахъ для приобрѣтенія церковно-славянскихъ рукописей и для удовлетворенія своей любознательности, онъ обращалъ особенное вниманіе на церковно-славянскіе хронографы, или переведенные съ греческаго или выбранныя изъ нихъ по отрывкамъ, родъ исторической литературы, которому долго не знали настоящей цѣны. Въ I томѣ своихъ «Исслѣдованій о Церковно-Славянскихъ Хронографахъ», г. Ундольскій предпринялъ изслѣдовать Временникъ Георгія Амартола въ отношеніи къ лѣтописи Нестора, при чемъ возникло нѣсколько частныхъ историко-литературныхъ вопросовъ. Постараюсь выставить важнѣйшіе пункты въ ходѣ этого спеціальнаго изслѣдованія.

Доселѣ, какъ сказано выше, считалось несомнѣннымъ, что на греческомъ, а слѣдовательно и въ славянскихъ переводахъ существуютъ двѣ редакціи или фамиліи хроники Георгія Амартола. Между тѣмъ, обращаясь къ разсмотрѣнію церковно-славянскихъ переводовъ, нельзя сомнѣваться, что обѣ редакціи переведены на два разныя нарѣчія, — на болгарско-церковнославянскій и на сербско-церковнославянскій языкъ. Не смотря на это и на другія отличія, не переставали приписывать обѣ редакціи одному и тому же Георгію Амартолу. Но именно эти отличія такъ называемыхъ Славянскихъ редакцій Амартоловой Хроники въ сербскомъ и болгарскомъ переводахъ, заставили г. Ундольскаго внимательно изслѣдовать составъ

этихъ редакцій и рѣшить положительнѣе: дѣйствительно ли на греческомъ и въ переводахъ церковнославянскихъ было двѣ разныхъ редакціи одной и той же Амартоловой Хроники, или же, вопреки общему мнѣнію, было два разныхъ писателя, одинаковыхъ только по имени — Георгіевъ? Но какъ было рѣшить этотъ сколько сложный, столько и любопытный вопросъ, когда не было еще изданій ни греческихъ кодексовъ, ни церковно-славянскихъ списковъ такъ называемой Амартоловой лѣтописи? Недостатокъ такихъ изданій могъ остановить инаго ученаго, но не г. Ундольскаго. Онъ, съ свойственною ему энергіею, принялся за собраніе а) *мнѣній* всѣхъ ученыхъ разныхъ странъ и временъ объ Амартолѣ и его хроникѣ; б) *Описаній греческихъ кодексовъ* Амартола и с) *самыхъ извлеченій* изъ Амартола, напечатанныхъ разными учеными при сочиненіяхъ и изданіяхъ; и наконецъ за собраніе мѣстъ греческаго текста Георгія Амартола, еще неизданныхъ у московскихъ и петербургскихъ ученыхъ, имѣвшихъ возможность приобрѣсть болѣе или менѣе значительныя выписки изъ подлинника Амартола. Очевидно, такая работа не могла идти скоро, и только особой настойчивости автора въ ученое трудѣ должно приписать, что ему удалось собрать болѣе двадцати мѣстъ изъ греческаго подлинника Амартоловой Хроники, — почти всѣ мѣста, гдѣ историки византійской литературы имѣли случай говорить о немъ, и библиографическія описанія самыхъ кодексовъ. Сколько тутъ книгъ пересмотрѣно, кромѣ приведенныхъ, въ надеждѣ отыскать что вибудь! Съ такими средствами г. Ундольскій рѣшился переслѣдовать это темное и запутанное дѣло, расположивъ свой трудъ въ слѣдующихъ пяти отдѣлахъ:

1) Кто былъ, когда жилъ и что написалъ Георгій Амартолѣ?

2) Съ одной ли греческой хроники сдѣлано два церковнославянскихъ перевода, сербскій и болгарскій, или въ самомъ греческомъ подлинникѣ было двѣ редакціи этой хроники? Или же было два совершенно разныхъ греческихъ писателя раз-

личныхъ хроникъ, переведенныхъ на болгарско и сербско-церковнославянской языкъ?

3) Кто изъ двухъ греческихъ хронистовъ Георгіевъ (въ болгарскомъ и сербскомъ переводахъ) есть собственно Амартоль и которая изъ двухъ хроникъ должна принадлежать Амартолу?

4) Греческій кодексъ Московской Синодальной Библіотеки № 251 содержитъ ли хроникку Георгія Амартола, и сербскій переводъ лѣтописника Георгіева до-словно ли съ нимъ сходенъ? и наконецъ

5) Которою изъ двухъ Георгіевыхъ хроникъ пользовался преподобный Несторъ при составленіи начала своей лѣтописи— въ церковно-болгарскомъ переводѣ или въ церковно-сербскомъ?

Въ *первомъ* отдѣлѣ трудолюбивый и близко знакомый съ библіографическими пособиями авторъ, говоря о хроникѣ Амартола, писанной отъ Сотворенія Мира, съ продолженіемъ *мемъ-ельстмаю* по 948 годъ, приводитъ въ подлинникѣ описаніе а) греческихъ и б) славянскихъ рукописей. Это, по нашему понятію, полезно и даже необходимо въ разныхъ отношеніяхъ.

Ознакомившись съ Георгіемъ Амартоломъ и списками его лѣтописи на греческомъ и въ славянскихъ переводахъ, авторъ приступаетъ къ рѣшенію *второю* вопроса: «съ одной ли греческой хроники сдѣланы болгарскій и сербскій переводы или съ двухъ греческихъ редакцій?» Безспорно, что съ разныхъ греческихъ списковъ, потому что и въ нихъ, какъ и въ переводахъ славянскихъ, въ однихъ есть довольно обстоятельный Πίναξ— криница (т. е. Tabulae, Оглавленіе) и предисловіе, равно и соотвѣтствующее криницѣ (оглавленію) дѣленіе хроники на книги и главы; въ другихъ ни криницы ни предисловія и пр. въ лѣтописи не находится; и продолжатели у лѣтописей въ греческихъ и славянскихъ переводахъ разные, а главное, что, по самому составу, въ нихъ находятся значительныя разности и несходства; и въ болгарскомъ время окончанія труда Георгіева обозначается царствованіемъ Михаила, сына Θεοφιλου.

Съ другой стороны подъ 839 годомъ замѣчается въ трехъ древнихъ греческихъ рукописяхъ, что здѣсь окончилось твореніе Георгіево, а потомъ слѣдуетъ Логоветово. Изъ всего этого заключаетъ г. Ундольскій, что былъ не одинъ, а двое греческихъ писателей Георгіевъ.

Послѣ разбора этого вопроса, необходимо представляется другой: который же собственно изъ этихъ двухъ Георгіевъ Амартолъ и которая изъ двухъ лѣтописей должна принадлежать ему? Настоящій *третій* отдѣлъ можно и должно, по справедливости, назвать капитальнымъ во всемъ настоящемъ изслѣдованіи, потому что въ немъ приведены въ подлинникахъ а) *извѣстія* объ Амартолѣ писателяхъ, критиковъ и издателей, пользовавшихся его лѣтописью, и в) *мысли* изъ нея въ сличеніи съ болгарскимъ переводомъ. Изъ этого сличенія несомнѣнно заключаетъ г. Ундольскій, что Амартолу безспорно должна принадлежать лѣтопись отъ Сотворенія Мира по 867, продолженная по 948 годъ неизвѣстнымъ. Эта лѣтопись находится въ болгарскомъ переводѣ. Въ заключеніе сего отдѣла г. Ундольскій обращается къ разсмотрѣнію продолжателя Амартоловой лѣтописи и доказываетъ между прочимъ, что въ болгарскомъ переводѣ, вопреки его показанію, слитъ вовсе не неизвѣстный Θεοφανὸς продолжатель (изд. Комбефисомъ in *Scriptoribus post Theophanem*). При этомъ г. Ундольскій дѣлаетъ справедливый упрекъ Беккеру (*Emmanuel Bekker*) за Бонское изданіе *Scriptorum post Theophanem* (*). Настоящій отдѣлъ заключенъ выводомъ, что въ изданныхъ доселѣ византійцахъ мы не имѣемъ ни одного совершенно сходнаго съ продолжателемъ Амартоловой хроники по 948 годъ.

Для полнаго и совершеннаго доказательства, что не одинъ, а двое было Грековъ хронистовъ Георгіевъ, г. Ундольскимъ въ IV отдѣлѣ приведены изъ лѣтописи Георгіевой всѣ тѣ же мѣ-

---

(*) Именно въ томъ, что онъ измѣнилъ прежнее заглавіе и въ надписаніяхъ и считъ книгу слитъ въ одно нѣсколько разныхъ писателей.

ста, какія въ предыдущемъ III отдѣлѣ сообщены изъ Амартоловой хроники. Изъ сличенія открылось, что оба лѣтописателя Амартолъ и (такъ называемый) Георгъ инокъ, содержащейся въ московскомъ кодексѣ, хотя во многомъ между собою сходятся, тѣмъ не менѣе однакожь суть два совершенно отдѣльные хрониста, что московскій синодальный кодексъ нельзя считать хроникою настоящаго Амартола, и что въ немъ, какъ заключаетъ г. Ундольскій, содержится хроника Георгія инока, писавшаго отъ Сотворенія Мира по 839 годъ, окончаніе коей напечатано Комбефисомъ въ числѣ продолжателей Феофана, гдѣ подъ 839 годомъ сказано, что здѣсь окончено твореніе Георгіево — а далѣе идетъ Логоветово. Эта самая замѣтка находится и въ томъ же самомъ мѣстѣ и въ московскомъ Синодальномъ Греческомъ кодексѣ, и въ концѣ онаго: «окончилось и твореніе Логоветово».

Рѣшивъ это, авторъ обращается къ разсмотрѣнію того, дѣйствительно ли «лѣтоvníкъ Георгія инока» въ сербскомъ переводѣ до-словно сходенъ съ синодальнымъ греческимъ кодексомъ? На это авторъ отвѣчаетъ отрицательно. Хотя окончательнаго рѣшенія вопроса объ отношеніи лѣтоvníка Георгія къ московскому синодальному кодексу и нѣтъ въ изслѣдованіи г. Ундольскаго; но мы и не въ правѣ отъ него требовать, ибо главная его задача — разсмотрѣть одинъ Временникъ Георгія Амартола и то отношеніе, какое имѣлъ онъ къ Несторовой лѣтописи. Этотъ пунктъ составляетъ V и послѣдній отдѣлъ его труда, въ коемъ рѣшается: «какою изъ двухъ Георгіевыхъ хроникъ пользовался преподобный Несторъ при составленіи своей лѣтописи, въ такъ называемой болгарской ли или въ сербской редакціи? Настоящій вопросъ рѣшенъ кратко, но удовлетворительно: Несторъ пользовался именно болгарской редакціей.

Въ VI отдѣлѣ содержатся выводы настоящаго изысканія съ показаніемъ прежнихъ, доселѣ принятыхъ положеній. До сихъ поръ нѣкоторые ученые полагали, что на греческомъ было двѣ разныя

редакція Амартоловой хроники, переведенные на болгарское и сербское нарѣчіе. Г. Ундольскій старался доказать, что не одинъ, а двое было разныхъ лѣтописателей греческихъ Георгіевъ, которыхъ хроники встрѣчаются и отдѣльно безъ продолжателей. Въ славянскихъ переводахъ, болгарскомъ и сербскомъ, содержится не одна Амартолова хроника, но только въ первомъ, т. е. въ болгарскомъ; а въ сербскомъ — «лѣтовникъ» такъ называемаго «Георгія инока». Сербскій лѣтовникъ Георгіевъ во многомъ несходенъ съ московскимъ синодальнымъ греческимъ кодексомъ, особенно во второй его половинѣ: цѣлыя царствованія иногда въ немъ подробнѣе греческаго, иногда на оборотъ.

И такъ, по мнѣнію г. Ундольскаго, теперь вмѣсто двухъ нинимыхъ редакцій подлинника Амартоловой хроники мы имѣемъ двухъ отдѣльныхъ хронистовъ греческихъ, продолженныхъ по 948 годъ, но встрѣчающихся въ подлинникѣ и отдѣльно.

Доселѣ мы имѣли случай говорить о текстѣ изысканій г. Ундольскаго о Временникѣ Георгія Амартола въ отношеніи къ Несторовой лѣтописи. Теперь скажемъ нѣсколько словъ о приложеніяхъ, и прямо обратимъ вниманіе на второе приложеніе о *Кесаріи*, томъ самомъ, на котораго Амартолъ, а за нимъ и преподобный Несторъ ссылаются въ своихъ лѣтописяхъ. Сего Кесарія, брата Григорія Богослова, кажется, въ первый разъ, удалось г. Ундольскому открыть въ славянскомъ переводѣ. Если такъ, то весьма любопытно знать, что еще въ IV вѣкѣ писалъ Касарій о Славянахъ, «какоже въ иной суще ирацѣ Словене и Фисоняне еще же и Дуневіане нарицаются». Въ слѣдующемъ за тѣмъ III приложеніи содержится извлеченіе Анкурота св. Евифанія Кипрскаго, писателя почти современнаго Кесарію (+ 403), — извлеченіе, которое можетъ пояснить этнографическую таблицу Нестора и отыскано г. Ундольскимъ также въ славянскомъ переводѣ.

Принимая въ соображеніе весь ходъ изслѣдованія и главныя его результаты, нельзя дать мѣста ни малѣйшему сомнѣ-

нію въ томъ, что 1) предметъ изслѣдованій г. Ундольскаго есть современный и настоятельный вопросъ исторической критики, и что основательный разборъ этого вопроса весьма кстати является, прежде нежели состоялось изданіе обѣихъ греческихъ лѣтописей, предпринимаемое распоряженіемъ II и III Отдѣленій Академіи; что 2) сочиненіе г. Ундольскаго не есть какой нибудь сборникъ бібліографическихъ свѣдѣній, а представляетъ въ себѣ трудъ критическій. Правда, предметъ изслѣдованія рассматривается здѣсь преимущественно съ историко-литературной стороны; но съ этого именно и надобно было начать. Было бы совершенно несправедливо винить г. Ундольскаго за то, что онъ не сдѣлалъ больше, чѣмъ слѣдовало по плану его сочиненія. Въ настоящее время онъ не могъ предпринять полного сравненія текста рассматриваемыхъ греческихъ и церковно-славянскихъ хронографовъ, не могъ уже потому, что они еще не изданы, а нѣкоторые изъ нихъ г. Ундольскому не были довольно доступны. При томъ, сравненіе, которое должно составить другую сторону критическаго разбора этого разряда хронографовъ, представляется особенною задачею, которой надобность стала ощутительна только теперь, послѣ историко-литературнаго разбора, сдѣланнаго г. Ундольскимъ. Чего хотѣлъ достигнуть г. Ундольскій и что действительно прежде всего надобно было разъяснить, то онъ выполнилъ совершенно удовлетворительно: личность Георгія Амартола и его сочиненія — такъ называемый «Временникъ Георгія грѣшнаго», послужившій первообразомъ Нестору, теперь поставлены выше всѣхъ недоразумѣній, такъ что отнынѣ этого писателя нельзя уже смѣшивать съ подобными греческими и церковно-славянскими текстами, потому что сходство между ними отнюдь не простирается до тождества. Не такъ рѣшительно можно отозваться о результатѣ г. Ундольскаго касательно лѣтописи «Георгія монаха или инока» и объ отношеніи его къ временнику Георгія Амартола или грѣшнаго. Не это не значитъ, чтобы приведенныя имъ доказательства были слабы.

По самому свойству этого вопроса, окончательное рѣшеніе его надобно отложить до обнаруженія всѣхъ отвѣсшихся сюда текстовъ, какъ греческихъ, такъ и церковно-славянскихъ, потому что только тогда можно будетъ положительно сказать, былъ ли почти въ одно время съ Георгіемъ Амартоломъ другой Георгій, по прозванію монахъ или инокъ, и чье оученіе вошло въ составъ другаго — Лѣтописникъ ли такъ называемаго Георгія монаха въ Временникъ Георгія Амартола, какъ полагасть г. Ундольскій, или на-оборотъ? Изъ его разысканій мы достовѣрно узнаемъ покуда, что въ «Лѣтописникъ» и «Временникъ» Георгіевыхъ, какъ на греческомъ, такъ и на церковно-славянскомъ языкѣ, мы имѣемъ двѣ особенныя, хотя въ многомъ сходныя, но въ цѣломъ самостоятельныя редакціи хронографовъ отъ Сотворенія Мира въ одномъ до 839, въ другомъ до 867 года, и что обѣ редакціи имѣютъ отъ показанныхъ годовъ двухъ разныхъ продолжателѣй до 948 года, изъ которыхъ одинъ на греческомъ языкѣ донынѣ еще не издавъ. Для критика византійскихъ источниковъ чрезъ это открывается широкое поле, и нѣтъ сомнѣнія, что весь этотъ вопросъ продолѣтъ новый свѣтъ и на другіе византійскіе и церковно-славянскіе хронографы, состоящіе болѣе или менѣе въ связи съ Временникомъ Георгія Амартола, именно на важный вопросъ о Симеонѣ Логоетѣ.

Послѣ всего сказаннаго не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что въ сочиненіи г. Ундольскаго мы имѣемъ самостоятельное изслѣдованіе, выполненное вообще съ тщательностью, на основаніяхъ ученой критики. Встрѣтитъ такой трудъ тѣмъ пріятнѣе, что въ немъ византійскія лѣтописи не только въ русской, но и во всей ученой литературѣ, *въ первый разъ* подвергаются ученому разбору совокупно съ славянскими ихъ переводами и компіляціями. Академія давно признала важность и необходимость такихъ критическихъ сравненій и не разъ публично вызывала на такіе труды. Что же касается собственно вопроса, разсматриваемаго г. Ундольскимъ, то въ послѣдніе

годы, II и III Отдѣленія совершенно самостоятельно, безъ всякаго соревнованія другъ къ другу, высказывали заботливое убѣжденіе въ настоятельной необходимости повести этотъ вопросъ къ положительному рѣшенію посредствомъ изданія относящихся къ нему источниковъ. Эти убѣжденія и заботы самой Академіи о предметѣ сочиненія г. Ундольскаго, кажется, могутъ служить для насъ вполне достаточнымъ побужденіемъ поощрить его къ дальнѣйшимъ трудамъ на этомъ трудномъ поприщѣ, въ примѣръ другимъ для подражанія. И мы поступимъ совершенно въ духѣ основателя наградъ, если увѣнчаемъ сочиненіе, которое съ успѣхомъ прокладываетъ новый путь въ нашей ученой литературѣ. Прибавимъ къ тому, что г. Ундольскій, какъ видно изъ разныхъ мѣстъ его сочиненія, занимался подобнымъ же образомъ Палеями, хроникою Малалы, и другими церковно-славянскими хронографами.

Сочиненіе г. Ундольскаго принадлежитъ къ разряду тѣхъ, которымъ суждено покуда имѣть весьма малый кругъ читателей. Вслѣдствіе того я предлагаю присудить сочинителю и сумму на покрытіе издержекъ печатанія.

РАЗБОРЪ

СОЧИНЕНІЯ

Г. ЛАКІЕРА:

РУССКАЯ ГЕРАЛЬДИКА,

СОСТАВЛЕННЫЙ

АКАДЕМИКОМЪ Н. Г. УСТРЕЛОВЫМЪ.

Ученая литература Западной Европы можетъ указать десятки сочиненій, посвященныхъ спорамъ о томъ, существовали-ли гербы въ древней Греціи и Римѣ. Нѣкоторыя, по большей части темныя и неопредѣленные выраженія, встрѣчающіяся у поэтовъ и историковъ древности о знакахъ, изображавшихся на племахъ и щитахъ, подавали поводъ спорамъ, пока наконецъ ученый геральдикъ XVI столѣтія Менетріе (*Menestriot*), извѣстными своими сочиненіями: «*Nouvelle méthode raisonnée du blason ou de l'art héraldique*» и другимъ: «*L'origine ou vtaie pratique de l'art du blason*», — не доказалъ, что объясненія начала и значенія гербовъ должна искать Западная Европа совсѣмъ не въ печатяхъ, затѣшанныхъ древностью, и не въ знакахъ, бывавшихъ на племахъ, а въ подвигахъ рыцарей среднихъ вѣковъ и въ обрядахъ, соблюдавшихся при турнирахъ. Исторія подвига находила себѣ вѣрнаго, хотя не всегда и не для всѣхъ яснаго истолкователя въ гербѣ, котораго обстановка — шлемъ, наметъ, корона и т. д. — была скѣлкомъ съ рыцарскаго вооруженія во всей его полнотѣ (образцы такихъ гербовъ представлены на 1^й таблицѣ сочиненія «Русская Геральдика»). Плодотворная мысль, брошенная Менетріе, принесла богатые плоды въ сочиненіяхъ геральдиковъ XVII и XVIII столѣтій: Петра-Санта, Спенера, Коломбьера, и въ новѣйшее время Натали-де-Вальи (*Natalis de Wailly*) — *Éléments de Paléographie* — два боль-

шіе тома in-4°, 1838 г., и Эйзенбаха (Eisenbach) — Histoire du blason et science des armoiries 1848 г. Послѣ такихъ сочиненій, отличающихся новостью и правильностью взгляда на богатые матеріалы, бывшіе до тѣхъ поръ неизвѣстными, становится неумѣстнымъ всякій трудъ о гербахъ, неосвященный историческою разработкою подвиговъ, стяжавшихъ лицу и его потомству право на извѣстныя отличія въ гербѣ.

Результаты, добытые Западными учеными, не могутъ быть оставлены безъ вниманія Русскими геральдиками, потому что внѣшняя форма герба, его обстановка, атрибуты, у насъ тѣже, какія у дворянъ Западной Европы, и безъ историческаго объясненія значенія составныхъ частей герба осталось бы непонятнымъ, почему у насъ столько именно, не болѣе, геральдическихкихъ цвѣтовъ, мѣховъ; для чего употребляются наметъ, корона и т. д.

Вслѣдствіе того исторіи гербовъ Западной Европы посвящена первая часть «Русской Геральдики», въ которой въ краткомъ очеркѣ объяснено вліяніе рыцарства и турнировъ на образование и развитіе гербовъ, показаны значеніе и формы дѣлений щита, и на основаніи лучшихъ пособій, которыя представляетъ иностранная литература, изложены правила, необходимыя для всякаго, кто, получивъ право на гербъ, захотѣлъ-бы его употребить. Исторія же рыцарства и близкое знакомство съ происхожденіемъ иностранныхъ названій для означенія разныхъ дѣлений щита и частей герба, такими дѣленіями образуемыхъ, дали возможность, во избѣжаніе описательныхъ выраженій, ввести названія, которыя могутъ сдѣлаться техническими. Если выраженія: *разсѣченный* для означенія герба, раздѣленнаго поперекъ, parti; — *разбитый* вмѣсто раздѣленнаго вдоль, coupé; *скошенный* — tranché, taillé и т. д., могутъ казаться теперь нововведеніями, то не должно забывать, что и общепотребительные нынѣ Французскіе термины, извѣстные всякому, когда-то были такими же нововведеніями, получили однако право гражданства въ наукѣ, потому что значительно об-

легчаютъ описаніе гербовъ и соотвѣтствуютъ той исторической причинѣ, на которой основаны эти дѣленія, какъ остатки сабельныхъ по щиту ударовъ. Названія, для введенія которыхъ сдѣлана попытка въ «Русской Геральдикѣ», заимствованы изъ прежнихъ описаній нашихъ гербовъ и отчасти дополнены новыми.

Но если внѣшняя форма Русскаго герба перешла къ намъ изъ Западной Европы, то это еще не значитъ, что гербы наши не имѣютъ никакого самостоятельнаго значенія, что у насъ не можетъ быть своей геральдики, какъ науки съ своимъ основаніемъ и съ своимъ образомъ возрѣнія на эмблемы. Совершенно противоположный взглядъ на отечественные гербы лежитъ въ основаніи сочиненія «Русская Геральдика», и правильность его сама собою вытекаетъ изъ исторіи отечественнаго дворянства, котораго начало и образованіе во всѣхъ отношеніяхъ отлично отъ дворянства Западной Европы, дворянства рыцарскаго. Тѣмъ не менѣе изданныя у насъ до сихъ поръ о геральдикѣ сочиненія не только не высказываютъ этой мысли, но, кажется, и не подозревали возможности Русской геральдики.

Первое о гербахъ сочиненіе, въ Россіи изданное, принадлежитъ Академіи Наукъ, напечатавшей въ 1731 году на Нѣмецкомъ языкѣ—«Введеніе въ Геральдику» (Einleitung zur Waprenkunde); но это не болѣе, какъ учебникъ (неконченный), заключающій въ себѣ подробное изложеніе правилъ о дѣленіи щита, изображеніи эмблемъ и пр.; но о Русскихъ гербахъ и ихъ значеніи даже не упомянуто. Тѣмъ же направленіемъ отличаются: изданное въ 1805 году *Гмбожъ Мальминымъ* «Начертаніе Гербовѣдѣнія», переводъ руководства Гаттера, и книга *Нестора Максимовича Амбодика* (1788 и 1811 г.): «Избранныя эмблеммы и символы, на Россійскомъ, Латинскомъ, Французскомъ, Нѣмецкомъ и Англійскомъ языкахъ объясненныя». При всей неполнотѣ и при несовершенствѣ этихъ двухъ сочиненій, хотя даже и рыцарская геральдика необъяснена въ нихъ надлежащимъ образомъ и далеко не такъ, какъ бы того требовало

современное состояніе науки, книги эти остаются до сихъ поръ единственными пособиями для того, кто захотѣлъ бы сочинить для себя гербъ.

Не смотря однако на такой образъ возрѣвія прежнихъ писателей на гербы въ Россіи, существованіе у насъ самостоятельныхъ эмблемъ не можетъ подлежать сомнѣнію, а начало ихъ восходитъ до XV и XVI столѣтій. Самая же неизмѣнность изображеній убѣждаетъ, что съ ними было соединяемо постоянно одно и тоже значеніе. Между тѣмъ, такъ какъ первые слѣды ихъ сохранились на печатяхъ, то разрѣшенія вопроса о происхожденіи гербовъ должно искать въ исторіи печатей и преимущественно печатей Княжескихъ. Далѣе, на деньгахъ Великихъ и Удѣльныхъ Князей часто встрѣчаются различныя изображенія людей, звѣрей и т. п. съ надписью: *печать*, и такъ какъ монеты чеканились подъ надзоромъ правительства особыми денежниками, и слѣдовательно нельзя предположить въ этомъ дѣлѣ никакого произвола, то на исторію денежныхъ чекановъ обращено особенное вниманіе. Съ денегъ изображенія перешли на печати Княжествъ и наконецъ въ гербы Княжескихъ семействъ, происшедшихъ отъ Рюрика, — родовъ, предки которыхъ обладали отдѣльными княжествами на правахъ самостоятельныхъ владѣльцевъ. Основная мысль сочиненія ясна изъ слѣдующихъ примѣровъ. Можно ли объяснить исторію Кіевскаго герба безъ подробнаго изученія печатей Кіевскихъ Великихъ Князей, носившихъ съ XII вѣка изображеніе Архангела Михаила, или Московскаго всадника, не прошедши по монетамъ и печатамъ видоизмѣненной того-же типа — портрета Великаго Князя и Царя, побѣждающаго и наконецъ побѣдившаго враговъ въ видѣ дракона? Далѣе гербъ Новгорода остается непонятнымъ безъ объясненія вѣчевой печати, на которой были изображены ступени вѣча и положенный на нихъ архіепископскій посохъ. Вообще исторія печатей служитъ введеніемъ въ исторію гербовъ и равно необходима для государственной и частной дворянской геральдики. Вслѣдствіе того во второй книгѣ сочиненія, кро-

нѣ правилъ, которыми руководствовались въ древней Россіи при приложеніи печатей, подробно изложены и объяснены рисунками: 1) печати князей, причемъ особенное вниманіе обращено на вопросъ о значеніи Московскаго всадника, поражающаго дракона; 2) печати городовъ; 3) печати духовенства; 4) должностныхъ лицъ и приказовъ, и 5) печати частныхъ лицъ. Последнія состояли обыкновенно изъ геммъ и антиковъ, вставленныхъ въ именныя ободочки, и древность загибала намъ прелестные образцы подобныхъ печатей (табл. XI и XII).

Государственная Геральдика, т. е. о гербахъ Государственномъ и городскихъ, имѣетъ также свою исторію, въ высшей степени занимательную, потому что въ видоизмѣненіяхъ, которымъ подвергался Государственный орелъ, въ постепенномъ умноженіи его атрибутовъ, выразилась наглядно вся исторія Россіи. Извѣстно, съ какою точностью Московскій Царь и его приказные люди смотрѣли за тѣмъ, чтобы грамоты къ извѣстному двору запечатывались опредѣленнымъ именно видомъ печати на *мзельскомомъ* воску, подъ такою именно, а не другою кустодіею. Примѣры, заимствованные изъ подлинныхъ, хранящихся въ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ рукописныхъ титулярниковъ XVI и XVII столѣтій, дали полную возможность прослѣдить, въ какихъ случаяхъ употреблялся каждый видъ печатей, и объяснить значеніе т. н. *кормленой* печати; первоначально употреблялась она исключительно для утвержденія грамотъ, которыя давались чиновникамъ на кормъ (отъ того произошло и названіе ея), впоследствии же времени ее стали прикладывать и къ другимъ документамъ разнаго рода. На ней изображенъ одинъ всадникъ на конѣ.

Бракъ Іоанна III съ царевною Софіею Палеологъ далъ Россіи право на двуглаваго орла, гербъ Кесарей. Первоначально орелъ употреблялся нашими Великими Князьями совершенно въ такомъ же видѣ, какъ его заимствовали изъ Царя-града, и лишь на оборотѣ погибала Московскій гербъ. Впоследствии, съ расширеніемъ предѣловъ Москвы и Россіи, стали находить

себѣ мѣсто на груди и крыльяхъ орла иныя атрибуты. По этому, кромѣ видоизмѣненій фигуры орла въ разныя царствованія, необходимо было въ подробности изслѣдовать 1) съ какого времени стали помѣщать на персяхъ двуглаваго орла Московскаго всадника, 2) что значили областныя гербы на крыльяхъ орла, 3) какими и сколькими вѣнчался онъ коронами, что знаменовала каждая изъ нихъ и что означалъ крестъ на средней коронѣ, скипетръ и держава въ лапахъ орла и 4) какъ видоизмѣнялись надписи вокругъ печати. Практическая польза отъ такого всесторонняго изученія Русскаго Государственнаго герба заключается главнымъ образомъ въ томъ, что атрибуты его даютъ нерѣдко возможность опредѣлять время, къ которому относятся памятники нашей старины, такъ какъ орелъ былъ любимымъ ихъ украшеніемъ.

Не смотря на то, что художники, для изображенія побѣды нашихъ войскъ подъ знаменемъ орла, покровительства ему свыше и т. п., придумывали символическіе атрибуты, которыми и окружали двуглаваго орла, оффиціальное его изображеніе оставалось неизмѣннымъ, и охраненіе его было ввѣрено печатникамъ, печатному приказу и наконецъ оберегателью Государственной печати. Исторія этихъ лицъ показываетъ, какое довѣріе питали къ нимъ наши Цари и какія обязанности лежали на нихъ. Книгу о Государственномъ гербѣ оканчиваетъ обзоръ частныхъ печатей Царя и членовъ его семейства.

Не менѣе важна и необходима для Русской геральдики исторія городскихъ гербовъ: ею объясняются съ одной стороны эмблемы, видимыя въ нынѣ существующихъ гербахъ губерній, и съ другой опредѣляется значеніе гербовъ княжескихъ фамилій Рюрикава потомства. Такъ какъ въ послѣднихъ, т. е. княжескихъ гербахъ, повторяются гербы Кіевскій, Черниговскій, Новгородскій, Смоленскій, Ярославскій, Стародубскій и Литовскій, то въ подробности изложена исторія этихъ знаменъ и видоизмѣненій, которымъ они подвергались. Окончательное же ихъ образованіе, въ главныхъ чертахъ оставшееся безъ из-

мѣненія до сихъ поръ, относится къ царствованію Петра Великаго, когда Государь, размѣстивъ сформированное имъ постоянное войско по губерніямъ, повелѣлъ дать каждому полку названіе и на знамени изобразить гербъ той провинціи, въ которой онъ расположится. Труды на этомъ поприщѣ графовъ де-Санги и Миниха подробно изложены по рукописи, бывшей до сихъ поръ неизвѣстною и хранившейся въ Архивѣ Военной Коллегіи. Описаніе гербовъ, утвержденныхъ въ 1729 году для полковыхъ знаменъ, перешедшихъ потомъ на воеводскія печати, помѣщено вполнѣ. Затѣмъ изложены позднѣйшія измѣненія, которымъ подвергались городскіе гербы, и исчислены лица, особенно отличившіяся ихъ сочиненіемъ.

Такимъ образомъ первый томъ «Русской Геральдики» приготовилъ матеріалы для втораго, исключительно посвященнаго исторіи частныхъ дворянскихъ гербовъ: съ одной стороны изложены правила для составленія гербовъ, съ другой объяснено значеніе городскихъ знаменъ, которыя въ разныхъ сочетаніяхъ составляютъ коренныя эмблемы для древнѣйшихъ Русскихъ гербовъ, для гербовъ княжескихъ фамилій Рюрикова потомства. Но предварительно изложенія ихъ, въ подробности доказано историческими доводами, что коренное дворянство наше нисколько не уступаетъ ни въ древности, ни въ благородствѣ дворянству Западной Европы, и вмѣстѣ съ тѣмъ разсмотрѣно, изъ какихъ слоевъ образовалось у насъ это сословіе. Изъ исторіи его выведены съ одной стороны система изложенія предмета, и съ другой объясненіе, почему гербъ частныхъ дворянскихъ фамилій, какъ установленіе, является у насъ не равнѣ послѣдней четверти XVII столѣтія. Основная въ этомъ отношеніи мысль состоитъ въ томъ, что Варяго-Руссы, прибывшіе къ Славянамъ, одного происхожденія съ Норманами, отъ которыхъ ведутъ себя древнѣйшія фамиліи Западной Европы, но у насъ они не поглотили туземныхъ родовъ, которыхъ потомки несомнѣнно продолжаютъ до настоящаго времени. Затѣмъ съ образованіемъ великокняжескаго двора вхо-

двѣянія въ составъ его лица — *дворяне* — дѣлились на разряды разныхъ наименованій, смотря по мѣсту, занимаемому ими въ службѣ придворной, военной и гражданской. Такой же дворъ, хотя менѣе блестящій и не столь многочисленный, какъ Московскій, былъ у удѣльныхъ князей, у *меньшей брата*, и по слитіи удѣловъ съ Москвою, когда и сами удѣльные князья стали *служебными* князьями, служба, по необходимости, стала различаться *по Москвѣ и по городу*. Въ то же время, съ покореніемъ Казани, Астрахани, Сибири и др. странъ, къ Московскому дворянству примкнули Цари, Царевичи и дворяне разныхъ происхожденій. Если ко всѣмъ этимъ составнымъ частямъ нашего благороднаго сословія, изъ которыхъ каждая имѣла свои права и преимущества, прибавить еще *выѣзжавшихъ къ намъ изъ разныхъ странъ Европы и Азии дворянъ*, то станетъ яснымъ, отъ чего, не смотря на всѣ запрещенія и наказанія, были возможны у насъ многочисленные мѣстническія дѣла. Безспорно, что уничтоженіе мѣстничества положило первое основаніе образованію отечественнаго дворянства, какъ сословія, и однимъ изъ главныхъ къ тому поводовъ было повелѣніе Царя Феодора Алексѣевича вмѣсто прежнихъ частныхъ разрядовъ завести въ государственномъ разрядѣ *официальную родословную книгу*, въ которую можно было вносить родъ не прежде, какъ по представленіи имъ *надлежащихъ о его происхожденіи доказательствъ*. Очевидно, что наибольшая трудность въ этомъ отношеніи предстояла для дворянъ *выѣзжихъ*, и Родословная Палата, которой было поручено составленіе и веденіе родословной книги, сносилась неоднократно съ *Посольскимъ Приказомъ*, завѣдывавшимъ иностранцами, дѣйствительно-ли та или другая фамилія могла быть причислена къ *благороднымъ*; а такъ какъ въ числѣ доказательствъ были представляемы и гербы, то *Посольскому Приказу* предстояла обязанность разяснить по имѣвшимся у него документамъ, что значилъ *извѣстный гербъ*, къмъ онъ употреблялся, какъ *перешедъ къ тому роду*, котораго касался запросъ *Родословной*

Палаты, и доставлять ей свои справки. Большая часть свидѣній, сообщенныхъ Посольскимъ Приказомъ, была заимствована изъ Польскаго геральдика Окольскаго, котораго книга — *Orbis Pœlonicus* — была въ приказѣ и пользовалась особымъ почетомъ. Въ концѣ XVII столѣтія была даже заведена особая въ Посольскомъ Приказѣ книга для записки такихъ справокъ, и она значится въ описи Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, но къ сожалѣнію утратилась. Напечатанные по подлиннымъ дѣламъ отрывки не оставляютъ сомнѣнія, что гербы существовали у насъ за долго до Петра Великаго и что источники, изъ которыхъ почерпались о нихъ первоначально свидѣнія, были Польскіе; вслѣдствіе того т. н. Польская геральдическая школа, по силѣ которой гербъ принадлежитъ безъ всякихъ измѣненій цѣлымъ десяткамъ и сотнямъ фамилій и новое лицо можетъ быть приписано къ тому же знамени не иначе, какъ съ согласія прежнихъ гербовладѣльцевъ, имѣла на образованіе Русскихъ гербовъ больше вліянія, чѣмъ Французская, чисторыцарская школа, допускающая въ гербѣ отмѣтки (*brisures*), въ память каждаго важнаго подвига, каждаго достопамятнаго событія.

Табель о рангахъ, установленная указомъ Петра Великаго 1722 года, стала требовать, чтобы у каждаго дворянина былъ гербъ и для повѣрки прежде существовавшихъ гербовъ, равно какъ для дарованія новыхъ тѣмъ, кто приобрѣтетъ на нихъ право пожалованіемъ въ дворяне, была учреждена Герольдія, исторіею которой, равно какъ лицъ, стоявшихъ въ главѣ ея — Герольдмейстеровъ — оканчивается введеніе въ частную дворянскую геральдику.

Сообразно тому, что въ составъ Русскаго дворянства вошли: 1) княжескіе и дворянскіе роды, происшедшіе отъ Рюрика и В. Кн. Владимира Мономаха; 2) фамиліи, выѣхавшія къ намъ изъ разныхъ странъ, и 3) возведенныя въ дворянство за службу, — рассмотрѣны и гербы ихъ въ томъ же порядкѣ. Различіе гербовъ, принадлежащихъ каждому изъ исчисленныхъ

разрядовъ дворянъ, заключается въ томъ, что князья Рюрикова потомства сохранили въ гербахъ знамена, означавшія владѣнія ихъ предковъ, выѣзжіе роды — свидѣтельство о странѣ, изъ которой они переселились въ Россію, и наконецъ лица, возведенныя въ дворянство за службу, — свидѣтельство о томъ родѣ и видѣ заслугъ, который далъ имъ право на такое отличіе.

Что касается до перваго разряда гербовъ, т. е. гербовъ княжескихъ фамилій, то сравненіе ихъ между собою доводитъ до убѣжденія, что старшія поколѣнія имѣютъ въ гербѣ одну только родовую эмблему, которая у послѣдующихъ степеней, смотря по старшинству рода, бываетъ въ сердцѣ гербоваго щита въ первой, второй и т. д. четверти. Съ цѣлью доказать справедливость этой мысли, приложена къ книгѣ родословная фамилій Великокняжескаго Рюрикова дома; смотря на нее, всякій можетъ безъ ошибки опредѣлить какая эмблема существовавшая въ гербѣ той или другой фамиліи и безъ ошибки указать мѣсто ея въ щитѣ.

Гораздо болѣе затрудненій представляли гербы выѣзжихъ въ Россію изъ разныхъ странъ Европы, Азіи и Африки родовъ: ихъ надобно было раздѣлить на группы и найти для каждой характеристическія отличія. Бархатная книга и другіе источники для генеалогіи, разсмотрѣнные критически, представляли богатый, хотя мало разработанный матеріалъ, которымъ повѣрялись свидѣтельства нашего гербовника.

Раньше другихъ стали выѣзжать въ Россію Поляки и Литовцы. Поэтому объ отличительныхъ примѣтахъ гербовъ этихъ родовъ говорится прежде иныхъ; вліяніе же Польской геральдики на гербы дворянъ Русскихъ областей, бывшихъ нѣкогда подъ властью Польши и получившихъ Польскіе гербы, т. е. Литвы, Малороссіи, Бѣлорусіи, сдѣлало необходимымъ показать, какое значеніе имѣли Польскія эмблемы въ Русской геральдикѣ вообще, объяснить ихъ смыслъ, какъ народныхъ символовъ, изложить исторію важнѣйшихъ изъ нихъ и показать какіе дворянскіе роды пользуются у насъ тѣмъ или дру-

гимъ гербомъ. Семь таблицъ рисунковъ объясняютъ эту главу, составленную на основаніи лучшихъ Польскихъ источниковъ, о предметѣ, въ нашей ученой литературѣ со-всѣмъ еще нетро-нутомъ и занимательномъ въ томъ отношеніи, что Польскія знамена, или вовсе безъ перемѣнъ или съ нѣкоторыми измѣне-ніями, перестановками, послужили образцомъ, если не всегда основаніемъ для нашихъ гербовъ.

Тотъ же образъ изслѣдованія принять въ руководство при изложеніи гербовъ фамилій, выѣхавшихъ къ намъ изъ другихъ странъ. Сначала опредѣляется значеніе извѣстной эмблемы (на-пр. почему роды выѣзжіе изъ Пруссіи употребляютъ орла, Грузинскіе цари и князья — хитонъ Господень и т. д.); затѣмъ, на основаніи родословныхъ, исчисляются фамиліи, выѣхавшія къ намъ изъ каждой страны въ отдѣльности, и наконецъ по гербовнику излагается, какъ одна и таже эмблема, помѣщаясь въ разныхъ поляхъ и подвергаясь нѣкоторымъ видоизмѣне-ніямъ, составляетъ достояніе различныхъ фамилій того же корня. Достаточно указать въ объясненіе этой мысли на гербы потомства Камбилы. По сказанію нашихъ родословныхъ, лице это выѣхало изъ Пруссіи, гдѣ оно владѣло городами Данци-гомъ, Эльбингомъ и др., и стоитъ взглянуть на древнія Данциг-скія монеты (Таб. XXV рис. 25), чтобы удостовѣриться въ тождествѣ герба города Данцига съ гербомъ Шереметевыхъ, Яковлевыхъ и иныхъ. На оборотѣ тойже монеты видѣнъ древ-ній Прусскій гербъ — орелъ съ короною на шеѣ и выходя-щимъ изъ за нея мечемъ — это гербъ Салтыковыхъ и многихъ другихъ фамилій, выѣзжихъ изъ Пруссіи. Такое изложеніе, находя для каждаго герба внутреннее историческое основаніе, приноситъ пользу въ томъ отношеніи, что открываетъ невѣр-ность взгляда на гербъ, какъ будто установленіе произвольное и не имѣющее значенія, и вмѣстѣ съ тѣмъ полезно въ практи-ческомъ отношеніи: но гербу можно узнать происхожденіе ли-ца, его употребляющаго, и если бы какойнибудь новый родъ выѣхалъ къ намъ изъ другаго государства и заслугами прио-

брѣлъ право на гербъ, ему окажетъ при выборѣ себѣ герба большое пособіе то обстоятельство, какія примѣты отличаютъ гербы родовъ, прежде выѣхавшихъ изъ одной съ нимъ страны.

Такимъ образомъ подробно разсмотрѣна генеалогія и изложены гербы родовъ выѣзжихъ: 1) изъ Пруссіи и земель Славянскихъ, 2) изъ Германіи, Италіи, Франціи, Англіи, Шотландіи, Швеціи, Даніи и т. д., 3) изъ Грузіи, 4) изъ земель Татарскихъ, 5) изъ Арменіи и другихъ областей Азіи и 6) изъ Африки.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ Р. Г. исчислены не всѣ роды, имѣющіе гербы; но это отъ того, что гербъ у насъ можетъ существовать и эмблемѣ можетъ быть присвоено это названіе не прежде, какъ по утвержденіи его правительствомъ. Поэтому помѣщены тѣ только роды, которые внесены въ гербовникъ.

За выѣзжими родами слѣдуютъ фамиліи, получившія дворянство и гербы за заслуги; такое мѣсто предоставлено имъ не произвольно, а вслѣдствіе того, что этотъ слой отечественнаго дворянства образовался позднѣе другихъ. Въ этой главѣ нашли себѣ мѣсто гербы родовъ, пожалованныхъ графскимъ и княжескимъ достоинствами, объяснены, по существующимъ въ гербовникѣ примѣрамъ, какія отличія принадлежатъ гербамъ графовъ и князей и какія эмблемы свойственны каждому роду и виду заслугъ, чрезъ которыя пріобрѣтаются благородство и право на гербъ. Хотя, по неполнотѣ гербовника въ этомъ случаѣ, не могли быть исчислены всѣ роды, пользующіеся уже гербами; однако и тѣ данныя, которыя заключаются въ Р. Г., могутъ принести практическую пользу для того, кто, бывъ возведенъ въ дворянство за заслуги на извѣстномъ поприщѣ дѣятельности въ службѣ придворной, военной или гражданской, захочетъ увѣковѣчить свою службу на память поздняго потомства. Гербъ, какъ неизмѣнный спутникъ рода, долженъ быть лучшимъ и самымъ краснорѣчивымъ истолкователемъ заслугъ и поему изложены характеристическія эмблемы, соотвѣтствующія заслугамъ разнаго рода. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ подробности объяснена исторія такъ называемыхъ Лейбъ-

кампанскихъ гербовъ и исчислены признаки, повторяющіеся въ гербахъ, пожалованныхъ въ извѣстныя царствованія. Такія свѣдѣнія полезны потому, что по гербу, при первомъ на него взглядѣ, можно безъ ошибки опредѣлить, къ какому времени относится пожалованіе извѣстной фамиліи гербомъ.

Наконецъ отдѣленъ особый разрядъ гербовъ, въ которыхъ помѣщены тѣ или другія эмблемы въ соотвѣтствіе съ прозваніемъ лица. Это наши *armes parlantes*.

Текстъ объясненъ двадцатью пятью таблицами рисунковъ печатей и гербовъ и родословною какъ нынѣ существующихъ, такъ и угасшихъ поколѣній потомства Рюрика и Великаго Князя Владиміра Мономаха.

Сообразивъ все вышесказанное, я полагаю, что *Русская Герадика* А. Лакіера, по новости и основательности изложенія, и какъ единственное въ своемъ родѣ сочиненіе, заслуживаетъ полной Демидовской преміи.

НѢСКОЛЬКО ЗАМѢЧАНІЙ

АКАДЕМИКА М. И. БРОССЕ

НА КНИГУ

Г. ЛАКІЕРА:

РУССКАЯ ГЕРАЛЬДИКА.

Обычай употребленія гербовъ въ Европѣ вообще считается азіятскаго происхожденія и относящимся ко времени Крестовыхъ Походовъ. Вѣрно то, что монеты Сельджукидовъ въ XIII столѣтіи нерѣдко являютъ эмблему солнца, восходящаго поверхъ льва, а монеты Мамелюка Бибарса также отличаются изображеніемъ барса, гіероглифа его имени. Часто также на монетахъ Монгольскихъ, Тимура и Крымскихъ, а въ новѣйшія времена на мѣдныхъ монетахъ городовъ Персіи встрѣчаются изображенія животныхъ или тамги, которыя были, по-видимому, родомъ гербовъ: все обычаи, причины которыхъ до-нынѣ еще не объяснены въ полной мѣрѣ.

Что касается до Грузинцевъ, то ни одно мѣсто извѣстныхъ авторовъ, ни одинъ старинный нумизматическій или другой памятникъ не заставляетъ полагать, чтобы ихъ цари или дворяне приняли въ древности какой бы то ни было знакъ, который могъ бы быть почитаемъ за народный, династическій или даже за личный символъ. Еслибы царь Вахтангъ-Гургасланъ имѣлъ печать съ гербомъ, то онъ могъ бы изобразить на ней волчью голову, или волка и льва, которые красовались на его шлемѣ и образуютъ собою историческое его прозвище. Вотъ нѣкоторыя намеки, которые могутъ послужить къ объясненію предмета.

Что Грузинцы имѣли одно или нѣсколько знаменъ, это для древнѣйшихъ временъ подтверждаютъ Исторія Орбеліановъ и

Вахухтово описаніе Грузіи; а отъ знаменъ до особыхъ отличительныхъ цвѣтовъ и знаковъ уже не далеко; авангардъ, оба фланга и собственно такъ называвшаяся «царская армія», а равно войска католикоса вѣроятно имѣли свои эмблемы и свои цвѣта, по которымъ они распознавали другъ друга, подобно какъ въ Англіи значки особаго цвѣта служатъ къ различенію разныхъ эскадръ, бѣлой, голубой и т. д.

Недавно найденная г. полковникомъ Бартоломеи надпись еще научаетъ насъ, что въ Вольной Суанетіи, въ невѣдомую эпоху, общины Латаль, Угаръ и Сеть имѣли общую хоругвь, изображавшую того святаго, который покровительствовалъ этимъ мѣстностямъ; и такъ, нельзя не предполагать, что Грузинскія знамена обыкновенно были снабжены подобнаго рода изображеніями; но доселѣ не имѣется тому доказательства. Отъ такихъ изображеній до печатей и собственно такъ называемыхъ гербовъ былъ бы только одинъ шагъ, но грузинскіе памятники не позволяютъ намъ сдѣлать его.

Я не знаю, откуда г. Лакиеръ узналъ, что у Грузинъ одно и тоже слово означаетъ печать и гербъ; но нельзя не быть поражену сходствомъ этого грузинскаго слова *Bédchédi* ბეჭედი, которое весьма древне, съ русскимъ *печать*, котораго оно имѣетъ значеніе. Тотъ же авторъ говоритъ намъ еще, что изстари печати и знамена съ изображеніемъ святыхъ были употребительны въ Грузіи, и что въ исходѣ XII вѣка Св. Георгій на конѣ считался эмблемою этой страны. Такія утвержденія кажутся мнѣ слишкомъ рѣшительными и нѣсколько отважными. Я не полагаю также, чтобы авторъ былъ въ правѣ настаивать на странномъ мнѣніи, къ сожалѣнію распространенномъ «Энциклопедическимъ Лексикономъ», будто европейское имя Грузіи, — Георгія, — происходитъ отъ какого либо Георгія, или отъ Св. Георгія, или отъ мнимаго Георгія-Льва, т. е. Гургаслана, или отъ какого либо послѣдующаго царя. Это странное производство не оправдывается ни какимъ другимъ фактомъ, кромѣ

небольшаго сходства персидскаго Гурджи, первообраза русскаго Грузи, съ именемъ Георга и Георгія.

Святой Георгій, поражающій змѣя, былъ еще за долго до конца XVII столѣтія символомъ Москвы, какъ то видно на большой печати Русскаго Царства. За всѣмъ тѣмъ печать царя Арчила и сына его, Александра, жившихъ въ Москвѣ съ 1698 по 1710 годъ, являетъ въ срединѣ своей только простой крестъ съ обыкновенными титулами; также отъ Дадіановъ, водворившихся въ Россіи лѣтъ за двадцать прежде нихъ, не дошло до насъ никакой гербовой печати. Эти Дадіаны, какъ говорятъ, происходили отъ боковой отрасли древнихъ властителей Мингрелин, разнствуя отъ нынѣшнихъ Дадіановъ. Г. Лакиеръ говоритъ, что они считались въ Россіи боярами: желательно было бы найти въ его книгѣ положительное указаніе эпохи, къ которой относятся гербы ихъ, упоминаемые нашимъ авторомъ, на основаніи Гербовника VI, 2. Сравнивая указанія послѣдняго сочиненія съ указаніями въ бумагахъ Московскаго Архива, я нахожу теперь возможнымъ доказать, что Дадіаны Русскаго Гербовника дѣйствительно происходятъ отъ побочнаго сына послѣдняго потомка древнихъ Дадіановъ, тогда какъ другая отрасль ведетъ свой родъ отъ Георгія, Черноморскаго князя, сына Дадіана Иесея, двоюроднаго брата Дадіана, прибывшаго въ Россію вмѣстѣ съ царемъ Вахтангомъ VI; этотъ послѣдній кажется былъ изъ рода Чиквановъ.

Итакъ видно, что употребленіе у Грузинъ гербовъ едва ли восходитъ далѣе водворенія въ Россію послѣдняго царя Карталинскаго послѣ 1729 года. Въ 1832 году я получилъ отъ потомка этой царской фамиліи въ женскомъ колѣнѣ, г-на Виконта Алексиса де Сень-При (St.-Priest), прекрасный образчикъ герба, время котораго неизвѣстно. На этомъ гербѣ, который описанъ мною въ Journal Asiatique, среди царственныхъ знаковъ, изображены всѣ предметы, освященные историческими преданіями грузинскаго народа: лютия и праща Давида, хитонъ Господень, Св. Георгій; низлагающій змѣя. Въ числѣ

и въ расположеніи частей щита князей Багратидовъ встрѣчаются многочисленныя разности, которыя не ускользнули отъ вниманія г. Лакіера, икоторыя, по моему мнѣнію, весьма заслуживали бы изслѣдованія и изображенія въ гравюрѣ; потому что эти разности служатъ къ различенію между собою родовъ и ихъ развѣтвленій, а притомъ онѣ всѣ грузинскаго происхожденія, безъ всякой примѣси европейскихъ стихій. На гробницахъ, краящихся въ церквахъ и на разныхъ кладбищахъ Невскаго Монастыря, можно было бы найти подлинныя ихъ образцы.

Что касается до десяти или двѣнадцати гербовъ, принадлежащихъ грузинскимъ фамиліямъ и помѣщенныхъ въ Русскомъ Гербовникѣ, то въ нихъ преобладаетъ элементъ европейскій и они не представляютъ собою никакой другой занимательности, кромѣ той, которая связана съ общественнымъ порядкомъ и съ простымъ любопытствомъ.

Въ концѣ послѣдняго столѣтія, и еще положительнѣе въ 1790 году, когда была вычеканена медаль въ честь царя Ираклія II, въ Грузіи еще не было гербовъ; ибо когда предполагалось изобразить гербъ на щитѣ, который долженъ былъ красоваться, въ числѣ прочихъ царственныхъ знаковъ, въ первоначальномъ рисункѣ этой медали, то не нашлось такового, и нужно было замѣнить его придуманною эмблемою, начертанною на овалѣ, не имѣющемъ ничего геральдическаго. Но за всѣмъ тѣмъ это фантастическое изображеніе, — вулканъ посреди моря, пронзенный двумя стрѣлами, — было счастливо придумано и входитъ въ составъ герба, дарованнаго съ тѣхъ поръ Тифлисской губерніи.

Вообще любители историческихъ разысканій будутъ благодарны г. Лакіеру за то, что онъ первый внесъ въ свой трудъ о Русской Геральдикѣ мало извѣстные гербы немногихъ грузинскихъ фамилій, начиная отъ герба Вице-Президента Академіи Наукъ (боковой отрасли Кахетинской династіи) до герба фамиліи Лашкаревыхъ - Бибылауровыхъ, и сообщая по этому поводу легкій очеркъ сношеній Грузіи съ Россіею. Три

армянскія фамиліи: Аргутинскіе, Давидовы и Лазаревы, также упоминаются авторомъ; но во всякомъ случаѣ онъ, кажется, преувеличилъ ихъ значеніе, выдавая ихъ за владѣтелей; эти фамиліи не были ни удѣльными, ни независимыми князьями, а просто имѣли въ Арменіи свои помѣстія, подѣ властію монарховъ. Еще я долженъ указать автору на довольно важную топографическую погрѣшность: въ томѣ II на стр. 536 онъ говоритъ, что родъ Аргутинскихъ ведетъ свое начало отъ нѣкоего *Аруна*; у меня есть подѣ рукою доказательства, что вмѣсто этого имени слѣдуетъ читать Аргутинъ, какъ то видно изъ Санагинской надписи (Bull. scient. т. X № 20, прим. 46).

Вообще нельзя не отдать справедливости г. Лакіеру, что онъ почерпалъ свои свѣдѣнія изъ хорошихъ источниковъ, не опустилъ ничего существеннаго и, за исключеніемъ нѣкоторыхъ неточностей, показанія его могутъ быть принимаемы за достовѣрныя.

РАЗБОРЪ

СОЧИНЕНІЯ

П. И. НЕБОЛЬСИНА :

ОЧЕРКИ ТОРГОВЛИ РОССИИ СЪ СРЕДНЕЮ АЗІЕЮ,

СОСТАВЛЕННЫЯ

КОРРЕСПОНДЕНТОМЪ АКАДЕМІИ В. В. ГРИГОРЬЕВЫМЪ.

Достаточно одного взгляда на карту Россіи, чтобы придти къ заключенію о важномъ значеніи для нея Средне-Азійской торговли. Отъ стараго русла Аму въ Каспійское до впаденія Амура въ Охотское-Море тянется сухая и рѣчная грань наша съ Азіей; относя Манжурию и Монголію къ восточной части Азійскаго-Материка, оказывается, что даже собственно съ Центральною-Азіею соприкасаемся мы непосредственно, Сибирскою и Оренбургскою границами, на протяженіи 3000 верстъ. Подъ благодатными широтами своими сосѣднія намъ части Центральной-Азіи — Джунгарія, Коканъ, Бухара, Хива — должны изобиловать множествомъ полезныхъ и нужныхъ Россіи естественныхъ произведеній, которыя можемъ мы приобрѣтать за наши мануфактурныя издѣлія; Бухара съ Коканомъ по одну, и Хивою по другую сторону — это, вѣдь, древняя Трансоксіана, Мавераннагръ среднихъ вѣковъ, край — въ преданіяхъ Персовъ и разсказахъ Арабовъ — являющійся «садомъ земли»; отсюда, еще на зарѣ нашей исторіи, приходили на Волгу караваны съ сокровищами Востока, засѣявшія всю Среднюю и Сѣверную Русь несчетнымъ числомъ донинѣ во множествѣ отрываемыхъ монетныхъ кладовъ; поздиѣе, здѣсь былъ центръ монархіи Тимуровой, куда стекались несмѣтныя добычи съ цѣлой Азіи, тогда какъ изъ великолѣпной столицы его, Самарканда, лился на ту же Азію потокъ учености и образованія. А тамъ, за Коканомъ и Бухарою, примыкаютъ къ нимъ вплоть Китайскій-

Туркестанъ и Тибетъ, Кашмиръ и Афганистанъ, окаймляемые Индіею — этимъ родникомъ всякихъ драгоценностей, искони обогащавшихъ всѣ народы, входившіе съ нею въ торговыя связи. Завести бы ихъ нашему купечеству хотя черезъ Афганистанъ,—и то, что теперь привозится къ намъ кругомъ свѣта и обходится такъ дорого, пошло-бы кратчайшею дорогою, не только въ Россію, но черезъ нея и въ Западную Европу: однимъ транзитомъ индѣйскихъ товаровъ приобрѣли бы мы несмѣтныя выгоды, въ средніе вѣка достававшіяся на долю Италіанскихъ республикъ, а со временъ Васко-де-Гамы принадлежавшія преемственно народамъ Пиренейскаго-Полуострова, Голландцамъ и Англичанамъ.

Такъ именно, или въ такомъ родѣ, издавна уже разсуждаетъ у насъ большая часть образованныхъ и благомыслящихъ людей; не разъ разсужденія эти являлись и въ печати; особенно-же въ ходъ пошли онѣ съ развитіемъ фабричнаго и заводскаго производства въ Московской и около-московныхъ губерніяхъ. Если-же итоги дѣйствительныхъ торговыхъ оборотовъ нашихъ съ Внутреннею-Азіей, извѣстные изъ таблицъ, издаваемыхъ ежегодно Министерствомъ Финансовъ, не соответствовали теоретической важности этой торговли, причиною тому поставляли отсутствіе предприимчивости въ нашемъ купечествѣ, неохоту его рисковать чѣмъ-либо для расширенія своихъ оборотовъ, а фабрикантовъ винили въ небрежности къ дѣлу и даже недобросовѣстности; утверждали, что издѣлія нашихъ фабрикъ не могутъ находить себѣ сбыта въ Азіи, именно по дурному ихъ качеству; что непрочностію своею преимущественно подрываютъ онѣ тамъ кредитъ нашего купечества, и отбивая всякую охоту имѣть съ нимъ дѣло, естественно заставляютъ Азіятцевъ за нужными имъ заводскими и мануфактурными произведеніями обращаться въ другую сторону — къ Англичанамъ; Англичане-же, будто-бы, воспользовались уже этимъ со своею ловкостію, съумѣли принаровить издѣлія свои ко вкусу и потребностямъ Востока, и вслѣдствіе того съ каж-

дымъ годомъ болѣе и болѣе выживаютъ торговцевъ нашихъ съ Среднеазійскихъ рынковъ.

Основательны или нѣтъ эти упреки, равно-какъ и требованія относительно усиленія и распространенія торговли нашей съ Среднею-Азією, увидимъ ниже; во всякомъ случаѣ лѣтъ двадцать—тридцать тому, русскому политико-экономисту нельзя было и разсуждать иначе, почерпая свѣдѣнія свои о предметѣ изъ плохихъ статистическихъ учебниковъ о Россіи, фантастическихъ картъ Средней-Азійи, и «Россійскаго унтеръ-офицера Ефремова, нынѣ Коллежскаго Ассессора, десятилѣтнихъ странствованій и приключеній въ Бухарѣ, Хивѣ» и т. д. Лучшихъ источниковъ печатная Русская литература до 1820 годовъ не представляла. Да и въ Западной Европѣ о современномъ состояніи Центральной-Азійи знали такъ немного, что знаменитѣйшій географъ того времени, Малбрѣнъ, долженъ былъ довольствоваться, говоря о Туранѣ, преимущественно извѣстіями Ибнъ-Хаукала изъ X^{го}, и Марко-Поло изъ XIII^{го} столѣтія. Какъ мало соответствовали блестящія описанія Арабскаго и Венеціанскаго путешественниковъ дѣйствительному положенію Средне-Азіятскихъ владѣній въ XIX вѣкѣ, стало раскрываться, для русскихъ и европейскихъ читателей, и то не совсѣмъ ясно, лишь съ двадцатыхъ годовъ настоящаго столѣтія.

Западно-Европейскія литературы, преимущественно Англійская, обогатились съ тѣхъ поръ Эльфинстоновымъ описаніемъ Кабула и окрестныхъ странъ (Лондонъ, 1815); свѣдѣніями, собранными Фрезеромъ въ путешествіе его по сѣверному Хорасану (Лондонъ, 1835); сочиненіями о Бухарѣ и Киргизской-Степи Эверсмана (Берлинъ, 1823) и Мейендорфа (Парижъ, 1826), сопровождавшихъ русское посольство въ Бухару 1820 года; переводомъ Записокъ Императора Бабера, съ превосходнымъ изъ XVI вѣка описаніемъ Кокана и Афганистана (Лондонъ, 1826), и путевыхъ замѣтокъ Иззетъ-ул-Лаха, веденныхъ имъ въ 1812 году проѣздомъ черезъ Кашмиръ, Ти-

беть, Китайскій-Туркестанъ, Коканъ, Бухарскія владѣнія, Кабуль и Баміанъ (Magasin Asiatique, 1826); описаніями путешественныхъ: Конолли — черезъ Афганистанъ въ Туркменію (Лондонъ, 1834); Борнса — въ Бухару, которую онъ, можно сказать, открылъ для Англичанъ, и въ Кабуль (Лондонъ, 1834 и 1839); Вуда — къ истокамъ Аму-Дарьи черезъ Кундузъ, Бедашанъ и Ваханъ (Лондонъ, 1841); Муркрофта, въ 1819—1825 годахъ посѣщавшаго Ладакъ и столь-же мало извѣстныя сосѣднія страны (Лондонъ, 1841); Аббота — въ Хиву и Туркменію (Лондонъ, 1843); Гюгеля (Hügel) по Кашмиру (Штутгартъ, 1840—1848); Гюка (Huc) — по Тибету (Парижъ, 1850); наконецъ А. Гумбольдтъ, сверхъ собственныхъ розысканій о географіи Внутренней-Азіи, разъяснилъ ее въ своей *Asie Centrale* (Парижъ, 1843) значительнымъ числомъ свѣдѣній, собранныхъ другими лицами.—У насъ, съ появленіемъ журнала *«Сибирскій Вѣстникъ»*, напечатаны были въ этомъ изданіи: въ 1818 году — Записки о поѣздкѣ изъ Сибири въ Бухару Т. Бурнашова, веденныя въ 1794—5 годахъ; въ 1819 — Записки о поѣздкѣ въ Кульджу, въ 1811 году, Путимцева; въ 1820 — О Киргизъ-Кайсакахъ Большой, Средней и Малой Орды, Андреева, Фролова и Спасскаго, и нѣкоторыя другія, мѣже важныя статьи. Въ 1821 году вышли Записки Ф. Назарова о Коканѣ; въ слѣдующемъ явилось путешествіе въ Туркменію и Хиву Муравьева; въ 1824 издалъ путешествіе свое въ Китай, съ первыми основательными извѣстіями о Китайскомъ Туркестанѣ, Е. Тимковскій; съ тѣмъ-же Туркестаномъ, а также и съ Тибетомъ, еще болѣе познакомилъ Россію, по китайскимъ источникамъ, О. Іакинъ Бѣчуринъ, описаніями этихъ странъ, вышедшими въ 1828 и 1829 годахъ; тогда же, и тѣмъ же почтеннымъ китанстомъ нашимъ, наданы были Записки его о Монголіи, много послужившія, вмѣстѣ съ отпечатаннымъ въ 1832 году превосходнымъ описаніемъ Киргизъ-Кайсацкихъ Орды и Степей А. И. Левшина, къ разъясненію степнаго быта и кочевыхъ отношеній, крайне важныхъ

въ дѣлѣ Средне-Азійской торговли. Къ концу 1830-хъ годовъ сталъ печатать В. И. Даль рассказы Русскихъ плѣнныхъ, иные изъ коихъ проведя въ разныхъ краяхъ Турана по 20 и 30 лѣтъ, имѣли возможность узнать ихъ вдоль и поперекъ; и тогда же (въ 1839 году) вадана Г. П. Гельмерсеномъ часть разспросныхъ свѣдѣній о Хивѣ, Бухарѣ, Коканѣ и сѣверо-западной части Китайскихъ владѣній, собираніемъ которыхъ постоянно съ 1818 года занимался предсѣдатель Оренбургской Пограничной Коммиссіи Генсѣ. Въ 1841 и 1842 годахъ отправились изъ Оренбурга миссіи наши въ Бухару и Хиву; плодомъ пребыванія ихъ тамъ явились: Описаніе Бухарскаго Ханства Н. Ханыкова (въ 1843), книга Базинера о Хивѣ и Киргизской Степи (1848), Описаніе Хивинскаго Ханства Г. Данилевскаго (1851), и Запѣтки Лемана о Бухарѣ и Самаркандѣ, обработанныя Г. П. Гельмерсеномъ (1852). Сверхъ этого, въ запискахъ И. Р. Географическаго Общества нашли мѣсто съ 1847 года: Запѣтки о Туркменахъ племени Ямудъ и Гоклапъ, барона К. Боде; о полуостровѣ Мангышлакъ М. Иваннина; Обзорѣніе Коканскаго ханства, составленное въ Генеральномъ Штабѣ Отдѣльнаго Сибирскаго Корпуса; Топографическое и статистическое описаніе южной части Восточнаго берега Каспійскаго моря И. Бларамберга; О торговыхъ путяхъ по Китаю и подвластнымъ ему владѣніямъ, П. Кафарова; Описаніе Аральскаго-моря, по изслѣдованіямъ Бутакова составленное Махмѣевымъ; Свѣдѣнія о Дикокаменныхъ Киргизахъ, доставленныя изъ Западной Сибири; Статистическое обзорѣніе Персіи, составленное въ 1841 году И. Бларамбергомъ, и нѣкоторые другіе труды.

Такимъ образомъ, въ послѣднее пятнадцатилѣтіе особенно, ознакомилсъ мы съ современнымъ политическимъ и хозяйственнымъ положеніемъ сосѣднихъ съ нами частей Внутренней-Азіи довольно основательно; разъяснилась также, въ значительной степени, и географія этихъ странъ. Все это, конечно, не мало содѣйствовало къ представленію вопроса о рас-

ширеніи торговли нашей съ ними въ иномъ, чѣмъ прежде, свѣтъ; но подробности о дѣйствительномъ состояніи этой торговли, самыя основныя условія ея и причины этихъ условій,— безъ познанія коихъ нельзя не только сдѣлать шага впередъ, но и произнести какое-либо основательное сужденіе о предметѣ,—оставались, между тѣмъ, за исключеніемъ немногаго, мимоходомъ объясненнаго Мейендорфомъ, Борнсомъ, Генсомъ, Ханыковымъ, Данилевскимъ, Мельниковымъ, Г. И. Небольсиннымъ, почти столь же неизвѣстны публикѣ, какъ и около 1820-хъ годовъ. Изъ «Видовъ Внѣшней Торговли» знали мы, по-прежнему, только предметы торговыхъ оборотовъ нашихъ съ Внутреннею-Азіею, количество, въ какомъ проходили они черезъ таможенную линію при ввозѣ и отпускѣ, и стоимость ихъ по объявленнымъ цѣнамъ; официальные отчеты о ходѣ торговли на Нижегородской-ярмаркѣ, печатаемые въ «Журналѣ М. В. Д.» прибавляли къ этому извѣстія о количествѣ среднеазіійскихъ товаровъ, привозившихся на эту ярмарку, и о цѣнахъ, по которымъ были они тамъ распродаваемы; еще двѣ—три статейки объ Азіятской торговлѣ, напечатанныя въ «Журналѣ Мануфактуръ» и «Коммерческой Газетѣ»,—тѣмъ и ограничивались всѣ наши пособія къ ознакомленію съ предметомъ. Кабинетнымъ трудомъ нельзя было выработать изъ нихъ никакого удовлетворительнаго результата. Сущность дѣла знали только самыя его производители, торговцы Оренбургскіе, Троицкіе и Петропавловскіе, да прикащики Ростовскихъ и другихъ Великороссійскихъ купцовъ, принимавшихъ въ немъ участіе. Чтобы капиталъ свѣдѣній ихъ обратиться въ общественное достояніе, надлежало собрать его помелочи на самомъ мѣстѣ производства торговыхъ оборотовъ, отъ множества разнородныхъ лицъ, несообщительныхъ и по расчету, и по натурѣ; провѣрить рассказы однихъ допросомъ другихъ; и добытый такимъ способомъ, съ большими трудами, при помощи ухищреній и издержекъ, сырой матеріалъ сгруппировать и обработать приличнымъ образомъ.

За подвигъ этотъ, ученый и вмѣстѣ патриотическій, взялся П. И. Небольсинъ. Въ 1850 году объѣхалъ онъ съ этою цѣлю всю Оренбургскую-Линію, пробылъ по нѣскольку мѣсяцевъ въ Оренбургѣ и Троицкѣ, заглядывалъ въ Киргизскую-Степь, переспросилъ до 200 лицъ изъ Русскихъ, Татаръ, Киргизовъ, Хивинцевъ, Бухарцевъ, Коканцевъ, Афганцевъ и т. д., и, въ заключеніе, посѣтилъ Астрахань. Плодомъ этой поѣздки явились, между прочимъ, напечатанные въ X книжкѣ «Записокъ» Имп. Русскаго Географическаго Общества, содѣйствовавшего ему къ осуществленію предпріятія, составляющіе предметъ настоящей рецензіи «Очерки Торговли Россіи съ Средней Азіей.»

Четыре уже года живу я въ томъ краю, гдѣ производилъ изслѣдованія свои г. Небольсинъ, — имѣлъ въ это время сношенія и съ Азіятцами, и съ мѣстными русскими торговцами, знакомъ съ Азіею по прежнимъ занятіямъ моимъ языками и исторіею Мусульманскаго Востока, — но, незанимавшись спеціально дѣломъ, за которое взялся г. Небольсинъ первый въ Россіи, признаюсь, съ крайнею въ довѣлительность (compétence) свою недовѣрчивостію, и одобряемый единственно довѣренностію Академіи, принимаю смѣлость представить оцѣнку порученнаго разбору моему труда.

«Средняя-Азія» — названіе неопредѣлительное; иные включаютъ въ Среднюю-Азію и Китай, и Сѣверную Персію. Какія-же именно страны Средней-Азіи имѣлъ въ виду г. Небольсинъ, говоря о торговлѣ нашей съ нею? Въ рамкѣ, имъ очерченной, обнялъ-ли онъ предметъ со всѣхъ сторонъ, во всѣхъ существенныхъ его условіяхъ и подробностяхъ? Разсматриваетъ ли его только въ нынѣшнемъ состояніи или, вмѣстѣ, и въ историческомъ развитіи? Въ какой степени достовѣрны сообщаемые имъ факты и данныя, и ограничился-ли онъ однимъ изложеніемъ фактовъ или входитъ въ оцѣнку ихъ, разбираетъ причины, выводитъ заключенія: въ такомъ случаѣ,

основательна-ли дѣлаясь имъ оцѣнка, правильны ли выводы его и заключенія?

Постараемся, по-возможности, дать отвѣтъ на эти вопросы.

Въ «Очеркахъ» своихъ г. Небольсинъ поставилъ себѣ задачею описать только внѣшнюю торговлю Россіи, производимую черезъ Оренбургскую-Линію съ тремя владѣніями Средней-Азіи: Бухарою, Коканомъ и Хивою,—почему не допускаетъ въ рамки своего изслѣдованія даже торговыхъ оборотовъ Линіи съ Киргизскою-Степью, какъ составляющихъ предметъ внутренней нашей торговли. Но, сверхъ обѣщаннаго, на-самомъ-дѣлѣ сообщаетъ онъ весьма многое о торговлѣ нашей съ Коканомъ, производящейся изъ Петропавловска на Сибирской-Линіи, и кое-что о торговлѣ съ Хивою черезъ Астрахань. Значитъ, торговые обороты наши съ Бухарою, Коканомъ и Хивою разсматриваются имъ во всемъ ихъ объемѣ, торговля же съ Китаемъ, не только Кяхтинская, но даже черезъ Чугучакъ и Кульджу, равно-какъ и торговля съ Персією, въ предѣлы изслѣдованій его не входятъ.

Очертивъ такимъ образомъ контуры труда своего, г. Небольсинъ въ «Введеніи», на 36 страницахъ, старается прежде всего разочаровать читателя на счетъ общеходящихъ представлений о роскоши и образованности Азіятцевъ, и выставить ему въ настоящемъ свѣтѣ жалкое общественное, экономическое и нравственное состояніе Бухарскаго, Хивинскаго и Коканскаго владѣній въ наше время; даетъ понятіе о средствахъ и отношеніяхъ тамошнихъ торговцевъ, и о производителяхъ Азіятской торговли съ нашей стороны; разсматриваетъ почему Внутренне-Азіятская торговля наша находится именно въ такомъ, а не другомъ положеніи, и наконецъ — возможно-ли, и при какихъ условіяхъ, обширнѣйшее ея развитіе. Эта часть «Очерковъ», составляя необходимое предисловіе къ изслѣдованіямъ г. Небольсина, вмѣстѣ съ тѣмъ заключаетъ въ себѣ и общій ихъ результатъ. По этой послѣдней причинѣ, къ содержанию «Вве-

денія» обращаюсь я въ-послѣдствіи, отдавъ прежде отчетъ о другихъ отдѣлахъ «Очерковъ.»

Въ первомъ и второмъ отдѣлѣ авторъ описываетъ обстоятельства, обуславливающія ходъ каравановъ изъ Бухары, Ташкента и Хивы на Оренбургскую-Линію, и обратное ихъ изъ Россіи слѣдованіе. Тутъ говорится о направленіи караванныхъ дорогъ въ Киргизской-Степи, о перевозкѣ товаровъ на верблюдахъ, выючкѣ этого рода животныхъ, преимуществахъ ихъ передъ другими, разведеніи ихъ и воспитаніи; о возможности иныхъ перевозочныхъ средствъ; о процессѣ подряда верблюдовъ у Киргизовъ, о подрядчикахъ, возчикахъ, прислугѣ, вожакахъ и караванбашахъ; о разныхъ условіяхъ провозной платы, снаряженіи каравановъ въ путь, и обстоятельствахъ слѣдованія ихъ степью, со взглядомъ на предметъ этотъ въ прошломъ; о переправахъ черезъ Сыръ-Дарью, и о сборѣ Хивинцами и Коканцами транзитной пошлины съ Бухарскихъ каравановъ; наконецъ — о времени выхода и прибытія къ мѣсту назначенія каравановъ первой, второй и третьей въ теченіе года отправки изъ Ташкента, Бухары, Хивы, Троицка, Орска и Оренбурга, съ изложеніемъ особенностей, характеризующихъ движеніе этихъ каравановъ смотря по направленію пути и порѣ года. Оба эти отдѣла (2 и 3), занимающіе 63 страницы, обработаны превосходно, и на каждомъ шагѣ обогащаютъ читателя совершенно новыми, самыми авторомъ собранными свѣдѣніями о предметахъ и обстоятельствахъ, существованія которыхъ люди небывалые въ степи даже и подозрѣвать не могутъ, и которые, между-тѣмъ, имѣютъ первостепенную важность въ описываемомъ дѣлѣ. Это, по моему мнѣнію, одна изъ лучшихъ частей труда г. Небольсина, въ которой является онъ совершенномъ Колумбомъ караваннаго быта. Самъ впервые о многомъ узнавши изъ этихъ страницъ, я въ состояніи дополнить ихъ лишь слѣдующими подробностями, которыя, болѣею частью, не могли даже быть извѣстны автору, какъ получившія существованіе или обнародованныя послѣ 1850 года:

Стр. 38—39. По обычаю, нельзя выючить на верблюда болѣе 16 пудовъ кладн, и Бухарцы, кромѣ экстренныхъ случаевъ, соблюдаютъ это всегда; Хивинцы, напротивъ, выючатъ до 18 и до 20 пудовъ. Но если бы верблюдъ палъ, и по перевѣскѣ оказалось въ тюкахъ болѣе 16 пудовъ, то хозяинъ товара, въ противность утверждаемому авторомъ, непременно обязанъ уплатить возчику за палаго верблюда. Киргизы вовсе не такіе простаки, какими показались г. Небольсину, и выгоды своей, гдѣ можно, не упустятъ.

Стр. 40. Вслѣдствіе каждагоднаго нынѣ, по извѣстнымъ маршрутамъ, прохода казенныхъ транспортовъ на телѣгахъ и роспускахъ изъ Оренбурга и Орска, а также изъ Илецкой-Защиты и Троицка, на Сыръ-Дарью, въ тамошнія наши укрѣпленія, дороги отъ означенныхъ пунктовъ Оренбургской Линіи до укрѣпленій Уральскаго и Оренбургскаго, и оттуда до самой Сыръ-Дарьи и вдоль праваго ея берега, тамъ гдѣ проходятъ онѣ не песками, а глинистымъ грунтомъ, представляются въ видѣ непрерывныхъ, въ нѣсколько рядовъ, глубокихъ колеи, по которымъ слѣпой можетъ идти не сбиваясь съ пути. По колеямъ этимъ, разъ пробитымъ, и двигаются транспорты: вожаки при сихъ послѣднихъ имѣютъ теперь назначеніемъ не указаніе дороги, а отысканіе удобныхъ кормовыхъ мѣстъ для ночныхъ и дневныхъ приваловъ. — Впрочемъ, на большее или меньшее растояніе вглубь степи, почти отъ всѣхъ прилинейныхъ станицъ тянутся такія же колеи, набитыя телѣгами молочныхъ торговцевъ, пробирающихся къ Киргизамъ для закупки у нихъ барановъ и проч. — Шинами колесныя ободья у телѣгъ не обтягиваются потому, что это дорого, и потому, что въ пескахъ необтянутое колесо меньше врѣзывается въ грунтъ и легче вытягивается изъ него упряжнимъ скотомъ.

Стр. 40—43. Относительно возможности доставки товаровъ изъ Бухары и Хивы водянымъ путемъ, можно замѣтить, что послѣ описи Аральскаго Моря, произведенной г. Бутаковымъ (результаты которой извѣстны, между прочимъ, изъ статьи г.

Макшеева, помещенной въ V томѣ «Записокъ И. Р. Географическаго Общества»), нельзя сомнѣваться, ни въ удобности Аральскаго Моря для торговаго судоходства, ни въ существованіи, на сѣверномъ берегу его, безопасныхъ гаваней: такова, на-примѣръ, *Чубарь-Тараузъ*, въ заливѣ Перовскаго, около которой, въ добавокъ, имѣется и вода прѣсная, и топливо (I. с. стр. 43). Здѣсь товары, привезенные изъ Россіи сухопутнымъ, могли бы нагружаться на суда, а товары, доставленные изъ Азіи водою, выучиться на тѣхъ же верблюдахъ, которые привезли сюда русскіе товары. Это было бы выгодно и для большаго числа Киргизовъ, зимующихъ въ Барсукахъ. На южномъ берегу Арала лучшею гаванью представляется заливъ *Туще-Басъ*, а въ заливъ этотъ впадаетъ самое глубокое изъ руслъ Аму-Дарьи — Джанъ (или Яны) — Дарья (Ibid. p. 58). — Что Джанъ-Дарья есть протокъ Аму, а не Сыра, несомнѣнно, потому что истокъ изъ Сыра бывшей Яны-Дарьи, находящійся нынѣ въ русскихъ владѣніяхъ, запруженъ, и русло Яны-Дарьи давно пересохло. — Здѣсь, въ Туще-Басъ, доставленные черезъ Аральское Море товары русскіе перегружались бы съ морскихъ пароходовъ на рѣчныя суда, и шли на нихъ вверхъ по Аму до мѣстъ назначенія, а спустившіеся по Аму на рѣчныхъ судахъ товары азійскіе грузились бы, для перевоза въ Чубарь-Тараузъ, на морскіе пароходы, доставившіе отсюда русскіе товары. Говорю: морскіе пароходы, потому что за отменностію устій Аму рѣчные плоскодонные пароходы, которые могли бы быть заведены на этой рѣкѣ, не годились бы для плаванія по бурному Аралу. Что касается до топлива для пароходовъ, то, если бы каменнаго угля и не отыскалось въ окрестностяхъ Арала, его могъ бы замѣнить саксаулъ, которымъ обильно снабжены Парскіе Острова (Ibid. стр. 52), ибо годность саксаула, какъ топлива для пароходовъ, доказана употребленіемъ его на это въ-теченіе нѣсколькихъ лѣтъ пароходами нашими на Сыръ-Дарьѣ. Лѣсъ для постройки пароходовъ могъ бы гнаться къ Аралу изъ коканскихъ владѣній съ верховьевъ р. Сыра, какъ

теперь известно, весьма имъ изобилующихъ. — Отсутствие естественныхъ препятствій къ судоходству по Аму отъ самаго Бедхшана также не подвержено сомнѣнiю, судя по единогласнымъ о томъ отзывамъ туземцевъ, а изъ Киронейцевъ, бывшихъ на мѣстахъ, — Бориса, Данилевскаго и другихъ. Такимъ образомъ, физической невозможности къ доставкѣ товаровъ изъ внутренней Азiи по Аму и Аральскому Морю — не существуетъ; остается разсчитать только, обойдется ли она выгоднѣе нынѣшней сухопутной, и сообразить возможно ли это по политическому положенiю Хивинскаго и Бухарскаго Ханствъ. На послѣднее всякій, практически знакомый съ внутреннею Азiею, не задумается отвѣчать отрицательно: пока берега Аму будутъ находиться во власти такихъ невѣжественныхъ и вѣроломныхъ правительствъ, каковы Бухарское и, еще болѣе, Хивинское, всякая попытка къ подобному нововведенiю навѣрное останется безуспѣшною.

Теперь, когда основательное изслѣдованiе Сыръ-Дарьи верстъ на 500 вверхъ отъ ея устья (результаты этого изслѣдованiя напечатаны г. Ивашинцевымъ въ «Морскомъ Сборникѣ» за 1854 годъ № 2) показало, что на означенномъ протяженiи рѣка эта, если не всегда, то въ извѣстныя времена года, доступна судоходству, а по распроснымъ свидѣнiямъ несомнѣнно, что вѣнне, по крайней мѣрѣ до самаго Кокана, судоходна она всегда, кромѣ зимы, можно положительно сказать, что водянымъ не путемъ, если бы это оказалось выгоднѣе нынѣшней транспортировки на верблюдахъ, могли бы доставляться до Аральскаго Моря и товары изъ Кокандскаго Ханства.

Наконецъ, не фантазiей представляется многимъ, близку знакомымъ съ мѣстностями Арало-Каспiйскаго Бассейна, не только возможность обратить теченiе Аму-Дарьи, хотя однимъ рукавомъ, но прежнему, въ Каспiйское Море, но и сдѣлать этотъ рукавъ судоходнымъ, направивъ въ Аму массу водъ Сыра, вливающихся теперь въ Аральское Море. Представлять доказательства этому было бы здѣсь неумѣстно; замѣненiе же

настоящаго направленія Аму и Сыра повело бы, ясно для всякаго, къ соотвѣтственному въ пользу нашу перевороту во всѣхъ нынѣшнихъ торговыхъ сдѣлкахъ, не только съ внутреннею Азією, но и съ Индією.

Стр. 43. Торговцы съ внутреннею Азією изъ Русскихъ и Татаръ, за исключеніемъ однихъ купцовъ Дѣвыхъ въ Оренбургѣ, собственныхъ верблюдовъ не имѣютъ, или, если и держатъ ихъ, то въ незначительномъ числѣ, совершенно недостаточномъ для отправки какой-либо значительной партіи товаровъ. Да и Дѣвы, имѣя отъ 120 до 200 верблюдовъ, употребляютъ ихъ только для развоза товаровъ въ предѣлахъ нашей Зауральской Стени. На своихъ верблюдахъ возятъ товары въ Азію одни торговцы наши изъ Киргизовъ.

Стр. 44. Подрядчиками верблюдовъ бываютъ обыкновенно богатые Киргизы, имѣющіе значительное число собственныхъ верблюдовъ. Съ подрядчикомъ-голышемъ, не имѣя къ нему довѣрія, никто въ дѣло вступить не захочетъ. Большую частію эти подрядчики и сами ведутъ торговлю, на свой капиталъ или по коммисіи.

Стр. 45. Дѣйствительно, поставкою верблюдовъ подъ караваны промышленаютъ далеко не всѣ Киргизы; наиболѣе развитъ этотъ промыселъ въ восточной части Зауральской Стени, западная совершенно его не знаетъ, а въ средней промышленаютъ этимъ только нѣкоторые роды, или отдѣленія. Въ Троицкѣ нанимаются возчиками Джаппасцы и, частію, Кипчаки; въ Орскѣ — Джагалбайлины и, частію, Чумекѣвцы и Дюрткарины, а изъ Чиклинцевъ — Тявовцы; въ Оренбургѣ — Чуреневцы, Кабаковцы и, частію, Тявовцы и Назаровцы, т. е. все Чиклинцы разныхъ отдѣленій, затѣмъ припашинные Таминцы, и небольшою частію Чумичли-Табынцы. Последніе ходятъ только въ Хиву.

Стр. 46. Любопытныя подробности о разграбленіи Хивинцами торговаго каравана, отправленнаго въ 1824 году изъ Оренбурга въ Бухару, подъ сильнымъ воинскимъ прикрытіемъ,

можно видѣть въ «Караванъ-Запискахъ», изданныхъ въ 1827 году въ Москвѣ, купеческимъ начальникомъ этого каравана, Е. Кайдаловымъ. Впрочемъ, по рассказамъ лицъ, въ караванѣ этомъ находившихся, онъ могъ бы благополучно добраться до Бухары и ускользнуть отъ Хивинцевъ, если бы не помѣшало тому одно обстоятельство, о которомъ неудобно распространяться. — Последній значительный грабежъ торговцевъ въ нашей степи имѣлъ мѣсто въ 1849 году, когда преданный Хивѣ султанъ киргизскій Илекей Касымовъ разбилъ около Аральскаго Моря шедшій въ Аральское Укрѣпленіе караванъ купца Дѣева.

Стр. 47. Нынѣ съ конвоемъ ходятъ по степи только казенные транспорты; но если возчиками въ транспортѣ приличные казаки (сильно въ послѣдніе годы ставшіе промышленять этимъ), то конвоя не полагается вовсе, или дается самый незначительный. Безопасность въ степи, вообще говоря (временно бываютъ исключенія), такова, что съ линіи на Сыръ-Дарью и обратно, равно-какъ и по другимъ частямъ степи Оренбургскаго вѣдомства, прикащики русскихъ купцовъ ѣздятъ иногда самъ-другъ съ весьма значительными суммами. Осенью 1853 года, когда степь была не совсѣмъ покойна, генералъ-губернаторъ Оренбургскаго Края Графъ В. А. Перовскій проѣхалъ съ р. Иргиза до Орской крѣпости, не взявъ съ собою ни одного конвойнаго казака.

Стр. 48. Не то-что съ 15, а и съ 10 верблюдами одному работнику въ зимнее время управиться весьма трудно.

Стр. 49. «Полынь» авторъ считаетъ чѣмъ-то особымъ отъ джусана, въ которомъ находитъ сходство съ терескеномъ и буюргунюмъ; между-тѣмъ *джусанъ*, по башкирскому произношенію *юшанъ*, и есть полынь, а терескенъ и буюргунъ никакого ни сродства, ни сходства съ джусаномъ не имѣютъ. Травы и другія стелныя растенія Киргизы, въ продовольственномъ отношеніи, раздѣляютъ на лѣтнія и зимнія, то-есть на такія, которыя скотъ можетъ употреблять въ пищу лѣтомъ, и на такія,

которыми онъ питается только зимою, когда ихъ проняло морозомъ. Зимою лошади и другой скотъ ѣдятъ множество травъ, къ которымъ лѣтомъ, по жесткости ихъ или другимъ свойствамъ, не прикасаются.

Стр. 48—50. Преимущества верблюда въ степи передъ лошадейю, для перевозки тяжестей, изложены авторомъ превосходно; но должно замѣтить, что случаи падежа верблюдовъ въ степныхъ походахъ весьма не рѣдки; лошади-же въ транспортныхъ банкирскихъ командахъ гибли прежде въ большомъ числѣ не столько отъ природнаго слабосилія, сколько отъ небрежнаго ухода и изнуренія ихъ, вслѣдствіе неумѣнья распоряжаться ходомъ транспортовъ въ степи. Въ экспедицію къ Акъ-Мечети 1853 года, въ эшелонѣ, гдѣ находился самъ корпусный командиръ, на пути отъ Оренбурга до Аральскаго-Укрѣпленія пала всего одна транспортная лошадь, хотя эшелонъ дѣлалъ часто двойные переходы, а иногда двигался даже рысью. Когда такимъ-образомъ на практикѣ было доказано, что хорошимъ уходомъ и толковымъ распредѣленіемъ приваловъ и ночлеговъ лошади непременно сберегаются, ихъ стало падать въ транспортахъ вообще несравненно менѣе прежняго. Въ прошломъ 1855 году прилинейные Киргизы Восточной части сами взялись доставить казенный провіантъ изъ Троицка въ Оренбургское-укрѣпленіе, на своихъ лошадяхъ и телъгахъ, въ числѣ 2900 подводъ, и исполнили подрядъ безъ потери въ скотѣ. Въ объясненіе этого подряда не излишне сказать, что на лошадяхъ и телъгахъ своихъ эти Киргизы издавна уже отправляются ежегодно за солью на озера Эбелей и Уркачъ, передній путь дѣлая порожнякомъ: явная выгода была для нихъ продлить этотъ передній путь до Оренбургскаго-укрѣпленія, взявъ за то по 4 р. 40 к. сер. съ подводы. Ниже (стр. 57, въ выноскѣ) приводитъ авторъ замѣчаніе одного купца, что верблюды вѣроятно скоро переведутся, и караваны будутъ ходить на волахъ, запряженныхъ въ арбы. Дѣйствительно, верблюдовъ употребляется теперь въ извозъ несравненно болѣе преж-

наго—одна казна нанимаетъ ихъ въ степи для своихъ надобностей ежегодно до 6000 и болѣе, вслѣдствіе чего увеличивается и ежегодная ихъ убыль; но эта убыль не такъ значительна, чтобы надлежало уже опасаться за совершенную гибель породы. Доказательство тому видимъ въ нисколько неводнимающейся цѣнѣ на верблюдовъ: какъ десять лѣтъ тому, такъ и теперь, верблюды, смотря по достоинству, продаются отъ 20 до 35 р. сер. за голову. Притомъ Зауральскую степь снабжаетъ верблюдами Внутренняя-Орда, гдѣ не употребляются они ни на что, кромѣ перекочевокъ и домашней перевозки, а между тѣмъ разводятся въ большомъ числѣ. Нѣсколько сотъ верблюдовъ пригоняется оттуда ежегодно на одинъ Оренбургскій мѣновой дворъ. Къ той порѣ, когда переведутся верблюды въ степи, — если только они когда-либо переведутся, — степь будетъ покрыта уже линіями желѣзныхъ дорогъ, и Аму будетъ течь въ Каспій, а Сыръ впадать въ Аму. Ранѣе — ожидать этого нельзя, тѣмъ болѣе, что верблюдъ встрѣтилъ себя въ послѣдніе годы достойнаго соперника — въ волъ; «корабль Новороссійскихъ степей» плаваешь теперь на всѣхъ парусахъ и по Зауральскимъ; «цобъ, цобъ» слышится теперь здѣсь почти столь-же часто, какъ «чокъ, чокъ»; чумачество развилось въ Зауральской степи съ быстротою, какъ на почвѣ совершенно родственной. Первый опытъ перевозки казеннаго провіанта съ Ливія въ Уральское-укрѣпленіе на воловьихъ подводахъ сдѣланъ былъ, по вызову г. командира отдѣльнаго Оренбургскаго корпуса, Оренбургскими купцами Дѣевымъ и Путоловымъ, въ 1852 году. Подводы, въ числѣ 1030, наняты были послѣдними у казаковъ Оренбургскаго-Войска, между коими есть много изъ Малороссіянъ; возчиками нанялись сами-же казаки, козлева воловь. Съ пуда за доставку заплачено было казною, смотря по качеству тяжести, отъ 35 до 45 коп. сер. Въ слѣдующемъ году тѣми же купцами отправленъ былъ первый воловій казенный транспортъ, на 740 подводахъ, въ Аральское-укрѣпленіе, съ платою отъ казны по 80 коп. сер. съ пуда. Промыселъ понравился

казакамъ, и съ 1854 года они сами, обществами, начали заключать съ казною подряды, не только на провозъ всякаго рода тяжестей изъ Оренбурга до Уральскаго-укрѣпленія, но и на Сыръ-Дарью; а казаки, поселенные при бывшемъ Аральскомъ-укрѣпленіи, стали промышлять извозомъ на волахъ своихъ между укрѣпленіями Сыръ-Дарьинской Линіи. Въ 1855 году изъ Оренбурга до Уральскаго-укрѣпленія платилось казакамъ съ пуда $28\frac{3}{4}$ коп., а до Аральскаго — по 65 коп. сер. На парную воловьую подводку кладн полагается: до Уральскаго-укрѣпленія — отъ 40 до 50, на Сыръ — отъ 30 до 35 пудовъ. Верблюдь — животное иѣжное, подверженное отъ разныхъ причинъ многимъ болѣзнямъ, въ числѣ коихъ первое мѣсто занимаетъ «сарпъ» (пухнуть ноги и грудь, трескается кожа на подошвахъ и колѣняхъ, и течетъ гной изъ трещинъ). На Сыръ-Дарьѣ, сверхъ того, съ іюня по сентябрь, бываетъ постоянный падежъ на верблюдовъ, вслѣдствіе употребленія ими въ пищу растенія «кандыръ-шюпъ», или покрывающихъ его маленькихъ червячковъ «ала-кулюкъ»; воламъ же, если только не бываетъ на нихъ эпидемическаго падежа, ни что не вредитъ.

Стр. 53. Кочуютъ зимою, переходя съ мѣста на мѣсто черезъ 15—20 дней, не какіе-либо извѣстные роды и отдѣленія Киргизовъ, у которыхъ нѣтъ сѣнокосовъ, а всѣ тѣ, которые зимуютъ въ южныхъ частяхъ степи, гдѣ снѣга не глубоки. — Отдѣленіе Телеу (или вѣриѣ Тлау) авторъ причисляетъ здѣсь къ роду Адимъ, а выше (на стр. 45) относитъ его къ Семиродцамъ. По этому случаю замѣтимъ вообще, что упоминая въ книгѣ своей о томъ или другомъ отдѣленіи Киргизовъ, онъ вездѣ съ увѣренностію называетъ родъ или племя, къ которому они принадлежатъ; между-тѣмъ это предметъ весьма темный и спорный между самими Киргизами — темный и сбивчивый до того, что самъ покойный Генсъ, усердно старавшійся прояснить дѣло, запуталъ его еще болѣе, авторитетомъ своимъ сбивъ съ толку и другихъ. Здѣсь не мѣсто пускаться въ подробности этого дѣла, и потому скажу лишь, что Тлау точно

Алимовцы, но не по роду, а по племени; къ роду-же причисляются Чиклинскому. Затѣмъ, Чиклинцы никогда не зимуютъ близъ линіи: обыкновенныя зимовки ихъ—на Эмбѣ и въ Барсукахъ; изъ Джаппасовцевъ и Кипчакцевъ остаются зимовать близъ линіи весьма немногіе, большинство-же уходитъ за этимъ на Сыръ-Дарью; а скоть свой отгоняютъ на Сыръ и въ Каракумы, сами оставаясь близъ лѣтнихъ кочевокъ своихъ — преимущественно Аргынцы.

Стр. 56. Причина, по которой Оренбургскіе возчики Бухарскихъ каравановъ не сопровождаютъ на Сыръ и за Сыръ своими семействами, подобно Троицкимъ, заключается вовсе не въ томъ, чтобы дорога отъ Троицка въ Бухару была обильнѣе пастбищными мѣстами, чѣмъ дорога туда же изъ Оренбурга, а въ томъ, что Джаппасцы, изъ коихъ бывають преимущественно Троицкіе возчики, имѣютъ зимовки свои на Сырѣ, тогда-какъ Джагалбайлинцы и другіе роды, поставляющіе верблюдовъ и возчиковъ для каравановъ изъ Оренбурга и Орска, зимуютъ при линіи или въ глубинѣ степи.

Стр. 56. (Выноска). Лѣса въ Степи Оренбургскаго вѣдомства находятся только на пространствѣ восточной ея части, и то сѣвернѣе 51° широты. Далѣе на югъ ихъ нѣтъ вовсе, за исключеніемъ поемной береговой поросли по р. Илеку и нѣкоторымъ ея притокамъ, да небольшихъ лѣсковъ по ущельямъ Мугоджарскихъ-Горъ. Саксауловыхъ (*Arabasis Ammodendron* С. А. Меуер) лѣсовъ нигдѣ въ этой степи не имѣется: саксаулъ по сю сторону Сыръ-Дарьи большой высоты не достигаетъ. На правомъ ея берегу, равно-какъ въ Кара-Кумахъ и Барсукахъ, встрѣчаются еще ирѣдка, по иловато-глинистымъ пространствамъ, рошцы изъ гребенщика (*Tamarix gallica*). — Нѣкоторыя изъ Киргизскихъ названій степнымъ травамъ, удобнымъ для топлива, напечатаны ошибочно: не самъ, а сагызъ, и т. д.

Стр. 57. Подъ караваны изъ Бухары въ Россію нанимають тамъ, говоритъ г. Небольсинъ, тѣхъ же самыхъ Киргизовъ

и верблюдовъ, которые приходятъ съ товарами изъ Россіи. Такъ; но къ этому необходимо прибавить, что караваны изъ Бухары на линію и обратно поднимаются не исключительно Киргизами и верблюдами нашей степи. Есть Киргизы, постоянно кочующіе около Бухары; они въ весьма значительной долѣ ставятъ отъ себя верблюдовъ (до 2,000 и болѣе) и возчиковъ подъ эти караваны. Прибывъ съ караванами изъ Бухары на линію, возчики эти остаются здѣсь до обратнаго отправленія осенью каравановъ въ Бухару, пася верблюдовъ въ степи около линіи. Эти промышленяющіе извозомъ Киргизы Бухарскіе извѣстны у насъ подъ названіемъ *Джайдаровъ*. Джайдарами же называются, одинаково, и Киргизы, промышленяющіе поставкою верблюдовъ подъ караваны Ташкентскіе и Хивинскіе, въ Россію и обратно, изъ числа тамъ, въ Коканскихъ и Хивинскихъ владѣніяхъ, постоянно кочующихъ Киргизскихъ родовъ. Караваны изъ Ташкента въ Троицкъ и обратно ходятъ почти исключительно на джайдарскихъ верблюдахъ. Объ участіи Джайдаровъ изъ Хивинскихъ Киргизовъ въ подъемѣ каравановъ въ Оренбургъ и обратно въ Хиву, г. Небольсинъ упоминаетъ ниже, на стр. 107; но ошибается, полагая, что «Джайдари» (какъ пишетъ онъ) есть собственное имя этихъ Киргизовъ. Ни въ Хивинскихъ, ни въ Бухарскихъ, ни въ Коканскихъ владѣніяхъ, нѣтъ никакого Киргизскаго рода, отдѣленія или подотдѣленія, которые носили бы имя Джайдари, какъ носятъ они имена Чикли, Табынъ и т. д. «Джайдаръ», повторяемъ, есть имя нарицательное, въ родѣ нашего «чумакъ», общее всѣмъ промышленяющимъ извозомъ въ караванахъ Бухарскимъ, Коканскимъ и Хивинскимъ Киргизамъ, къ какимъ бы родамъ ни принадлежали они. Въ 1854 году, Бухарскимъ и Хивинскимъ джайдарамъ, пришедшимъ подъ караванами въ Оренбургъ, предложено было принять участіе въ доставкѣ казеннаго провіанта изъ Оренбурга въ Фортъ-Перовскій, и они взялись за это весьма охотно, поставивъ 955 верблюдовъ, съ платою впередъ (Киргизы всегда требуютъ плату впередъ, но за

то честно и безотговорочно исполняютъ принятыя на себя обязательства) по 15 р. 25 к. сер. съ верблюда.

Стр. 59. Лучшіе вожаки въ степи бываютъ изъ барантовщиковъ, — изъ людей, которые въ молодости своей укрываясь отъ преслѣдованія или предпринимая внезапные угоны, по необходимости изучили степь вдоль и поперегъ.

Стр. 60. Плата за верблюда изъ Оренбурга или Троицка до Бухары, при обыкновенномъ ходѣ вещей, необходимо должна быть дешевле таковой же изъ Бухары до Троицка или Оренбурга, по той весьма простой причинѣ, что отпускъ товаровъ изъ Бухары на линію болѣе отпуска туда съ линіи, вслѣдствіе чего и вычныхъ верблюдовъ приходитъ на линію изъ Бухары гораздо болѣе, чѣмъ уходитъ туда съ линіи. Такъ на-примѣръ, верблюдовъ съ товаромъ:

	1853	1854	1855
Пришло на линію	16,774.	16,651.	20,580.
Отошло съ линіи	6,143.	7,487.	5,983.

Зная о такомъ ходѣ торговли и о необходимости по этой причинѣ половинѣ, или и болѣе, возчиковъ и верблюдовъ, прибывшихъ съ караванами изъ Бухары, возвращаться туда, для новой наемки, порожнякомъ, верблюдохозяева, чтобы только избѣжать этого, естественно входятъ въ соперничество между собою, и предложеніемъ большимъ запроса понижаютъ провозную плату съ линіи.

Стр. 61. По общему отзыву всѣхъ издавна знакомыхъ съ Зауральскою-степью, Киргизы Оренбургскаго вѣдомства не только не обѣднѣли противу прежняго, но, вслѣдствіе прекращенія баранты и грабежей, еще значительно разбогатѣли. По этому, постепенный упадокъ провозной платы за верблюдовъ не можетъ быть приписанъ ничему иному, какъ постепенному же водворенію въ степи порядка и безопасности.

Стр. 62 и далѣе 83—84, 103, 105. Въ Оренбургъ, говоритъ авторъ, приходятъ ежегодно изъ Бухары два каравана, въ Троицкъ — три; изъ Ташкента въ Троицкъ — три или четы-

ре; изъ Хивы въ Оренбургъ — два или три. Сколько я понимаю дѣло, такой образъ выраженія не точенъ. Какъ изъ Бухары, такъ изъ Хивинскихъ и Коканскихъ владѣній, товары въ Россію отправляются въ болѣе или менѣе опредѣленное время года, но отдѣльными, независимыми партіями; отдѣльно другъ отъ друга идутъ эти партіи степью, нагоня одна другую, перегоня, сходясь на нѣсколько времени, опять различаясь, и отдѣльно же вступаютъ на мѣстовыя прилинейныя дворы. Смотря по обстоятельствамъ, партіи эти могутъ быть болѣе или менѣе многочисленны, но каждая, какъ-бы мала она ни была, имѣетъ полное право на названіе каравана. А если такъ, то число каравановъ, приходящихъ изъ Внутренней-Азіи на Оренбургскую-Линію и отходящихъ съ оной опредѣлено быть не можетъ, ибо зависитъ отъ обстоятельствъ; да нѣтъ въ томъ и нужды: довольно знать въ какое время года отправляются караваны отъ насъ и къ намъ. Въ подтвержденіе сказаннаго приводимъ слѣдующія свѣдѣнія о приходѣ Азіятскихъ каравановъ на Оренбургскую-Линію въ 1851 и 1852 годахъ:

Когда пришли карава- ны.	Изъ какихъ мѣстъ.	На какіе пункты Оренбург- ской-Линіи.	На сколько ихъ		
			верблюдахъ		поло- дны ст- говъ- рогъ.
			съ това- ромя.	съ пор- таломъ.	
въ 1851 году.					
Мая 22	изъ Хивы.....	въ Оренбургъ.....	131	2	—
Июля 8	» Ташкента...	» Троицкѣ.....	1553	58	—
—	» Бухары.....	» —	541	28	—
11	» Чугучака...	» —	84	7	—
12	» Ташкента...	» —	2162	1	—
—	» Бухары.....	» —	442	24	—
14	» —	» —	25	—	—
—	» Ташкента...	» —	283	3	—
15	» Бухары.....	» Оренбургъ (черезъ Орскъ)	240	3	—
16	» Ташкента...	» Троицкѣ.....	68	1	—
25	» Бухары.....	» Оренбургъ (черезъ Орскъ)	299	3	—
30	» Чугучака...	» Троицкѣ.....	62	3	—
Июля 2	» Ташкента...	» —	76	—	—
—	» Бухары.....	» —	6	—	—
3	» —	» Оренбургъ.....	625	47	—
4	» Ташкента...	» Троицкѣ.....	42	2	—
6	» —	» —	2	—	—
—	» Бухары.....	» —	34	2	—
7	» Ташкента...	» —	52	—	—
—	» Бухары.....	» Оренбургъ (черезъ Орскъ)	489	19	—
9	» Ташкента...	» Троицкѣ.....	5	—	—
12	» Бухары.....	» Оренбургъ (черезъ Орскъ)	—	—	27
13	» Хивы.....	» —	1301	43	—
14	» Бухары.....	» Троицкѣ.....	82	—	—
—	» Чугучака...	» —	60	5	—
16	» Бухары.....	» —	258	1	—
17	» —	» —	127	—	—
18	» —	» —	8	—	—
20	» —	» —	112	72	—
21	» Хивы.....	» Оренбургъ.....	596	38	—
23	» Бухары.....	» Троицкѣ.....	71	—	—
24	» —	» —	98	2	—
26	» —	» —	10	—	—
28	» —	» —	3	—	—
31	» —	» Оренбургъ.....	917	75	—
Августа 9	» Хивы.....	» —	57	5	—
13	» Бухары.....	» Троицкѣ.....	154	26	—
16	» —	» —	76	—	—
17	» Чугучака...	» —	64	8	—
24	» Хивы.....	» Оренбургъ.....	129	11	—
Октября 4	» Чугучака...	» Троицкѣ.....	77	12	—
Ноября 27	» —	» —	173	9	—
Итого въ 1851 году...			11,564	510	27

ВЪ 1852 ГОДУ.

Мая					
24	изъ Хивы.....	въ Оренбургъ.....	50	—	—
28	» Ташкента...	» Троицкъ.....	88	1	—
Июня					
2	» —.....	» —.....	55	—	—
5	» Бухары.....	» Оренбургъ (черезъ Орскъ)	1221	10	—
6	» Ташкента...	» Троицкъ.....	1583	57	—
	» Бухары.....	» —.....	378	83	—
9 и 10	» Ташкента...	» —.....	1258	—	—
	» Бухары.....	» —.....	932	25	—
12	» Хивы.....	» Оренбургъ.....	201	5	—
	» Бухары.....	» Троицкъ.....	686	—	—
	» Ташкента...	» —.....	423	3	—
19	» Бухары.....	» —.....	—	—	6
23	» —.....	» Оренбургъ.....	280	3	—
24	» —.....	» Троицкъ.....	75	—	—
26	» Ташкента...	» —.....	2	—	—
27	» Бухары.....	» —.....	—	2	—
	» Хивы.....	» Оренбургъ.....	2790	166	—
Июля					
3	» Бухары.....	» — (черезъ Орскъ)	33	1	125
	» —.....	» Троицкъ.....	—	—	1
7	» Ташкента...	» —.....	94	—	—
8	» Бухары.....	» Оренбургъ.....	1560	138	—
9	» Хивы.....	» —.....	186	8	—
10	» —.....	» —.....	12	—	—
	» Чугучака...	» Троицкъ.....	105	10	—
12	» Бухары.....	» Оренбургъ.....	6	—	—
14	» —.....	» Троицкъ.....	203	65	—
17	» —.....	» —.....	408	2	—
19	» —.....	» —.....	9	—	4
28	» Ташкента...	» —.....	89	4	—
31	» Бухары.....	» —.....	37	—	—
Августа					
2	» —.....	» Оренбургъ.....	107	32	—
	» —.....	» Троицкъ.....	4	—	—
7	» —.....	» —.....	10	—	—
10	» —.....	» Оренбургъ.....	721	23	—
12	» —.....	» Троицкъ.....	3	—	—
13	» Чугучака...	» —.....	123	1	—
14	» —.....	» —.....	194	22	—
16	» Бухары.....	» —.....	—	—	1
18	» Хивы.....	» Оренбургъ.....	14	2	—
21	» Чугучака...	» Троицкъ.....	99	8	—
25	» Ташкента...	» —.....	1	—	—
Октября					
2	» —.....	» —.....	10	2	—
Ноября					
7	» Хивы.....	» Оренбургъ.....	25	1	—
10	» Чугучака...	» Троицкъ.....	—	—	11
Декабря					
13	» Бухары.....	» Оренбургъ (черезъ Орскъ)	—	—	5
22	» Ташкента...	» Троицкъ.....	28	—	—
26	» Хивы.....	» Оренбургъ.....	19	—	—
30	» Ташкента...	» Троицкъ.....	—	—	43
Итого въ 1852 году...			14,122	674	191

Стр. 63. Первый караванъ изъ Бухары въ Оренбургъ выходитъ, по словамъ автора, партиями съ половины февраля, иногда съ половины апрѣля, и движется медленно; тѣмъ-не-менѣе партіи эти стараются перейти Сыръ еще по льду. — Отъ Бухары до Сыра надо пройти около 700—730 верстъ; полагая по 25 верстъ на сутки, переходъ этого пространства требуетъ около 28 дней; значить, на Сыръ самыя первыя изъ Бухары партіи не могутъ прибыть ранѣе половины марта, — а объ эту пору Сыръ если и бываетъ еще покрытъ льдомъ, то не стоячимъ, а пловучимъ, ибо рѣка вскрывается обыкновенно еще въ февралѣ. Такимъ образомъ, чтобы успѣть перейти Сыръ «за-зиму», раннія партіи изъ Бухары, при медленномъ ходѣ каравановъ, должны выходить ранѣе половины февраля.

Стр. 64. Нынѣшній фортъ № 1, замѣнившій упраздненное уже Аральское или Раимское укрѣпленіе, устраивается на урочищѣ Казалы, верстахъ въ 15 ниже Учъ-Урги. — Владычество надъ лѣвымъ берегомъ Сыра обеспечивается Хивинцамъ укрѣпленіемъ Ходжа-Ніязъ, на Куванъ-Дарѣй, которое возведено ими лѣтъ 8 или 10 тому. Отсюда и высылаются теперь партіи сборщиковъ транзитной пошлины съ мимопроходящихъ въ Бухару и оттуда каравановъ.

Стр. 65. Девятокъ составляетъ употребительную единицу счета не у однихъ Киргизовъ; это число священное у всѣхъ Средне-Азійскихъ народовъ. Читатель старины, Крымскій Ханъ Гази-Гирей, властвовавшій въ концѣ XVI и началѣ XVII вѣка, умертвилъ вслѣдствіе этого у соперника своего Фетхъ-Гирея не болѣе и не менѣе какъ девятерыхъ дѣтей.

Стр. 66 — 67. Въ 1853 году, съ каравана, шедшаго изъ Троицка въ Бухару на 2000 верблюдахъ, взыскано было Хивинцами, при проходѣ его около Ходжа-Ніяза, по 5 р. асс. съ верблюда. Въ 1854 году, одному такому каравану удалось пройти незамѣченнымъ и избавиться отъ уплаты пошлины; другой, шедшій вслѣдъ и состоявшій изъ 3000 верблюдовъ и 7000 барановъ, которыхъ Киргизы наши гнали на продажу въ Бу-

хару, предположено было разграбить за это, по повелѣнію самаго Хана Хивинскаго; но благоразуміемъ караванъ-баша бѣда была отвращена, и взыскано было: кромѣ подарковъ, только 2000 червонцевъ съ торговцевъ и 800 барановъ съ Киргизовъ.

Стр. 73 — 74. Въ торговыхъ караванахъ всегда бывають запасные верблюды въ болѣе или менѣе значительномъ числѣ.

Стр. 74. Вообще всякій торговецъ изъ Внутренней Азіи, проходя на линію степью, готовъ сбить Киргизамъ сколь можно болѣе товаровъ своихъ, не очищенныхъ еще пошлиною. Такихъ товаровъ, въ-особенности халатовъ, расходится въ степи на огромныя суммы. Кромѣ того, изъ Хивы и Бухары пробирается въ нашу степь множество мелкихъ торговцевъ, которые распродаютъ свой товаръ за деньги или барановъ, и никогда на линію не приходятъ.оборотъ этой торговли неизвѣстенъ, но долженъ быть довольно значителенъ. Принимая торговлю Киргизовъ Оренбургскаго вѣдомства съ линіею за торговлю внутреннюю, на эту торговлю Бухарскихъ и Хивинскихъ мелочниковъ въ нашей степи г. Небольсинъ долженъ былъ смотрѣть, какъ на внѣшнюю, и упомянуть о ней; но объ этомъ предметѣ никакихъ свѣдѣній имъ не собрано. Сверхъ этого, торговля съ Бухарою и отчасти съ Коканскими и Хивинскими купцами ведется еще на Сыръ-Дарьѣ. Торговля эта началась собственно съ утвержденія за нами праваго берега Сыра въ 1853 году и учрежденія Сыръ-Дарьинской Линіи въ 1854 году, почему г. Небольсинъ и знать о ней не могъ. Главный пунктъ ея — бывшее Коканское укрѣпленіе Акъ-Мечеть, нынѣ Фортъ-Перовскій. Здѣсь, преимущественно Бухарскіе торговцы снабжаютъ товарами своими, какъ воинскихъ чиновъ Сыръ-Дарьинскихъ гарнизоновъ, такъ мѣстныхъ и приходящихъ туда съ казенными транспортами Киргизовъ. Торговля эта развивается быстро.

Стр. 75. Въ порталѣ никогда не пропускается безпошлинно болѣе одного ковра и 2 или 3 халатовъ; не дозволяется также провозить матерій кусками, слѣдовательно и англійскихъ

ситцевъ, которые, при томъ, по Дороговизнѣ своей, и въ самыхъ Бухарскихъ владѣніяхъ составляютъ рѣдкость. — Причиною выхода нѣкоторыхъ каравановъ изъ Бухары не ранѣе конца марта или началъ апрѣля — вовсе не ожиданіе распродажи русскихъ издѣлій; въ Россію, какъ справедливо говорить г. Небольсинъ (стр. 5), ходятъ одни прикащики, и товары тамъ приобрѣтаются въ кредитъ, слѣдовательно русскіе товары могутъ распродалаться въ Бухарѣ хозяевами въ отсутствіе прикащиковъ; о количествѣ-же остающихся нераспроданными товаровъ Бухарскіе торговцы получаютъ извѣстія изъ отечества, находясь не только на линіи, но и на Нижегородской-ярмаркѣ. Причина поздняго выхода заключается въ томъ собственно, что только въ половинѣ марта или началѣ апрѣля можетъ быть изготовлена къ отправкѣ мерлушка и закуплены бумажныя издѣлія.

Стр. 77. На Нижегородскую-ярмарку ѣздятъ обыкновенно только самые зажиточные изъ Азіятскихъ торговцевъ; они, частію, закупаютъ тамъ товаръ и для тѣхъ, которые остаются въ Оренбургѣ и Троицкѣ для продажи товаровъ въ-раздробъ. Изъ Хивинцевъ отправляется на ярмарку одинъ ихъ караван-башъ.

Стр. 78. Въ послѣднее время провозная плата изъ Орска въ Оренбургъ не была менѣе 18—20 коп. сер. съ пуда; осенью-же, при отходѣ каравановъ, въ-особенности если начиналъ уже выпадать снѣгъ, цѣна съ пуда отъ Оренбурга въ Орскъ доходила даже до 30 и 40 коп. сер.

Стр. 79. Вслѣдъ за окончаніемъ расчетовъ по барантѣ между Киргизами Сибирскими и Восточной части Оренбургскаго вѣдомства, такимъ-же мировымъ разбирательствомъ взаимныхъ по барантамъ претензій окончены были онѣ въ 1851 году между Киргизами Адаевского и бывшихъ враждебными имъ другихъ степныхъ родовъ Средней и Западной частей Зауральской-Орды.

Стр. 80—83. Любопытныя подробности, сообщаемыя г. Небольсинымъ, о притѣсненіяхъ, которымъ подвергались Бухарскіе караваны на пути въ Троицкъ и обратно, проходя черезъ Коканскія владѣнія, — не имѣютъ уже мѣста съ тѣхъ поръ, какъ Акъ-Мечеть и ниже ея по Сыру находившіяся Коканскія укрѣпленія или разрушены или заняты Русскими войсками въ 1853 году. — Теперь только Коканскіе Киргизы грабятъ иногда малочисленные караваны.

Стр. 88. Нельзя положительно говорить, что плата за провозъ цѣнныхъ товаровъ не бываетъ въ Троицкѣ болѣе 10 руб. сер. съ верблюда: въ 1854 году платили здѣсь за провозъ въ Бухару не только мануфактурныхъ товаровъ, но даже желѣза при послѣднихъ отправкахъ, отъ 20 до 25 руб. сер. съ верблюда, да и то не было возможности найти возчиковъ, такъ что часть громоздкихъ товаровъ, чугуна, мѣди, желѣза, сундуковъ, Азіятцы должны были оставить въ Троицкѣ, въ количествѣ болѣе 1000 тюковъ, не вывезенными; вслѣдствіе чего цѣны на эти товары поднялись въ 1855 году на Средне-Азіатскихъ рынкахъ болѣе чѣмъ на треть противу обыкновеннаго.

Стр. 93. Случаевъ, подобныхъ происшедшему въ 1850 году съ караваномъ купца Баранова, въ послѣдніе годы не бывало.

Стр. 94. Караванъ-баши бываютъ трехъ родовъ: 1) официальные, такъ сказать аккредитуемые Бухарскимъ и Хивинскимъ правительствомъ: о такихъ караванъ-башахъ и говоритъ здѣсь г. Небольсинъ; 2) избираемые азіатскими торговцами изъ среды своей для завѣдыванія дѣлами каждаго большаго каравана: такихъ бываетъ иногда въ Оренбургѣ по нѣскольку человекъ; и 3) караванъ-баши изъ Киргизовъ, завѣдующіе всѣми въ караванѣ возчиками: такимъ караванъ-башемъ избирается въ караванѣ одинъ изъ поставщиковъ верблюдовъ; онъ же служитъ вмѣстѣ и жожакомъ.

Стр. 96. Въ послѣдніе годы купцы русскіе, и даже ихъ прикащики, ни въ Бухару, ни въ Хиву не ходили.

Стр. 97. Товарамъ за путевые расходы разсчитываются съ караванъ-башами азiятскiе торговцы можетъ быть у себя, въ Бухарѣ или въ Хивѣ; за приходящiе-же въ Россiю караваны расплата эта дѣлается монетою, при чемъ съ верблюда никогда не сходитъ менѣе 70 коп. сер., а иногда сходитъ и до 1 руб. 20 коп. Два верблюда съ хлопчаткою бумагою принимаются въ этомъ разчетѣ за 1 верблюда съ разнымъ товаромъ.

Стр. 98. *Тургай-Калд* называется по-киргизски Оренбургское, а не Уральское-укрѣпленiе; послѣднее зовется *Иртызь-Калд*.

Стр. 99—100. Изъ Троицка въ Бухару караваны ходятъ нынѣ тремя дорогами: двумя зимними и одною лѣтней. Вообще, вышедши изъ района Новой-Линiи, направляются они на озера *Урдачъ* и *Чубты*, гдѣ-нибудь по р. *Кабырнъ* дѣлаютъ роздыхъ, и переходятъ р. *Тургай* около Оренбургскаго-укрѣпленiя; потомъ черезъ р. *Джмлакчикъ* идутъ на колодезь *Саганбай*; оттуда черезъ р. *Кайдауль* и рѣчки, впадающiя съ востока въ озеро *Чубаръ*, на р. *Калмакъ-Кыртанъ*; далѣе направляются на родникъ *Калданы*, на востокъ отъ котораго лежатъ пески *Арысъ*, и на колодезь *Биль-Кудукъ*; останавливаются пѣсколько времени на урочищѣ *Бабаса*, и перейдя въ бродъ канаву *Арна*, приходятъ въ *Фортъ-Перовскiй*. Здѣсь черезъ *Сыръ-Дарью* переправляются по льду, если-же рѣка еще не стала — на лодкахъ и плотахъ, изготовляемыхъ мѣстными Киргизами. Въ 1854 году Киргизы устроили для этого даже мостъ черезъ *Сыръ* изъ камышевыхъ фашинь, крестообразно положенныхъ одна на другую и связанныхъ камышевыми же канатами, концы конхъ на обоихъ берегахъ, за невозможностию имѣть бревна для свай, укрѣпили они, глубоко и искусно зарывъ въ землю. Изъ *Форта-Перовскiй* кратчайшая зимняя дорога въ Бухару идетъ на кол. *Баркусъ*, черезъ пески *Кызыль* къ горѣ *Балкачмы*; здѣсь въ колодцахъ поятъ верблюдовъ и лошадей, и запасшись водою для людей, проходятъ въ-теченіе дня пески *Яманъ-Кызыль* до колодца *Чинъ-Кимды*; тутъ опять поятъ скотъ, запасаются

водою и через горы *Арсланъ* приходятъ на кол. *Мана-Маджакъ* и родникъ *Анатма*; отсюда слѣдуютъ къ колодцамъ *Назарбай*, почуютъ въ деревнѣ *Кагатамъ* и населенными уже мѣстами достигаютъ Бухары. Ходятъ сюда и другимъ путемъ, такъ-называемую «Дорогою о Четырехъ-Колодцахъ», пролегающею выше Форта-Перовскій; но имѣющіяся о ней свѣдѣнія неопредѣлительны. Обѣими дорогами можно прибыть изъ Троицка въ Бухару черезъ 55 и даже 45 дней; но онѣ проходимы только зимою, лѣтомъ-же не достаточно по нимъ воды и кормовъ. Въ лѣтнее время караваны изъ Троицка идутъ третьею дорогою, а именно отъ озера *Уркачъ* направляются къ вершинѣ рѣки *Умкаякъ*, оттуда на рѣчку *Тилькара*, и перешедши р. *Иргизъ* верстахъ 50 отъ Уральскаго-укрѣпленія входятъ потомъ въ *Каракумы*, которыми и слѣдуютъ до урочища *Кагалы*, куда переведено нынѣ бывшее на урочищѣ Рангъ Аральское-укрѣпленіе. Переправившись здѣсь чрезъ *Сыръ-Дарью* на судахъ укрѣпленія, направляются на озеро *Утлябасъ*, переходятъ р. *Куванъ*, и по колодцамъ *Айрытау* и *Гумуръ* доходятъ до киргизской могилы *Сыры*, гдѣ имѣются четыре колодца. Здѣсь напоивъ скотъ и запасшись водою на двое съ половиною сутокъ, пускаются въ *Кызыль-Кумы*, и на третьи сутки достигаютъ *Буканскихъ-Горъ*. Отсюда слѣдуютъ на колодцы *Юзъ-Кудукъ* и родникъ *Капканташъ*, въ которомъ запасаются водою для перехода черезъ пески *Яманъ-Кызыль*, миновавъ которые, колодцами *Туманбай* и *Чувакбай* выходятъ на родникъ *Анатма*, откуда до Бухары добираются описанною уже дорогою.

Изъ Ташкента въ Троицкѣ караваны ходятъ обыкновенно по слѣдующему маршруту :

г. Ташкентъ.	
р. Келесъ.....	12 верстъ
ур. Сарыжильзакъ.....	20 »
» Сарыагачъ.....	12 »
» Баканъ.....	20 »
кол. Кемширъ.....	13 »

р. Арысь	40	версть
кол. Караджантакъ	12	»
ур. Бузукъ	18	»
дер. и оз. Шиликъ	10	»
ур. Аякъ-Куль	18	»
» Чйитюбе	7	»
р. Карамыкъ	13	»
р. Сыртъ	14	»
ур. Шолыганъ-Ана	15	»
р. Шамратъ	15	»
ур. Каскиръ-Асканъ	15	»
ур. Тохтамысь	8	»
р. Куддумъ-Булакъ	20	»
кол. Донгулюкъ-Соръ	10	»
р. Джангиль-Дыкакъ	20	»
кол. Мынъ-Булакъ	30	»
кол. Кузь-Кудукъ	8	»
ур. Даутъ-Ходжа	35	»
оз. Теле-Куль	35	»
около Теле-Куля	25	»
оз. Арысь	35	»
кол. Танры-Биргенъ	15	»
кол. Локулдакъ (?)	10	»
ур. Умакъ-Булакъ	12	»
ур. Сары-Булакъ	20	»
ур. Котанъ-Булакъ	25	»
кол. Испэ	25	»
ур. Сандыкъ-Нура	25	»
р. Калмакъ-Кырганъ	30	»
р. Тусчи-Мююръ	15	»
р. Мултуръ	30	»
р. Билеуты	35	»
ур. Балакты	15	»
р. Каргала	30	»

ур. Кайдагуль.....	35	версть
оз. Бозчи-Куль.....	30	»
кол. Сазанбай.....	25	»
кол. того же имени.....	20	»
р. Джиланчикъ.....	25	»
ур. Бадпакъ.....	35	»
оз. Шукуръ.....	30	»
укр. Оренбургское.....	15	»

Итого . . . 982 версты

Отъ Оренбургскаго-укрѣпленія до города Троицка считается 516 $\frac{1}{2}$ версть. Такимъ образомъ, всего по прописанному маршруту отъ Ташкента до Троицка будетъ около 1500 версть.

Стр. 105. Изъ таможенной вѣдомости о приходѣ каравановъ на Оренбургскую-Линію, напечатанной въ Оренбургскомъ календарѣ на 1852 годъ, не видно, чтобы въ декабрѣ того года приходилъ изъ Хивы въ Оренбургъ караванъ въ 400 верблюдовъ.

Стр. 106. Относительно хода каравановъ изъ Хивы въ Астрахань авторъ выразился неопредѣлительно, такъ-что изъ словъ его можно было-бы заключить, будто караваны эти идутъ до Астрахани сухопутьемъ, тогда-какъ Хивинскій караванъ съ товаромъ для Астрахани доходитъ только до Новопетровскаго-укрѣпленія на полуостровѣ Мангышлакъ, откуда товаръ отправляется въ Астрахань черезъ Каспійское-море. Такимъ же образомъ доставляются и русскіе товары изъ Астрахани въ Новопетровское-укрѣпленіе. Встарину-же, дѣйстви-тельно, караваны изъ Хивы въ Астрахань ходили сухопутьемъ черезъ Сарайчикъ на Уралъ.

Стр. 108. Осенью 1855 года Хивинскіе купцы, прибывшіе въ Оренбургъ съ весенними караванами, желая узнать основательно о положеніи дѣлъ на родинѣ, гдѣ, по слухамъ, со смертію Мухаммедъ-Эминъ-Хана началась сумятица и рѣзня, подражали съѣздить туда двухъ Киргизовъ, съ тѣмъ, чтобы на

путь до Хивы и обратно употребили они не болѣе 20 дней. Киргизы взялись, и черезъ 20 дней были уже съ новостями въ Оренбургъ.

Стр. 109. Дѣйствительно, при обыкновенныхъ обстоятельствахъ, караваны отъ насъ въ Хиву или обратно черезъ Сыръ-Дарью не ходятъ; но въ 1855 году, Хивинскіе караваны изъ Оренбурга пошли на Хиву не только черезъ Сыръ-Дарью, но даже черезъ Бухару. Причиною тому внутреннія въ Хивѣ смутенія. Опасаясь, что ихъ разграбятъ и перерѣжутъ не та, тамъ другая изъ враждующихъ тамъ партій, Туркменская, Узбекская или Каракалпакская, торговцы Хивинскіе нашли безопаснѣйшимъ отправиться въ Бухару и тамъ ожидать возможности возвращенія на родину.

Стр. 109—111. Подробное описаніе одного изъ караванныхъ путей отъ Оренбурга до Хивы можно было-бы заимствовать изъ Базинерова: *Naturwissenschaftliche Reise durch die Kirgisensteppe nach Chiwa. St. Petersburg. 1848. стр. 42—118.*

Стр. 111. Дѣйствительно у Киргизовъ, «Ногай» равносильно нашему «Чудь», но съ тою разницею, что о Чуди мы ничего не знаемъ, а Ногаи существуютъ до сихъ поръ, и мы знаемъ исторически когда занимали они равнины, гдѣ кочуютъ теперь Киргизы.

Отъ замѣчаній на два первые отдѣла «Очерковъ», переходимъ къ третьему, въ которомъ г. Небольсинъ на 30 страницахъ напечаталъ одиннадцать караванныхъ маршрутовъ: изъ Оренбурга, Орска и Троицка въ Хиву, Бухару и Ташкентъ; изъ Петропавловска въ Коканъ; изъ Троицка и Омска въ Чугучакъ; и изъ Омска же въ Кульджу. Три послѣдніе маршрута по плану труда излишни, такъ-какъ торговля наша съ Чугучакомъ и Кульджею въ рамки изслѣдованій автора не входитъ. Нѣкоторые изъ этихъ маршрутовъ заимствованы имъ изъ печатныхъ или рукописныхъ источниковъ, остальные составлены по личнымъ его разспросамъ. Цѣль этого отдѣла конечно та, чтобы познакомить читателя съ различною мѣрою

караванныхъ переходовъ, и дать ему понятіе о состояніи кормовъ и водоносевъ въ степи. Цѣли этой, маршруты его удовлетворяютъ; но практическаго значенія, кромѣ перваго, отъ Бухары до Оренбурга, они, по краткости своей, не имѣютъ; по той же причинѣ нѣтъ тутъ новаго матеріала и для науки.

Въ четвертомъ отдѣлѣ «Очерковъ» излагается на 15 страницахъ порядокъ очищенія товаровъ пошлиной на Оренбургской-Линіи и въ предѣлахъ Внутренне-Азіятскихъ владѣній, съ побочными обстоятельствами, относящимися къ этому процессу здѣсь и тамъ, какъ при полученіи, такъ и при отпускѣ товаровъ. По этой части г. Небольсинъ умѣлъ собрать много совершенно новыхъ и весьма-дѣльныхъ свѣдѣній. Съ своей стороны, считаю не лишнимъ сдѣлать слѣдующія замѣтки:

Стр. 150. Подарочныя вещи, привозимыя изъ Россіи зажиточнѣйшими изъ азіятскихъ торговцевъ для Эмира въ Бухарѣ, и для Хана въ Хивѣ, состоятъ обыкновенно изъ парчи, лучшаго качества суконъ, ковровъ, часовъ, гармоникъ, а иногда везется и мебель, которая казалось-бы совершенно не пригодна для Азіятцевъ. Такъ въ 1853 году одинъ изъ Бухарцевъ купилъ въ Москвѣ для Эмира кровать орѣховаго дерева, а въ 1854—два покойныхъ кресла за 56 руб. сер. и два зеркала длиною въ 3 и 4 аршина съ рамою.

Стр. 151. «Количество пошлины, взимаемой съ иноземныхъ купцовъ, посѣщающихъ рынки Бухары, Хивы или Ташкента и Кокана опредѣляется кораномъ» — говоритъ г. Небольсинъ. Это мнѣніе совершенно ошибочно. Въ коранѣ нѣтъ объ этомъ ни полуслова. *Закятъ*, о которомъ тамъ упоминается, обязательно исключительно для Мусульманъ. *Подать* за право жизни съ не-мусульманъ, называется въ Магометанскомъ законодательствѣ *джезіа*, *подать* за право пользоваться имуществомъ — *хараджъ*. Последнее слово значитъ въ переводѣ «выходъ», и есть тотъ самый «выходъ», о которомъ, вмѣстѣ съ «данью», упоминается въ нашихъ лѣтописяхъ, какъ о податяхъ, которыя платила Россія Татарамъ. Что во Внутренней-Азій называютъ

заклятомъ пошлину съ товаровъ, принадлежащихъ какъ Мусульманамъ, такъ и иновѣрцамъ — это несомнѣнно; но столь же несомнѣнно и то, что это ошибочно.

Стр. 152. Въ Ташкентѣ дѣйствительно со всѣхъ ввезенныхъ купцомъ товаровъ, которые въ теченіе полугода не успѣлъ онъ распродать, пошлина взыскивается вторично.

Стр. 156—159. При впускѣ каравана въ ворота мѣноваго двора, производится оному присутствіемъ таможни подробная опись, т. е. обозначается число верблюдовъ, число тюковъ, и съ какимъ товаромъ тюки, т. е. сколько ихъ съ хлопчатою бумагою, сколько съ мареною и т. д., что можно видѣть по самой формѣ тюковъ. Когда, такимъ образомъ, будетъ приведена въ извѣстность партія одного хозяина, ему дается записка, заключающая въ себѣ всѣ означенныя подробности. По этой именно запискѣ и принимается товаръ въ пакгаузъ; товарохозяевамъ же чиновникомъ, встрѣчающимъ товаръ на Бердянкѣ, никакихъ записокъ не выдается; равнымъ образомъ никакой записки при приѣмѣ товаровъ въ пакгаузъ не выдается и пакгаузнымъ надзирателемъ: къ партіи каждаго хозяина прикладывается при этомъ одна вышеобъясненная подробная опись. — Затѣмъ, когда Азіятецъ отыскалъ деньги для уплаты пошлины, онъ беретъ у пакгаузнаго надзирателя записку, что на его имя въ такомъ-то караванѣ пришло столько-то тюковъ съ такимъ-то товаромъ; по этой запискѣ дозволяется торговцу разобрать и сосчитать товаръ, но присутствіе таможни наблюдаетъ при семъ, чтобы не было разобрано болѣе того количества тюковъ, какое въ одинъ день можетъ быть досмотрѣно и заклеямено. Когда партія торговцемъ разобрана и товаръ сосчитанъ, онъ объявляетъ о количествѣ онаго присутствію; присутствіе дѣлаетъ вслѣдствіе сего предварительный досмотръ для назначенія цѣнъ товарамъ цѣновымъ; потомъ пишется объявленіе на гербовой 15-ти-копѣчнаго достоинства бумагѣ съ особымъ стемпелемъ, установленной для сихъ объявленій. По написаніи объявленія производится присутствіемъ таможни, пак-

гаузнымъ надзирателемъ и вагстемпельмейстеромъ подробный досмотръ, клейменіе и повѣрка количества товаровъ, показаннаго хозяиномъ въ объявленіи, и уплачивается пошлина; въсвой-же товаръ взвѣшивается и досматривается вагстемпельмейстеромъ при одномъ изъ членовъ. — Отъ произвола хозяина товара зависитъ взять весь свой товаръ разомъ или брать его по частямъ; послѣднее почти никогда не случается. — Объявленія на занятіе лавокъ въ мѣновомъ-дворѣ пишутся на обыкновенной гербовой бумагѣ 15 коп. достоинства, а не на той, которая установлена для товарныхъ объявленій. Плата за лавки различная. Почти всѣ торговцы, приходящіе изъ Внутренней-Азіи, панцимаютъ лавки, даже и тѣ, которые отправляютъ свой товаръ въ Нижній; но часто бываетъ, что въ одной лавкѣ помѣщается товаръ трехъ, четырехъ хозяевъ. По очищеніи товаровъ пошлиною, хозяева хранить его въ пакгаузѣ не могутъ, да не имѣютъ и цѣли, ибо упаковывать тамъ товаръ для отправки имъ не дозволено. Въ Троицкѣ таможеннаго гостинаго двора, какъ въ Оренбургѣ, нѣтъ: тамъ торговцы нанимаютъ лавки лишь на мѣновомъ-дворѣ.

Пятый отдѣлъ «Очерковъ», заключающій въ себѣ всего 6 страницъ, посвященъ объясненію путей и способовъ, коими азіятскіе товары доставляются съ линіи на Нижегородскую-ярмарку, и во что это, смотря по обстоятельствамъ, обходится; говорится также, вкратцѣ, о значеніи ярмарокъ Мензелинской и Бугульминской. Предметъ этого отдѣла совершенно незнакомъ рецензенту, и потому никакого сужденія о немъ онъ себѣ не позволяетъ. Впрочемъ, не излишне, кажется, было бы упомянуть, хотя въ этомъ, если не въ другомъ отдѣлѣ, о цѣнахъ за наемъ лавокъ на Нижегородской и Ирбитской ярмаркахъ, объ особенностяхъ торговыхъ здѣсь сношеній азіятскихъ купцовъ съ русскими купцами и фабрикантами, о срокахъ этихъ ярмарокъ въ-отношеніи къ удобству или неудобству доставки на нихъ товаровъ изъ Внутренней-Азіи и преимущественно о важномъ значеніи Нижегородской-ярмарки въ

Средне-Азиатской торговлѣ, о чемъ авторъ нигдѣ въ книгѣ своей обстоятельно не говоритъ. Вотъ данныя за десятилѣтіе съ 1844 по 1853 годъ, которыя въ пополненіе этого пробѣла извлекли мы изъ отчетовъ о торговлѣ на Нижегородской-ярмаркѣ, печатаемыхъ въ «Журналѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ».

Важнѣйшую статью постояннаго привоза на Нижегородскую-ярмарку изъ Внутренней-Азіи составляетъ невыдѣланный пушной товаръ. Привезено его было туда:

	мерлушки	лисицы	куницы	волчьихъ шкуръ	
въ 1844 году	19,800	11,750	»	4,250	штукъ
» 1845 »	22,300	21,000	»	8,220	»
» 1846 »	77,000	60,000	»	5,000	»
» 1847 »	70,000	70,000	9,000	6,000	»
» 1848 »	100,000	60,000	»	15,000	»
» 1849 »	171,000	78,000	»	4,200	»
» 1850 »	185,000	70,000	»	1,000	»
» 1851 »	185,000	156,000	»	»	»
» 1852 »	395,000	50,000	4,000	7,400	»
» 1853 »	480,000	65,000	8,960	4,000	»

Цѣны на мерлушку, смотря по достоинству, были отъ 15 и 30 коп. до 2 руб. 30 и 2 руб. 80 коп. за штуку; не смотря на постоянное увеличеніе привоза, возвысившагося съ 1844 по 1853 г. въ 24 раза, онѣ нисколько не упали. — Лисица продавалась обыкновенно отъ 60 и 85 коп. до 1 руб. и 1 руб. 65 коп. за штуку; но въ 1845 году цѣна доходила даже до 4 р. 50 к. — Куница шла отъ 2 р. до 5 р. 15 коп. — Волчьи шкуры сбывались по цѣнѣ отъ 90 к. и 1 р. до 2 р. 30 и 2 р. 60 к.

Стольже постоянною статью привоза является хлопчатая бумага: сырецъ и пряжа. Этого товара доставлено было на ярмарку:

	сырца:	пряжи:	
въ 1844 году	2,720	1,200	пудовъ
» 1845 »	1,940	2,960	»

	сырца:	пряжи:	
въ 1846 году	7,000	3,500	пудовъ
» 1847 »	10,000	16,000	»
» 1848 »	4,000	5,400	»
» 1849 »	1,000	11,200	»
» 1850 »	»	2,400	»
« 1851 »	1,000	8,000	»
» 1852 »	15,000	10,000	»
» 1853 »	25,000	11,000	»

Цѣны на сырецъ, не смотря на колебанія въ количествѣ привоза, стояли одинаковыя, отъ 4 р. 60 к. до 5 р. 50 к. сер. за пудъ; только въ 1847 году доходили онѣ до 6 р. 57 к. — Пряжа, также, стояла въ одной цѣнѣ, отъ 7 р. 50 к. и 10 р. до 13 р. 43 к. (въ 1850) и 15 р. 71 к. (въ 1844) за пудъ.

Шелкъ изъ Бухары доставленъ былъ на ярмарку лишь въ 1849 году — въ количествѣ 520 пудовъ на 47,500 р. сер., и въ 1850 году — въ количествѣ 230 пудовъ, на 18,345 р. сер.

Марену изъ Внутренней-Азіи стали привозить на ярмарку только съ 1849 года; доставлено ея было:

въ 1849 году	7,000	пудовъ
» 1850 »	10,000	»
» 1851 »	7,000	»
» 1852 »	13,000	»
» 1853 »	15,000	»

Марена продавалась отъ 3 р. до 3 р. 50 к. за пудъ.

Привозъ бирюзы, на-противъ, съ 1848 г. почти прекратился; въ предшествовавшіе года доставлено было ея:

въ 1844 году на	3,000	руб. сер.
» 1845 » »	14,000	» »
» 1846 » »	22,857	» »
» 1847 » »	14,000	» »

Лазурикъ въ значительныхъ массахъ появился только съ 1850 годовъ; его привезено было:

въ 1850 году 170 пудовъ
 » 1852 » 160 »
 » 1853 » 40 »

Продавался отъ 70 и 92 до 200 и 250 р. сер. за пудъ.

По части издѣлій, изъ Внутренней-Азіи постоянно шли на ярмарку въ разсматриваемый періодъ только: бумажная ткань, извѣстная подъ названіемъ бахты, и шелковыя халатныя матеріи въ кускахъ или готовыхъ халатахъ. Бахты привезено было :

въ 1844 году	»	»	на 165,815 р. сер.
» 1845 »	»	»	» 147,950 » »
» 1846 »	75,000	концевъ	» 91,500 » »
» 1847 »	80,000	»	» 86,400 » »
» 1848 »	74,000	»	» 75,500 » »
» 1849 »	45,000	»	» 46,000 » »
» 1850 »	30,000	»	» 34,300 » »
» 1851 »	50,000	»	» 53,000 » »
» 1852 »	200,000	»	» 220,000 » »
» 1853 »	70,000	»	» 75,900 » »

Бурметь, бязь, чалмы и проч. бумажныя издѣлія показаны въ привозѣ, по ярмарочнымъ отчетамъ, только въ теченіе первыхъ семи лѣтъ разсматриваемаго періода; при томъ привозъ ихъ показанъ вмѣстѣ съ готовыми бумажными же и шелковыми халатами и шелковыми халатными матеріями. Всего этого доставлено было :

въ 1844 году	на 18,405 р. сер.
» 1845 »	» 28,950 » »
» 1846 »	» 31,571 » »
» 1847 »	» 40,000 » »
» 1848 »	» 32,620 » »
» 1849 »	» 34,300 » »
» 1850 »	» 22,800 » »

За 1851 годъ показано въ доставкѣ: халатовъ бумажныхъ, отъ 1 р. 70 к. до 2 р. сер. за штуку, 15,000 штукъ, на 27,660

р. сер.; а шелковых халатных матерій—на 32,000 р. сер.—
За 1852 и 1853 годы, кромѣ бахты, другихъ бумажныхъ издѣлій въ привозѣ не значится, а халатовъ шелковыхъ и шелковыхъ же халатныхъ матерій въ кускахъ, доставлено было: въ 1852 — на 34,600, а въ 1853 — на 16,600 р. сер.

Шали кашемирскія значатся въ привозѣ лишь за три года; именно доставлено было ихъ:

въ 1850 году	на	55,428	р. сер.
» 1851	»	19,320	»
» 1852	»	27,900	»

Иныхъ, кромѣ перечисленныхъ, товаровъ (на-примѣръ сухихъ фруктовъ, въ значительномъ количествѣ доставляемыхъ на Оренбургскую-Линію), въ привозѣ на ярмарку изъ Внутренней-Азіи по отчетамъ ея не показано, да не привозится ихъ и въ-дѣйствительности. Что-же касается до общихъ годовыхъ итоговъ привоза въ означенный періодъ, то онъ исчисленъ слѣдующими суммами:

въ 1844 году	на	388,275	р. сер.
» 1845	»	589,120	»
» 1846	»	477,328	»
» 1847	»	496,900	»
» 1848	»	357,348	»
» 1849	»	450,600	»
» 1850	»	551,179	»
» 1851	»	558,560	»
» 1852	»	866,300	»
» 1853	»	843,200	»

Итого на 5,578,810 р. сер.

А какъ весь итогъ привоза изъ Внутренней-Азіи на Оренбургскую-Линію въ періодъ съ 1840 по 1850 годъ простирался на 8,971,675 р. сер., то безошибочно можно сказать, что *больше половины* товаровъ, доставленныхъ къ намъ изъ Внутренней-Азіи, расходится по Россіи чрезъ посредство Нижегород-

ской-ярмарки, ибо, кромѣ бумажныхъ и шелковыхъ тканей, все остальное количество Бухарскихъ, Коканскихъ и Хивинскихъ товаровъ, привозимое на ярмарку, распродается на ней почти безъ всякаго остатка.

Въ шестомъ отдѣлѣ «Очерковъ» разсматриваются, на 26 страницахъ, торговая связь Средне-Азіатскихъ владѣній между собою, и караванныя между ними сообщенія. Тутъ прежде всего идетъ рѣчь о торговлѣ, которую наши Киргизы ведутъ съ Бухарою и Хивою, сбывая туда барановъ, кошмы и другія произведенія степнаго хозяйства, и вымѣнивая это на хлѣбъ, халаты и другіе необходимые имъ предметы. Замѣтимъ, съ своей стороны, что торговля эта, по значительности своей, заслуживала-бы подробнѣйшаго описанія; но нисколько не винимъ автора за его краткость, зная, что точныя объ этомъ свѣдѣнія можно было-бы собрать только при долговременномъ пребываніи въ Бухарскихъ и Хивинскихъ владѣніяхъ. Прибавимъ къ сказанному имъ, что на Бухарскіе рынки гонятъ барановъ своихъ преимущественно Киргизы, зимующіе около Сыра и Кувана, а въ Хиву—Адаевцы, Чумичли-Табынцы и Чиклинцы. Изъ Адаевцевъ, тысячь до 15 кибитокъ, навѣрное, вѣзмъ нужнымъ для нихъ запасаются изъ Хивинскихъ владѣній, а не съ нашей линіи. Въ Ташкентъ наши Киргизы произведеній хозяйства своего не сбываютъ, потому что въ Коканскихъ владѣніяхъ много своихъ кочевниковъ, въ Турмѣстанъ-же отправляются они за хлѣбомъ, когда бываетъ на него неурожай дома, на низовьяхъ Сыра.

Относительно Хивинской торговли съ Бухарой (стр. 169), отъ Н. Ханыкова знаемъ, что Хива сбываетъ въ Бухару между прочимъ яблоки и бычачьи шкуры, посылая туда ежегодно отъ 1000 до 1500 верблюдовъ съ своими и русскимъ товаромъ; а Данилевскій, въ числѣ товаровъ, получаемыхъ Хивою изъ Бухары, упоминаетъ о китайскомъ фарфорѣ и шелковыхъ матеріяхъ. У Ханыкова же находимъ нѣсколько хорошихъ свѣдѣній о торговлѣ Бухары съ Мешгедомъ и Кабуломъ; которыя

могъ бы заимствовать у него г. Небольсинъ. Не излишне было бы, равнымъ образомъ, обратить болѣе вниманія и на то, что говорить объ этомъ предметѣ Борнсъ. Не воспользовавшись вполне по разсматриваемому отдѣлу свѣдѣніями, заключающимися въ печатныхъ источникахъ, г. Небольсинъ собралъ, впрочемъ, такой запасъ новыхъ, что опять нельзя не подивиться тутъ искусству его въ дѣлѣ разспросовъ. За безусловную вѣрность этихъ свѣдѣній онъ не ручается, да нельзя этого и требовать; во всякомъ случаѣ можно сказать, что достовѣрны они не менѣе сообщаемыхъ въ другихъ трудахъ о Внутренней-Азій.

Дополненіемъ къ шестому отдѣлу служитъ седьмой, заключающій въ себѣ двѣнадцать маршрутовъ между важнѣйшими городами Внутренней-Азій: Бухарою, Самаркандомъ, Ходжендомъ, Ташкентомъ, Коканомъ, Гисаромъ, Андху, Кабуломъ, Гератомъ, Мервомъ и Хивою. Семь изъ нихъ составлены по разспросамъ автора въ Оренбургѣ и Троицкѣ, а пять, заимствованные изъ рукописныхъ источниковъ, провѣрены по показаніямъ Средне-Азійскихъ торговцевъ. Объ этихъ маршрутахъ должно сказать тоже, что и о первыхъ 11-ти, съ Оренбургской-Линіи въ разные пункты Внутренней-Азій. Сверхъ этого, въ «Приложеніяхъ» къ своему труду г. Небольсинъ счелъ не лишнимъ напечатать три показанія: 1) о пути изъ Семипалатинска въ Кашгаръ, Коканъ и Ташкентъ — Татарина *Муртазы Фейзуллина*, изъ 1810-хъ годовъ; 2) о пути изъ Амберсера въ Кашмиръ, Кашгаръ, Коканъ и Кабулъ — Муллы *Абдраманъ-Ишана*, изъ 1830-хъ годовъ; и 3) о странствованіяхъ по Индіи Татарина *Обейдуллы Аморова* въ концѣ прошедшаго и началѣ настоящаго вѣка. Всѣ три показанія сняты были покойнымъ Генсомъ, и заимствованы изъ его бумагъ, приобретенныхъ авторомъ. Въ показаніяхъ этихъ весьма много дѣльнаго и любопытнаго.

Все впрочемъ, о чемъ говорится у г. Небольсина въ разсмотрѣнныхъ семи отдѣлахъ, все это, по объему и содержанію

его труда, не болѣе какъ обстановка существенной части предмета, о которой трактуеть онъ въ осьмомъ и девятомъ отдѣлахъ, на 136-ти страницахъ. Первый изъ этихъ отдѣловъ включаетъ въ себѣ перечисленіе отпускныхъ статей нашего торгова съ Внутренней-Азіей, а послѣдній — привозныхъ. Каждая изъ статей объясняется во всѣхъ потребныхъ для дѣла подробностяхъ: какихъ видовъ и сортовъ отпускается или привозится товаръ, почему онъ продается въ Азію и Россію, гдѣ и какъ производится, въ какихъ мѣстахъ пріобрѣтается, въ какихъ расходится, почему именно тѣ или другіе сорта его обращаются въ торговлѣ, какими обстоятельствами опредѣляются тѣ или другія на него цѣны, наконецъ — какое количество и на какую сумму получено и отпущено было каждаго рода товаровъ ежегодно въ теченіе десятилѣтія съ 1840 по 1850 годъ. Если-бы «Очерки» г. Небольсина не представляли ничего кромѣ этихъ двухъ отдѣловъ, и тогда былъ-бы это трудъ превосходный, за который каждый статистикъ въ Европѣ, и всякій до кого тѣмъ или другимъ образомъ касается дѣло Азіатской торговли, былъ бы обязанъ ему полною благодарностію. Такому основательному, отчетливому и, въ-особенности, подробному изученію не была подвергнута у насъ, сколько извѣстно рецензенту, ни одна изъ отраслей нашей торговой промышленности; а по той ея отрасли, которую предположилъ себѣ разъяснить и съ полнымъ успѣхомъ исполнилъ это г. Небольсинъ, не имѣлъ онъ, въ-прибавокъ къ прочимъ достоинствамъ его труда, ни одного предшественника. По другимъ отдѣламъ «Очерковъ» большимъ пособіемъ служили ему рукописныя замітки покойнаго Генса: въ этихъ двухъ является авторъ изыскателемъ, собирателемъ и объяснителемъ совершенно самостоятельнымъ.

Не будучи ни производителемъ торговли со Внутреннею-Азією, ни специально знакомымъ съ предметомъ этимъ по службѣ или по вкусу, входитъ въ подробное разсмотрѣніе двухъ означенныхъ отдѣловъ рецензентъ считаетъ для себя не позво-

лительнымъ. Все, чѣмъ можетъ онъ служить Академіи къ оцѣнкѣ этой части труда г. Небольсина, и представленію предмета изслѣдованій его въ современномъ видѣ — это засвидѣтельствомъ, что всѣ знатоки дѣла изъ торговцевъ съ Азією, къ которымъ обращался рецензентъ съ вопросомъ о достоинствѣ свѣдѣній, заключающихся въ помянутыхъ отдѣлахъ, единогласно отдавали справедливость образцовому исполненію г. Небольсинымъ предположенной имъ себѣ задачи, — и сообщеніемъ слѣдующихъ числовыхъ данныхъ о количествѣ отпуски и привоза за послѣднія пять лѣтъ тѣхъ товаровъ, коими торгуетъ съ нами Внутренняя-Азія:

Стр. 195. Мѣди вывезено было:

въ Бухару:

	изъ Оренбурга			изъ Троицка		
	пуды	на сумму		пуды	на сумму	
		р.	к.		р.	к.
въ 1850 г.	95 ²⁶ / ₄₀	709	40	630	5,040	—
» 1851 »	209 ¹ / ₄	2,069	50	2,497 ¹ / ₂	21,346	—
» 1852 »	77 ² / ₄₀	793	30	1,638 ¹ / ₄	14,412	—
» 1853 »	36	412	—	824 ¹ / ₂	7,463	50
» 1854 »	124 ¹ / ₂	1,177	—	—	—	—
въ 5 лѣтъ	542 п. 18 ф.	5,161	20	5,590 п. 10 ф.	48,261	50

въ Хиву:

въ Ташкентъ:

	въ Хиву:			въ Ташкентъ:		
	пуды	на сумму		пуды	на сумму	
		р.	к.		р.	к.
въ 1850 г.	55	476	—	8 ¹ / ₂	117	50
» 1851 »	40	259	—	113	926	—
» 1852 »	35 ¹ / ₄	375	—	106	959	50
» 1853 »	45 ¹ / ₄	486	—	334	3,008	—
» 1854 »	28 ¹ / ₄	297	—	—	—	—
въ 5 лѣтъ	203 п. 30 ф.	1,893	—	561 п. 20 ф.	5,011	—

Значитъ, въ означенное пятилѣтіе, сравнительно съ предшествовавшимъ десятилѣтіемъ, мѣди вывезено было менѣе: въ Бухару и Хиву — втрое, а въ Ташкентъ — на ¹/₃.

Стр. 198. Желѣза, въ разныхъ видахъ, вывезено было:

въ Бухару:

	изъ Троицка		на сумму		изъ Оренбурга		на сумму	
	пуды		р.	к.	пуды		р.	к.
въ 1850 г.	26,200		30,490	40	14		44	—
» 1851 «	24,622		29,189	10	1364 ³⁵ / ₄₀		790	—
» 1852 »	22,900		26,844	90	294 ³ / ₄		648	—
» 1853 »	16,761 ⁴ / ₄₀		18,930	70	176		682	—
» 1854 »	21,094 ⁵⁵ / ₄₀		23,263	25	2443		2973	60
въ 5 лѣтъ	111,777 п.	39 ф.	128,718	35	4292 п.	25 ф.	5137	60

въ Ташкентъ:

	на сумму		въ Хиву:		на сумму	
	пуды		пуды		р.	к.
въ 1850 г.	8,337 ³⁵ / ₄₀		9,967	53	44	46
» 1851 «	7,537		8,944	80	12	6
» 1852 »	22,103 ¹ / ₂		25,802	24	30 ¹ / ₂	82
» 1853 »	16,416		20,085	40	31	216
» 1854 »	19,955 ⁵ / ₄₀		23,916	90	27	23
въ 5 лѣтъ	74,349 п.	20 ф.	88,716	87	144 п.	20 ф. 373

Слѣдовательно, по сравненію съ предшествовавшимъ десятилѣтіемъ, отпускъ желѣза въ послѣднія 5 лѣтъ: въ Бухару—уменьшился на $\frac{1}{7}$ долю; въ Хиву—почти совсѣмъ прекратился, въ Коканскія владѣнія—увеличился болѣе чѣмъ вътрое.

Стр. 200. Лѣтъя чугунаго вывезено было въ 1850—1854 годахъ:

въ Бухару:

черезъ Троицкъ 19,890 п. на 23,647 р. 95 к.
» Оренбургъ 1,062 » » 1,410 » — »

Итого 20,952 п. на 25,057 р. 95 к.

въ Ташкентъ:

черезъ Троицкъ 35,747 п. на 43,465 р. 5 к.

въ Хиву:

черезъ Оренбургъ 573 п. на 570 р. 20 к.

Значитъ, отпускъ чугуна въ Ташкентъ увеличился въ послѣднемъ пятилѣтнiи въчетверо противу прежняго, а въ Хиву — уменьшился въ 12 разъ.

Стали вывезено было въ тотъ-же пятилѣтнiй періодъ:

въ Бухару:

черезъ Троицкъ 5850 п. на 8,898 р.
» Оренбургъ . 871 п. 10 ф. на 1,497 р.

Итого 6721 п. 10 ф. на 10,395 р.

въ Ташкентъ:

черезъ Троицкъ 3005 п. на 4359 р.

въ Хиву:

черезъ Оренбургъ 235 п. 30 ф. на 230 р.

Слѣдовательно, и отпускъ стали въ Ташкентъ увеличился вдвое, а въ Хиву — уменьшился въ 12 разъ. Впрочемъ, сталь въ Хиву только разъ и была вывезена, именно въ 1855 году.

Стр. 203. Иголъ разныхъ вывезено было:

въ Бухару:

	изъ Троицка		изъ Оренбурга	
	пачекъ	на суммѣ	пачекъ	на суммѣ
въ 1850 г.	375	762 р.	1,016	3,764 р.
« 1851 »	403	1114 »	3,303	12,724 »
» 1852 »	846	1632 »	2,666	9,250 »
» 1853 »	148	296 »	4,840	17,010 »
» 1854 »	100	150 »	1,038	4,310 »
въ 5 лѣтъ	1872 пач.	6954 р.	12,863 пач.	47.058 р.

Въ Ташкентъ отправки иголь не было, а въ Хиву вывезено было изъ Оренбурга:

въ 1850 г. 556 пачекъ на 1,754 р.
» 1851 » 445 » » 1,595 »
» 1852 » 307 » » 921 »
» 1853 » 555 » » 1,625 »
» 1854 » 199 » » 737 »

въ 5 лѣтъ 2062 пач. на 15,632 р.

Въ таблицѣ вывоза иголь изъ Оренбурга въ Бухару и Хиву товаръ этотъ показанъ у г. Небольсина, по ошибкѣ, на пуды, вмѣсто пачекъ.

Стр. 204. Олова вывезено было съ 1850 по 1854 годъ:

въ Бухару	черезъ Оренбургъ	230 п. 30 ф.	на 1818 р.
»	»	Троицкъ	133 п. 20 ф. на 1262 р.
»	Ташкентъ	»	» 115 п. 30 ф. на 1244 р. 75 к.
»	Хиву	»	Оренбургъ 41 п. — » на 390 р.

Итого 521 п. — » на 4714 р. 75 к.

Сравнительно съ 1840—1849 г. вывозъ уменьшился вше-
стеро.

Шпѣаутера отпущено было въ тотъ же періодъ черезъ
Троицкъ:

въ Бухару	500 п. на 1933 р. 50 к.
»	Ташкентъ 24 п. на 72 р. —

Итого 524 п. на 2005 р. 50 к.

Изъ Оренбурга металлъ этотъ не вывозился, а ртути также какъ позументовъ и парчей, не было въ отпущкѣ по всей Оренбургской-Линіи.

Стр. 207. Коканская тилля по величинѣ и по вѣсу меньше Бухарской и Хивинской, и на наши деньги стоитъ 3 р. 66¹/₄ к. сер.

Стр. 209. Монеты звонкой вывезено было въ Бухару:

черезъ Троицкъ		черезъ Оренбургъ	
въ 1850 г. на	72,101 р. 40 к.	на	30,550 р. —
» 1851 » »	117,007 » — »	»	39,499 » 75 к.
» 1852 » »	103,330 » 10 »	»	68,128 » — »
» 1853 » »	49,982 » 25 »	»	28,211 » — »
» 1854 » »	3,090 » — »	»	31,260 » — »
въ 5 лѣтъ на	345,510 р. 75 к.	на	197,648 р. 75 к.

Всего въ Бухару 543,158 р. 50 к.

Въ Ташкентъ въ-теченіе всего пятилѣтія вывезено на 2575 р. въ 1850, а въ Хиву — на 2935 р. въ 1853 году. Средній годовой вывозъ звонкой монеты по всей Оренбургской Ли-

нин равнялся, значитъ, въ это пятилѣтіе 109,733 р. 70 к., тогда какъ въ предшествовавшее десятилѣтіе вывозилось ея среднимъ числомъ на 153,036 р. 3½ к. сер. въ годъ.

Стр. 224. Бумажныхъ и полотняныхъ издѣлій отпущено было:

въ Бухару:

черезъ Троицкъ	черезъ Оренбургъ
въ 1850 г. на 101,230 р. 45 к.	на 82,469 р. 91 к.
» 1851 » » 73,754 » 13 »	» 84,989 » 14 »
» 1852 » » 56,162 » 14 »	» 71,973 » 50 »
» 1853 » » 66,135 » 58 »	» 68,150 » 50 »
» 1854 » » 97,199 » 84 »	» 126,922 » 55 »
въ 5 лѣтъ на 394,482 р. 14 к.	на 434,505 р. 60 к.

въ Ташкентъ:	въ Хиву:
въ 1850 г. на 5,796 р. 92 к.	на 44,143 р. 59 к.
» 1851 » » 40,695 » 76 »	» 9,850 » 89 »
» 1852 » » 12,047 » 99 »	» 12,146 » 99 »
» 1853 » » 22,169 » 37 »	» 21,114 » 70 «
» 1854 » » 40,311 » 85 »	» 31,030 » 50 »
въ 5 лѣтъ на 121,021 р. 89 к.	на 118,286 р. 67 к.

Слѣдовательно, въ послѣднія пять лѣтъ вывозъ бумажныхъ издѣлій русскихъ, сравнительно съ предшествовавшимъ десятилѣтіемъ: въ Бухару—увеличился на 60%, въ Ташкентъ—увеличился въ 5 разъ, въ Хиву—уменьшился на $\frac{3}{8}$.

Стр. 227. Шелковыхъ и полшелковыхъ товаровъ вывезено было:

въ Бухару:

черезъ Троицкъ	черезъ Оренбургъ
въ 1850 г. на 1,158 р.	на 3,747 р. 75 к.
» 1851 » » — »	» 9,747 » 50 »
» 1852 » » 76 »	» 4,027 » 35 »
» 1853 » » 92 »	» 770 » 50 »
» 1854 » » 279 »	» 1,675 » 20 »
въ 5 лѣтъ на 1,605 р.	на 19,968 р. 30 к.

въ Хиву:

въ 1850 г.	на	4,368	р.	80	к.
» 1851 »	»	90	»	—	»
» 1852 »	»	692	»	—	»
» 1853 »	»	—	»	—	»
» 1854 »	»	590	»	—	»
<hr/>					
въ 5 лѣтъ	на	5,740	р.	80	к.

Въ Ташкентъ товары эти шли только въ 1853 и 1854 годахъ: въ оба года вывезено ихъ туда на 453 р. 40 к. сер. Такимъ образомъ вывозъ ихъ уменьшился въ 1850—1854 годахъ, сравнительно съ предшествовавшимъ десятилѣтнемъ: въ Бухару — на $\frac{3}{7}$, въ Хиву — на $\frac{2}{3}$.

Стр. 230—231. Суконъ Русскихъ изъ овечьей шерсти вывезено было:

въ Бухару:

	черезъ Троицкъ			черезъ Оренбургъ		
	арш.	р.	к.	арш.	р.	к.
въ 1850 г.	6,540	на	6,125 65	16,044	на	8,250 —
» 1851 »	1,809	»	1,817 —	13,498	»	10,350 50
» 1852 »	2,596	»	2,616 —	6,989	»	4,921 40
» 1853 »	1,419	»	1,640 40	9,416	»	5,104 —
» 1854 »	7,249	»	7,540 40	19,582	»	11,602 10
въ 5 лѣтъ	19,613	на	19,539 45	65,529	на	40,238 —

	въ Ташкентъ:			въ Хиву:		
	арш.	р.	к.	арш.	р.	к.
въ 1850 г.	610	на	610 —	9,357 $\frac{1}{2}$	на	5,558 80
» 1851 »	1,347	»	1,176 40	2,384	»	1,239 50
» 1852 »	484	»	580 80	6,234	»	2,025 —
» 1853 »	105	»	130 —	7,898	»	6,040 —
» 1854 »	1,952	»	1,912 60	5,511	»	4,285 —
въ 5 лѣтъ	4,498	на	4,409 80	31,384 $\frac{1}{4}$	на	19,148 30

Значитъ, отпускъ сукна въ 1850—1854 годахъ, сравнительно съ отпускомъ 1840—1849 годахъ, уменьшился: въ Бу-

хару — слишкомъ вдвое; въ Ташкентъ — на третью долю; въ Хиву — вчетверо.

Стр. 233. Верблюжьяго сукна и прочаго шерстянаго товара отпущено было въ теченіе 1850—1854 годовъ:

въ Бухару	черезъ Троицкъ	на 12,718 р. 10 к.
»	»	Оренбургъ » 10,792 » 85 »
»	Хиву	» » » 1,030 » 50 »
»	Ташкентъ	» Троицкъ » 955 » — »

Отпускъ этого товара въ Хиву въ 1840—1849 годахъ показанъ у г. Небольсина ошибочно въ 14,433 р. 30 к. сер.; онъ простирается всего на 11,017 р. 30 к. сер.

Стр. 238—239. Кожевеннаго товара отправлено было:

въ Бухару:

	черезъ Троицкъ			черезъ Оренбургъ		
	штукъ	на сумму		пудовъ	на сумму	
	р.	к.		р.	к.	
въ 1850 г.	13,923	22,499	—	802	5,425	—
» 1851 »	12,929	30,306	50	426 ³ / ₄	5,775	50
» 1852 »	21,551	48,868	—	1,266 ³⁸ / ₄₀	7,873	—
» 1853 »	18,414	42,472	90	580	4,203	—
» 1854 »	20,572	48,068	75	699 ¹ / ₂	5,131	—
въ 5 лѣтъ	87,389	199,215	15	3,775 п. 8 ф.	28,407	50

въ Ташкентъ:

	на сумму			въ Хиву:		
	штукъ	на сумму		пудовъ	на сумму	
	р.	к.		р.	к.	
въ 1850 г.	1,370	2,984	50	2,529 ¹ / ₄	17,330	75
» 1851 »	3,523	8,472	75	597	3,608	—
» 1852 »	2,611	4,777	—	898	5,886	—
» 1853 »	3,744	6,569	60	1,712	14,686	—
» 1854 »	7,580	17,308	—	827	5,997	—
въ 5 лѣтъ	18,828	40,111	85	6,563 п. 10 ф.	47,507	75

Сравнительно съ 1840—1849 годами, въ 1850—1854 отпущъ кожъ: въ Бухару — уменьшился на ¹/₈ долю; въ Хиву — почти втрое; за то въ Ташкентъ увеличился тоже втрое.

Стр. 244—246. Въ 1850—1854 годахъ отправлено было:

чая:

изъ Троицка и Оренбурга въ Бухару — 6 пуд 9 фунт., на
204 р. 50 к,

изъ Оренбурга въ Хиву — 17 пуд. 15 фунт., на 695 р.

Сахара и леденца:

въ Бухару:

	черезъ Троицкъ				черезъ Оренбургъ.			
	пуд.	ф.	р.	к.	пуд.	ф.	р.	к.
въ 1850 г.	503	—	5,534	—	2,071	—	17,636	—
» 1851 »	553	—	5,688	—	2,295	30	18,862	25
» 1852 »	316	10	3,101	50	1,323	3	10,801	10
» 1853 »	397	—	3,598	—	1,850	—	14,580	50
» 1854 »	205	38	2,264	28	832	20	10,466	—
въ 5 лѣтъ	1,975	8	20,185	78	8,372	13	72,345	85

	въ Ташкентъ				въ Хиву			
	пуд.	ф.	р.	к.	пуд.	ф.	р.	к.
въ 1850 г.	119	—	1,370	—	784	20	6,461	90
» 1851 »	57	20	602	—	238	20	2,038	—
» 1852 »	68	—	669	—	198	—	1,594	—
» 1853 »	91	—	848	—	454	—	3,790	—
» 1854 »	48	—	520	—	128	—	1,280	—
въ 5 лѣтъ	383	20	4,009	—	1,803	—	15,163	90

Значить, сахаръ и леденецъ продолжали идти въ Бухару въ прежнемъ размѣрѣ; въ Хиву сбытъ ихъ уменьшился вдвое сравнительно съ 1840—1849 годами, а въ Ташкентъ увеличился вдвое. — Меда и воска вовсе въ 1850-хъ годахъ не вывозилось.

Стр. 249. Сундуковъ вывезено было въ 1850—1854 годахъ:

	черезъ	пунктъ	на сумму	
			штукъ	р. к.
въ Бухару	черезъ Троицкъ	14,568	11,467	30 к.
» »	» Оренбургъ	—	1,911	» 90 »
въ Хиву	» »	—	1,822	» 50 »
» Ташкентъ	» Троицкъ	7,200	6,657	» 25 »

Слѣдовательно, въ Бухару вывезено слишкомъ наполовину менѣе сравнительно съ предшествовавшимъ десятилѣтіемъ, а въ Ташкентъ болѣе чѣмъ вдвое.

Стр. 251. Пушпаго товара вывезено въ 1850—1854 годахъ:

въ Бухару	черезъ Троицкъ	на	1,690 р.
»	»	Оренбургъ	» 3,084 »
»	Хиву	»	» 817 »
въ Ташкентъ	»	Троицкъ	» 51 »

Значить, во всѣ стороны менѣе сравнительно съ предшествовавшимъ десятилѣтіемъ.

Стр. 253. Зеркаль, посуды стеклянной и стекляруса вывезено было, въ пятилѣтіе съ 1850 по 1854 годъ включительно, въ Бухару изъ Троицка и Оренбурга на 2,289 р., да въ Хиву на 114 р.

Стр. 254. Посуды глиняной и фарфоровой въ 1850—1854 годахъ изъ Троицка вывозимо не было, а черезъ Оренбургъ отправлено ея: въ Бухару — на 5,996 р., да въ Хиву — на 1676 р. 10 к. Товаръ этотъ вывозился ежегодно въ количествѣ вдвое болѣе сравнительно съ 1840—1849 годами.

Стр. 255—256. Красильныхъ матеріаловъ разнаго рода вывезено было въ 1850—1854 годахъ:

				на сумму			
		пуд.	ф.	р.	к.		
въ Бухару	черезъ Троицкъ	1,414	12	30,382	25		
»	»	Оренбургъ	976	34 ¹ / ₂	45,066	75	
»	Хиву	»	671	20	36,432	50	
»	Ташкентъ	»	Троицкъ	1,133	8	5,636	45

Въ Бухару сбытъ этого товара сильно и постоянно уменьшается, а въ Ташкентъ — увеличивается; но сюда идутъ дешевые матеріалы, тогда какъ въ Бухару вывозилась преимущественно кошениль.

Стр. 258. Сассапарилъ въ 1850—1854 годахъ вывезено было изъ Троицка: въ Бухару — 64 п. 5 ф. на 1,906 р. 75 к., да въ Ташкентъ — 6¹/₄ пуд. на 150 р. с.

Стр. 260. Бумаги писчей и оберточной вывезено было въ 1850 — 1854 годахъ:

въ Бухару	изъ Троицка	8,402 стопы	на 7,846 р.	60 к.
» »	» Оренбурга	3,918 »	» 1,934 »	30 »
» Хиву	» »	136 »	» 184 »	— »
» Ташкентъ	» Троицка	532 »	» 512 »	80 »

Стр. 261. Табаку листового вывезено было изъ Оренбурга въ 1850 — 1854 годахъ: въ Бухару — 27 пуд. на 78 р. 40 к., да въ Хиву — 33 пуда на 45 р.

Стр. 262. Съ 1840 по 1849 годъ и съ 1850 по 1854 годъ разныхъ мелочей и товаровъ, не вошедшихъ въ извѣстныя рубрики таможенныхъ вѣдомостей, вывезено было черезъ Оренбургскую-Линію:

	1840 — 1849 г.	1850 — 1854 г.
въ Бухару	на 195,057 р. 83 к.	120,650 р. 65 к.
» Ташкентъ	» 6,422 » 8 »	8,809 » 60 »
» Хиву	» 95,772 » 42 »	11,175 » 15 »

Стр. 267. Хлопки ввезено было къ намъ:

	изъ Бухары:			черезъ Оренбургъ		
	черезъ Троицкъ			черезъ Оренбургъ		
	пуд.	на сумму р. к.		пуд.	на сумму р. к.	
въ 1850 г.	—	—	—	—	—	—
» 1851 »	1,570 ¹ / ₂	7,852	50	9,857	38,310	—
» 1852 »	6,783 ¹ / ₂	33,817	50	16,616 ¹³ / ₄₀	83,636	25
» 1853 »	13,929	69,079	50.	25,521 ¹ / ₄	101,936	—
» 1854 »	26,858 ¹ / ₄	88,893	75	41,626	213,020	—
въ 5 лѣтъ	49,141 ¹ / ₄	194,643	25	93,020 ²² / ₄₀	436,902	25
	изъ Ташкента			изъ Хивы		
	пуд.	на сумму р. к.		пуд.	на сумму р. к.	
въ 1850 г.	—	—	—	4,825 ²⁷ / ₄₀	25,657	74
» 1851 »	2,848	14,240	—	10,189	42,584	—
» 1852 »	3,749	18,770	—	25,235 ² / ₄₀	125,259	75
» 1853 »	5,028 ¹ / ₄	25,102	25	29,234 ¹ / ₂	118,971	—
» 1854 »	2,348 ³ / ₂	7,201	50	42,979 ¹ / ₄	213,601	75
въ 5 лѣтъ	13,973 ³ / ₄	65,313	75	112,463 ¹⁹ / ₄₀	526,074	24

Привозъ хлопки возрастаетъ постоянно и быстро: въ послѣднее пятилѣтіе доставлено ея было, сравнительно съ предшествовавшимъ десятилѣтіемъ: изъ Бухары и Хивы — вдвое болѣе, а изъ Ташкента — почти въ двадцать разъ болѣе!

Стр. 269 — 270. Пряжи хлопчато-бумажной доставлено было:

	изъ Бухары:			черезъ Оренбургъ		
	черезъ Троицкъ			черезъ Оренбургъ		
	пуд.	на сумму		пуд.	на сумму	
	р.	к.	пуд.	р.	к.	
въ 1850 г.	1,780 ¹ / ₂	17,805	—	1,055	10,550	—
» 1851 »	2,750 ²⁸ / ₄₀	27,507	—	4,610 ³ / ₄	27,450	50
» 1852 »	5,995 ¹ / ₂	47,955	—	8,707	87,075	—
» 1853 »	4,025 ¹ / ₂	32,201	—	9,683 ¹ / ₄	77,298	—
» 1854 »	8,654 ³² / ₄₀	62,008	85	15,086 ¹ / ₂	150,676	50
въ 5 лѣтъ	23,207	187,476	85	39,142 ¹ / ₂	353,050	—

	изъ Ташкента			изъ Хивы		
	на сумму			на сумму		
	пуд.	р.	к.	пуд.	р.	к.
въ 1850 г.	—	—	—	—	—	—
» 1851 »	77	770	—	—	—	—
» 1852 »	301 ¹ / ₂	2,412	—	8 ¹ / ₂	85	—
» 1853 »	317 ¹ / ₂	2,540	—	—	—	—
» 1854 »	420 ¹ / ₄	2,941	75	1,976 ²¹ / ₄₀	19,765	25
въ 5 лѣтъ	1,116 ¹ / ₄	8,663	75	1,985 ¹ / ₄₀	19,850	25

Изъ Бухары пряжи доставлялось нѣсколько менѣе чѣмъ въ 1840 — 1849 годахъ; изъ Хивы — вчетверо менѣе; изъ Ташкента — почти втрое болѣе. Впрочемъ, цѣны на пряжу до того низки у насъ, что, при значительности провозной платы, почти не покрываютъ стоимости товара на мѣстѣ и расходовъ на его доставку, почему вывозъ этой статьи долженъ постоянно уменьшаться.

Стр. 276 — 278. Бязей бѣлыхъ и крапёныхъ доставлено было:

изъ Бухары:

	черезъ Троицкъ			черезъ Оренбургъ		
	концевъ	на сумму		концевъ	на сумму	
		р.	к.		р.	к.
въ 1850 г.	78,830	38,067	70	51,954	19,602	84
» 1851 »	99,392	40,635	65	36,185	14,582	75
» 1852 »	134,600	54,821	45	67,806	23,711	25
» 1853 »	133,904	54,074	10	47,419	18,231	85
» 1854 »	119,994	48,981	90	6,850	1,143	20
въ 5 лѣтъ	566,720	236,580	80	210,214	77,271	89

	изъ Ташкента			изъ Хивы		
	концевъ	на сумму		концевъ	на сумму	
		р.	к.		р.	к.
въ 1850 г.	22,869	10,012	80	62,496	23,072	36
» 1851 »	21,930	9,449	45	46,074	17,988	5
» 1852 »	14,684	5,896	85	64,201	22,535	85
» 1853 »	30,764	12,274	50	50,289	18,908	85
» 1854 »	12,517	5,251	15	16,435	5,849	50
въ 5 лѣтъ	102,745	42,884	75	239,495	88,354	61

Сравнительно съ 1840 — 1849 годами, въ послѣдующее пятилѣтіе бязей вывозилось: изъ Бухары — четвертою долею менше; изъ Хивы — $\frac{2}{7}$ менше; изъ Коканскихъ владѣній — четверо болше.

Стр. 282 — 283. Выборка среднеазіятская, или бахта, ткется изъ лучшей, чѣмъ бязи, пряжи. Этой ткани разныхъ сортовъ вывезено было:

изъ Бухары:

	черезъ Троицкъ			черезъ Оренбургъ		
	концевъ	на сумму		концевъ	на сумму	
		р.	к.		р.	к.
въ 1850 г.	146,056	112,722	30	96,717	60,593	10
» 1851 »	127,997	91,272	75	105,451	62,981	55
» 1852 »	140,247	95,815	5	128,125	83,679	—
» 1853 »	141,341	95,084	—	130,511	69,166	60
» 1854 »	170,293	121,591	45	185,587	99,265	70
въ 5 лѣтъ	725,934	516,485	55	646,391	375,685	95

	изъ Ташкента			изъ Хивы		
	концевъ	на сумму		концевъ	на сумму	
		р.	к.		р.	к.
въ 1850 г.	14,385	9,380	75	4,868	1,714	10
» 1851 »	19,457	12,639	—	2,270	1,194	50
» 1852 »	8,733	4,854	10	3,855	2,453	50
» 1853 »	20,405	13,142	—	1,077	376	95
» 1854 »	10,318	6,808	50	4,978	2,325	70
въ 5 лѣтъ	73,298	46,824	35	17,048	8,064	75

Привозъ выбоекъ, сравнительно съ 1840 — 1849 годами, въ послѣдующее пятилѣтіе увеличился: изъ Бухары — на $\frac{1}{10}$ долю; изъ Ташкента — вдвое; а изъ Хивы уменьшился въ 6 разъ.

Стр. 284. Сусъ и аладжей привезено было въ 1850 — 1854 годахъ:

		концевъ	на сумму	
			р.	к.
изъ Бухары	черезъ Троицкъ	45,324	20,609	—
»	» Оренбургъ	9,987	2,659	20
» Хивы	»	5,053	1,491	90
» Ташкента	» Троицкъ	21,260	9,677	10

Значить, въ сравненіи съ предшествовавшимъ десятилѣтіемъ, привозъ этихъ тканей изъ Бухары уменьшился втрое, изъ Хивы остался почти въ прежнемъ положеніи, а изъ Ташкента увеличился въ 6 разъ.

Въ «введеніи», на стр. 26, авторъ говоритъ, что суса и алачâ качествомъ похожи на наши серпянки. Это не справедливо: серпянка — ткань самая рѣдкая, а суса и алачâ — самая плотная изъ Бухарскихъ бумажныхъ тканей. Пряжа для нихъ, въ-особенности для сусы, употребляется самая лучшая; можно сказать, что высшіе сорты сусы ткутся даже не изъ мѣстной, а изъ вывозимой отъ насъ пряжи, преимущественно № № 38 и 40, которую въ послѣдніе годы Азіяты начали вывозить отъ насъ въ значительномъ количествѣ. Съ серпянкою же можетъ быть сравнена привозимая Бухарцами, и

въ-особенности Хивинцами, довольно тонкая бязь, идущая на покрывала для покойниковъ—Магометанъ.

Стр. 285. Занавѣсокъ привезено было въ 1850—1854 годахъ:

		штукъ	на сумму	
			р.	к.
изъ Бухары	черезъ Троицкъ	4,393	3,265	50
»	»	Оренбургъ	29,957	11,348 45
» Хивы	»	»	4,927	2,119 20
» Ташкента	»	Троицкъ	1,034	801 20
всего		40,311	17,534	35

Одѣялъ въ томъ же періодѣ доставлено:

		штукъ	на сумму	
			р.	к.
изъ Бухары	черезъ Троицкъ	12,986	18,699	75
»	»	Оренбургъ	14,261	18,792 75
» Хивы	»	»	10,409	13,349 35
» Ташкента	»	Троицкъ	2,421	3,568 40
всего		40,077	54,410	25

Стр. 286. Кушаковъ бумажныхъ привезено въ 1850 — 1854 годахъ:

		штукъ	на сумму	
			р.	к.
изъ Бухары	черезъ Троицкъ	6,175	1,365	—
»	»	Оренбургъ	3,083	768 15
» Хивы	»	»	301	76 75
» Ташкента	»	Троицкъ	2,152	555 15
всего		11,711	2,765	5

Тюбетеекъ бумажныхъ ввезено въ тотъ же періодъ изъ Бухары и Ташкента, но таможеннымъ свѣдѣніямъ, всего 260 штукъ, на 18 р. 50 к.

Стр. 288 — 289. Халатовъ бумажныхъ доставлено было въ 1850 — 1854 годахъ:

		штукъ	на сумму		
			р.	к.	
изъ Бухары	черезъ Троицкъ	48,178	42,971	20	
»	»	Оренбургъ	13,975	17,041	77
» Хивы	»	»	52,148	59,616	90
» Ташкента	»	Троицкъ	12,400	11,662	5
всего		126,701	131,291	92	

Стало быть, сравнительно съ предшествовавшимъ десятилѣтїемъ, вывозъ халатовъ изъ Бухары уменьшился на третью долю; изъ Хивы — остался въ прежнемъ видѣ, а изъ Ташкента — удвоился.

Разсмотрѣнїе привоза хлопчатой бумаги и хлопчатобумажныхъ издѣлїй г. Небольсинъ заключаетъ замѣчанїемъ, что въ десять лѣтъ, съ 1840 по 1850 годъ. Внутренняя-Азія доставила къ намъ черезъ Оренбургскую-Линїю одного этого товара, на сколько въ этотъ же періодъ времени мы сами выслали туда всѣхъ своихъ цѣнностей, въ томъ числѣ и звонкой монеты. По цифрамъ таможенныхъ вѣдомостей, оно дѣйствительно такъ; но развѣ могло это быть на самомъ дѣлѣ? Если изъ Внутренней-Азіи съ 1840 по 1850 годъ доставлено было къ намъ товаровъ черезъ Оренбургскую-Линїю на 8,971,675 р., а вывезено отъ насъ, въ тотъ же періодъ, вмѣстѣ съ монетою, только на 6,763,635 р. — какъ значитъ это по таможеннымъ вѣдомостямъ, — то выходитъ, что разность между двумя этими итогами, 2,208,040 р. въ десять лѣтъ, или 220,804 р. с. ежегодно, Азіятскїе торговцы подарили намъ; ибо изъ сихъ послѣднихъ не знаемъ мы такихъ, которые съ выреченными за товары свои капиталами остались-бы жить въ Россїи, или приобрѣли въ ней значительныя недвижимыя собственности. И мало того, что отпускъ нашъ въ Среднюю-Азію, если въ итоги его входитъ вывозимая монета, долженъ быть, по цѣнности, не менѣе привоза оттуда; онъ, при почти исключительномъ производствѣ торговли Азіятскими купцами, долженъ превышать итоги привоза на всю сумму купческаго ба-

рыша, получаемого Азіятцами при распродажѣ товаровъ своихъ въ Россіи; такъ что, если барышъ этотъ положимъ только въ 10⁰%, то, при среднемъ ежегодномъ ввозѣ товаровъ изъ Внутренней-Азіи въ Россію на 897,167 р., какъ было это въ 1840 — 1849 годахъ, средній ежегодный отпускъ долженъ простираться не менѣе, какъ на 986,883 р. с., а не на 676,363 р., какъ, согласно съ таможенными вѣдомостями, принимаетъ г. Небольсинъ. Куда-же дѣвалась эта разность между привозомъ и отпускомъ, ежегодно среднимъ числомъ простиравшаяся до 310,565 р. с., а въ десять лѣтъ составившая сумму въ 3,105,650 р. с.? Всматриваясь въ дѣло, находимъ: 1) что въ итогъ ввоза по таможеннымъ вѣдомостямъ входитъ и провозная плата за товаръ, платимая Киргизамъ при отправленіи его изъ Азіи, по обычаю впередъ, тогда-какъ плата эта, которая при отправленіи товара изъ Россіи также должна быть выдана Киргизамъ впередъ, въ итогъ отпуска не входитъ. Принявъ, что Азіятскіе караваны съ Оренбургской-Линіи отходятъ ежегодно на 5,000—7,000 верблюдахъ, и полагая среднюю цѣну платы за верблюда въ 12 р. с., получаемъ ежегодно, въ пополненіе означенной разности, отъ 60,000 до 85,000 р., платимыхъ до выхода съ Линіи, но расходящихся въ Степи между Киргизами. 2) Отпускные изъ Россіи товары дозволено торговцамъ оцѣнивать, при провозѣ черезъ таможи, по совѣсти. Пользуясь этимъ, цѣны на отпускныя статьи объявляютъ они по возможности гораздо ниже тѣхъ, за какія приобрѣли товаръ въ дѣйствительности. Зная это, на объявленныя цѣны отпускныхъ изъ Россіи товаровъ смѣло должно накинуть отъ 180,000 до 200,000 р. въ годъ. Наконецъ 3) можно положить, что, сверхъ дозволеннаго вывоза отъ насъ золотой монеты въ количествѣ, значущемся по вѣдомостямъ, вывозится ея еще тысячъ на двадцать, на двадцать пять руб. сер. въ годъ контрабандою — именно черезъ Киргизовъ, и въ серебряной монетѣ, отпускъ которой за границу не дозволенъ. Соединивъ всѣ эти итоги, получимъ не только тѣ 220,800 р. с. въ годъ,

или 2,208,000 въ десять лѣтъ, которыхъ не досчитываетъ въ отпускѣ г. Небольсинъ, но даже съ 10⁰/₀ на нихъ купческаго барыша; и выдетъ, что одними хлопкою и хлопчато-бумажными издѣліями Внутренней-Азіи далеко не окупаются весь отпускъ вывозимыхъ туда Русскихъ товаровъ. Объясненіемъ этимъ, какъ и многими другими замѣтками о разбираемомъ трудѣ, рецензентъ обязанъ Управляющему Оренбургскою Таможнею, *А. О. Лашкевичу*.

Стр. 293 — 294. Шелкъ сырецъ привозился съ 1850 по 1855 годъ только изъ Бухары, откуда доставлено его было:

черезъ Троицкъ	8 пуд.	31 ¹ / ₂ ф.	на	223 р.	30 к.
» Оренбургъ	208 »	—	»	10,240 »	— »
<hr/>					
всего	216 пуд.	31 ¹ / ₂ ф.	на	10,463 р.	30 к.

или втрое менѣе, сравнительно съ предшествовавшимъ десятилѣтіемъ.

Шелковыхъ-же и полшелковыхъ издѣліи разнаго рода ввезено было въ 1850—1854 годахъ:

изъ Бухары:

черезъ Троицкъ:

сусъ полшелковыхъ	5,159 кусковъ	на	7,542 р.	90 к.
кутней »	910 »	»	439 »	60 »
халатовъ »	730 штукъ	»	2,005 »	60 »
одѣялъ »	35 »	»	103 »	—
тюбетескъ шелковыхъ	1,564 »	»	294 »	5 »
платковъ »	53 »	»	15 »	75

черезъ Оренбургъ:

сусъ	24,039 кусковъ	на	35,685 р.	35 к.
халатовъ	8,980 штукъ	»	19,749 »	50 »
кушаковъ	234 »	»	365 »	50 »
канауса	201 кусковъ	»	709 »	—

изъ Ташкента:

сусь.....	1,242 кусковъ	на 1,561 р. 45 к.
кутней.....	2,320 »	» 1,017 » 80 »
халатовъ.....	705 штукъ	» 1,686 » 70 »
одѣяль.....	17 »	» 51 » 50 »
тюбетеекъ.....	190 »	» 60 » —
платковъ.....	104 »	» 30 » 90

изъ Хивы:

сусь.....	1,603 кусковъ	на 2,801 р. 20 к.
халатовъ.....	6,227 штукъ	» 13,576 » 5 »
кушаковъ.....	1,051 »	» 2,230 » 50 »

Стр. 295. Верблюжьей шерсти Азіятскими торговцами въ 1850 — 1854 годахъ не было привозимо на Оренбургскую-Линію.

Стр. 296. Пуха козьяго ввезено было съ 1850 по 1855 годъ черезъ Оренбургскую-Линію:

Бухарцами	40 пуд. 36 ф.	на 81 р. 60 к.
Ташкентцами	137 » 10 »	» 359 » —

Роговъ сайгачьихъ доставлено было черезъ Оренбургскую-Линію въ 1850 — 1854 годахъ:

Бухарцами	37,900 паръ	на 2,054 р. 50 к.
Ташкентцами	19,500 »	» 983 » —
Хивинцами	6,150 »	» 440 » —

Стр. 297. Сырыхъ кожъ разнаго рода ввезено съ 1850 по 1855 годъ:

Ташкентцами	580 штукъ	на 58 р.
Хивинцами	2,073 »	» 1,918 »

Стр. 298. Кожы выдѣланныя доставлены были въ Оренбургъ Бухарцами только въ 1854 году въ количествѣ 1,104 шт., на 111 р. с.

Стр. 301. Мягкой рухляди (кромѣ мерлушекъ) доставлено было:

изъ Бухары :

	черезъ Троицкъ		черезъ Оренбургъ	
	на сумму		на сумму	
	р.	к.	р.	к.
въ 1850 г.	6,173	30	21,509	59
» 1851 »	30,708	65	20,536	85
» 1852 »	8,031	70	14,937	10
» 1853 »	9,266	95	46,177	25
» 1854 »	5,012	20	16,223	90
въ 5 лѣтъ	59,192	80	119,384	69

	изъ Ташкента		изъ Хивы	
	на сумму		на сумму	
	р.	к.	р.	к.
въ 1850 г.	489	—	3,328	5
» 1851 »	4,594	—	1,057	75
» 1852 »	1,337	95	1,968	50
» 1853 »	1,668	60	2,825	—
» 1854 »	288	—	3,667	25
въ 5 лѣтъ	8,373	55	12,846	55

Стало-быть, сравнительно съ 1840 — 1849 годами, привозъ пушнаго товара изъ Бухары удвоился, изъ Хивы уменьшился на $\frac{1}{3}$, а изъ Ташкента увеличился въ 6 разъ.

Стр. 302. Мерлушки бухарской и ширазской, вмѣстѣ съ выпоротками, доставлено было изъ Бухары :

	черезъ Троицкъ			черезъ Оренбургъ		
	штукъ	на сумму		штукъ	на сумму	
р.		к.	р.		к.	
въ 1850 г.	1,108	1,433	—	29,917	27,451	20
» 1851 »	31	49	—	29,970	23,639	—
» 1852 »	3,330	4,995	—	36,285	30,505	—
» 1853 »	2,470	3,645	—	65,300	60,817	50
» 1854 »	7,746	11,919	—	43,991	49,437	50
въ 5 лѣтъ	14,685	22,041	—	205,436	191,850	20

Значитъ, изъ Бухары привозъ этого товара оставался въ прежнемъ положеніи. Изъ Хивы между-тѣмъ доставлено было 1,425 штукъ, на 1,157 р., а изъ Ташкента — 870 шт., на

1,305 р. с.; при чемъ такихъ отборныхъ шкурокъ каракульской мерлушки, которыя бы продавались въ Оренбургѣ по 5 р. с. за штуку, не было; да едва ли бывало это и прежде.

Стр. 303. Киргизскихъ мерлушекъ Средне-Азіятскими торговцами ввезено было:

изъ Бухары :

	черезъ Троицкъ			черезъ Оренбургъ		
	штукъ	на сумму		штукъ	на сумму	
		р.	к.		р.	к.
въ 1850 г.	87,230	8,723	—	116,647	11,664	50
» 1851 »	11,407	1,444	30	374,869	38,477	90
» 1852 »	65,473	6,569	30	320,067	34,404	50
» 1853 »	141,144	15,204	40	358,045	35,779	50
» 1854 »	46,573	4,657	90	136,344	14,209	40
въ 5 лѣтъ	351,827	36,579	90	1,305,972	134,535	80

	изъ Ташкента			изъ Хивы		
	штукъ	на сумму		штукъ	на сумму	
		р.	к.		р.	к.
въ 1850 г.	20,620	2,062	—	1,248	124	80
» 1851 »	22,494	2,249	40	4,630	463	—
» 1852 »	—	—	—	12,200	1,220	—
» 1853 »	42,670	4,267	—	—	—	—
» 1854 »	3,500	350	—	600	60	—
въ 5 лѣтъ	89,284	8,928	40	18,678	1,867	80

Сравнительно съ привозомъ этого товара въ 1840—1849 годахъ, въ послѣдующее пятилѣтіе доставлялся онъ изъ Бухары въ прежнемъ размѣрѣ, изъ Хивы — въ количествѣ вдвое меньшемъ, а изъ Ташкента — въ $2\frac{1}{2}$ раза бѣльшемъ.

Стр. 306. Ковровъ и паласовъ доставлено было въ 1850—1854 годахъ:

		штукъ	на сумму
Бухарцами	въ Оренбургъ	1,439	2,632 р. 15 к.
»	» Троицкъ	853	1,984 » 80 »
Ташкентцами	»	169	347 » 10 «
Хивинцами	» Оренбургъ	254	383 « 20 »

Шерстянаго товара прочихъ наименованій, какъ-то : армячши, кушаковъ и кошемъ:

Бухарцами	на 304 р. 75 к.
Ташкентцами	» 465 » 20 »
Хивинцами	» 19 » 20 »

Стр. 307. Шали и платки Кашемирскіе въ 1850—1854 годахъ доставляемы были только изъ Бухары; всего привезено ихъ было 271 штука на 35,673 р. сер.

Стр. 310. Марены привезено было въ 1850—1854 годахъ:

изъ Бухары:

	черезъ Троицкъ			черезъ Оренбургъ		
	пудовъ	на сумму р. к.		пудовъ	на сумму р. к.	
въ 1850 г.	869	1230	50	2,599 ¹ / ₄	6,382	50
» 1851 »	—	—	—	290 ¹ / ₂	831	50
» 1852 »	282	430	25	475 ³ / ₄	237	—
» 1853 »	23 ¹ / ₂	47	—	—	—	—
» 1854 »	228 ¹ / ₂	457	—	1,226 ³⁵ / ₄₀	3,954	62
въ 5 лѣтъ	1403	2164	75	4,593 п. 13 ф.	14,843	62

	изъ Ташкента:			изъ Хивы:		
	пудовъ	на сумму р. к.		пудовъ	на сумму р. к.	
въ 1850 г.	22	30	—	20,525 ³⁸ / ₄₀	61,541	90
» 1851 »	1234 ¹ / ₂	1244	50	17,847	53,541	—
» 1852 »	1533 ¹ / ₂	2539	50	17,301 ¹⁵ / ₄₀	54,239	58
» 1853 »	2298	3461	50	21,926	65,842	—
» 1854 »	1140 ³ / ₄	2281	50	18,487	55,461	—
въ 5 лѣтъ	6228 п. 30 ф.	9527	—	100,812 п. 13 ф.	290,625	48

Изъ Бухары, слѣдовательно, привозъ марены, сравнительно съ привозомъ 1840—1849 годовъ, — остался въ прежнемъ видѣ, а изъ Хивы — увеличился втрое; при чемъ въ такомъ же количествѣ, какъ изъ Бухары, стала привозиться къ намъ еще и марена Ташкентская.

Стр. 314. Индиго привезено было изъ Хивы только въ 1853 году, въ количествѣ 4 п., на 160 р. с.

Стр. 315. Лазурика доставлено было изъ Бухары, въ теченіе 1850—1854 годовъ, 424 пуда 5 ф., на 30,623 р. 75 к.

Стр. 318. Сѣмени цитварнаго привезено было въ 1850—1854 годахъ:

Бухарцами 1,785 п. на 1,785 р. с.

Ташкентцами 22,844 » » 23,074 » »

Стр. 321. Фруктовъ сухихъ доставлено было:

изъ Бухары:

черезъ Троицкъ		черезъ Оренбургъ	
въ 1850 г.	12,558 п. 20 ф.	9,680 п. 10 ф.	
» 1851 »	5,910 » 25 »	2,773 » 5 »	
» 1852 »	3,256 » 10 »	5,928 » 37 »	
» 1853 »	3,953 » 30 »	2,702 » 10 »	
» 1854 »	7,514 » — »	3,134 » 10 »	
	на 84,982 р. 47 к.		на 65,477 р. 49 к.

въ 5 лѣтъ 57,411 пудовъ

на 120,459 руб. 96 коп.

изъ Ташкента:		изъ Хивы:	
въ 1850 г.	43,470 п. 20 ф.	2,127 п. 5 ф.	
» 1851 »	40,223 » 30 »	194 » — »	
» 1852 »	34,253 » — »	309 » — »	
» 1853 »	46,778 » 20 »	248 » — »	
» 1854 »	40,811 » 32 »	214 » 20 »	
	на 331,851 р. 7 к.		на 8,741 р.
въ 5 лѣтъ	205,537 п. 22 ф.	3,092 п. 25 ф.	

Сравнительно съ 1840—1849 годами, привозъ фруктовъ въ послѣдующее пятилѣтіе: изъ Бухары — увеличился на $\frac{7}{8}$, изъ Ташкента — въ 7 разъ, а изъ Хивы — остался въ прежнихъ размѣрахъ.

Стр. 323. Пшена сарацинскаго ввезено было въ теченіе 1850—1854 годовъ:

въ Оренбургъ	Хивинцами	190 п.	на	268 р.
»	»	Бухарцами	276 » 20 ф.	» 447 » 50 к.
»	Троицкъ	»	486 » 36 »	» 535 « 95 »
»	»	Хивинцами	2,582 » 30 »	» 6,296 » 14 »

Стр. 323. Чай привезено было въ 1850—1854 годахъ:
 изъ Бухары черезъ Оренбургъ 8 п. 23 ф. на 244 р. 5 к.
 » » » Троицкъ 52 » 28 » » 949 » 38 »
 » Ташкента » » 1,317 » 34 » » 21,300 » 27 »

Стр. 325. Бирюзы и жемчуга привезено было въ 1850—1854 годахъ:

въ Оренбургъ	изъ Бухары	на	4,717 р.
»	»	» Хивы	» 217 » 50 к.

Стр. 327—328. Въ-теченіе 1850—1854 годовъ изъ Бухары привезено было на Оренбургскую-Линію между прочимъ:

корня самбулеваго	892 п 30 ф.	на	1833 р. 25 к.
табаку.....	26 » 20 »	»	94 »

Затѣмъ, разныхъ мелочей и товаровъ, непоказанныхъ въ таможенныхъ вѣдомостяхъ особыми рубриками, въ означенное пятилѣтіе доставлено было:

изъ Бухары	на	16,079 р. 11 к.
» Хивы	»	1,140 » 4 »
» Ташкента	»	6,926 » 57 »

По вѣдомостямъ, коими пользовался рецензентъ, мелочей этихъ и товаровъ, не вошедшихъ въ таможенные вѣдомости особыми рубриками, въ періодъ 1840 по 1850 годъ доставлено было:

по торговлѣ съ Бухарою	на	13,905 р. 20 к.
» Хивою	»	3,585 » 31 »
» Коканомъ	»	3,366 » 20 »

Заключаются «Очерки» г. Небольсина «Общею сравнительною вѣдомостію о русской торговлѣ со странами Средней-Азіи со стороны Оренбургской-Линіи, за десятилѣтіе 1840—1849 г.»

Изъ вѣдомости этой видно, что въ означенный періодъ отпускъ нашъ простирался на 6,763.635 р. 85⁶/₇ к., а привозъ къ намъ—на 8,971,675 р. 61⁵/₇ к.; при чемъ отдѣльно по странамъ отпускъ и привозъ представлялись въ такомъ видѣ:

отпущено		привезено	
	на сумму		на сумму
въ Бухару	5,225,287 р.	изъ Бухары	7,309,248 р.
» Хиву	1,334,198 »	» Хивы	1,396,189 »
» Коканъ	204,150 »	» Кокана	266,237 »

Главными статьями отпуска были: 1) въ Бухару — золото и серебро въ монетѣ, затѣмъ бумажный товаръ, металлы и кожи; 2) въ Хиву — бумажный и шерстяной товаръ, затѣмъ краски и металлы; 3) въ Коканъ — металлы, потомъ бумажный и кожевенный товаръ. Главными статьями ввоза были: 1) изъ Бухары — бумажныя издѣлія и бумага хлопчатая (сырецъ и пряжа), затѣмъ мерлушки; 2) изъ Хивы — тѣ же самые предметы; 3) изъ Кокана — сухіе фрукты, затѣмъ бумажныя издѣлія.

Отдавъ отчетъ обо всѣхъ отдѣлахъ «Очерковъ», обратимся опять ко «Введенію».

Характеристика Бухарскаго и Хивинскаго быта, которой посвящено авторомъ 17 страницъ, не только вѣрна, но накинута съ живостію очевидца, хотя г. Небольсинъ и не выѣзжалъ изъ предѣловъ Россіи. Относительно Хивы могъ-бы онъ взять еще нѣсколько рѣзкихъ чертъ и яркихъ красокъ изъ разсказовъ бывшихъ тамъ въ плѣну Русскихъ, въ особенности

Федора Грушина. — Что касается, затѣмъ, до лицъ, ведущихъ торговлю съ Среднею-Азіею съ нашей стороны, то, какъ замѣчено уже выше, нынѣ, не только купцы Русскіе, но даже и прикащики ихъ изъ Русскихъ, вовсе на средне-азиатскіе базары не заглядываютъ, такъ-какъ, не говоря уже объ опасностяхъ пребыванія тамъ для Христіанъ, съ послѣднихъ вѣщаетъ пошлѣнъ въ два (въ Хивѣ и Ташкентѣ) и въ четыре (въ Бухарѣ) раза болѣе, чѣмъ съ Магометанъ. Прикащики, какіе посылаются еще иногда Русскими торговцами во Внутреннюю-Азію, всѣ безъ исключенія Магометане, преимущественно изъ Казанскихъ Татаръ. Послѣдній Русакъ, въ послѣдніе годы посѣщавшій базары Ташкента и Кокана, былъ прикащикъ частвой, не существующей уже теперь компаніи для торговли съ Азіею купцовъ Баранова, Зубова и Пичугина, — ростовскій мѣщанинъ, а нынѣ почетный гражданинъ С. Ключаревъ. Это такая умная, смѣтливая и бойкая голова, которая широкимъ пониманіемъ дѣла и предпримчивостію удивляла бы самаго образованнаго и ловкаго иностраннаго негодіанта. Упоминаемъ объ этомъ по поводу отзыва г. Небольсина о прикащикахъ русскихъ торговцевъ съ Азіею, на стр. 19.

Шелкъ едва-ли можно считать въ числѣ естественныхъ богатствъ Бухары (стр. 22). Къ намъ не привозится его теперь и 50 пудовъ въ годъ; при томъ, по недоброкачественности бухарскаго шелка, цѣны на него весьма низки, такъ-что въ Россіи приходится иногда продавать его въ убытокъ. Кромѣ того бываетъ, что и сама Бухара послѣ холодной зимы терпитъ недостатокъ въ этомъ товарѣ.

Индиго бухарское (стр. 24 и 35) — чрезвычайно низкаго качества. Нѣсколько разъ привозили его къ намъ, для опыта, въ незначительныхъ количествахъ, но никогда не находилось покупателей на этотъ товаръ. Въ 1855 году одинъ изъ Бухарцевъ опять привезъ на пробу до 15 пудовъ, но, по недоброкачественности, не могъ сбыть съ рукъ.

Отъ автора, который, какъ г. Небольсинъ, изучилъ предметъ свой столь совѣстливо, столь основательно, во всей его полнотѣ и во всѣхъ подробностяхъ, естественно было ожидать, что онъ, въ заключеніе труда своего, захочетъ дать положительный отвѣтъ на главные объ этомъ предметѣ вопросы, занимающіе и занимающіе его соотечественниковъ, захочетъ соображенія свои надъ собранными имъ въ обидіи данными, разсѣянными по всей книгѣ, совокупить во-едино и представить читателю въ сжатомъ, но сочномъ извлеченіи. Это и дѣлаетъ г. Небольсинъ во второй половинѣ своего «введенія», но съ воздержностію, какъ кажется намъ, не совсѣмъ умѣстною, и, въ дополненіе къ собственнымъ выводамъ, скромно представляетъ, на цѣлыхъ десяти страницахъ, замѣчанія одного неизвѣстнаго составителя записки о торговлѣ Россіи съ Бухарою, весьма дѣльные вообще, но нѣсколько уже устарѣвшія. Такая скромность встрѣчается весьма рѣдко; но зная сколько полезнаго могъ-бы сказать авторъ, если-бы позволилъ себѣ распространиться въ «введеніи» нѣсколько болѣе, не слѣдуетъ, кажется, благодарить его за эту добродѣтель. Мы, съ своей стороны, въ заключеніе нашей рецензіи, считаемъ обязанностію перечислить важнѣйшіе результаты предпринятаго и совершеннаго г. Небольсинымъ труда. «Очерки» его доказываютъ несомнѣнно:

1) Что не Россія ведетъ торгъ съ Внутреннею-Азією, а Внутренняя-Азія съ Россією, такъ-какъ закупъ и продажа обращающихся въ торговлѣ этой товаровъ, какъ въ Азіи, такъ и въ Россіи, производится почти исключительно азіятскими торговцами; почему имъ почти безъ раздѣла достаются и купецкіе барыши этой торговли.

2) Такое положеніе дѣла происходитъ не отъ недостатка предпріимчивости и капиталовъ у нашего купечества, а отъ препятствій, протівупоставляемыхъ торговлѣ Русскихъ (и вообще христіанскихъ) купцовъ въ Азіи общественнымъ неустройствомъ и еще болѣе правительствами Средне-Азіатскимъ владѣній,

тогда-какъ наши установленія покровительствуютъ торгу Азіятцевъ въ Россіи.—По первой причинѣ, англійскіе негоціанты не ѣздятъ во Внутреннюю-Азію точно такъ же, какъ перестали туда ѣздить русскіе.

3) Изъ трехъ азіятскихъ владѣній, съ которыми ведется торгъ черезъ Оренбургскую-Линію, торгъ съ Хивою и Коканомъ представляется, относительно, выгоднѣе для насъ, чѣмъ торгъ съ Бухарою: два первыя владѣнія на сколько привозятъ своихъ произведеній, почти на столько же берутъ и нашихъ, тогда-какъ Бухарцы взаимно своихъ товаровъ берутъ нашими только $\frac{5}{7}$, а $\frac{2}{7}$ увозятъ звонкою монетою — которая, конечно, тоже товаръ, но имѣющій огромныя преимущества передъ всѣми другими цѣнностями въ свѣтѣ.

4) Фабричныя издѣлія наши низкаго качества сбываемъ мы въ Среднюю-Азію не потому, чтобы не могли или не хотѣли посылать лучшихъ, а потому, что только такого низкаго сорта издѣлія и требуются этою частію Азій, — по бѣдности своей, грубости и отсутствію общественной безопасности, — не имѣющей средствъ и не желающей потреблять что-либо лучшее и потому болѣе цѣнное. Можно сказать даже, что не требуй Внутренняя-Азія такихъ дрянныхъ издѣлій, мы-бы и не производили ихъ, такъ-какъ, кромѣ ея рынковъ, нигдѣ въ мірѣ не нашли-бы они сбыта. Съ другой стороны, приготовленіе этого рода издѣлій въ Россіи свидѣтельствуетъ о томъ, что фабриканты наши весьма хорошо знаютъ потребности и вкусы Среднеазіятцевъ.

5) И Бухара и Хива съ Коканомъ вывозятъ отъ насъ преимущественно такого рода товары, которыхъ, по цѣнамъ, за какія приобрѣтаются эти товары въ Россіи, не могутъ они получать ни откуда въ мірѣ, и которые притомъ составляютъ насущную потребность Внутренней-Азій, — каковы: металлы, кожи и издѣлія изъ нихъ.

6) На-оборотъ, Внутренняя-Азія шлетъ намъ такія произведенія, которыя можемъ мы получать и получаемъ изъ другихъ странъ, или безъ коихъ можемъ весьма легко обойтись,

тогда-какъ она произведеній этихъ никуда, кромѣ Россіи, съ выгодною сбывать не можетъ. Бумажныя, шерстяныя и шелковыя ея издѣлія, равно-какъ и сухіе фрукты, въ Южную-Азію не требуются, въ Россіи-же потребляются однимъ населеніемъ Оренбургскаго-Края, да приволжскими Магометанами. Мерлушки составляютъ для насъ предметъ преимущественно транзитнаго торга. Остаются хлопка и марена; но хлопка, вывозимая изъ Внутренней-Азіи, составляетъ лишь $\frac{1}{20}$ долю того количества хлопчатой бумаги, которое идетъ къ намъ изъ Америки и Остиндіи; а марена, и притомъ гораздо лучшаго средне-азіятской качества, разводится съ возрастающимъ успѣхомъ въ нашемъ Закавказьѣ.

7) По всѣмъ этимъ причинамъ, соперничество Англичанъ во Внутренней-Азіи, со стороны Персіи и Индіи, не можетъ быть опасно для насъ, а въ отношеніи къ Средне-Азіятскимъ правительствамъ имѣемъ мы всю возможность стать въ несравненно выгоднѣйшія теперешнихъ торговыя отношенія.

8) Торговые обороты наши съ Внутреннею-Азіею въ нѣкоторой степени могутъ расширяться и при настоящемъ политическомъ и общественномъ ея положеніи: это доказывается какъ постоянно увеличивающимися итогами этихъ оборотовъ, такъ и нѣкоторыми вновь являющимися статьями ихъ, какова, на-примѣръ, марена. Появись надобность въ кунжутномъ масле, — и Хива могла-бы доставлять его въ значительномъ количествѣ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, смѣло можно сказать, что пока надъ Внутреннею-Азіею будутъ тяготѣть теперешніе тамъ безпорядокъ и варварская дикость, естественно порождающіе бѣдность и апатію, — значительное развитіе торговли съ нею положительно не возможно. Чтобы покупать и потреблять, надо имѣть чѣмъ платить за покупаемое, а для этого надо производить; и Внутренняя-Азія могла-бы, по климату своему и другимъ естественнымъ условіямъ, производить весьма много; но кто-же станетъ заботиться объ усиленіи производства, о разработкѣ естественныхъ источниковъ богатства, объ улучшеніи

путей и средств сообщенія, когда не только богатство, но — даже достатокъ, влекутъ за собою для обладателя ихъ притѣсненія и насильственную смерть, а бѣдность представляется единственнымъ условіемъ къ сохраненію жизни гражданина въ нѣкоторой безопасности. Давно уже Среднеазіятецъ работаетъ на столько и для того только, чтобы прокормиться и удовлетворить прочимъ насущнымъ потребностямъ; онъ отдаетъ намъ и другимъ безъ остатка все, что производитъ съ этою цѣлію, — и едва, едва можетъ вымѣнять на это предметы первой необходимости самаго дурнаго качества; чѣмъ-же заплатитъ онъ тому, кто-бы сталъ предлагать ему лучшіе товары и въ большемъ количествѣ? Не можетъ онъ, равнымъ образомъ, вести и транзитной торговли произведеніями сосѣдей — за неудобствомъ не только приобрести потребные для того значительные капиталы, но даже обнаружить ихъ, если бы и имѣлъ. Для Внутренней-Азіи — говоримъ о Хивѣ, Коканѣ и Бухарѣ — представляется, такимъ образомъ, при обусловливаемой Магометанствомъ невозможности переродиться собственными усиліями, одинъ исходъ изъ настоящаго жалкаго ея положенія, одна утѣшительная будущность — перейти подъ владычество какой-либо христіанской державы, которая-бы, водворивъ тамъ порядокъ и безопасность, внушила обитателямъ Аму и Сыра желаніе воспользоваться ихъ естественными средствами къ улучшенію собственнаго и сосѣдей своихъ благосостоянія. — Тогда можетъ пойти рѣчь и о торговлѣ Россіи съ странами къ юго-востоку отъ Внутренней-Азіи; до тѣхъ-же поръ, то-есть пока эта-последняя будетъ оставаться тѣмъ же, чѣмъ она есть, — всякое разсужденіе объ этомъ будетъ праздною, совершенно бесплодною болтовнею.

Смѣю думать, что изложенные результаты, добытые г. Небольсинимъ съ немалою тратою времени и средствъ, съ любовью къ предмету и главнѣйше, благодаря рѣдкому умѣнью его взяться за дѣло и трудную задачу свою выполнить до конца — достаточно важны и въ практическомъ, и въ научномъ отно-

шеніи, чтобы Академія сочла возможнымъ выразить вниманіе свое къ достоинствамъ и пользѣ «Очерковъ», присужденіемъ автору ихъ полной Демидовской преміи. Это было-бы тѣмъ справедливѣе, что кромѣ замѣчательныхъ трудовъ о Сибири, г. Небольсинъ, вслѣдствіе поѣздки своей въ Оренбургскій и Астраханскій края съ главною цѣлю изучить торговлю Россіи съ Средней-Азіей, обогатилъ отечественную литературу, сверхъ разсмотрѣнныхъ «Очерковъ», еще тремя, полными любопытныхъ фактовъ и мѣткой наблюдательности сочиненіями: говоримъ объ «Очеркахъ Волжскаго-Низовья» (Спб. 1852), «Очеркахъ быта Калмыковъ Хошоутовскаго Улуса» (Спб. 1852) и «Разсказахъ Проѣзжаго» (Спб. 1854), не-въ-счетъ многихъ прекрасныхъ статей его о Восточной Россіи, появившихся въ послѣдніе четыре года въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ.

РАЗБОРЪ

СОЧИНЕНІЯ

Я. А. СОЛОВЬЕВА

ПОДЪ ЗАГЛАВІЕМЪ:

СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННАЯ СТАТИСТИКА. СМОЛЕНСКОЙ ГУБЕРНІИ,

СОСТАВЛЕННЫМЪ

АКАДЕМ. И. И. ВЕНЩЕНОМЪ и К. С. ВСЕЛОВСКИМЪ.

Сельско-хозяйственная Статистика Россіи, какъ и другія отрасли отечественной статистики, считаетъ въ нашей литературѣ еще весьма мало произведеній несомнѣннаго достоинства. Причиною этого должно признать съ одной стороны недостаточность основныхъ данныхъ, а съ другой неимѣніе подробныхъ и обстоятельныхъ описаній положенія хозяйства, въ обширномъ его смыслѣ, въ разныхъ отдѣльныхъ мѣстностяхъ столь обширнаго государства. Поэтому критическая разработка числовыхъ показаній о такъ называемыхъ основныхъ силахъ государства, хотя бы они ограничивались сравнительно небольшимъ по пространству своему краемъ, и вѣрное изображеніе современнаго положенія хозяйства во всѣхъ его видоизмѣненіяхъ, существенно обогащаютъ запасъ матеріаловъ, изъ которыхъ можно будетъ со-временемъ возвести стройное зданіе Хозяйственной Статистики Россіи. По обширности Россіи и разнообразію частей, ее составляющихъ, монографіи отдѣльныхъ губерній или полостей имѣютъ особенную важность, и, при нынѣшнемъ положеніи у насъ статистическихъ свѣдѣній, мы даже должны, во многихъ отношеніяхъ, отдать преимущество такимъ монографіямъ предъ трудами, имѣющими предметомъ цѣлую Россію; ибо прежде чѣмъ описывать цѣлое, нужно хорошо изучить части.

Г. Соловьевъ, избравъ себѣ задачею такое специальное описаніе, исполнилъ ее съ знаніемъ дѣла. Проведя въ Смоленской губерніи три года въ качествѣ Начальника Отряда для

уравненія государственныхъ крестьянъ въ денежныхъ сборахъ, онъ выкалкъ во всѣ подробности хозяйственнаго быта губерніи, и имѣя въ рукахъ большой запасъ официальныхъ статистическихъ свѣдѣній, воспользовался многократными своими разъѣздами по губерніи, для пополненія ихъ и повѣрки. Будучи такимъ образомъ поставленъ въ возможность хорошо ознакомиться съ краемъ, и изъ личныхъ обзорѣній, и изъ письменныхъ документовъ, мало доступныхъ для писателя не должностнаго, г. Соловьевъ предпринялъ изложить плодъ своихъ наблюденій и разысканій, въ видѣ полного и систематическаго описанія губерніи въ хозяйственномъ отношеніи.

Все сочиненіе раздѣлено на шесть главъ, въ которыхъ изложено :

Въ главѣ 1-й: *Физическія свойства страны*: а) Географическое положеніе и общій характеръ мѣстности, б) Краткое геогностическое обзорѣніе, в) Почвы и подпочвы, г) Воды, д) Климатъ.

Въ главѣ 2-й: *Жители*: а) Общее число ихъ, б) Раздѣленіе ихъ по племенамъ, в) Распредѣленіе ихъ по пространству, г) Раздѣленіе жителей по занятіямъ, д) Сельскіе жители, е) Физическое и нравственное состояніе рабочаго класса.

Въ главѣ 3-й: *Хозяйственный бытъ жителей*: а) Хозяйственное распредѣленіе земель, б) Округлость и чрезполосность дачъ, в) Движеніе поземельной собственности, г) Наемныя цѣны на землю, д) Величина и расположеніе селеній, е) Способы управленія крестьянами государственными и помѣщичьими, ж) Способы пользованія землями, з) Повинности, лежащія на крестьянахъ, и) Обработка земли наемными работниками, і) Содержаніе крестьянскаго семейства, к) Запасы продовольствія, л) Недвижки, м) Способы займовъ.

Въ главѣ 4-й: *Земледѣліе*: а) Системы хозяйства, б) Земледѣльческія орудія и земледѣльческія работы, в) Количество воздѣлываемыхъ земель, г) Сѣнокосы, д) Урожай и доходъ отъ пахатныхъ земель, е) Количество всего собираемаго хлѣба, ж) Способы сбыта и среднія цѣны на хлѣбъ.

Бъ главѣ 5-й: *Второстепенныя отрасли сельскаго хозяйства*: а) Огородничество и садоводство, б) Разведеніе конопли, в) Пчеловодство, г) Лѣсоводство, д) Скотоводство.

Въ главѣ 6-й: *Сельскіе промыслы и торговля*: а) Фабрики и заводы, б) Торговля: движеніе и способы производства торговли; пристани, города и ярмарки; пути торговыхъ сообщеній, в) Сельскіе промыслы.

Къ сочиненію приложены двѣ, весьма хорошо составленныя карты Смоленской губерніи, на которыхъ показаны: *на одной* — разнаго рода почвы, покрывающія поверхность губерніи, лѣса — съ означеніемъ древесныхъ породъ, ихъ составляющихъ, а также различныя промыслы, существующіе въ разныхъ мѣстностяхъ; *на другой* — направленіе вѣшняго и внутренняго сбыта разныхъ земледѣльческихъ произведеній.

Сочиненіе г. Соловьева въ отношеніи полноты не оставляетъ желать ничего болѣе; оно обнимаетъ всѣ стороны хозяйственнаго быта страны и представляетъ ихъ въ живой и отчетливой картинѣ.

Должно къ этому прибавить, что о Смоленской губерніи у насъ не было не только столь полнаго, но и никакого отдѣльнаго сочиненія, которое бы удовлетворяло современнымъ требованіямъ науки, тогда какъ по нѣкоторымъ другимъ губерніямъ уже есть нѣсколько довольно хорошихъ монографій; а теперь Смоленской губерніи посчастливилось приобрести, въ трудѣ г. Соловьева, такое обстоятельное описаніе, какимъ не могутъ похвалиться, можетъ быть, ни одна изъ нашихъ губерній.

Главные достоинства, которыми отличается разсматриваемое сочиненіе, состоятъ въ слѣдующемъ:

1) *Правильное употребленіе статистическихъ данныхъ*. Имѣя подъ руками разнаго рода статистическія данныя, авторъ воспользовался ими разумно, по предварительной критической оцѣнкѣ ихъ, повѣряя выводы числовыхъ показаній своими личными наблюденіями. Поэтому и выводимые окончательные результаты вполне заслуживаютъ довѣрія и могутъ быть съ основа-

тельностью употреблены для дальнѣйшихъ заключеній о хозяйственномъ положеніи края.

2) *Изложеніе, сжатое и немногорѣчивое, почти вездѣ имѣетъ характеръ прагматическій.* Какъ въ самой жизни народа всѣ явленія физическаго и хозяйственнаго быта всегда подчинены извѣстнымъ законамъ, то и въ сочиненіи г. Соловьева различныя явленія сего быта представлены въ ихъ взаимной связи и зависимости. Физическія условія мѣстности, племенные различія народа и его историческая судьба — вотъ три главныя обстоятельства, имѣющія неотразимое вліяніе на образъ и степень физическаго развитія и вещественнаго благосостоянія края. Смотря на предметъ съ такой точки зрѣнія, авторъ подчиняетъ ей все свое изложеніе, и потому собственно статистикѣ губерніи онъ предпослалъ историческій очеркъ оной, въ которомъ событіями прошедшаго времени весьма удачно объясняетъ современное положеніе страны; въ слѣдующемъ за тѣмъ изображеніи физическихъ свойствъ края онъ точно также располагаетъ изложеніе такъ, что читатель самъ въ состояніи судить въ какой степени характеръ мѣстности, геогностическое строеніе, свойства почвы, распредѣленіе водъ и климатъ, имѣютъ вліяніе на жителей и ихъ хозяйственный бытъ.

3) *Полнота изложенія.* Не смотря на то, что сочиненіе о Смоленской губерніи есть монографія, оно не вдается въ множество подробностей, ненужныхъ для общей картины, но вмѣстѣ съ тѣмъ излагаетъ съ большою полнотою все то, что имѣетъ отношеніе къ хозяйственному положенію края. Наибольшею полнотою, какъ и слѣдовало ожидать, отличаются главы 4, 5 и 6.

4) При всѣхъ этихъ достоинствахъ, сочиненіе содержитъ въ себѣ *много сльднй новыхъ*, которыя нигдѣ не были напечатаны, и составляютъ плодъ или собственныхъ наблюденій автора, или розысканій ввѣреннаго ему кадастроваго отряда, или же наконецъ собраны на мѣстѣ изъ разныхъ присутствен-

ныхъ мѣсть. Изъ числа такихъ новыхъ приобрѣтеній для науки можно указать слѣдующія :

а) Геогностическое обозрѣніе губерніи (стр. 36—46), составленное на основаніи изслѣдованій одного изъ дѣятелей Смоленскаго кадастроваго отряда (агронома Фельдмана). Это обозрѣніе, по отзыву г. сочлена нашего, генералъ-маіора Гельмерсена, вполне удовлетворительно.

б) Описаніе почвъ, покрывающихъ поверхность губерніи, и изображеніе климатическихъ условій края (стр. 46—86). Выводы о климатѣ сдѣланы на основаніи метеорологическихъ наблюденій еще незаданныхъ, а также на основаніи собранныхъ на мѣстѣ замѣтокъ старожиловъ. Съ сожалѣніемъ должно лишь замѣтить, что вычисленія среднихъ температуръ сдѣланы на старыи стиль, неупотребительный въ метеорологіи.

в) Въ главѣ о жителяхъ (стр. 86—152), одной изъ интереснѣйшихъ во всемъ сочиненіи, весьма замѣчательны изслѣдованія автора о движеніи народонаселенія въ Смоленской губерніи; при чемъ какъ въ этой главѣ, такъ и въ слѣдующей, находятся неизвѣстныя еще въ печати данныя о народонаселеніи по 9 ревизіи.

Приобрѣтеніемъ для науки должно считать и сличеніе данныхъ 8 и 9 ревизій съ метрическими книгами и стараніе изъяснить несогласія этихъ двухъ важныхъ для статистики источниковъ.

г) Послѣднія три главы, посвященныя сельскому хозяйству и разнымъ его отраслямъ, а также изображенію промысловъ и торговли, основаны большею частью на изслѣдованіяхъ, неразлучныхъ съ кадастровою операціею, которою завѣдывалъ г. Соловьевъ, и потому здѣсь много новаго. Весьма важное приращеніе получаетъ наука въ свѣдѣніяхъ, относящихся до количества, распредѣленія и свойства лѣсовъ въ губерніи (стр. 342—360), на основаніи данныхъ, собранныхъ въ новѣйшее время. По этому между прочимъ оказывается возможнымъ съ большою точностью опредѣлить мѣру уменьшенія лѣснаго про-

странства губерніи со времени генеральнаго межеванія, тогда какъ для опредѣленія такого уменьшенія по другимъ губерніямъ нѣтъ положительныхъ данныхъ. Въ Смоленской губерніи подъ лѣсомъ было, во время генеральнаго межеванія (1776 — 78), $51,4\frac{0}{8}$ всего пространства (стр. 343); а нынѣ имѣется лишь $31,7\frac{0}{8}$ (стр. 345). Если такъ, то въ теченіе послѣднихъ 75 лѣтъ пространство лѣсовъ уменьшилось на $38,3\frac{0}{8}$. Въ донесеніи, представленномъ Императорской Академіи Наукъ, 14 января 1841 г., слѣдственно за 14 лѣтъ предъ симъ, одинъ изъ насъ полагалъ, на основаніи приблизительныхъ соображеній, что въ губерніяхъ, находящихся при Верхней и Средней Волгѣ, количество лѣсовъ со времени генеральнаго межеванія уменьшилось на $30\frac{0}{8}$. Положительныя данныя, представляемыя нынѣ г. Соловьевымъ, оправдываютъ тогдашнія предположенія *).

Цѣну новости имѣютъ также весьма подробныя и основательныя изслѣдованія автора о мѣстныхъ промыслахъ и о торговлѣ разными произведеніями въ Смоленской губерніи.

д) Приложенныя къ сочиненію карты, столь же новы по сочиненію своему, сколь интересны по предметамъ, на нихъ изображеннымъ, и служатъ важнымъ пособіемъ при чтеніи сочиненія.

Соображая все сказанное нами о сочиненіи г. Соловьева, мы полагаемъ, что оно, по полнотѣ и стройности изложенія, по основательности выводовъ и заключеній и по богатству новыхъ данныхъ, составляетъ существенное приращеніе для статистики и потому признаемъ его вполне достойнымъ половиною Демидовской преміи.

---

*) См. Köppen, *Ueber den Wald- und Wasser-Vorrath im Gebiete der obern und mittlern Wolga*, (въ издаваемыхъ гг. Баромъ и Гельмерсономъ «*Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reichs*», ч. IV).

РАЗБОРЪ

СОЧИНЕНІЯ

Г. СЪВЕРЦОВА

ПОДЪ ЗАГЛАВІЕМЪ:

**ПЕРІОДИЧЕСКІЯ ЯВЛЕНІЯ ВЪ ЖИЗНИ ЗВѢРЕЙ,
ПТИЦЪ И ГАДОВЪ ВОРОНЕЖСКОЙ ГУБЕРНІИ,**

СОСТАВЛЕННЫЙ

АКАДЕМИКОМЪ А. Ф. МИДДЕНДОРФЪ.

Сочиненіе г. Сѣверцова написано на степень магистра, и слѣдовательно оно есть трудъ-первенецъ молодаго автора; но со всѣмъ тѣмъ оно довольно объемисто, состоя изъ 430 страницъ, и представляетъ собою совершенно новое явленіе въ Русской литературѣ. Содержаніе его имѣетъ основаніе самостоятельное: оно почерпнуто изъ наблюденій, сдѣланныхъ надъ самою природою въ теченіе девяти лѣтъ сряду.

Поэтому, приступая къ разсмотрѣнію столь замѣчательной книги, мы ожидали отъ нея чего-то необыкновеннаго, и на этотъ разъ не ошиблись въ своихъ ожиданіяхъ. Чтеніе ея не только вполне удовлетворило наше любопытство, но и доставило намъ самимъ не мало поученія и удовольствія.

И дѣйствительно, какъ не радоваться побѣдѣ, какую надъ самимъ собою одержалъ авторъ, рѣшившись, при обстоятельствахъ, обыкновенно увлекающихъ молодость въ неизвѣстную даль, посвятить себя исключительно изслѣдованію жизненныхъ проявленій непосредственныхъ окрестностей его родины, — особенно если предпринятый имъ трудъ выполненъ съ такою добросовѣстностью и высокою степенью точности даже въ малѣйшихъ подробностяхъ, какъ въ настоящемъ случаѣ.

Важность труда г. Сѣверцова, въ нашихъ глазахъ, особенно заключается въ томъ, что онъ сумѣлъ употребить на сознательно обдуманное предпріятіе спеціальныя и совершенно новыя данныя, которыми обогатилъ свое сочиненіе, почерпнувъ

ихъ въ такомъ краѣ, гдѣ со времянь Гмелина не трудился ни одинъ зоологъ.

Между тѣмъ фауна этого края не представляла собою ничего особенно отличительнаго, и могла обѣщать важныя послѣдствія только по той научной стезѣ, которую избралъ себѣ авторъ, — стезѣ именно, проложенной лишь въ новѣйшее время. Для того, чтобы приобрѣсть заслугу и прославить себя на этомъ полѣ изслѣдованія, не довольно было сравнить фауну Воронежской губерніи, какъ представительницу континентальнаго климата, съ фауною западной Европы; не довольно было воспользоваться тѣмъ обстоятельствомъ, что эта область наблюденія находится на межѣ двухъ столь знаменательныхъ противоположностей, каковы — степь и лѣса; надобно было вовсе покинуть избитую, обыкновенную тропу и искать главнѣйшихъ цѣлей зоологической географіи не въ подробномъ, хотя и сравнительномъ, исчисленіи животныхъ породъ изслѣдуемой страны, а на-противъ того, въ разрѣшеніи несравненно труднѣйшей задачи, т. е. въ опредѣленіи той тѣсной связи, которая существуетъ между отличительными свойствами данной фауны и особенностями какъ той почвы, на которой она живетъ, такъ и того климата, въ которомъ она дышетъ и развивается. Что такая связь должна существовать и существуетъ въ самомъ дѣлѣ, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія; вся трудность состоитъ въ томъ, чтобы показать, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, въ какой мѣрѣ мы имѣемъ предъ собою самый законъ, т. е. проявленіе типической силы подлежащаго вида животныхъ или даже подлежащаго недѣлимаго, и въ какой мѣрѣ только одну случайность, т. е. измѣненіе въ образѣ выраженія этой силы отъ вліянія какихъ либо внѣшнихъ обстоятельствъ. Успѣхъ въ этомъ трудномъ предпріятіи зависитъ отъ того, достаточно ли приготовленъ наблюдатель и умѣетъ ли онъ сохранить необходимый при такихъ мелочныхъ наблюденіяхъ общій обзоръ.

Хотя я и не вездѣ соглашаюсь съ видами автора, — что и весьма естественно, отчасти по новизнѣ предмета, а отчасти по-

тому, что во многих случаях еще не имеется достаточного запаса наблюдений для произнесения конечного приговора; однако могу объявить, не обинуясь, что авторъ разрѣшил свою задачу съ большою осмотрительностью и весьма добросовѣстно. Къ сожалѣнію, самое свойство сочиненія, составленнаго изъ безчисленныхъ специальныхъ наблюдений, не позволяетъ намъ, для подтвержденія нашего приговора, слѣдовать за авторомъ во всѣ мелочныя подробности, изъ которыхъ онъ извлекаетъ общіе свои выводы. Цѣль наша: представить здѣсь только такой разборъ сочиненія, который далъ бы возможность членамъ комиссіи Демидовскаго конкурса, созванной изъ представителей самыхъ разнородныхъ наукъ, образовать себѣ объ немъ сравнительное сужденіе.

Изъ предисловія (стр. 1—xxxv) мы видимъ, что авторъ обозрѣваетъ свой предметъ съ высшей исторической точки и не преминулъ ознакомиться съ ходомъ туземной и иностранной литературы по своей части. Онъ старается развить мысль, что нынѣ, когда физическая географія и климатологія достигли такой высокой степени совершенства, и по минованіи періодовъ систематики, анатоміи и исторіи развитія животныхъ, настало время обратить главное свое вниманіе на жизненные явленія животнаго міра.

Истинно академическіе труды рѣдко признаются современниками и обыкновенно оцѣниваются, по своему достоинству, только потомками. Отраднo видѣть, что юное наше поколѣніе туземныхъ ученыхъ въ такой мѣрѣ проникнуто сознаніемъ заслугъ великаго Палласа, какъ г. Сѣверцовъ^{*)}; и если на ряду съ положительными трудами Глогера, служив-

---

^{*)} Мы охотно прощаемъ автору, что онъ, на 2-й страницѣ предисловія, не много самоуластно, какъ бы отъ своего имени, придаетъ незабвенному наследователю природы прозваніе «неизбѣжнаго». Въ изданной за пять лѣтъ тому назадъ статьѣ моей: *Ueber die als Bastarde angesprochenen Mittelformen zwischen Lep. europ. Pall. und Lep. variabilis* (Bulletin Phys.-mathém., t. IX, № 14) сказано было: «Pallas, dem die Zoographie Russlands den Beinamen des Unvermeidlichen geben müssten».

шими нашему автору исходною точкою, также выставлены на показъ грубые промахи умозрительнаго конкурснаго сочиненія Серра (Serres), которое въ 1828 году было увѣнчано такими учеными, каковы Темминкъ и Шлегель, то этимъ самымъ не только указано на успѣхи, какіе въ послѣднюю четверть вѣка сдѣлала та отрасль зоологіи, которой посвятилъ себя авторъ, но и мы сами для предстоящаго случая можемъ извлечь намекъ, что присудители премій только тогда идутъ вѣрнымъ путемъ, когда требуютъ, чтобы выводимые состязателемъ новые общіе законы были основаны на обильномъ запасѣ специальныхъ и самостоятельныхъ наблюдений. Образъ такихъ обобщеній можетъ устарѣть и быть уничтоженъ ходомъ новыхъ успѣховъ; но добросовѣстныя наблюденія останутся въ своей цѣнѣ и всегда будутъ надежною основою для послѣдующихъ созиданій; а во всякомъ случаѣ за ними останется заслуга, что они въ такомъ или другомъ сочетаніи имѣли возбуждательное вліяніе на ходъ науки.

Нашъ авторъ поставилъ себѣ задачею прежде всего точнѣйше наблюдать бытъ и явленія жизни воздуходышущихъ животныхъ своей родины; но вмѣстѣ съ тѣмъ, убѣжденный въ тѣсной связи данныхъ явленій съ внѣшними вліяніями, онъ пытался раскрыть то непрерывное сцѣпленіе, которымъ свойственныя его наблюденіямъ данныя связаны съ климатомъ его родины, въ обширнѣйшемъ смыслѣ этого слова, т. е. обуславливаются имъ.

Исходя отъ географическаго положенія Воронежской губерніи, г. Сѣверцовъ сначала устанавливаетъ физико-географическій характеръ этой, расположенной на знаменитомъ черноземѣ, пограничной области между лѣсомъ и степью; а затѣмъ, съ достохвальнымъ искусствомъ и съ большою самостоятельностью, развиваетъ глубокую связь между жизнью животныхъ и геогностическимъ свойствомъ земныхъ слоевъ въ разныхъ мѣстностяхъ изслѣдуемаго имъ края. На этомъ едва еще затронутомъ полѣ связи между геологіею и зоологіею авторъ указалъ на та-

кія отношенія, изображеніе которыхъ едва ли кому удавалось въ такой степени. Если и нельзя не принять въ расчетъ, что благопріятныя мѣстныя отношенія болѣе обыкновеннаго содѣйствовали автору, — какъ между прочимъ болѣе замѣтное въ Воронежской губерніи, чѣмъ гдѣ либо, совпаденіе естественныхъ различій физическихъ очертаній страны съ соотвѣтственными разностями геогностическаго свойства почвы, — то все же остается довольно простора для признанія того, чѣмъ мы обязаны здравой его наблюдательности. Начиная отъ русла рѣки вдоль по ея долинѣ и вверхъ по ея склонамъ до высокой степи, тамъ гдѣ она въ качествѣ плоско-возвышеннаго водораздѣла всего болѣе носитъ характеръ сухой степи, авторъ вводитъ насъ въ особенности страны, нигдѣ не теряя изъ виду главной своей руководящей идеи (см. примѣч. 1-е въ концѣ статьи).

Отъ разсмотрѣнія геогностическаго напластованія страны онъ переходитъ къ изслѣдованію значенія подпочвы. Здѣсь задача его становится уже гораздо легче. Нигдѣ не можетъ быть важнѣе, какъ въ этихъ сухихъ странахъ, знать, удерживаетъ ли подпочва воду или даетъ ли она ей просачиваться; достигается ли какая либо мѣстность вешними разливами или нѣтъ? А посему и то обстоятельство, о которомъ столько было писано, что одинъ берегъ Россійскихъ рѣкъ — нагорный — высокъ, въ противоположность другому, низменному, пріобрѣтаетъ особенную важность. И въ этомъ отношеніи авторъ самостоятельно развиваетъ свой собственный, основательный взглядъ (стр. 3 и 417).

Съ степенью влажности и съ другими побочными состояніями почвы въ этихъ сухихъ странахъ природа растительности тѣснѣе связана, чѣмъ гдѣ либо, а особенно лѣсистость или безлѣсіе; и такимъ образомъ авторъ естественно переходитъ къ разсмотрѣнію двухъ главныхъ отдѣловъ животной жизни, къ лѣснымъ и степнымъ животнымъ. И здѣсь также онъ основательно различаетъ первобытное состояніе степи отъ тѣхъ перемѣнъ, которыя произведены въ немъ вліяніемъ человѣка; и здѣсь намъ открываются существенно но-

выя точки зрѣнія для исторіи животныхъ, этой важной отрасли знанія, которая понинѣ еще почти вовсе неразработана (см. примѣч. 2-е въ концѣ статьи).

Не довольствуясь полнымъ исчисленіемъ всѣхъ дышущихъ легкими позвоночныхъ животныхъ своей области, авторъ, по установленіи тѣхъ породъ, которыя тамъ водятся, — а именно: 212 птицъ, 32 млекопитающихъ, 12 земноводныхъ (стр. 35), — разсматриваетъ ихъ, начиная отъ времени ихъ весенняго пробужденія или прибытія изъ дальнихъ странъ, чрезъ всѣ житейскія ихъ отношенія, и особенно фазы развитія ихъ приплода, по возможности, до самаго исчезанія ихъ осенью. Только немногія животныя (между прочимъ 27 осѣдлыхъ птицъ) остаются тамъ круглый годъ, и слѣдовательно могли быть наблюдаемы въ теченіе всего года. Еще рѣже зимніе гости. Нѣсколько легкихъ намековъ достаточны, чтобы показать, въ какую обильную, но вмѣстѣ трудную область наблюденія углубился авторъ.

Уже самое первое начало — прибытіе перелетныхъ птицъ, есть, какъ извѣстно, весьма многосложная и едва только початая задача; но нашъ наблюдатель слѣдитъ своихъ пришельцевъ до самыхъ разнообразѣйшихъ убѣжищъ, которыя они избираютъ себѣ каждый, смотря по своей природѣ, по своимъ особеннымъ прихотямъ, или, вѣрнѣе сказать, потребностямъ, которыя нерѣдко являются весьма странными, но всегда существенно обуславливаются особенностію ихъ организаціи. Такимъ образомъ, онъ, по слѣдамъ своихъ путеводителей, вдается во всѣ частности топографической зоологіи, проникаетъ во всѣ тайники чадорожденія, которое наитѣснѣйше связано съ топографіею. Но въ органической природѣ нѣтъ застоя. Изъ своихъ импровизированныхъ жительствовъ, родители ежедневно, часто въ опредѣленное время и даже въ извѣстный часъ (какъ то на-пр. *aquila imperialis*, стр. 170; *circ. cyaneus*, стр. 173), нерѣдко точно опредѣленными путями предпринимаютъ свои полеты для добыванія себѣ пищи. Вскорѣ и птенцы

способны слѣдовать за ними. То семейства вовсе не возвращаются къ мѣстамъ прежнихъ своихъ гнѣздъ, то вмѣстѣ съ подвигающимся временемъ года идутъ все далѣе и далѣе впередъ; избираютъ себѣ мѣстности совсѣмъ другаго рода, тѣмъ первоначальныя; переселяются или предаются бродячей жизни и т. д. Все это — вообще извѣстные факты; но они еще никогда не были въ Россіи развиваемы съ такою послѣдовательностію, а между тѣмъ нигдѣ въ Европѣ не было такъ нужно прослѣдить эти отношенія, какъ именно въ восточной части Россіи. Явленія континентальнаго климата: эти крутыя противоположности, эти крайнія колебанія температуры во время весны, это внезапное наступленіе лѣта, эта неслыханная лѣтняя засуха, превращающая страны въ пустыни, гдѣ еще весною все кипѣло органическою жизнью, — все это такіе скачки въ нормальныхъ жизненныхъ условіяхъ животныхъ, которые на западѣ встрѣчаются только намеками и которыя можно прослѣдить тамъ только на нѣкоторыхъ отдѣльныхъ породахъ, между тѣмъ какъ онѣ въ сказанной полосѣ Россіи выразились съ такою рѣшительною общностью, которая даетъ возможность проглядывать существенное сцѣпленіе явлений въ гораздо болѣе явственномъ видѣ, чѣмъ гдѣ либо. Г. Сѣверцовъ весьма ловко и рачительно воспользовался этими благоприятными обстоятельствами, и исходя вездѣ отъ климатическихъ условій, раскрылъ въ этомъ направленіи, рѣзче чѣмъ до него было сдѣлано, происходящія во время лѣта многоразличныя приготовленія или собственно предварительныя упражненія къ осеннимъ странствованіямъ животныхъ (см. примѣч. 4-е въ концѣ статьи).

Если мы поставили здѣсь на видъ заслуги нашего автора на одномъ только вышесказанномъ полѣ зоологіи, то считаемъ тѣмъ болѣе долгомъ своимъ показать, что главную заслугу онъ приобрѣлъ себѣ въ отношеніи къ линнѣю, оперенію и сопряженнымъ съ этими вопросами разысканіямъ о «видахъ», «видозмѣненіяхъ», и т. д., тѣмъ болѣе, что онъ и здѣсь исходною

своею точкою вездѣ принялъ вліяніе климатическихъ особенностей. Со времянь первыхъ усилій Глогера, дѣлающихъ эпоху въ исторіи зоологіи, этотъ предметъ въ Россіи еще нѣкъмъ не былъ обработанъ такъ послѣдовательно и такъ многосторонно. Если я сказалъ: въ Россіи, то это именно потому, чтобы очистить себя отъ всякаго подозрѣнія въ преувеличиваніи; но мы смѣло можемъ включить сюда и чужіе края, гдѣ, правда, со времянь Глогера, въ сотняхъ диссертаций явились весьма уважительные намеки для сказаннаго предмета, однако не вышло ни одной попытки топографической зоологіи такого рода, какъ подлежащая.

Мы далеки отъ того, чтобы ставить трудъ отдѣльнаго молодого естествоиспытателя, результатъ только девятилѣтнихъ, да и то нерѣдко прерывавшихся наблюденій, относительно полноты въ одинъ рядъ съ такими, на-примѣръ, какъ труды Науманновъ. Имъ предшествовалъ цѣлый сонмъ пытливыхъ наблюдателей и они сами трудились на основаніи наслѣдственно, чрезъ многія поколѣнія къ нимъ перешедшихъ, преданій, на одномъ и томъ же самомъ полѣ наблюденія. Это впрочемъ исполнѣ сознаеть и самъ авторъ. Но за всѣмъ тѣмъ мы, по справедливости, можемъ желать естествовѣдцамъ Германіи, чтобы вскорѣ вышелъ въ свѣтъ Нѣмецкій переводъ сочиненія г. Сѣверцова, потому что чрезвычайно много зависитъ отъ той методы, по которой производится наблюденія: она какъ бы открываетъ собою новую колею, по которой можно дойти до важныхъ открытій; и я съ своей стороны сознаюсь, что въ послѣднее время тщетно искалъ такого труда, который бы хотя приблизительно столь пристально удерживалъ въ виду одну изъ конечныхъ цѣлей зоологической географіи, какъ разбираемое здѣсь сочиненіе.

Особеннаго вниманія заслуживаетъ тотъ отдѣлъ сочиненія, который относится къ линянью и къ сопряженнымъ съ нимъ измѣненіямъ цвѣта. Въ немъ собрано обильное сокровище дѣльныхъ наблюденій. Но мы не можемъ войти здѣсь

въ его разсмотрѣніе, потому что это завлекло бы насъ въ такія частности, которыя были бы неумѣстны въ нашемъ разборѣ. Достаточно будетъ намекнуть, что и въ этой трудной главѣ авторъ не уклонился отъ путеводной мысли всего сочиненія, — внутренней связи явленій животной жизни съ климатическими отношеніями страны. Конечно, по самому существу дѣла здѣсь должно встрѣчаться болѣе проблематическаго, чѣмъ въ началѣ сочиненія. Тѣмъ болѣе затронутые г. Сѣверцовымъ любопытные вопросы должны подстрекать къ конечному ихъ разрѣшенію, и нельзя не признать въ этомъ отношеніи заслуги автора.

Найденныя Глогеромъ основныя идеи не только подтверждены наблюденіями г. Сѣверцова, какъ на-пр. вліяніе континентальнаго климата на развитіе рыжеватаго пигмента (стр. 336, 341), неизмѣняемость сѣраго цвѣта (стр. 321); но отчасти повѣрены ими (стр. 356); какъ на-пр. такъ называемая южная окраска, и во многихъ отношеніяхъ значительно расширены, не говоря уже о распространеніи на голенастыхъ и водныхъ, которыя у Глогера остались, какъ извѣстно, вовсе нетронутыми.

Еще мы могли бы привести множество отдѣльныхъ любопытныхъ наблюденій, относительно разныхъ важныхъ явленій животнаго міра; но мы считаемъ нами сказаннаго достаточнымъ для того, чтобы объяснить значеніе подлежащей книги по части научной зоологіи.

Затѣмъ, чтобы не умолчать также о слабыхъ сторонахъ сочиненія, скажемъ нѣсколько словъ о выставленномъ г. Сѣверцовымъ на заглавномъ листѣ эпиграфѣ. Основная мысль этого motto безъ сомнѣнія побудила автора къ его избранію — въ этомъ свидѣтельствуетъ безприкрасный характеръ всей его книги; но выраженіе этой мысли нѣсколько отзывается тѣмъ стремленіемъ къ эффекту, которымъ заражено новѣйшее время, и хотя мы, къ счастью, не имѣемъ ни малѣйшаго повода уличить самого автора въ этомъ недостаткѣ, противномъ истинной наукѣ, однако

должны замѣтить, что этотъ эпиграфъ, на вышѣскѣ чисто ученаго изслѣдованія, а притомъ какъ возгласъ къ высшему ученому сословію, нѣсколько неумѣстенъ. «Три вершка ближайшаго болота!» Что стало бы изъ всего труда г. Сѣверцова и какая была бы его цѣнность, еслибы онъ не былъ основанъ на результатахъ обширѣйшихъ изслѣдованій, противоположности континентальнаго климата съ приморскимъ? Даже и самая ограниченная въ своихъ желаніяхъ лягушка не можетъ довольствоваться тремя вершками болота! — а подавно ученый.

Еще опаснѣе было предубѣжденіе въ слѣпомъ «*jugate in verba magistri*», которое возбуждало во мнѣ противъ книги автора это неумѣстно взятое изъ лекцій учителя изрѣченіе. Но и это опасеніе вполне опровергнуто самостоятельностью содержанія всего труда, и сказанное motto является уже столь рѣдкимъ нынѣ выраженіемъ благодарности къ наставнику, который умѣлъ возбудить въ своемъ слушателѣ дѣятельную любовь къ преподаваемому имъ предмету.

Главный недостатокъ всего сочиненія мы находимъ въ впечатлѣніи нѣкоторой запутанности, которое оно оставляетъ даже въ читателѣ — знатокѣ предмета. Конечно это есть отчасти послѣдствіе пренебреженія въ отдѣльныхъ фактахъ, которые непрерывно слѣдуютъ одинъ за другимъ на каждой страницѣ; но за всѣмъ тѣмъ нельзя не признать, что авторъ не вполне совладалъ съ своимъ матеріаломъ и какъ непривычный къ книжному дѣлу былъ, такъ сказать, побѣжденъ техническими его трудностями. Отъ этого произошли частыя повторенія, помѣщеніе много уже всѣмъ извѣстнаго, и вообще недостатокъ надлежащей сжатости, что весьма затрудняетъ читателя обозрѣть содержаніе цѣлаго сочиненія или отыскивать отдѣльныя его частности. Не смотря на большой трудъ, приложенный, по видимому, авторомъ на расположеніе своего матеріала съ точки естественной связи и единства, онъ не совсѣмъ успѣлъ въ этомъ дѣлѣ. Иныя главы скорѣе представляютъ намъ на-

боръ скопленныхъ, правда не безъ дальновидныхъ цѣлей, матеріаловъ, чѣмъ искусно обработанное цѣлое. Но мы должны повторить здѣсь, что это почти нельзя вѣнчать автору въ упрекъ, потому что область, за которую онъ взялся, еще слишкомъ нова и разработка ея представляетъ такія трудности, что и большая часть прежнихъ подобныхъ попытокъ были одержимы тѣмъ же самымъ недостаткомъ, такъ сказать неразлучнымъ съ самымъ предметомъ.

Младенческому состоянію избраннаго авторомъ зоологическаго направленія должно приписать также то, что включенныя имъ, не безъ основанія, наблюденія температуры являются еще собственно только роскошью, или умѣреннѣе сказать, матеріаломъ, приготовленнымъ для будущихъ, менѣе свѣдущихъ въ источникахъ, изыскателей.

Какъ ни высоко ставимъ мы усиліе автора выводить всѣ періодическія явленія въ животномъ мірѣ изъ климатическихъ причинъ, однако онъ въ этомъ дѣлѣ идетъ иногда уже слишкомъ далеко, рѣшительно дальше, чѣмъ позволяютъ положительныя наши познанія. Подтвердимъ это сужденіе наше приѣромъ. Обстоятельное и весьма необходимое изслѣдованіе перелетовъ, переселеній, сходбищъ и т. д. разныхъ животныхъ ведетъ автора къ совершенному отрицанію «инстинкта переселенія» (стр. 193—228). Не скрывая нашего удовольствія о томъ, что автору удалось доказать, какъ самыя рѣшительныя странствія животныхъ приуготовляются предшествующими имъ, малозамѣтными низшими степенями того же самаго явленія, мы однако должны замѣтить, что для насъ не трудно было бы привести изъ чужихъ и собственныхъ нашихъ опытовъ множество обстоятельствъ, свидѣтельствующихъ, что перелетъ птицъ въ высшей его степени не можетъ быть исключительно объясняемъ ни ближайше, ни отдаленно предшествовавшими внѣшними вліяніями.

Также точно, какъ мы ничего не знаемъ о побудительномъ движущемъ началѣ (*principium movens*), которое заставляеть

развиваться изъ даннаго зародыша именно ту или другую форму животныхъ, а изъ другаго, даже микроскопически въ точности ему соответствующаго, другую опредѣленную форму животныхъ, и какъ мы по справедливости это неизвѣстное нѣчто представляемъ себѣ подѣ опредѣленнымъ именемъ, на пр. «типической силы», такъ мы въ правѣ говорить о врожденныхъ наклонностяхъ звѣрей, т. е. о врожденныхъ образахъ дѣйствія мозговаго органа, которые основаны на самомъ его строеніи, но о способѣ происхожденія которыхъ мы едва имѣемъ предчувствіе. Конечно слово «наклонность» или «инстинктъ» никогда не должно быть усыпительнымъ, какъ оно долго было для старинной школы; но и молодая школа должна съ своей стороны остерегаться слишкомъ дальнихъ отступленій отъ старины, потому что это могло бы завести ее въ такую глушь, изъ которой она не нашла бы себѣ и выхода. Отъ чего же произошла древняя классическая поговорка «*natura est furca expellas, tamen usque resurgit*», какъ не отъ того, что всякій безпристрастный наблюдатель сознаетъ въ животномъ тѣлѣ какое то непреодолимое внутреннее стремленіе, которое, на перекоръ всѣмъ внѣшнимъ явленіямъ, противится имъ и не рѣдко даже превозмогаетъ ихъ. Присоединимъ къ тому еще весь сонмъ привычекъ, о которыхъ извѣстно, что онѣ если будутъ правильно продолжаемы или упражняемы изъ рода въ родъ, обращаются во вторую природу, въ врожденную природную наклонность, которая уже не требуетъ болѣе упражненія. Противники возразятъ намъ, что это именно и служитъ разительнымъ доказательствомъ всесильнаго вліянія внѣшнихъ дѣйствій на организмъ. Это справедливо; но только въ томъ предположеніи, что эти внѣшнія вліянія регулярно и продолжительно возобновляются все точно тѣмъ же образомъ. Измѣчивыя же и неправильныя вліянія, обыкновенно попадающіяся въ природѣ и свойственныя непостоянному климату, встрѣчаютъ со стороны самоохранительной дѣятельности каждаго организма самое рѣшительное сопротивленіе и по большей части побѣждаются

ею. Посему юная школа, вступившая въ союзъ съ климатомъ, да остерегается могучаго врага — врожденной природы; — а не то она будетъ нерѣдко хвалиться побѣдами, тамъ, гдѣ собственно говоря, претерпѣла только пораженія.

Въ заключеніе я полагаю, что общее впечатлѣніе, которое я имѣлъ въ виду произвести сямъ разборомъ на моихъ читателей, можетъ быть выражено въ слѣдующихъ словахъ. Предлежащій трудъ свидѣтельствуетъ о необыкновенной способности къ наблюденіямъ, усердіи и добросовѣстности автора. Сочиненіе его заключаетъ въ себѣ богатый запасъ драгоценныхъ для науки матеріаловъ, плодъ многолѣтнихъ, самостоятельныхъ наблюденій, и всѣ они подведены подъ одну господствующую мысль, развившуюся изъ того обильнаго надеждами направленія, какое въ послѣднее время сообщено зоологіи.

Съ сочиненія г. Сѣверцова начинается новый отдѣлъ исторіи зоологической литературы въ Россіи; когда же оно сдѣлается доступнымъ западу, то можно ожидать, встрѣтитъ, по новизнѣ своей, самый лестный пріемъ и, скажу даже болѣе, произведетъ благодѣтельное вліяніе на ходъ современной орнитологической журналистики.

Если я, за всѣмъ тѣмъ, предлагаю присудить этому труду не полную, а половинную премію, то побуждаюсь къ тому съ одной стороны строгостью личнаго моего взгляда на значеніе первостепенной награды, а съ другой соображеніемъ нѣкоторыхъ недостатковъ, изобличающихъ въ этомъ сочиненіи трудъ первенецъ. Съ какимъ впрочемъ убѣжденіемъ я произношу похвальный мой отзывъ, въ этомъ всякій можетъ удостовѣриться изъ того, что, выступая изъ тѣсныхъ предѣловъ, предписываемыхъ положеніемъ о Демидовскихъ наградахъ, я выражаю предъ лицомъ Академіи мое сожалѣніе о томъ, что ей не присвоено право признавать автора подобнаго произведенія непосредственно докторомъ. Этого мало, я считаю долгомъ своимъ выразить мое мнѣніе, что, во вниманіе такого образчика трудовъ г. Сѣверцова, для Академіи было бы непрослительно не принскать мѣрь и

средствъ къ тому, чтобы столь способный, трудолюбивый и добросовѣстный сподвижникъ могъ перенести свои дарованія на одно изъ богатѣйшихъ и благопріятнѣйшихъ полей, какія столь обильно представляетъ наша обширная имперія дѣятельности наблюдателя. Съ своей стороны я предлагаю неизслѣдованныя еще страны къ востоку отъ Аральскаго моря и вверхъ по главному его притоку, доколѣ онъ окажется доступнымъ, какъ тотъ именно край, гдѣ наисильнѣйше долженъ проявляться характеръ континентальности.

ПРИМЪЧАНІЯ.

---

1) Сличн на стр. 6 наблюденіе, что *краснокъ*, *Naematoris ostralegus*, бываетъ тамъ постояннымъ спутникомъ зеленого песчанника; далѣе на стр. 9 указаніе, что многіе звѣри на-пр. сурки избѣгаютъ мѣла тамъ, гдѣ онъ выступаетъ наружу непосредственно подъ ковромъ растительности (стр. 94): также замѣчаніе, что *Athene noctua*, за недостаткомъ мѣловыхъ обрывовъ, становится домашнимъ животнымъ (стр. 110) и пр.

2) Ближайшіе по средству виды раздѣляются, на основаніи наблюденій автора, на такія, которыя не оставляютъ лѣсныхъ странъ, какъ то сорока (стр. 179), *Limosa melanura* (стр. 101); и на такія, которыя безъ всякаго опасенія выходятъ въ степь (*Corv. frugilegus*, *cornix*). Другія, напротивъ того, свойственны окраинамъ лѣсовъ, какъ извѣстно *Pic. canus*; стр. 73. Изъ 13 млекопитающихъ степи, 11 живутъ въ норахъ и тѣмъ самымъ уклоняются отъ крайнихъ климатическихъ колебаній внутренней степи (стр. 391). По той же самой причинѣ, согласно наблюденію автора, по ту сторону Волги степные грызуны водятся чаще (стр. 191). Далѣе стр. 93 авторъ различаетъ коренную или первоначальную степь отъ измѣненной земледѣіемъ, коснувшись уже прежде того вліянія, какое расчистка лѣсовъ производятъ на обстановку края животными (стр. 50). Онъ приводитъ намъ такихъ животныхъ,

которыя умѣютъ принаравливаться къ измѣненіямъ, производимымъ воздѣлкою почвы, или которыя эти измѣненія полезны (на-пр. стр. 96 *Perd coturnix*); а съ другой стороны и такихъ, которыя вытѣсняются воздѣлываніемъ (стр. 109, 110, 181), при чемъ разные способы земледѣлія оказываютъ разное влияние. Особенно любопытны замѣчанія (стр. 167), что *Corv. frugilegus* въ естественномъ состояніи бываетъ болѣе насѣкомоѣдомъ, и только по введеніи земледѣлія дѣлается почти исключительно зерноѣдомъ; (стр. 110), что *Athene noctua* становится домашнимъ животнымъ тамъ, гдѣ нѣтъ мѣловыхъ обрывовъ, гдѣ бы она могла гнѣздиться; (стр. 21), что *Col. oenas* съ немногими исключеніями попадаетъ почти только какъ домашнее животное, а *Col. livia* даже только какъ таковое; (стр. 68 и 111), что отдѣльная сосна еще понынѣ свидѣтельствуетъ о переходномъ состояніи, будучи, такъ сказать, облѣплена тысячами гнѣздъ *Hig. Lagoroda*, которыя тамъ, за исключеніемъ этой единственной сосны, гнѣздятся только у домовъ, а съ 1848 года вслѣдствіе того, что *Hig. domestica* была постигнута холерою, *Hig. Lagoroda* начинаетъ занимать ея гнѣзда у домовъ.

Наконецъ, мы должны упомянуть о показаніи (стр. 16, 17), что медвѣди, *Antil. Saiga*, *Corv. pygargus*, *Sus scrofa*, *Cart. fiber* мало по малу совершенно вывелись, какъ то можно доказать разными свидѣтельствами.

3) Это такой отдѣлъ, который съ разу даетъ знатоку мѣрило образа воззрѣнія г. Сѣверцова. Здѣсь приведены только 3 новыхъ вида, изъ которыхъ одного, имъ самимъ установленнаго, *Pod. palustris*, авторъ уже готовъ покинуть, какъ разность *Pod. cornutus* (стр. 35), между тѣмъ какъ онъ еще придерживается второй, т. е. своего *Astur brevipes*, съ привязанностью родителя къ своему чаду, потому что это есть болѣе рѣшительное видоизмѣненіе. Третій новый видъ есть *Ficedula prasina* Rouill., который ближе всего подходитъ къ *T. sibilatrix*. *Sitta ugalensis* и *europaea* сливаются въ одну породу (стр. 419, 421); *Lan. phoenicurus* исчезаетъ въ породѣ *Lan. collurio* (стр. 325);

Circus cinerascens и *pallidus* одно и то же, какъ уже доказаль Шлегель, и авторъ даже отваживается еще болѣе въ область опаснаго, утверждая, что и *Circ. cyaneus* слѣдуетъ подвести подъ одну и ту же породу съ двумя вышепоименованными, подъ именемъ *C. pygargus*. *F. islandicus*, *sacer*, *sandicans* и *gyrfalco* сливаются вмѣстѣ (стр. 349, 350). Такимъ же образомъ онъ и изъ земноводныхъ причисляетъ *Lac. stirpium* къ *Lac. viridis* (стр. 88, 384) и считаетъ *R. sachinians* за очень старыхъ *R. esculenta* (стр. 385).

Сюда же принадлежатъ также нѣкоторыя наблюденія относительно измѣненій въ ростѣ разныхъ птицъ (слич. стр. 73 и 370).

4) Касательно времени прибытія перелетныхъ птицъ авторъ весьма прилично и естественно различаетъ (стр. 41): 1) время таянія снѣговъ, 2) время разлитія рѣкъ, 3) время выростанія травъ и 4) время появленія листьевъ. Такъ равно и осенью — три главные момента отлета птицъ (стр. 203): 1) время листопада, 2) время выпаданія перваго снѣга и 3) время замерзанія озеръ, изъ которыхъ каждое обозначаетъ собою наступленіе соотвѣтственнаго скачка температуры.

Съ большимъ раченіемъ авторъ прослѣдилъ связь между странствованіемъ птицъ и переменами температуры, измѣненіями влажности воздуха, стоянія воды и т. д. (стр. 214 и др.)

Основываясь на запасъ собственныхъ наблюденій, мы не можемъ не считать довольно важнымъ замѣчаніе, что одинъ и тотъ же видъ птицъ, смотря по обстоятельствамъ, то едва оказываетъ слѣды умѣреннаго странствованія, то съ переменною побудительныхъ причинъ, становится рѣшительно перелетною птицею. Въ сочиненіи г. Сѣверцова мы встрѣчаемъ тому многочисленныя подтвержденія. Авторъ по справедливости видитъ въ самыхъ ежедневныхъ наблюденіяхъ относительно теченія иныхъ птицъ послѣ вывода птенцовъ, первые слѣды этого инстинкта, такъ на-пр. (стр. 145) въ удаленіи водяныхъ птицъ изъ высыхающихъ озеръ, при одновременномъ появленіи цаплей,

которыя гонятся за обнаруживающимися вслѣдствіе этого обстоятельства рыбами; постепенное появленіе выводковъ птицъ въ побочныхъ рѣкахъ и конечное ихъ совокупное выплываніе въ главную рѣку (стр. 146, 152); странствованіе къ сѣверу разныхъ болотныхъ птицъ по окончательномъ выводѣ птенцовъ (стр. 150); появленіе *Pis. caneps* въ деревьяхъ, *Lap. pinog* на песчаныхъ пространствахъ (стр. 78). И мы съ этой точки зрѣнія вполне соглашаемся съ г. Сѣверцовымъ, если онъ придаетъ особенную важность тому, что наблюденіе прибытія и времени прилета птицъ даетъ менѣе поясненій, чѣмъ наблюденіе улета птицъ, которое постепенно развивается передъ нашими глазами.

Важныя возраженія, которыя намъ конечно бросаются въ глаза, мы охотно перейдемъ молчаніемъ при видѣ той основательности, съ какою авторъ старался слѣдить за главнѣйшими моментами улета. Укажемъ еще разъ на многоразличныя любопытныя данныя (стр. 203 до 214) и на важное наблюденіе, сколь разнообразны приготовленія къ течкѣ у разныхъ видовъ птицъ (стр. 215), а въ особенности, что улетѣ каждой отдѣльной породы сопряженъ съ болѣе или менѣе существеннымъ измѣненіемъ въ бытѣ остающихся еще пока на мѣстѣ перелетныхъ птицъ (стр. 217). Одинъ довольно извѣстный фактъ мы находимъ у г. Сѣверцова, если не ошибаемся, въ первый разъ научно выраженнымъ въ слѣдующемъ положеніи: ни одна перелетная птица не странствуетъ во время наибольшей температуры дня (стр. 236). Очень дѣльно авторъ развиваетъ изъ самаго образа питанія птицъ необходимость одинокихъ или совокупныхъ странствованій (стр. 228).

Мы довольствуемся здѣсь этими урывками, не вдаваясь въ любопытныя подробности, которыми такъ изобилуетъ сочиненіе, какъ то на-пр. (стр. 180) едва вѣроятное количество *Otis tetrix*, которыя въ одно время показались стаями по нѣсколько тысячъ вдругъ и т. д.

5) Сколько мы ни охотно соглашаемся съ нѣкоторыми изъ положеній г. Сѣверцова, однако должны признать другія слишкомъ отважными и едва ли стойкими. Сличите на-пр. утверженія, будто обильная зимняя шерсть млекопитающихъ именно должна быть приписываема болѣе обильному лѣтнему питанію волосныхъ корешковъ (стр. 377); будто разности въ цвѣтахъ птицъ и земноводныхъ могутъ быть непосредственно объяснены изъ болѣе или менѣе непосредственнаго освѣщенія солнцемъ изъ жаркихъ и сухихъ, или на оборотъ дождливыхъ временъ года, въ продолженіе которыхъ развивается пернатая ихъ одежда (стр. 321, 323, 88, 89, 91 384); даже такъ, что чѣмъ знойнѣе лѣто, тѣмъ ярче бываетъ рыжеватость на брюшкѣ взрослыхъ самокъ *F. gibres*, и тѣ *Str. postua* тѣмъ краснѣе, которыя обыкновенно раньше днемъ вылетаютъ изъ своихъ убѣжищъ (стр. 323), чѣмъ прочія; будто напр. молодые *Aq. imperialis* разной окраски выходятъ изъ разныхъ гнѣздъ, смотря потому были ли они выведены въ тѣни или на солнцѣ; будто быстрота и болѣзненность линянія соразмѣряются плодородіемъ животнаго (стр. 297). Далѣе укажемъ на слишкомъ отважныя утверженія, будто болѣе осторожность птицъ во время линянія можетъ быть объяснена усиленною ихъ перевозностью (стр. 298); отчего же тогда драхва столь крѣпко лежитъ въ бурьянахъ во время линянья? (стр. 305); объясненіе, будто разность въ перьяхъ домашней и дикой утки происходитъ отъ болѣзненнаго состоянія послѣдней (стр. 308); будто одежда *C. sibiricus* состоитъ въ непосредственной зависимости отъ степени влажности воздуха въ мѣстѣ пребыванія этой птицы (стр. 76); будто считать можно климатическимъ различіемъ то, что *Milv. ater* близъ Москвы линяетъ уже въ іюнѣ мѣсяцѣ, между тѣмъ, какъ онъ еще въ августѣ улетаетъ съ Дона неполинявши (стр. 343).

Слишкомъ далеко повело бы насъ, еслибъ мы вдалились также въ разборъ измѣненія одежды подъ старость, особенно у хищныхъ птицъ, надъ чѣмъ г. Сѣверцовъ производилъ весьма

точные наблюдения (сличн на-пр. стр. 330, 331, 339 *Aq. imperialis*, и особенно *Aq. clanga*).

6) Мы однако не можем воздержаться, чтобы не указать въ этомъ примѣчаніи на нѣкоторыя данныя, о которыхъ желали бы дальнѣйшихъ подробностей, какъ на-пр. о томъ, что годовалый *Circus gulfus* водится именно въ сухой степи, вопреки привычкамъ старыхъ птицъ этого рода и гнѣздившихся (стр. 99, 154, 166); о союзѣ между *Sterna leucoptera* и *Falco vespertinus*; о невысидивающихъ *Char. minor* и *Sterna minuta* и т. д.

РАЗБОРЪ

СОЧИНЕНІЯ

МАГИСТРА А. ЖИРЯЕВА,

ПОДЪ ЗАГЛАВІЕМЪ:

ТЕОРІЯ УЛИКЪ,

СОСТАВЛЕННЫЙ

ОРА. ПРОФ. С. ПЕТЕРЬ. УНИВ. Я. И. БАРШЕВЫИЪ.

Вопросъ объ уликахъ имѣеть интересное значеніе какъ въ современной наукѣ уголовного права, такъ и въ уголовной практикѣ и уголовномъ законодательствѣ. Въ наукѣ происходитъ жаркій споръ въ особенности о силѣ и вліяніи ихъ на уголовные приговоры. Практика, находя въ уликахъ средство открыть настоящую истину при слѣдствіи, и судъ надъ преступленіемъ, нуждается въ точномъ и вѣрномъ опредѣленіи свойствъ и въ особенности значенія ихъ, какъ доказательствъ въ уголовныхъ дѣлахъ. Поэтому и для законодательства вопросъ о принятіи или непринятіи уликъ въ систему уголовносудебныхъ доказательствъ и о числѣ и условіяхъ дѣйствія ихъ, составляетъ одну изъ важныхъ законодательныхъ проблемъ.

Разсужденіе о нихъ г. профессора Жиряева состоитъ изъ введенія и четырехъ главъ.

Въ введеніи авторъ: 1) излагаетъ главные обстоятельства, вслѣдствіе которыхъ теорія уликъ получила важное значеніе въ наукѣ уголовного судопроизводства. Приведенныя имъ причины достаточно объясняютъ то, какъ, при дѣйствіи ихъ, могла быть возбуждена ученая дѣятельность надъ этимъ вопросомъ, который съ перваго взгляда представляется нѣсколько мелочнымъ и незанимательнымъ. — За этимъ 2) сочинитель перечисляетъ сочиненія объ уликахъ различныхъ правоученыхъ, въ особенности Германскихъ, и 3) показываетъ настоящее состояніе ученія о нихъ. Изъ изложенія его видно, что

теорія уликъ составляетъ, въ настоящее время, вопросъ крайне запутанный, а съ другой стороны весьма интересный, и что работы ученыхъ надъ нею и попытки ихъ разрѣшить этотъ вопросъ еще не собраны въ одно цѣлое, отъ чего предметъ, на который онѣ обращены, до сихъ поръ остается какъ бы въ полумракѣ. Въ этомъ авторъ находитъ доказательство необходимости новаго изслѣдованія этого предмета и выводитъ отсюда планъ для своего разсужденія о немъ. На этомъ основаніи онъ предполагаетъ: 1) сдѣлать сводъ многообразныхъ взглядовъ правоученыхъ на улики и 2) составить свой собственный взглядъ на нихъ. Свой успѣхъ въ первомъ выражаетъ онъ въ слѣдующихъ словахъ: «если въ *первомъ* отношеніи будущіе изслѣдователи статьи объ уликахъ и не найдутъ здѣсь всѣхъ, нужныхъ для нихъ, литературныхъ матеріаловъ, то, по крайней мѣрѣ, встрѣтятъ многія указанія къ легчайшему отысканію ихъ» (стр. 25). Что касается до его собственнаго взгляда на улики, то за образецъ своей теоріи онъ принимаетъ примѣняемость ея къ практикѣ и сообразность съ жизнію и дѣйствительностію.

Послѣ введенія авторъ раскрываетъ, въ *первой* главѣ, *понятіе объ уликахъ*. Для этого 1) указываются имъ способы нашего убѣжденія въ дѣйствительности того или другаго предмета *вообще*; 2) способы убѣжденія и поясненія истины при уголовномъ судопроизводствѣ; при этомъ опредѣляется свойство и достоинство каждаго изъ нихъ; 3) отсюда выводится понятіе объ уликахъ, и наконецъ 4) авторъ разбираетъ главные признаки и черты уликъ. Въ мысляхъ и сужденіяхъ его объ этомъ предметѣ видна должная послѣдовательность. Начавъ съ *общаго* — со способовъ нашего убѣжденія въ дѣйствительности того или другаго предмета вообще, авторъ переходитъ къ *тѣмъ между ними*, посредствомъ которыхъ получается убѣжденіе въ дѣлахъ уголовныхъ, и между этими послѣдними отдѣляетъ т. н. *улики*, выводитъ значеніе ихъ и дробитъ это понятіе на отдѣльныя, существенныя части его. — По содержа-

нию эта статья заключаетъ въ себѣ довольно тонкіе выводы и соображенія; однакожь они не производятъ полного убѣжденія въ читателѣ. На-пр. разсужденіе автора о трехъ способахъ познанія при уголовномъ судопроизводствѣ не совсѣмъ ясно и нѣсколько сбивчиво; это, между прочимъ, видно изъ того, что самъ онъ признаетъ эти способы во многомъ сходными между собою.

Во второй главѣ сочинитель предлагаетъ подробную классификацію уликъ. Здѣсь онъ излагаетъ извѣстные классы ихъ и понятія, которыя даются имъ правоучеными, судить о справедливости и достоинствѣ этихъ понятій и показываетъ практическое значеніе различныхъ родовъ уликъ. Многія, переданныя имъ, мысли правоученыхъ объ этой сторонѣ уликъ и нѣкоторыя собственныя сужденія его о нихъ—замѣчательны и важны какъ для науки, такъ и для уголовно-судебной практики.

Предметъ, изслѣдованію котораго посвящена третья глава сочиненія; составляетъ самый главный и вмѣстѣ самый спорный пунктъ въ ученіи объ уликахъ. Въ ней рѣшается вопросъ о томъ: *могутъ ли улики быть признаны способами достиженія юридической достовѣрности, или, что тоже, за полное доказательство въ уголовныхъ дѣлахъ.* Авторъ въ отвѣтъ на этотъ вопросъ выставилъ положеніе: признаніе уликъ за способы достиженія юридической достовѣрности или за способы доказательства въ уголовномъ правѣ вообще *не противорѣчитъ разумнымъ началамъ познанія* (ст. 83); но, къ сожалѣнію, на это не представлено имъ никакого доказательства. Все, что говоритъ онъ въ подтвержденіе этого положенія, заключается въ слѣдующемъ заключеніи: «нѣтъ ни разумнаго, ни заимствованнаго изъ опыта основанія отвергать возможность случаевъ, когда совокупность собранныхъ противъ подсудимаго уликъ составляетъ развѣ одну только *логическую мыслимость* его невинности (стр. 83). Но 1) само собою видно, что это ни мало не есть доказательство выставленнаго авторомъ положенія, а одно только повтореніе въ *отрицательной формѣ* темы, которую слѣдовало ему

доказать. Авторъ, нѣмѣя тому — доказать, что улики могутъ быть признаны за доказательство въ уголовныхъ дѣлахъ, вмѣсто отвѣта на нее, замѣняетъ только ее другою, отрицательною темою, именно тою, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ никакъ нельзя доказать того, что онѣ не могутъ быть непризнаны за доказательство. 2) Не раскрывъ въ настоящей главѣ, самъ авторъ въ другихъ мѣстахъ своего сочиненія дѣлаетъ намекъ на другую причину принятія уликъ за средства доказательства въ уголовномъ судопроизводствѣ, объявляя эту послѣднюю за *материальную и рациональную*. Такъ на стр. 50 говорится: «это раздѣленіе уликъ (т. е. на основаніи трехъ категорій — причинности, условности и еднородности дѣйствій) едва ли не самое важное изъ всѣхъ, по крайней мѣрѣ потому, что въ немъ усматривается *рациональное основаніе* принятія уликъ за средства доказательства въ уголовномъ судопроизводствѣ.» Далѣе на той же 50 стр. сказано: «въ томъ-то и заключается *метафизическое основаніе* доказательства уликами, что мы постоянную совмѣстность явленій обыкновенно объясняемъ себѣ не случайнымъ столкновеніемъ въ пространствѣ или времени, но лишь привятіемъ внутренней связи между ними».... Еще яснѣе высказано это на стр. 51: «замѣчательно, что немногіе изъ криминалистовъ обращаютъ должное вниманіе на различеніе уликъ по этимъ тремъ (вышеозначеннымъ) категоріямъ, хотя въ немъ скрывается, если можно такъ выразиться, *весь секретъ всего рода доказательствъ*. Къ сожалѣнію, этотъ секретъ остался для читателей неразгаданнымъ. — Правда, авторъ, сдѣлавъ вышеозначенное, отрицательное положеніе, и рассмотрѣвъ вслѣдъ за тѣмъ съ большою подробностію и искусствомъ возраженія, которыя дѣлаютъ противъ доказательства уликами противники ихъ, и сравнивъ съ недостатками уликъ недостатки другихъ уголовныхъ доказательствъ, въ началѣ слѣдующей четвертой главы дѣлаетъ такое заключеніе: «послѣ подробнаго обозрѣнія въ предъидущей главѣ всѣхъ дѣлаемыхъ противъ доказательства уликами возраженій, мы можемъ уже съ большою отчет-

ливостию и рѣшимостию повторить прежде высказанную нами мысль, именно, что *лишь рациональные причины, безусловно отвергают* этотъ способъ обнаруженія истины въ дѣлахъ уголовныхъ (стр. 144); но ограничившись этимъ выводомъ, какъ самъ онъ справедливо замѣчаетъ на стр. 97, мы, между прочимъ, не избѣгли бы упрека со стороны Карминьяни, который говоритъ, что для защиты доказательства уликами, обыкновенно прибѣгаютъ къ перипчанію и обезсиливанію прочихъ способовъ обнаруженія истины, какъ будто этимъ страннымъ средствомъ можно придать ему вѣсъ и значеніе, тѣмъ болѣе, прибавлю къ этому, что возраженія противъ уликъ противниковъ ихъ относятся не къ основанію ихъ, а къ различнымъ недостаткамъ, которыя они усматриваютъ въ нихъ.—Послѣ этихъ замѣчаній относительно содержанія третьей главы должно, однакожь, сказать, что заключающаяся въ ней длинная полемика автора съ противниками доказательства уликами сильна и поучительна. «Въ ихъ выраженіяхъ, какъ справедливо говоритъ самъ онъ, послѣ разныхъ преувеличеній, содержится много такого, что можетъ служить спасительнымъ предостереженіемъ противъ несвоевременнаго, или же вообще несоотвѣтствующаго главной, достигаемой уголовнымъ судопроизводствомъ цѣли, введенія уликъ въ систему доказательствъ (стр. 145).» Это наводитъ сочинителя на новый, ближайшій предметъ изслѣдованія, которому посвящается слѣдующая четвертая глава.

Въ *четвертой* главѣ сочинитель занимается изслѣдованіемъ того, *подъ какими именно условіями и при какихъ благопріятствующихъ обстоятельствахъ* доказательство уликами можетъ быть вообще допущено, какъ средство обвиненія. Эти условія находитъ онъ, по слѣдамъ другихъ: 1) въ предметѣ уликъ, т. е. въ томъ, что можно именно дозволить доказывать ими; 2) въ количествѣ, качествѣ, взаимномъ отношеніи и психологическомъ дѣйствіи самихъ уликъ, и 3) въ разныхъ мѣрахъ предосторожности, которыми обезпечивается участь обвиняемаго отъ несправедливыхъ осужденій на основаніи уликъ. Отсюда авторъ

выводитъ наконецъ заключеніе, что рѣшится принять, или же, напротивъ, отвергнуть доказательство уликами можно только по зрѣломъ соображеніи *обстоятельствъ мѣста и времени* и, въ особенности, по тщательномъ изученіи *элементовъ* того *гражданскаго общества*, для котораго пишутся законы. Положеніе это не подлежитъ никакому сомнѣнію; оно составляетъ аксіому для всѣхъ законовъ, а не для одного только закона объ уликахъ.

Представивъ обзоръ сочиненія г. профессора Жиряева, должно *вообще* сказать, что въ немъ улики разсмотрѣны съ главныхъ сторонъ ихъ и представленъ любопытный сводъ многообразныхъ взглядовъ правоученыхъ на нихъ, въ особенности Германскихъ, и что высказанный авторомъ взглядъ на доказательство ими соответствуетъ дѣйствительному значенію ихъ въ практикѣ и жизни. Сверхъ этого разсужденіе написано отчетливымъ языкомъ и со строгою логическою послѣдовательностію.

Подводя наконецъ сочиненіе это подъ условія Демидовскихъ премій, къ соисканію которыхъ представлено оно въ Академію Наукъ, и принимая въ соображеніе, что положеніемъ о нихъ принимаются къ состязанію *оригинальныя творенія*, а *небольшія разсужденія не исключаются отъ состязанія* подъ тѣмъ условіемъ, *если только онѣ обогащаютъ науку какими либо новыми, важными открытіями*, я тѣмъ не менѣе считаю долгомъ рекомендовать разсужденіе г. профессора Жиряева благосклонному вниманію Академіи. Сочинитель, конечно, не создалъ новой теоріи уликъ и сочиненіе его, заключая въ себѣ главнымъ образомъ сводъ многообразныхъ мнѣній правоученыхъ объ уликахъ, не можетъ быть названо оригинальнымъ; но оно заслуживаетъ полнаго одобренія за искусное изложеніе матеріала и отчетливую передачу его нашей Русской юридической литературѣ.

РАЗБОРЪ

СОЧИНЕНІЙ

Г. ДОКТОРА КРУСЕЛЯ:

- 1) ВНУТРЕННІЯ СРЕДСТВА ПРОТИВЪ РАКА И НѢКОТОРЫХЪ ДРУГИХЪ БОЛѢЗНЕ ;**
- 2) ПИРОКАУСТИКА, ИЛИ ХИРУРГИЧЕСКОЕ УПОТРЕБЛЕНІЕ ОГНЯ ПРОТИВЪ РАКА И НѢКОТОРЫХЪ ДРУГИХЪ БОЛѢЗНЕЙ ;**

СОСТАВЛЕННЫЙ

ПРОФЕССОРОМЪ МЕДИКО-ХИРУРГИЧ. АКАД. ШЕНМЕРТОМЪ.

Оба эти сочиненія г. Круселя составляютъ одно цѣлое, потому что цѣль обоихъ — доказать, что есть средства, излечивающія ракъ и другія упорныя наружныя болѣзни болѣе или менѣе надежнымъ способомъ.

Извѣстно, что уже съ самыхъ древнихъ временъ раковидныя пораженія (cancer) составляли настоящій камень преткновенія врачей (сгix medicorum), по своей неуступчивости какъ наружнымъ, такъ и внутреннимъ средствамъ; а если и уступали дѣйствию средствъ, то упорно возвращались или на прежнемъ мѣстѣ, или же избирали новое и губили больного. Поэтому уже съ давнихъ поръ старались отыскать средство, непременно исцѣляющее ракъ; и, казалось, находили то наружное, то внутреннее средство, которое всегда бывало въ началѣ секретнымъ и казалось дѣйствительно исцѣляло ракъ, вслѣдствіе чего прославлялось и наконецъ дѣлалось общимъ достояніемъ; но прославленное подобное секретное средство, съ расширеніемъ круга дѣйствія, обыкновенно теряло свою славу, потому что дѣйствія его обсуживались уже не одними неврачами, и тогда обнаруживалось, что оно или оказывалось дѣйствительнымъ только въ доброкачественныхъ (т. е. не раковыхъ, но только сходныхъ по наружности съ ракомъ) пораженіяхъ, или же уничтожало ракъ только на время; даже замѣчено, что въ нѣкоторыхъ видахъ раковыхъ язвъ, а именно въ накомжномъ (cancer cutaneus s. epithelialis), состояніе язвы ухудшалось, что

и доставило этому виду рака названіе «*poli me tangere*» — видъ, который при средствахъ индифферентныхъ, невинныхъ, увеличивался медленно, между тѣмъ какъ при средствахъ такъ называемыхъ специфическихъ быстро ухудшался и велъ больного, при сильнѣйшихъ мученіяхъ, ко гробу.

Стоитъ взглянуть въ любую фармакологию, чтобы увидѣть, какое множество средствъ было предложено противъ рака. Число ихъ можетъ сравниться только съ числомъ средствъ, предложенныхъ противъ водобоязни и падучей болѣзни, — болѣзней, къ несчастію, столько же неизлечимыхъ, какъ и самый ракъ.

Оставалось, послѣ всего этого, врачамъ одно: остановить, хотя на время, разрушающій ходъ рака, и тѣмъ избавить больного временно отъ жестокихъ мученій; и этого достигали разстройствомъ и удаленіемъ рака помощью наружныхъ средствъ; сюда принадлежали: 1) йодкія, химически разрушающія органическую ткань, между которыми въ особенности славился мышьякъ и хлористый цинкъ; 2) удаленіе помощью ножа, и наконецъ 3) огонь, въ видѣ каленаго желѣза. Но ракъ не всегда доступенъ этимъ средствамъ; я не говорю уже о ракъ внутреннихъ, скрытыхъ въ полостяхъ, но однѣхъ наружныхъ частей, или потому, что онъ очень глубоко проникъ, или находится вблизи важнаго для жизни органа, поврежденія котораго, при удаленіи рака, нельзя избѣгнуть, или уже его поверхность черезъ чуръ обширна.

Мнѣ однако могутъ возразить, что были же случаи, гдѣ ракъ излечивался употребленіемъ наружныхъ и внутреннихъ, такъ называемыхъ специфическихъ средствъ, засвидѣтельствованные не только профанами, но корифеями науки; и не даромъ же прославился въ прежнія времена мышьякъ, а въ новѣйшее хлористый бромъ. Я на это долженъ отвѣтить, основываясь на опытѣ другихъ нелицеприятныхъ наблюдателей и на своемъ собственномъ, слѣдующее:

1) Что уничтоженное раковое пораженіе не всегда было таковымъ, а только съ нимъ сходное, раковидное, потому что

до приложенія микроскопа къ изслѣдованію болѣзненныхъ продуктовъ, ракъ отличали только по злокачественному его виду, по склонности распространяться, по особеннымъ болямъ и по неуступчивости его обыкновеннымъ заживляющимъ средствамъ, и поэтому нерѣдко принимали за ракъ — изъязвленія глубоколежащихъ, отвердѣвшихъ железъ, изъязвленные фиброзныя, хондроматозныя и стеатоматозныя отложенія; изъязвленія, дліящаяся довольно долго и не заживающія долго, пока не разстроится или не будетъ удалено окончательно отложеніе, но затѣмъ заживающія удобно при всякомъ леченіи. Разумѣется, теперь, при микроскопическомъ наблюденіи, мы ихъ уже не считаемъ злокачественными.

2) Самый ракъ уступаетъ иногда дѣйствию приличныхъ наружныхъ средствъ и не появляется вновь въ теченіе болѣе или менѣе долгаго времени; но обыкновенно, спустя извѣстный срокъ, появляется вновь или на прежнемъ мѣстѣ, или же поражаетъ новый органъ; въ особенности это замѣчено у женщинъ, у которыхъ ракъ, уничтоженный на груди, появляется въ послѣдствіи въ маткѣ, на что въ теченіе годовъ не обращаютъ вниманія ни больная, ни тѣмъ менѣе врачъ; или же поражаетъ внутренніе органы, на-примѣръ печень, желудокъ и другіе, гдѣ онъ можетъ еще болѣе скрываться неузнаннымъ. Разумѣется, подобные случаи считаются обыкновенно излеченными, въ особенности, если больные, спустя извѣстный срокъ (полгода и болѣе), были упущены врачомъ изъ виду, или же обращались къ другому врачу, считая нужнымъ лечиться отъ внутренней болѣзни у терапевта, а не у хирурга, и больной умираетъ уже не отъ рака, а отъ водяной, отъ затвердѣнія печени и проч.

3) Бываютъ рѣдкіе случаи, въ которыхъ раковая язва дѣлается окончательнымъ отложеніемъ раковаго худосочія больного; худосочіе какъ бы изолируется въ одномъ мѣстѣ, и если это мѣстоотложеніе удалить, то организмъ совершенно освобождается отъ худосочія. Эти случаи, правда, чрезвычайно рѣдки, однако могутъ встрѣчаться, какъ они встрѣчаются въ бугорчатомъ

худосочіи (tuberculosis), гдѣ также, при благоприятныхъ обстоятельствахъ, происходитъ отложеніе въ какомъ либо органѣ и тамъ концентрируется, и если этотъ органъ можетъ быть удаленъ, то исчезаетъ худосочіе. Этотъ фактъ подтвердитъ всякій опытный хирургъ.

Бросивъ этотъ краткій взглядъ на недостаточность знанія ещности раковаго худосочія, а слѣдовательно и недостаточность *спрмыхъ* средствъ противъ этого жестокаго недуга, мы должны принять съ радостію и благодарностію всякое новое открытіе, даже всякую попытку болѣе удачную къ побѣжденію этого врага, и поэтому открытіе и факты, представленные теперь г. Круседемъ, должны обратить на себя вниманіе всякаго благонамѣреннаго человѣка, тѣмъ болѣе врача, котораго прямая обязанность — излечить, а если это невозможно, то облегчить страданіе больнаго.

Въ первомъ отдѣлѣ своего сочиненія «Внутреннія средства противъ рака и проч.», г. Крусель, во вступленіи, добросовѣстно обращаетъ вниманіе на то, что врачъ, изобрѣтшій какой либо новый способъ врачеванія, или испытавшій новое средство, не можетъ быть самъ своимъ судькою, и поэтому представленіе одной исторіи болѣзни излеченнаго больнаго недостаточно, точно такъ, какъ и рисунковъ или гипсовыхъ слѣпковъ, потому, что все это можно болѣе или менѣе удачно поддѣлать; но необходимо, чтобы состояніе болѣзни и ея исходъ были засвидѣтельствованы неучаствовавшими въ леченіи, посторонними, достовѣрными врачами, а изображенія страданія были сняты свѣтописью съ *портретахъ* больнаго; тутъ ужъ не можетъ быть подлога (§ 1, 2, 3). Такъ и поступаетъ постоянно г. Крусель.

Затѣмъ упоминаетъ онъ о невзлечивости рака одними усиліями природы и неуспѣхѣ излеченія рака однимъ его

удаленіемъ помощію ножа. Здѣсь (§ 6) онъ дѣлаетъ замѣчаніе: «Самые трудные примѣры рака, которые лечить мнѣ приходилось, были, безъ сомнѣнія, тѣ, гдѣ предъ началомъ моего леченія предприняты были кровавыя операціи». Онъ дѣлаетъ здѣсь какъ бы упрекъ оперативной хирургіи; но развѣ она была причиною упорности болѣзни?—нѣтъ, это были уже сами по себѣ очень злокачественные случаи, что и доказывалось уже ихъ быстрымъ возвратомъ.

Авторъ предлагаетъ себѣ четыре задачи при леченіи рака (§ 10, 11, 12, 13). Первая задача состоитъ въ томъ, чтобы укрѣплять больного питательною, животною пищею, и возбужденіемъ пищеварительныхъ органовъ ежедневнымъ пребываніемъ на свѣжемъ воздухѣ, обращая при томъ вниманіе на отдѣленіе мочи и избѣгая кровопусканій и другихъ ослабляющихъ средствъ, ибо авторъ замѣчалъ, что больные, одержимые ракомъ, погибали всегда отъ изнуренія и водянки. Вторая задача — въ произведеніи, помощію внутреннихъ средствъ, искусственной атрофіи въ страждущей части и поддержаніи доброкачественнаго нагноенія въ пораженныхъ ракомъ частяхъ. Третья — въ превращеніи раковаго пораженія въ омертвѣніе, и наконецъ четвертая — по уничтоженіи раковаго пораженія, способствовать заживленію (цикатризаціи).

Изложивъ такимъ образомъ задачи, или показанія, которыя авторъ всегда выполнялъ при леченіи рака, онъ приступаетъ къ самому способу леченія и къ исчисленію внутреннихъ, имъ употребленныхъ средствъ, и случаевъ, гдѣ они были употребляемы.

Уже въ 1844 году г. Крусель сдѣлалъ открытіе, что при внутреннемъ употребленіи іодистаго потассія, боли въ раковыхъ язвахъ исчезали или значительно уменьшались (что было впрочемъ также замѣчено и Французскими врачами, между прочимъ Видалемъ (Vidal de Cassis), но вмѣстѣ съ тѣмъ въ язвахъ отдѣлялось больше вонючей матеріи и развивались фунгозные наросты; противъ этого неблагоприятнаго явленія

авторъ употреблялъ совмѣстно и снаружи чистый іодъ и тѣмъ излечилъ ракъ груди у женщины, пользовавшейся безуспѣшно многими врачами до него. Слѣдуетъ исторія болѣзни этой больной (г-жи А***), принимавшей внутрь четыре раза въ день по столовой ложкѣ раствора іодистаго потассія въ 32-хъ частяхъ воды, и смазывавшей грудь іодистою настойкою. Выздоровленіе совершенное.

Исторія болѣзни втораго случая (Ефимъ Семеновъ). Ракъ губы былъ совершенно излеченъ при употребленіи іодистаго потассія внутрь; выздоровѣвшій больной былъ представленъ Гг. Членамъ Медицинскаго Совѣта (имѣется фотогафо-стереоскопическій рисунокъ); но черезъ два года появляется вновь скирръ подъ нижнею челюстію на верхней части шеи. Этотъ возвратъ былъ лечимъ опять іодистымъ потассіемъ, но перешелъ все таки въ изъязвленія и фунгозныя нарощенія; здѣсь уже было употреблено, сваружи, выжиганіе помощію раскаленнаго платиноваго цилиндра и совершенно разстроены фунгозныя нарощенія; по отпаденіи струпуевъ, осталась чистая язва, наклонная къ заживленію. (Въ этомъ состояніи видѣли больного нѣкоторые члены Медицинскаго Совѣта). Но у Семенова (больнаго) послѣ простуды и катаррального состоянія горла появилась лихорадка, значительно ослабившая его, и вслѣдъ затѣмъ два обильныя кровотеченія. Докторъ Крусель присоединилъ тогда къ употребленному внутрь іодистому потассію еще и растворъ квасцовъ, и небольшое кровотеченіе повторилось только на слѣдующій день; больной началъ значительно поправляться, а язва значительно поджила. Но вслѣдствіе употребленія малопитательной растительной пищи во время поста (по мнѣнію автора) и новой простуды, появилась флегмонозная рожа, гнойныя подтеки и смерть отъ артеріальнаго кровотеченія изъ сонной артеріи.

Этотъ случай замѣчателенъ, во-первыхъ, потому, что послужилъ автору къ открытію микстуры, названной *противоскиррозною* (*mixtura antiscirrhusa*), слѣдующимъ образомъ: про-

писавъ больному Семенову растворъ квасцовъ противъ кровотеченій и продолжая давать растворъ іодистаго потассія, авторъ замѣтилъ улучшение въ состояніи больного; поэтому онъ слилъ оба раствора (4 части квасцовъ, 30 частей іодистаго потассія и 960 частей воды) и продолжалъ давать больному четыре раза въ день по столовой ложкѣ; но въ послѣдствіи, предполагая, что дѣйствительность смѣси зависитъ отъ іодистаго алюминія, онъ уменьшилъ количество іодистаго потассія и давалъ ее послѣ уже въ слѣдующей пропорціи: 31 часть іодистаго потассія, 30 частей квасцовъ и 7200 частей перегнанной воды, четыре раза въ день по столовой ложкѣ. Во-вторыхъ, означенный случай замѣчателенъ тѣмъ, что послѣ выжиганія, до смерти больного, т. е. въ теченіе 7 мѣсяцевъ, ракъ не появлялся вновь.

За эту исторію слѣдуетъ описаніе излеченія рака верхней губы помощію повтореннаго выжиганія и противоскиррозной микстуры у 75-лѣтней старухи (Панкратьевой) безъ возврата (§ 32). Большую видѣлъ до и послѣ операциі докторъ Розенбергеръ.

Въ слѣдующихъ §§ 33 — 45 изложена исторія болѣзни г-жи Бабиной, 52-хъ лѣтъ, страдавшей кровянисто-губчатымъ ракомъ груди (*fungus haematodes*), и излеченной также совершенно прижиганіями (*rugosaustica*) и внутреннимъ употребленіемъ противоскиррозной микстуры, — случай, видѣнный многими врачами до и послѣ леченія и засвидѣтельствованный многими изъ нихъ. Приложенные фотографо-стереоскопическіе рисунки поясняютъ еще болѣе этотъ случай исцѣленія *fungi haematodis* безъ возврата въ теченіе почти трехъ лѣтъ, съ сохраненіемъ даже пораженной груди.

Въ §§ 47 — 51 изложена исторія болѣзни г-жи Наставиной, одержимой кровяною губкою (*fungus haematodes*) груди. Болѣзнь уничтожена выжиганіемъ и внутреннимъ употребленіемъ противоскиррозной микстуры въ 52 дня, — случай, видѣнный и засвидѣтельствованный многими врачами.

Въ § 52 описанъ случай скирра груди, остановленнаго въ дальнѣйшемъ развитіи и даже уменьшившагося при одномъ внутреннемъ употребленіи противоскиррозной микстуры.

Наконецъ авторъ приводитъ еще одну исторію значительной припухлости, затвердѣнія и обширнаго изъязвленія голени, не уступавшихъ прежнимъ леченіямъ, но уничтожившихся отъ употребленія внутрь, въ теченіе впрочемъ болѣе чѣмъ двухъ лѣтъ, противоскиррозной микстуры. Авторъ самъ удивляется терпѣнію больной, хотя леченіе и увѣнчалось надлежащимъ успѣхомъ. (Приложенъ фотографо-стереоскопическій рисунокъ). При этомъ случаѣ г. Крусель убѣдился окончательно въ безвредности противоскиррозной микстуры, которую больная принимала почти безостановочно въ теченіе двухъ лѣтъ.

Замѣчено имъ однако во многихъ случаяхъ, что при употребленіи этой микстуры появляется лихорадка съ рожею кожи, окружающею пораженную часть, такъ что въ началѣ авторъ полагалъ, что это есть общая, благодѣтельная реакція организма, вызванная дѣйствіемъ микстуры и уничтожающая раковое худосочіе, потому въ особенности, что послѣ подобной рожи язвы улучшались; но въ послѣдствіи опытъ убѣдилъ его, что и на улучшившейся язвѣ возвращались раковые наросты. При подобномъ остромъ страданіи г. Крусель приостанавливалъ на время микстуру и давалъ чистый растворъ іодистаго потассія^{*)}, но никогда не прибѣгалъ къ средствамъ ослабляющимъ.

Изъ всѣхъ данныхъ случаевъ мы можемъ вывести, согласно съ авторомъ, о дѣйствіи и пользѣ *противоскиррозной* микстуры слѣдующія заключенія:

1) Что достоинство микстуры нельзя еще оцѣнить съ достовѣрностію, потому что этихъ случаевъ еще недостаточно; но то вѣрно, что она оказываетъ дѣйствіе не быстро.

---

^{*)} Замѣчено впрочемъ нами, что и іодистый потассій нерѣдко вызываетъ лихорадку и воспаленіе лимфатическихъ сосудовъ съ рожею краснотю.

2) Микстура не производитъ особенно вредныхъ дѣйствій на организмъ.

3) Употребленіе ея препятствуетъ, по-видимому, возрожденію совершенно уже выжженныхъ раковыхъ отложеній.

4) Кажется, она препятствуетъ переходенію скирра въ открытый ракъ и даже останавливаетъ его развитіе.

Этихъ выводовъ достаточно, чтобы г. Крусель заслужилъ благодарность человѣчества за открытіе и введеніе въ практику такого благотѣльнаго средства, хотя его и нельзя причислить къ настоящимъ специфическимъ средствамъ. Жаль только, что авторъ не представилъ намъ статистическаго, числительнаго обзора всѣхъ случаевъ рака, ему встрѣчавшихся, гдѣ средства его, по какимъ бы то ни было причинамъ, со стороны ли самого больного или случайныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ, не имѣли успѣха; это принесло бы наукѣ еще бѣльшую пользу, потому что мы бы могли статистически сравнить дѣйствіе его средствъ съ другими средствами, и вѣроятно перевѣсъ остался бы на сторонѣ г. Круселя.

Второй отдѣлъ сочиненія г. Круселя составляетъ «Пирокаустика». Въ этомъ отдѣлѣ авторъ излагаетъ сперва послѣдовательное усовершенствованіе пирокаустическаго аппарата, до котораго онъ наконецъ достигъ, переходя отъ одного усовершенствованія къ другому. Такъ въ началѣ (19 апрѣля 1850 г.) выжегъ онъ первичную сифилитическую язву пламенемъ маленькой восковой свѣчи и превратилъ (въ полминуты) язву въ простую ожогу; но тутъ же замѣтилъ, что ожога занимала гораздо значительнѣйшую поверхность, нежели сама язва. Затѣмъ прибѣгнувъ онъ къ паяльной трубкѣ, превращая ея вертикальное положеніе пламени свѣчи въ горизонтальное, и которое уже можно было болѣе концентрировать на извѣстное мѣсто. Этимъ способомъ авторъ чрезвычайно удобно превращалъ сифилитическія язвы въ ожоги, не увеличивая значительно ихъ

поверхности; но когда онъ направилъ пламя на губчатый ракъ, то замѣтилъ только весьма поверхностное обугливаніе язвы и наконецъ значительное кровотеченіе; послѣднее неблагопріятное обстоятельство устранилъ онъ приложеніемъ къ изъязвленной поверхности платиновыхъ пластинокъ, на которыя направлялъ пламя свѣчи подѣ дѣйствіемъ паяльной трубки. Эти раскаляющіяся платиновыя пластинки, кромѣ превращенія губчатого изъязвленія въ сухой струпь, заставляли проникать жаръ глубже, и если онѣ остывали, то прилипали плотно къ обожженнымъ частямъ.

Дѣйствіемъ же паяльной трубки на пламя свѣчи, онъ накаливалъ платиновыя иглы, проведенныя чрезъ кусокъ мяса, и замѣтилъ, что и онѣ способствуютъ распространенію жара въ глубину органической ткани. Основываясь на этомъ, онъ проткнулъ основаніе губчатого нароста пятью иглами, на которыя дѣйствовалъ сначала пламенемъ свѣчи подѣ влияніемъ паяльной трубки, и затѣмъ (для ускоренія операціи) употребилъ болѣе жаркое газовое пламя, и опухоль отвалилась, оставивъ на своемъ мѣстѣ только углубленный струпь; и поэтому авторъ считаетъ этотъ способъ однимъ изъ лучшихъ къ удаленію губчатыхъ наростовъ (§ 8).

Въ слѣдующихъ параграфахъ (§§ 9—10) авторъ обстоятельно описываетъ платиновый, имъ изобрѣтенный наперстокъ, какъ онъ долженъ быть устроенъ и соединенъ съ паяльною трубкою и пламенемъ свѣчи, чтобы его раскаливаніе происходило скоро и продолжительно, и какъ осторожно и равносильно нужно дуть, чтобы пламя свѣчи не потухло, и наконецъ какихъ опытовъ ему стоило найти надлежащее разстояніе пламени отъ полости наперстка, чтобы оно не выбрасывалось изъ полости платинового полаго конуса и чтобы оно надлежащимъ образомъ накаляло его. Но наконецъ достигнувъ надлежащаго результата, онъ приступилъ къ испытанію дѣйствія накаленного наперстка на животныя ткани, а именно на мясо, и нашелъ, что онъ легко проникаетъ въ толщу ткани, доколѣ

онъ раскаленъ; но какъ скоро онъ остынетъ, то плотно пристаеъ; но тотъ-часъ же отдѣляется, если его снова накалить. Дѣйствіе жара въ глубину ткани значительно: въ полторы минуты проникнута животная ткань на сантиметръ. (Это открытіе сдѣлано авторомъ уже въ 1851 году).

Разумѣется, сравнивъ дѣйствіе платинового наперстка съ обыкновеннымъ каленымъ желѣзомъ, бросается чрезвычайно явственно въ глаза огромная выгода перваго предъ послѣднимъ:

1) Удобство владѣнія первымъ: онъ легокъ и поворотливъ.
2) Онъ остается постоянно раскаленнымъ въ продолженіе всего времени, которое нужно для произведенія операціи, между тѣмъ какъ желѣзо остываетъ скоро и поэтому можетъ приставать плотно къ прижигаемой части, а отрываніе его причиняетъ кровотеченіе.

3) Каленое желѣзо не можетъ быть употреблено въ видѣ тонкой проволоки, потому что быстро остываетъ; а въ той массѣ, какъ его обыкновенно употребляютъ, оно дѣйствуетъ слишкомъ глубоко и широко; такъ, на-примѣръ, его нельзя употребить для прижиганія вѣка, не повредивъ глазнаго яблока. Всѣхъ этихъ неудобствъ избѣгаемъ мы при употребленіи пирокаустическаго наперстка.

4) Еще важная выгода пирокаустическаго наперстка та, что онъ можетъ быть приведенъ въ соприкосновеніе съ больною частью въ холодномъ состояніи (и слѣдовательно удобно приложенъ) и затѣмъ уже раскаленъ.

5) Такъ какъ наперстокъ состоитъ изъ тонкаго металла, то во власти врача сдѣлать поверхностное прижиганіе, или, если ему нужно, проникнуть на значительную глубину; чего нельзя произвести каленымъ желѣзомъ, потому что оно не можетъ постоянно накаливаться *).

---

*) Слѣдовательно этому раскаляванію металла должно быть дано новое названіе, и это названіе — *пирокаустика*.

Такимъ образомъ накаливаемымъ наперсткомъ авторъ скоро и удобно выжигалъ бородавки, венерическія отложенія на кожѣ (*condylomata*), и прижигалъ сифилитическія язвы, превращая ихъ въ простыя ожоги и прикладывая затѣмъ, до совершеннаго заживленія, простую коршю.

Этимъ наперсткомъ авторъ выжигалъ небольшіе раковые бугорки и грибовидные раковые наросты, продыравливая пирокаустическимъ наперсткомъ наростъ во всю его глубину и въ нѣсколькихъ мѣстахъ, такъ что послѣ этого онъ представлялъ видъ пчелиныхъ сотовъ, стѣнки которыхъ состояли изъ сухой безчувственной коры, которую можно было срѣзать ножницами безъ кровоточенія, а остальной струпу скоро отваливался, въ особенности если онъ былъ присыпаемъ квасцами. Но раздуть пламя свѣчи чрезъ паяльную трубку ртомъ, при продолжительныхъ операціяхъ, невозможно, — легкія человѣка этого не вынесутъ; поэтому авторъ производилъ это раздуваніе уже токомъ воздуха, собраннаго въ эластической подушкѣ, на которую производилось постоянное и умѣренное давленіе. Устройство аппарата описано обстоятельно въ § 18, и кромѣ того приложенъ фотографическій рисунокъ аппарата.

Помощію пирокаустическаго наперстка и иголь съ присыпками изъ электролитическаго цинка съ золотомъ, автору удалось совершенно уничтожить мозговидный ракъ яичка, такъ что больной, выздоровѣвъ, поступилъ въ ратники государственнаго ополченія. Случай этотъ былъ изслѣдованъ и засвидѣтельствованъ посторонними врачами. Исторія болѣзни рассказана обстоятельно въ §§ 19 — 33 и приложены два фотографо-стереоскопическіе рисунка, снятые одинъ до, а другой послѣ операціи.

Авторъ старался усилить жаръ свѣчнаго пламени, и для этой цѣли раздувалъ пламя заключеннымъ въ эластической подушкѣ кислородомъ; разумѣется, отъ дѣйствія этого пламени мясо быстро сгорало при яркомъ свѣгѣ, платиновый же наперстокъ раскалялся гораздо сильнѣе и проникалъ быстрѣе въ

органическую ткань; но такъ какъ кислородный газъ дѣйствуетъ вредно на легкія присутствующихъ, а яркое его пламя невыносимо для глазъ, то авторъ началъ смѣшивать его съ воздухомъ, и послѣ многихъ опытовъ нашелъ наилучшую пропорцію смѣси (1 часть по объему кислорода на 4 части атмосфернаго воздуха); но по надобности измѣнялась смѣсь, смотря по тому, нуженъ ли былъ болѣе или менѣе жаръ.

Въ слѣдующихъ за этимъ §§ 38 — 41 описываетъ авторъ устройство пирокаустической печи (совмѣстность печи и дѣятельнаго каленаго металла), разогрѣваемой и раскаливаемой постоянно содержимыми и раздуваемыми помощію мѣховъ углями. Но авторъ сознается самъ въ невыгодѣ этого аппарата (изображеннаго на таблицѣ 11), по причинѣ его значительнаго объема; вслѣдствіе чего онъ можетъ быть употребляемъ только при обширныхъ раковыхъ пораженіяхъ.

Авторъ не довольствовался этими опытами; онъ захотѣлъ испытать дѣйствіе пламени водороднаго газа, извѣстнаго по высокой температурѣ, производимой имъ при горѣніи. По этому въ § 43—46 описываетъ онъ и объясняетъ дѣйствія аппарата (съ объяснительными рисунками), изобрѣтеннаго имъ для добыванія водороднаго газа помощію гальванизма. Затѣмъ описываетъ первые свои пирокаустическіе опыты помощію пламени этого газа, пропушеннаго черезъ паяльную трубку и зажженнаго свѣчку; въ началѣ пламя было слишкомъ обширно, потому что давленіе на газъ было сильно; но, уменьшивъ давленіе на газъ, онъ получилъ тонкое пламя, которымъ онъ могъ дѣйствовать какъ кистью и которымъ онъ весьма удобно и скоро выжегъ (въ 1820 году) сифилитическую язву. Однако авторъ нашелъ и невыгоды въ пламени чистаго водороднаго газа, а именно, что при сильномъ пламени нельзя накалить наперстка: пламя отражается, а если давленіе слабо, то температура его мала. Поэтому авторъ началъ испытывать дѣйствія притока атмосфернаго воздуха на пламя водорода помощію паяльной трубки, и, постепенно совершенствуя снарядъ, до-

стигъ того, что наперстокъ накалялся быстро, сильно и постоянно, и гораздо лучше, нежели отъ дѣйствія пламени свѣчи.

Не смотря однако на эти удобства пламени водороднаго газа, раздуваемаго паяльною трубкою, авторъ желалъ большаго удобства и упрощенія снаряда удаленіемъ паяльной трубки; чего онъ и достигъ *смѣшеніемъ водорода съ воздухомъ*. Авторъ не прибѣгалъ къ гремучему газу (смѣсь водорода съ кислородомъ), потому что пламя было слишкомъ жарко, — оно плавило платину; но и смѣсь водорода съ атмосфернымъ воздухомъ оказывала также различныя дѣйствія, смотря по различію пропорціи смѣси; поэтому ему нужно было сдѣлать много опытовъ, чтобы пріобрѣсти надлежащую пропорцію смѣшенія, а главное, избѣгнуть опасности разрыва отъ воспламененія смѣси распространеніемъ пламени чрезъ проводную трубку. Въ §§ 55 — 68 описываетъ авторъ изобрѣтенный имъ весьма удобный аппаратъ, соединенный съ газометромъ, для смѣшенія газовъ, при равномерномъ и постоянномъ давленіи на эту смѣсь; а для совершенной безопасности отъ воспламененія, воспользовался онъ принципомъ Девіевой лампы, вкладывая въ газопроводную трубку металлическія проволоки и тѣмъ охлаждая пламя. Если же авторъ дѣлаетъ пирокаустическія операціи внѣ дома, и смѣсь заключена уже въ непроницаемыя для воздуха подушки, то смѣсь, проходя чрезъ эластическій газопроводъ, охлаждается еще тѣмъ, что послѣдній проводится чрезъ ведро, наполненное весьма холодною водою.

Наивыгодвѣйшею смѣсью, послѣ многихъ опытовъ, для пирокаустической цѣли, авторъ нашелъ смѣсь изъ равныхъ частей, по объему, воздуха и водорода. Эта смѣсь даетъ, по открытіи крана газопровода и проведеніи ея чрезъ паяльную трубку и зажиганіи пламенемъ свѣчи, маленькое пламя, которое съ тѣмъ же удобствомъ, какъ простую кисть, можно приложить ко всякой части тѣла. Это пламя отличается сильнымъ жаромъ и не отлагаетъ угля; но и оно, какъ и пламя стеари-

новой свѣчи (раздуваемое паяльною трубкою), направленное на губчатые наросты, вызываетъ кровотеченія; поэтому нужно было также, для избѣжанія этого неприятнаго явленія, прикладывать къ наростамъ платиновыя пластинки и на нихъ уже направлять пламя смѣси, которое раскаляетъ ихъ гораздо удобнѣе пламени стеариновой свѣчи. Такъ какъ между всегдашними желаніями хирурговъ было изобрѣтеніе тонкаго металлическаго, постоянно раскаленнаго тѣла, которымъ бы можно было отдѣлять органическія ткани, легко притомъ ихъ выжигая, то и авторъ хотѣлъ достигнуть этой цѣли, и послѣ многихъ опытовъ изобрѣлъ пирокаустическое колесо, которое состоитъ изъ платины, вращается помощію часоваго механизма и раскаляется равномерно пламенемъ смѣси (равныхъ по объему частей) водорода съ воздухомъ. Этимъ колесомъ удобно раздѣляются органическія ткани—какъ бы ножомъ, но безъ всякаго кровотеченія. Оно примѣняется авторомъ ко вскрытію свищевыхъ ходовъ и отдѣленію наростовъ. Затрудненія, которыя авторъ долженъ былъ преодолѣть для устройства подобнаго инструмента, постоянно и равномерно раскаляемаго, и самое устройство его, описаны обстоятельно въ §§ 70—78; разумѣется, тутъ же приложенъ и стереоскопическій рисунокъ.

Дѣлая опыты съ пламенемъ вышесказанной смѣси водорода съ воздухомъ, г. Крусель замѣтилъ, что это пламя не потухаетъ, если его вводитъ въ весьма узкія, лишь немного открытыя, пространства; открывъ это свойство, автору уже легко было воспользоваться имъ для устройства пирокаустическихъ снарядовъ любой формы; и самые важные снаряды суть: *накаленный пруть* и *накаленное остроконечіе*.

Накаленный пруть есть ничто иное, какъ полый платиновый цилиндръ, съ одного конца округленно заклепанный, или, чтобъ яснѣе выразиться, продолговатый наперстокъ, который накаливается помощію пламени газовой смѣси, исходящаго изъ 13-ти отверстій желѣзнаго тонкаго цилиндра, находящагося

въ непосредственной связи съ газопроводною трубкою смѣси. Этотъ полый, платиновый, раскаленный цилиндръ дѣйствуетъ на органическія ткани совершенно такъ, какъ и наперстокъ, раскаленный раздуваемымъ пламенемъ стеариновой свѣчи, но только въ сильнѣйшей степени. Для того, чтобы его раскалить, нужно прежде ввести въ его полость желѣзный наконечникъ (съ 13-ю отверстіями) газопровода и затѣмъ все это держать надъ пламенемъ свѣчи; газъ скоро загорается, но пламени свѣчи не должно отнимать прежде, пока не покраснѣетъ закругленный конецъ платинового цилиндра. Однако, при этомъ способѣ накаливанія нерѣдко пламя откидывалось назадъ изъ полости цилиндра. Впрочемъ это не трудно устранить: стоитъ только закрыть кранъ газопровода на время, и, разумѣется, пламя тухнетъ; но если открыть кранъ вновь, еще до совершеннаго остыванія платинового цилиндра, то газъ опять въ его полости воспламеняется и уже не выбрасывается назадъ.

Хотя этотъ инструментъ оказался незамѣнимымъ средствомъ для быстрого и глубокаго прожиганія злокачественныхъ наростовъ, однако ему недоставало еще одного удобства, т. е. приводить его въ соприкосновеніе съ больною частью въ холодномъ состояніи и затѣмъ уже раскаливать; но и этого достигъ авторъ укрѣпленіемъ на днѣ полости цилиндра платиновой губки; чрезъ это уже не нужно было для воспламененія газовой смѣси, пламени стеариновой свѣчи. Этимъ способомъ вводилъ г. Крусель (въ присутствіи другихъ врачей) платиновый цилиндръ съ газопроводнымъ оконечникомъ въ полость матки, открывалъ затѣмъ кранъ газопровода и цилиндръ быстро раскалялся. Этотъ раскаленный цилиндръ быстро и глубоко прожигаетъ органическія ткани; поэтому этотъ инструментъ и употребляется авторомъ преимущественно для уничтоженія различныхъ раковыхъ разстройствъ; онъ прожигаетъ, въ наростѣ ихъ, нѣсколько глубокихъ дыръ, вблизи одну отъ другой, и даетъ перегородкамъ, состоящимъ изъ перегорѣлой органической ткани, или самимъ отдѣлаться чрезъ нагноеніе, или

отдѣляетъ ножницами безъ потери крови. (Устройство и укрѣпленіе цилиндра описано подробно).

За этимъ слѣдуетъ исторія болѣзни г-жи Кетцлеръ, одержанной кровяно-губчатымъ ракомъ (*fungus haematodes*), гдѣ, при употребленіи *shintugae antiscirrhosae*, нѣсколькихъ прижиганій платиновымъ цилиндромъ и электролитическаго цинка съ золотомъ, былъ уничтоженъ этотъ злокачественный наростъ, въ половинѣ іюля 1855 года, и до сихъ поръ нѣтъ еще возврата. Въ этомъ случаѣ авторъ прибѣгалъ и къ пирокаустическому колесу для вскрытія и уничтоженія свищеваго хода. Къ этому приложено два фотографическихъ снимка *).

Вторая исторія болѣзни описываетъ случай небольшого *fungus haematodes* нижней губы, разстроеннаго этимъ же цилиндромъ въ три минуты и весьма скоро зажившаго.

Раскаленное остроконечіе — это тотъ же платиновый цилиндръ, но гораздо меньшаго объема и съ заостреннымъ, заклѣпаннымъ концомъ. Этотъ инструментъ предлагаетъ авторъ при прижиганіяхъ, дѣлаемыхъ на вѣкахъ глазъ, увѣряя, что имъ можно прижечь глубоко весьма ограниченное пространство, не повреждая сосѣднихъ тканей, и слѣдовательно, при операціи на вѣкахъ, глазъ остается въ совершенной безопасности.

Наконецъ въ § 107 авторъ описываетъ обстоятельно свой портативный аппаратъ для производства операцій вѣд дома.

---

*) Эту большую я самъ видѣлъ до начала леченія и по заживленіи язвы.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Изъ всего этого кратко изложеннаго обзора сочиненія всякій можетъ убѣдиться въ томъ, какъ добросовѣстно обработанъ предметъ г. Круседемъ. Отчетливость въ изложеніи исторій болѣзней, правдивость которыхъ засвидѣтельствована извѣстными врачами и подтверждена вѣрными фотографостереоскопическими рисунками, откровенность и послѣдовательность въ разсказѣ о постепенномъ открытіи средствъ противъ злѣйшаго врага здоровья человѣческаго, внутреннихъ и наружныхъ, для усовершенствованія и удобопримѣнимости которыхъ онъ не жалѣлъ ни времени, ни труда, ни огромныхъ денежныхъ издержекъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Открытіемъ внутренняго средства терапія пріобрѣла новое, хотя не совершенно вѣрное, но дѣйствительное средство противъ рака и другихъ худосочій. Но важно въ особенности изобрѣтеніе пирокаустики. Это наружное средство дѣйствительно обогатило хирургию новымъ, сильнымъ, безопаснымъ агентомъ. Подобное открытіе уже принесло въ короткое время значительную пользу; но, безъ всякаго сомнѣнія, эта польза будетъ въ послѣдствіи огромною для страждущаго человѣчества, устраняя удобно, скоро и безопасно страданія, считающіяся теперь или трудно удалимыми, или совершенно неудалимыми. Раковыя пораженія пріобрѣли въ этихъ открытіяхъ сильныхъ противодѣятелей, а страждущее человѣчество — новыхъ поборниковъ.

ИЗВѢСТІЯ

АКАДЕМИКОВЪ БУНЯКОВСКАГО, ЯКОБИ и ЧЕБЫШЕВА

О ДВУХЪ ИЗОБРЕТЕННЫХЪ Г. ЗАРУБИНЫМЪ ИНСТРУМЕНТАХЪ

ПЛАНИМЕТРЪ - САМОКАТЪ И ТРАНСФОРМАТОРЪ,

(представленныхъ съ приложеніемъ описанія сихъ снарядовъ.)

На конкурсъ 1854 года Академія присудила второстепенную премію г. Зарубину за изобрѣтеніе различныхъ инструментовъ, которыми облегчается составленіе плановъ и, въ особенности, ихъ измѣреніе. Нынѣ г. Зарубинъ представилъ на конкурсъ еще два инструмента для измѣренія площадей — *Планиметръ-самокатъ* и *Трансформаторъ*. Изъ этихъ инструментовъ особеннаго вниманія заслуживаетъ первый — *планиметръ-самокатъ*. — Особенность этого планиметра, весьма важная въ практическомъ отношеніи, состоитъ въ томъ, что *поле* его дѣйствія несравненно болѣе, чѣмъ въ другихъ планиметрахъ. Всѣ доселѣ извѣстные планиметры могутъ служить непосредственно для измѣренія небольшихъ плановъ, въ которыхъ ни длина, ни ширина не превосходятъ извѣстныхъ предѣловъ, и эти предѣлы, зависящіе отъ размѣра самаго инструмента, слишкомъ тѣсны для большей части случаевъ практики. — Новый планиметръ г. Зарубина даетъ площадь плана, какъ бы онъ ни былъ длинень; ограниченіе остается только въ ширинѣ плана.

Не трудно предвидѣть все затрудненіе въ устройствѣ планиметра, котораго бы *поле* дѣйствія было безконечно въ одномъ направленіи: указатель, которымъ обводится планъ, и стрѣлки циферблата, на которомъ обозначается величина измѣренной площади, должны быть соединены какими либо органами передачи движенія; — величина этихъ органовъ, по необходимости, полагаетъ предѣлъ удаленія указателя отъ цифер-

блата, а потому указатель планиметра можетъ двигаться безпредѣльно по какому либо направленію только въ томъ случаѣ, когда циферблатъ — вмѣстѣ со всѣмъ планиметромъ — можетъ перемѣщаться. Но, съ другой стороны, ясно, что планиметръ долженъ имѣть только извѣстные, опредѣленные движенія; иначе онъ не могъ бы дать никакого опредѣленнаго результата. — Какимъ-же образомъ достигнуть того, чтобы планиметръ самъ собою принималъ только такія движенія, которыя необходимы для вычисленія площадей?

Въ рѣшеніи этой задачи заключается трудность устройства планиметра, котораго бы *поле дѣйствія* было неограниченно въ извѣстномъ направленіи. Не имѣя упорныхъ, неподвижныхъ точекъ, разумѣется, нельзя воспрепятствовать совершенно какимъ либо перемѣщеніямъ планиметра; все что можно, это затруднить перемѣщенія, которыхъ планиметръ не долженъ дѣлать для вѣрности своихъ показаній. Г. Зарубинъ достигаетъ этого, принимая за основаніе *планиметра-самоката* извѣстную уже Академіи *линейку-планиметръ*, которая, катаясь на двухъ цилиндрахъ, прикрѣпленныхъ къ одной оси, свободно двигается параллельно себѣ, и представляетъ значительное сопротивленіе въ другихъ перемѣщеніяхъ. По движенію поступательному линейки и движенію указателя вдоль ея, площадь измѣряемой фигуры опредѣляется безъ затрудненія. Механизмъ, употребленный здѣсь г. Зарубинымъ, вполнѣ достигаетъ своей цѣли; величина измѣряемой площади показывается стрѣлками на циферблатѣ такъ же, какъ въ другихъ планиметрахъ. Но показанія эти будутъ вѣрны только въ томъ случаѣ, когда дѣйствительно, при обводѣ плана указателемъ, линейка ни мало не подвинется по длинѣ своей, и не выйдетъ изъ параллельности первоначальному своему положенію, а это все обеспечивается, какъ видѣли, только треніемъ цилиндриковъ, на которыхъ движется весь планиметръ, сопротивленіемъ весьма ограниченнымъ. Поэтому нельзя ожидать вѣрныхъ результатовъ отъ этого планиметра, если, при употребленіи его, не будетъ при-

нято особой предосторожности отъ ненормальнаго движенія инструментомъ, чего вполне, разумѣется, нѣтъ возможности достигнуть: въ рукахъ нашихъ бываютъ сотрясенія, даже безсознательныя. Въ настоящемъ случаѣ это тѣмъ труднѣе, что для обвода указателемъ плана, ограниченнаго кривыми линиями, необходимо двигать въ одно время и линейку перпендикулярно ея направленію, и указатель вдоль линейки: при выполненіи этихъ двухъ движеній одновременно, сотрясенія въ рукахъ неизбежны. — Опредѣленіе площади дѣлается проще въ фигурахъ прямолинейныхъ: тамъ нѣтъ необходимости обводить указателемъ весь планъ; достаточно только обойти два раза всѣ углы, поддвигая послѣдовательно къ каждому изъ нихъ линейку, и потомъ по линейкѣ указателя. Но и въ этомъ случаѣ, безъ особой предосторожности, въ движеніи планиметра нельзя избѣгнуть чувствительныхъ погрѣшностей.

Такъ-какъ въ планиметрѣ главное достоинство заключается въ вѣрности его показаній, которыя не должны требовать значительной траты времени, то признавая превосходство *планиметра-самоката* г. Зарубина относительно обширности поля его дѣйствія и въ то-же время особыя затрудненія, при скорой работѣ имъ, получать результаты достаточно точные, мы должны были рѣшить, до какой степени эти затрудненія могутъ быть устранены навывкомъ. Пользуясь пріобрѣтеніемъ въ Москвѣ дѣятельнаго члена-корреспондента въ лицѣ извѣстнаго ученаго Н. Д. Брашмана, мы просили Академію поручить ему испытаніе *планиметра-самоката* относительно степени точности, до которой можно достигнуть продолжительнымъ употребленіемъ этого инструмента. Съ этою цѣлію нашъ членъ-корреспондентъ произвелъ 14 рядовъ опытовъ, въ которыхъ самъ изобрѣтатель измѣрялъ своимъ *планиметромъ-самокатомъ* различныя фигуры, какъ прямолинейныя, такъ и криволинейныя. Опыты эти, гдѣ измѣрялись площади отъ $\frac{1}{2}$ квадратнаго дюйма до 50 квадратныхъ дюймовъ, съ употребленіемъ на каждое измѣреніе менѣе *одной минуты* (за исключеніемъ одного, потре-

бывающего 1 минуту 15 секунд), показали, что при значительномъ навыкѣ къ употребленію *планиметра-самоката* можно получать помощію его очень скоро результаты достаточно точные; за исключеніемъ 6го опыта, гдѣ измѣрялась очень маленькая фигура, и гдѣ погрѣшность доходила до $\frac{1}{12}$, вообще наибольшія погрѣшности не достигали до $\frac{2}{100}$ измѣряемой площади^{*)}. Въмѣстѣ съ описаніемъ этихъ опытовъ, г. Брашманъ представилъ Академіи донесеніе, гдѣ относительно достоинства *планиметра-самоката* и его испытанія онъ говоритъ слѣдующее:

«Сравненіе вычисленныхъ площадей фигуръ, тщательно награвированныхъ на металлическихъ пластинкахъ, не могло быть произведено по недостатку времени для приготовленія подобныхъ чертежей; но, по весьма хорошему масштабу, были начерчены съ возможною точностію фигуры, подвергнутыя опытамъ на бумагѣ, натянутой на столѣ. Площади этихъ фигуръ хотя и были исчислены съ возможною точностію, однако же не могутъ считаться столь вѣрными, чтобы показанныя въ опытахъ погрѣшности могли быть отнесены только на счетъ планиметра, и я предполагаю, что уже удовлетворительные для практики результаты опытовъ съ планиметромъ показали бы еще менѣе погрѣшности при испытаніи его надъ фигурами, начерченными на металлической пластинкѣ.

«Планиметръ, подверженный испытанію, находится уже въ употребленіи въ Межевой Канцеляріи годъ и десять мѣсяцевъ, гдѣ повѣряется этимъ снарядомъ ежедневно около 100 листовъ, заключающихъ въ себѣ не менѣе 5000 квадратныхъ дюймовъ. Это доказываетъ прочность снаряда и увеличиваетъ достоинство въ практическомъ его примѣненіи.

«Конечно для полученія весьма удовлетворительныхъ результатовъ посредствомъ планиметра г. Зарубина, требуется

---

^{*)} Среднія же погрѣшности, за исключеніемъ вышеупомянутого опыта, для каждой фигуры были менѣе $\frac{1}{100}$.

нѣкоторый навыкъ и осторожность, и я даже замѣтилъ, что самъ г. Зарубинъ, желая, вѣроятно, сократить время наблюденія, по окончаніи опыта сдѣлалъ быстрое движеніе головой для отсчитыванія дѣленій, показанныхъ стрѣлками, и тѣмъ перемѣнилъ рукою мѣсто указателя надъ чертежемъ; но при нѣкоторомъ вниманіи легко можно приучиться въ теченіе недѣли къ употребленію этого снаряда для полученія достаточно точныхъ результатовъ въ практикѣ.

«Не желая, чтобы самъ г. Зарубинъ отсчитывалъ числа, показываемыя стрѣлками его планиметра при произведеніи опытовъ, я, для вѣрнѣшаго наблюденія, пригласилъ г. Швейцера присутствовать при производствѣ опытовъ, который вмѣстѣ со мной отсчитывалъ числа, показанныя стрѣлками, и наблюдалъ время.

«Сравнивая планиметръ г. Зарубина съ однимъ изъ лучшихъ иностранныхъ планиметровъ, усовершенствованнымъ Ганзеномъ, я нахожу нѣкоторое преимущество перваго въ томъ: I) что онъ гораздо легче, меньше объемомъ, проще въ устройствѣ и потому удобнѣе къ переноскѣ съ одного мѣста на другое; II) хотя обведеніе чертежа посредствомъ центра кружка, начерченнаго на стеклѣ, можетъ показаться вѣрнѣе, нежели обведеніе остроконечнымъ указателемъ; однако въ практическомъ употребленіи, гдѣ требуется работа планиметромъ ежедневно продолженіи шести часовъ, наблюденіе съ лупою можетъ быть весьма утомительно для глаза, и даже можетъ повредить точной оптикѣ мѣста центра кружка. Поэтому, мнѣ кажется, предпочтительнѣе употребить остроконечный указатель. При этомъ не излишнимъ считаю замѣтить, что для точныхъ наблюденій было бы выгоднѣе, если бы указатель состоялъ изъ остроконечной шпильки, утвержденной на концѣ прорѣзанной пластинки такъ, чтобы сквозь прорѣзъ остріе указателя было видно со всѣхъ сторонъ. III) Одну изъ весьма важныхъ практическихъ выгодъ планиметра г. Зарубина въ сравненіи съ планиметромъ Ганзена нахожу въ томъ, что пер-

вый снарядъ можетъ быть легко вывѣренъ, въ извѣстныхъ предѣлахъ, по различнымъ масштабамъ; между тѣмъ какъ въ планиметрѣ Ганзена весьма трудно съ точностію сдѣлать вертикальный кружокъ, отъ котораго зависитъ извѣстное показаніе планиметра; и притомъ нельзя ручаться за неизмѣнность его діаметра при долгомъ употребленіи снаряда. Планиметромъ г. Зарубина можно въ одинъ разъ исчислять площадь около 200 квадратныхъ дюймовъ, т. е. площадь въ 12 разъ больше той, которую можно въ одинъ разъ вычислить планиметромъ Ганзена.

«Въ заключеніе долгомъ считаю донести Академіи, что соображая несомнѣнную практическую пользу, принесенную остроумнымъ изобрѣтеніемъ г. Зарубина, при недостаткѣ его въ средствахъ и времени, нахожу, что оно достойно вниманія и поощренія.»

Изъ этого видно, что г. Зарубинъ устройствомъ своего *планиметра-самоката* рѣшилъ задачу объ измѣреніи плановъ неограниченной длины, — задачу, которая по свойству своему, какъ видѣли, представляетъ особыя затрудненія, вполне не устранимыя. Но такъ-какъ опытъ показалъ, что нѣвыкомъ въ употребленіи инструмента г. Зарубина эти затрудненія устраняются на столько, что результаты, имъ получаемые, имѣютъ точность достаточную для практики, то *планиметр-самокаты*, превосходя значительно другіе планиметры обширностію поля своего дѣйствія, представляетъ изобрѣтеніе, заслуживающее поощренія; а потому мы считаемъ его достойнымъ награды *второстепенною Демидовскою премією*.

Другой инструментъ, представленный г. Зарубинымъ на нынѣшній конкурсъ, подъ названіемъ *трансформаторъ*, служитъ для облегченія извѣстнаго въ геометріи построенія, которымъ всякая многоугольная фигура превращается въ *треугольникъ*. За неизмѣніемъ планиметра, этотъ инструментъ можетъ быть съ пользою употребленъ для опредѣленія площади плана, ограниченаго прямыми линіями. Передъ *линейкою*

планиметромъ, служащей для той-же цѣли, *трансформаторъ* имѣетъ то преимущество, что въ немъ собственно двѣ линейки, которыхъ взаимное наклоненіе можно измѣнять согласно съ требованіемъ самого превращенія многоугольника въ трехъ-угольникъ, чѣмъ значительно ускоряется измѣреніе площади.

Описаніе устройства и употребленія этихъ инструментовъ сдѣлано г. Зарубинымъ вполне отчетливо.

РАЗБОРЪ

СОЧИНЕНИЯ

Г. С. ЕШЕВСКАГО

ПОДЪ РЕДАКЦИЕЙ:

Б. С. АПОЛЛИНАРИЙ СИДОНІЙ,

ЭПИЗОДЪ ИЗЪ ЛИТЕРАТУРНОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ГАЛЛИИ ВЪ ВѢКЪ,

СОСТАВЛЕННЫМЪ

Проф. А. ДЕЛЛЕНОМЪ.

Сенека (Ер. С. 8), говоря о разговорах Ливія, которые къ сожалѣнію не дошли до насъ, относятъ ихъ столько-же къ исторіи, сколько и къ философіи. Точно также и сочиненіе, которымъ г. Ешевскій обогатилъ отечественную литературу, относится съ одной стороны къ филологіи, а съ другой къ политической исторіи. Самъ сочинитель высказываетъ это въ заглавіи книги, которое вполне соответствуетъ самому содержанию: «К. С. Аполлинарій Сидоній, эпизодъ изъ литературной и политической исторіи Галліи V вѣка». Въ самомъ дѣлѣ, если едва замѣтное значеніе, которое Аполлинарій Сидоній приобрѣлъ въ Римской словесности, какъ поэтъ, ораторъ и сочинитель писемъ, сравнить съ тѣмъ вліяніемъ, которое этотъ Галльскій вельможа имѣлъ въ свѣтскомъ и духовномъ кругу, какъ государственный человѣкъ и епископъ: то отъ основательной и полной біографіи Сидонія надо ожидать, что она будетъ болѣе относиться къ политической исторіи, нежели къ исторіи литературы, и такимъ образомъ можетъ болѣе занимать историка какъ *ἔξοχήν*, нежели филолога. И такъ неудивительно, что сочиненіе г. Ешевскаго, достойное вниманія не только ученыхъ, но и всѣхъ образованныхъ людей, при самомъ своемъ появленіи въ свѣтъ принято было отечественными историками, какъ подарокъ, сдѣланный преимущественно исторіи. Кажется я не ошибаюсь, что безыменные сочинители обоихъ основательныхъ разборовъ, изъ которыхъ одинъ помѣщенъ въ «Отече-

ственныхъ Запискахъ» за сентябрь мѣсяцъ прошедшаго года, другой въ «Современникѣ» за сентябрь мѣсяцъ того-же года Е. О., сами историки, потому что они разсматривали сочиненіе г. Ешевскаго главнымъ образомъ съ исторической точки зрѣнія и притомъ съ такимъ знаніемъ дѣла и съ такою ученостію, что предположеніе мое дѣлается почти убѣжденіемъ. Не могу не сознаться, что ихъ усердный и, какъ кажется, съ истинною любовію къ дѣлу совершенный трудъ значительно сократилъ и облегчилъ мою рецензію. Въ самомъ дѣлѣ, если я рѣшился, послѣ такихъ дѣльныхъ разборовъ, изложить и свое мнѣніе о сочиненіи г. Ешевскаго, то сдѣлалъ это только, во-первыхъ, по лестному для меня со стороны Академіи порученію; во-вторыхъ, потому что относительно разбора этого сочиненія съ исторической точки зрѣнія могу сослаться на выше упомянутыя статьи, которыя, равно какъ и самое сочиненіе г. Ешевскаго, были мною обсуждены еще до порученія, сдѣланнаго мнѣ Академіею; наконецъ я надѣялся, что, разсмотрѣвъ это сочиненіе съ филологической точки, я пополню оба эти разбора. И такъ, имѣя въ виду преимущественно филологическій разборъ сочиненія, не нахожу нужнымъ повторять то, что уже прежде и совершенно справедливо было высказано другими, а ограничусь только, въ случаѣ моего согласія съ мнѣніями обоихъ рецензентовъ и по мѣрѣ надобности, ссылкою на результаты ихъ доказательствъ. Такимъ образомъ я надѣюсь сберечь время и мѣсто для замѣчаній другаго рода, которыя по-видимому не такъ важны, но во всякомъ случаѣ необходимы для полной оцѣнки сочиненія г. Ешевскаго, какой оно само по своему достоинству заслуживаетъ и какой ожидаетъ Академія отъ тѣхъ, кому даетъ подобнаго рода порученія.

Г. Ешевскій, какъ самъ выражается въ предисловіи стр. XII, имѣлъ въ виду двоякую цѣль: «представить, по поводу біографіи Сидонія и на основаніи его сочиненій, сколько возможно полную картину современнаго ему положенія Галліи, и въ тоже время въ характерѣ и жизни этого блестящаго представителя

образованной аристократіи Галліи прослѣдить всю полноту нравственнаго и умственнаго паденія свѣтскаго общества. Достоинство всякаго ученаго труда большею частію зависитъ отъ слѣдующихъ 5^а вопросовъ: 1) какъ важенъ самъ по себѣ предметъ сочиненія? 2) какъ великъ недостатокъ, который пополняется этимъ сочиненіемъ въ какой либо наукѣ? или другими словами: какъ велика надобность въ предпринимаемомъ сочиненіи? 3) какія затрудненія надлежало преодолѣть при составленіи его? 4) избралъ ли сочинитель самый лучшій путь для достиженія предположенной цѣли? 5) въ какой мѣрѣ эта цѣль имъ дѣйствительно достигнута или не достигнута? — Критикъ долженъ отвѣчать на всѣ эти вопросы, чтобы оцѣнка его, по крайней мѣрѣ въ этомъ отношеніи, была полна.

Для историка, который не довольствуется вѣрнымъ и связнымъ изложеніемъ событій, совершившихся на земномъ шарѣ въ теченіе тысячелѣтій, но поставляетъ себѣ задачею изслѣдовать также характеръ и духъ народовъ и лицъ, по времени появленія каждаго на историческомъ театрѣ, сличить одно съ другимъ постоянно измѣняющіяся явленія, привести ихъ въ взаимную связь, подвести подъ общую точку зрѣнія и изъ всего извлечь основные законы развитія человѣчества, — для такого историка, который стоитъ на той-же высотѣ, на какой стоитъ теперь его наука, едва-ли въ исторіи народовъ и государствъ найдется какой либо другой періодъ важнѣе того, въ который народъ, нѣкогда сильный и славный хотя и сходитъ самъ со сцены, но его благотворные труды проникаютъ въ жизнь народовъ, заступившихъ его мѣсто, свѣжихъ силами, — періодъ, въ который на развалинахъ распадающагося громаднаго государства возникаютъ и процвѣтаютъ новыя. Въ подобную эпоху тѣмъ вѣрнѣе можемъ мы изучить основныя черты характера вновь возникающаго народа, чѣмъ менѣе онъ измѣненъ и сглаженъ чуждымъ влияніемъ; здѣсь болѣе всего можемъ распознать, что этотъ народъ наследовалъ отъ своихъ предшественниковъ и какъ онъ воспользовался этимъ наследіемъ. Нельзя от-

вергать, что Римское государство, существовавшее 1229 лѣтъ, обладавшее цѣлымъ тогда извѣстнымъ міромъ и своею цивилизаціею давшее основу современной, стѣитъ полнаго вниманія всѣхъ образованныхъ людей; что и исторія Франціи, какъ государства еще и теперь цвѣтущаго, могучаго и славнаго въ глазахъ цѣлаго свѣта, имѣетъ право на то, чтобы всякій историкъ, который для пріобрѣтенія многосторонности и бѣльшей вѣрности въ своихъ сужденіяхъ оставляетъ на время поле Отчественной Исторіи и посвящаетъ себя изученію исторіи какого-нибудь иноземнаго народа, предпочелъ изученіе ея изученію исторіи всѣхъ другихъ народовъ. Такъ важенъ и разностороненъ предметъ, изслѣдованію котораго г. Ешевскій посвятилъ свои труды!

И дѣйствительно исторія Франціи, не говоря уже о французскихъ ученыхъ, которые ею занимались, находила всегда столько воздѣльвателей между учеными другихъ націй, что перечень самыхъ именъ можетъ утомить рецензента и читателя. Но съ особымъ усердіемъ и успѣхомъ обработана французскими историками преимущественно древняя исторія Франціи. Я назвалъ здѣсь только Гизо (*Guizot: Essai sur l'histoire de France* n. éd. 1843. I. 12), Петиньи (*Pétigny: Études sur l'histoire, les lois et les institutions de l'époque mérovingienne. Paris. 1843—1845. II. 8*), Фориеля (*Fauriel: Histoire de la Gaule méridionale sous la domination des conquérants germains. IV. 8*), I. М. Легюерона (*Léhuéron: Histoire des institutions carolingiennes et du gouvernement des Carolingiens. I. 8. — Histoire des institutions mérovingiennes et carolingiennes II. 8*) и братьевъ Тьерри (*Amédée Thierry: Histoire de la Gaule sous la domination romaine. Paris 1840. III. 8. — Histoire des Gaulois, depuis les temps les plus reculés jusqu'à l'entière soumission de la Gaule à la domination romaine 2-e édit. II. 8. — Augustin Thierry: Récits des temps mérovingiens, précédés de considérations sur l'histoire de France. Paris. 1846. II. 8. — Dix ans d'études historiques. 2-e édit. Paris. 1846. 8. — Lettres sur l'histoire de France pour servir d'introduction à l'étude de cette*

bistoire. 6-e édit. Paris. 1846. I. 8), потому что трудами ихъ часто пользовался и г. Ешевскій въ своемъ сочиненіи; но болѣе всего, какъ самъ онъ говоритъ въ своемъ предисловіи (стр. vii), и не безъ основанія слѣдовалъ онъ Петиньи. Такимъ образомъ г. Ешевскій предметомъ своихъ изслѣдованій избралъ періодъ французской исторіи, уже обработанный многими знатоками; и чѣмъ легче въ подобныхъ обстоятельствахъ подчиниться влиянію чужихъ мнѣній, тѣмъ смѣлѣе такое предпріятіе и тѣмъ выше заслуга, если сочинителю удалось разъяснить изслѣдованный предметъ съ новой стороны или по крайней мѣрѣ отчетливѣе. Правда, что общій характеръ этого періода довольно извѣстенъ; но ни одинъ изъ французскихъ изслѣдователей его, по крайней мѣрѣ ни одинъ изъ прежнихъ, не въ состояніи былъ совершенно освободиться отъ взгляда своей партіи; даже самые ученѣйшіе изъ этой націи, постоянно волнуемой партіями, обыкновенно болѣе или менѣе подчинены этому влиянію. Объ этомъ замѣчаетъ и рецензентъ Е. О. (Соврем. 1855 г. Сент. Критик. стр. 2). Г. Ешевскому должно отдать справедливость въ томъ, что онъ изобразилъ общественныя, литературныя, политическія и церковныя отношенія тогдашней Галліи съ безпристрастіемъ и проникательностію, а тѣмъ самымъ весьма много содѣйствовалъ къ правильному уразумѣнію исторіи этого государства. Кромѣ того, онъ попалъ на самую счастливую мысль, на которую можетъ быть навело его образцовое сочиненіе Лебеля (*I. W. Lübell: Gregor von Tours und seine Zeit, vornehmlich aus seinen Werken geschildert. Ein Beitrag zur Geschichte der Entstehung und ersten Entwicklung romanisch-germanischer Verhältnisse. Leipzig. 1839. 8*): связать свое изображеніе съ біографіею Аполлинарія Сидонія, который и самъ по себѣ, какъ общественный представитель и вѣрный живописецъ своего времени и народа, вполне достоинъ подробнаго изученія. Это потому, что не только въ самомъ Аполлинаріѣ Сидоніѣ отражается его вѣкъ, которому онъ вполне принадлежалъ по своимъ нравамъ, взглядамъ и по своей дѣятель-

ности, но и потому, что онъ оставилъ намъ еще свои сочиненія, въ которыхъ представляетъ свое время съ особенною болтливостію, рассказывая одинаково подробно какъ о маловажныхъ, такъ и о важныхъ событіяхъ. При томъ богатствѣ и разнообразіи матеріаловъ, какое представляется здѣсь историку, Аполливаріи Сидоніи своими сочиненіями столько же интересуется послѣдняго, сколько по своей безпредѣльно тяжелой и запутанной прозѣ и по своимъ до невѣроятности надутымъ и темнымъ стихамъ наскучаетъ всякому другому своему читателю, не имѣющему такой опредѣленной цѣли, съ какою читаетъ его историкъ. Оттого я вполне согласенъ съ мнѣніемъ г. Ешевскаго въ его предисловіи на стр. v: «Аполливаріи Сидоніи даетъ возможность историку, не выходя почти изъ предѣловъ его біографіи, коснуться всѣхъ сторонъ современной ему дѣйствительности. Прославленный литераторъ, близкій свидѣтель почти всѣхъ важнѣйшихъ политическихъ событій, участникъ во многихъ изъ нихъ, наконецъ одинъ изъ извѣстнѣйшихъ и уважаемыхъ епископовъ Галліи, Аполливаріи Сидоніи своими сочиненіями представляетъ драгоценнѣйшій источникъ для политической и литературной исторіи своего времени. Говоря о его многосторонней дѣятельности, біографъ Сидонія почти противъ воли дѣлается историкомъ Галліи, а иногда и историкомъ всего западно-римскаго міра, и въ его же произведеніяхъ находитъ полнѣйшій матеріалъ для своего труда». Въ самомъ дѣлѣ, никто изъ тѣхъ, которые писали о состояніи Галліи въ V вѣкѣ, не оставлялъ Аполливарія совершенно безъ вниманія; но большая часть писателей занималась имъ слишкомъ мало, и даже тѣ, которые думали почитать его большимъ вниманіемъ, поступали при этомъ односторонно. Такъ Амперъ въ своемъ обширномъ сочиненіи (*Histoire littéraire de la France avant le XII siècle, par Ampère. Paris. 1839. II. 8*) обозрѣлъ одну литературную дѣятельность Аполливарія, и то въ такомъ видѣ, въ какомъ разсматривается она въ руководствахъ исторіи римской литературы; Петиньи (въ

своей вышеупомянутой исторіи) изобразилъ только политическую; но ни одинъ изъ нихъ не обсудилъ дѣятельности Сидонія какъ епископа. Филаретъ Шаль въ своихъ: *Études sur les premiers temps du christianisme et sur le moyen âge*, Paris. 1847, 8, посвятилъ на разсмотрѣніе Аполлинарія Сидонія 7 параграфовъ (§ VI — XII, стр. 108 — 144) и въ нихъ обсудилъ его со всѣхъ сторонъ; но очеркъ Шала есть болѣе поверхностное умствованіе, нежели учное разсужденіе, и многія ошибки, на которыя можно указать въ этомъ сочиненіи, какъ справедливо замѣтилъ г. Ешевскій (стр. 106, прим. 219), заставляютъ подозрѣвать, что Шаль не былъ коротко знакомъ съ главнымъ источникомъ для оцѣнки Сидонія, именно съ сочиненіями его. Равно недостаточны оба большія спеціальныя сочиненія о Сидоніи, которыя были подъ рукою у г. Ешевскаго и обсуждены весьма вѣрно въ его предисловіи стр. xiii и сл. Именно А. Жермень (A. C. Germain) въ своемъ: *Essai littéraire et historique sur Apollinaris Sidonius*. Montpellier, 1840, писалъ все безъ критики и не понималъ характера Сидонія; а сочиненіе М. Фертига (M. Fertig: C. Soll. Apollinaris Sidonius und seine Zeit, nach seinen Werken dargestellt. III Abtheilungen. Passau. 1845 — 1848) кажется еще поверхностнѣе; авторъ не воспользовался даже тѣми пособіями, которыя необходимы для основательной обработки этого предмета. Книга г. Ешевскаго есть первое спеціальное сочиненіе о Сидоніи, которое представляетъ намъ полное и критически точное жизнеописаніе его, а вмѣстѣ съ тѣмъ живую картину общественнаго, литературнаго, политическаго и церковнаго состоянія Галліи въ V вѣкѣ. И такъ, она пополняетъ значительный пробѣлъ не только въ древней исторіи Галліи, но и въ исторіи римской литературы, и тѣмъ цѣннѣе, что сочинитель не только съ умѣньемъ воспользовался богатымъ матеріаломъ, который содержится въ самыхъ сочиненіяхъ Сидонія, и ловко разсортировалъ оный, но не оставилъ безъ вниманія даже ни одного замѣчательнаго по этому предмету сочиненія.

При этомъ надлежало преодолѣть немаловажныя трудности. Не говоря уже о томъ, что исторія Галліи V вѣка весьма запутана и что при множествѣ дѣльныхъ писателей объ этомъ важномъ періодѣ мало новому изслѣдователю остается надежды сказать что нибудь новое и цѣнное, — изученіе Сидонія представляетъ еще другія особаго рода трудности. Уже въ IV вѣкѣ изящность слога, къ которой стремилась галльская школа, превратилась въ пустую надутость и игривую изысканность, такъ что Іеронимъ мѣтко далъ надутому слогу Галловъ прозвище галльскаго котурна (*cothurnus gallicanus*). У Сидонія острота, ученый пуфъ, стремленіе къ изысканной звучной рѣчи, пристрастіе къ разительнымъ словамъ и оборотамъ собственнаго изобрѣтенія, несроднымъ языку и небывалымъ по употребленію, доходятъ до крайности. Для изученія его нѣтъ ни одного годнаго словаря и Казобонъ по правдѣ называетъ его «*in re latinis improbum instabilemque*». Сверхъ того, по страсти его къ многорѣчивости въ изложеніи самыхъ маловажныхъ предметовъ, онъ теменъ и непонятенъ. Даже современники жаловались, что не вездѣ можно понимать его; то же самое находили Петрарка, Амперъ (т. I, стр. 251), Форіель (т. I, стр. 419), словомъ, всѣ, которые для своихъ цѣлей не могли обойтись безъ чтенія его сочиненій; и даже новѣйшіе переводчики Сидонія: И. Ф. Грегуаръ и Ф. Л. Колломбе (*I. F. Grégoire et F. L. Collombet: Oeuvres de C. S. Apollinaris Sidonius, traduites en français avec le texte et des notes. Lyon. 1836. III*) должны были многія мѣста этого писателя переводить окольными перифразами, а два мѣста оставили вовсе безъ перевода.

Г. Ешевскій, о чемъ оба его рецензента отзываются съ похвалою, изобразилъ запутанныя отношенія Галліи въ V вѣкѣ ясно и просто и тѣмъ доказалъ необыкновенный талантъ историческаго изложенія. Сочиненіе его, по крайней мѣрѣ относительно біографіи и характеристики Сидонія, за исключеніемъ немногихъ недостатковъ, о которыхъ сказано будетъ ниже, содержитъ нѣчто новое. Во всякомъ случаѣ оно — самое полное

изъ всѣхъ сочиненій объ этомъ писателѣ. Впрочемъ усердіе, съ которымъ г. Ешевскій изучалъ главный свой источникъ — дошедшія до насъ сочиненія Сидонія, заслуживаетъ особенную признательность. Самая большая часть его положеній основывается на свидѣтельствѣ Сидонія; къ тому же г. Ешевскій не довольствовался одними указаніями на надлежащія мѣста Сидонія, но гдѣ ему казалось нужнымъ, — что было довольно часто, — заставляетъ говорить самого Сидонія, не боясь опасности переводить его. При этомъ выборѣ мѣстъ изъ сочиненій Сидонія всегда такъ мѣтокъ, что читатель книги г. Ешевскаго легко можетъ изъ этихъ мѣстъ составить себѣ вѣрное понятіе о достоинствѣ Сидонія, какъ писателя. Рецензентъ въ Отечеств. Зап. стр. 15 и слѣд. объ этихъ переводахъ говоритъ: «въ многочисленныхъ выпискахъ, приведенныхъ изъ Сидонія, галльскій риторъ V вѣка вездѣ выражается плавнымъ и общедоступнымъ языкомъ, — даже съ намѣреніемъ сохранить слѣды его искусственной, фигуральной рѣчи не мѣшаютъ ясности его смысла. Сидоній переданъ (г. Ешевскимъ) на русскомъ языкѣ не только вполнѣ-вразумительными, но и *весьма вѣрными* чертами», и называетъ ихъ *вѣрнымъ воспроизведеніемъ* сочиненій Сидонія. Но мнѣ кажется, что тутъ сказано уже слишкомъ много. Впрочемъ этимъ замѣчаніемъ я не хочу уменьшать заслугъ г. Ешевскаго, который, подобно новѣйшимъ французскимъ переводчикамъ, выразилъ мысль Сидонія во многихъ мѣстахъ только приблизительно, но не представилъ точнаго перевода его. Конечно, этого нельзя ставить въ вину г. Ешевскому, потому что онъ вовсе не думалъ выдавать себя за переводчика Сидонія. Эти переводы онъ сдѣлалъ, кажется, à propos и вовсе не съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы облегчить трудъ будущимъ переводчикамъ Сидонія. Мы уже знаемъ, что слогъ Сидонія шереховатъ и запутанъ и что авторъ часто выражается весьма темно; а между тѣмъ переводъ г. Ешевскаго, по лестному отзыву его рецензента, почти вездѣ плавеиъ и всегда понятенъ. Уже это одно обстоятельство сильно гово-

рить противъ того, что переводы г. Ешевскаго «вѣрное воспроизведеніе» сочиненій Сидонія; и въ самомъ дѣлѣ, читатель этихъ переводовъ, безъ сличенія ихъ съ латинскимъ текстомъ, при всемъ своемъ желаніи узнать слогъ Сидонія, едва ли пойметъ надутость и запутанность онаго. Что г. Ешевскій старался передать болѣе смыслъ, нежели слова текста, и вовсе не думалъ касательно своихъ читателей о томъ впечатлѣніи, какое произведетъ на нихъ чтеніе латинскаго текста: это видно изъ того, что въ самыхъ высокопарныхъ мѣстахъ онъ пропускалъ лишнее для его цѣли. Впрочемъ въ переводахъ его есть много мѣстъ, которыя можно, безъ потери плавности и ясности, передать вѣрнѣе. Я приведу здѣсь для примѣра только тѣ, которыя прямо подтверждаютъ справедливость моего мнѣнія.

Сочинитель хочетъ доказать свидѣтельствами изъ самаго Сидонія, что послѣдній писалъ стихами и прозою весьма скоро и что вообще скорость въ сочиненіи ставили въ то время въ честь писателю. Онъ говоритъ (стр. 44): «рѣчь по поводу избранія епископа въ Буржѣ стоила ему (Сидонію) *двухъ лѣтнихъ ночей*». Но въ приведенномъ имъ письмѣ Сидонія (Ерр. VII, 9) сказано: «*Itaque paginam sume subditis voluminibus adjunctam: quam duabus vigiliis unius noctis aestivae, Christo teste, dictatam....*» И такъ, Сидоній эту рѣчь, единственную, которая сохранилась, диктовалъ своему писцу *въ теченіе двухъ стражей одной лѣтней ночи*, т. е. *въ одну половину лѣтней ночи*, и правильный переводъ взятаго мѣста свидѣтельствуеетъ, что Сидоній *въ четыре раза скорѣе* кончилъ свою рѣчь, нежели какъ говоритъ г. Ешевскій. Въ самомъ дѣлѣ, эта рѣчь слишкомъ коротка, и Сидоній не могъ бы похвалиться скоростію сочиненія, если бы на составленіе ея употребилъ цѣлыхъ двѣ ночи.

Стр. 77. Г. Ешевскій переводитъ стихи, помѣщенные въ Ерр. IX, 13, слѣдующимъ образомъ: «у которыхъ пальцы покоютъ какъ звонкій голосъ и быстрыми движеніями смычка потрясаютъ оживленные струны». Но въ текстѣ читаемъ:

«*Digiti quibus canentes,
Pariter sonante lingua,
Vide pectinis fatigent
Animata fila pulsu.*»

т. е. : «у которыхъ *подъ напѣвъ голоса* пальцы (поюшіе) *вмѣсто смычка* потрясаютъ одушевленные струны». Коринѣскія арфынки, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, дѣйствуютъ пальцами, не употребляя смычка, какъ обыкновенно дѣлалось, и оттого поэтъ называетъ ихъ пальцы «поющими», *canentes*; ихъ онъ не могъ бы назвать такъ, если бы они не касались струнъ непосредственно. Разница въ смыслѣ, которая здѣсь происходитъ отъ точнаго перевода, сама по себѣ не важна; но при переводѣ писателя, который въ своихъ изображеніяхъ такъ подробенъ, какъ Сидоній, и котораго многословіе служитъ для того, чтобы изъ его разсказовъ составить картину нравовъ давно минувшаго времени, надо тѣмъ ближе придерживаться текста, чѣмъ болѣе въ противномъ случаѣ переводчикъ подвергается опасности потерять довѣріе касательно вѣрности своего повѣствованія. Нигдѣ такъ часто не принимаются въ соображеніе даже самыя мелочи, какъ при изображеніи нравовъ.

На стр. 92 изъ перевода письма (Ерр. V, 17) читаемъ: «Кто могъ разсказать хорошо анекдотъ, стоящій вниманія, того слушали съ жадностію, *хотя веселость слушателей часто прерывала разсказъ*». Сидоній же пишетъ: «*Nec erat idcirco non distincta narratio, quia laetitia permixta*», т. е. «и разсказъ былъ *тѣмъ не менше прекрасенъ* (привлекателенъ), потому что былъ веселъ». На той же самой страницѣ г. Ешевскій заставляетъ Сидонія говорить: «Игру въ мячъ началъ я, потому что тебѣ извѣстно, *я люблю эту игру не меньше книгъ*». Въ текстѣ же стоитъ: «*Sphaerae primus ego signifer fui, quae mihi, ut nosti, non minus libro comes habetur*». т. е. я первый вынулъ мячъ, который, какъ ты знаешь, *наравнѣ съ книгой сопутствуетъ мнѣ* (*всегда у меня въ карманѣ*).

На 93 стр. изъ того же письма г. Ешевскій переводить: «тяжело дыша и съ разгорѣвшимся лицомъ». Въ подлинникѣ стоять: «*suspiciosus extis incalcescentibus*», т. е. «тяжело дыша, запыхавшись разгоряченными легкими». Далѣе: «Я хотѣлъ бы, чтобы ты продиктовалъ какое нибудь четырехстишіе объ этихъ доскутьяхъ, *которые оказали мнѣ услугу*». Сидоній пишетъ: «*Vellem, inquit, ad rannum similis officii, aliquod tetrastichon tibi scribi juberes*», т. е. «*объ этомъ платкѣ (тряпкѣ) для подобнаго употребленія*». Такихъ неточно переведенныхъ мѣстъ встрѣчается въ книгѣ г. Ешевскаго очень много и безъ всякой уважительной причины. Впрочемъ на это замѣчаніе вызвало меня мнѣніе рецензента Отечест. Записокъ, что переводы г. Ешевскаго суть «вѣрное воспроизведеніе» сочиненій Сидонія. Можно ли сказать это о переводѣ, въ которомъ подобныя неточности встрѣчаются почти на каждой страницѣ? Съ другой стороны не много нужно примѣровъ, чтобы освободить автора отличнаго сочиненія отъ неумѣстно излишней похвалы въ дѣлѣ вовсе, по моему мнѣнію, стороннемъ для него.

Сидоній исполнилъ желаніе Филимація и написалъ эпиграмму на выше упомянутый платокъ. Онъ самъ сообщаетъ ее, Ерр. V, 17, своему другу Ерифію, зятю Филимація. Въ ней говорится :

Mane novo, seu cum ferventia balnea poscunt,

Seu cum venatu frons calefacta madet:

Hoc foveat pulcher faciem Philimatus ndam,

Migret ut in bibulum vellus ab ore liquor.»

Г. Ешевскій на 94 стр. переводить это такъ: «Въ другое утро, выходя изъ горячей бани, или когда охота увлажнить разгорѣвшееся чело, пусть найдетъ прекрасный Филимацій снова эту шерстяную тряпку, чтобы въ нее перешла влага также быстро, какъ льется напитокъ въ горло плькмы.» Это небольшое стихотвореніе, наскоро написанное, принадлежитъ, по своей простотѣ, какъ мнѣ кажется, къ числу самыхъ лучшихъ стиховъ Сидонія, можетъ быть потому, что онъ его импровизиро-

валъ и не имѣлъ времени сообщить ему своей обыкновенной надутости. Тѣмъ пріятнѣе былъ бы здѣсь буквальный переводъ, для котораго не представляется ни малѣйшаго препятствія. Однако-же г. Ешевскій въ переводѣ этой эпиграммы не только не выразилъ немногихъ красотъ ея, но внесъ сюда то, чего въ ней вовсе нѣтъ. *Mane povit* не значить *другое утро*, но *юное, раннее* утро, какъ у Виргилія (Georg. III, 325), какъ у Жуковскаго: Громобой Т. I, стр. 115. Изд. 5. 1849 г. «Отъ сна вставая съ юнымъ днемъ.» Это любимое выраженіе поэтовъ древнихъ и новыхъ и довольно часто встрѣчается у нихъ. *Cit balnea poscunt* не значить *выходя изъ бани*, но: «*когда баня того* требуется*». *Nos foveat* не значить *пусть найдетъ снова эту тряпку Филимацій*, но просто: *пусть Ф. этимъ платкомъ утрется*. Последняго стиха г. Ешевскій вовсе не понялъ и напрасно вставилъ оскорбительное для хорошаго вкуса сравненіе. Въ текстѣ нѣтъ ни малѣйшаго намека на это. *Ut* съ сослагательнымъ наклоненіемъ никогда не принимается, какъ принялъ переводчикъ, за союзъ сравнительный «*какъ*», но за *coniunctio finalis*, за союзъ, указывающій на цѣль «*чтобы, дабы*». *Ut* указываетъ здѣсь на цѣль, съ которою Филимацій долженъ этимъ платкомъ вытирать свое лице. *Migrare* не значить *быстро перейти*, но болѣе выражаетъ медленное переходеніе, какъ бываетъ съ жидкостями, которыя всасываются въ какую либо плотную матерію. Наконецъ *bibulus* здѣсь не есть существительное и не значить *пьяница*, но прилагательное, относящееся къ *vellus*, а *vellus bibulum* есть собственное и знаменательное выраженіе, вмѣсто шерстянаго утиральника (платка), всасывающаго жидкость, какъ еще Плиніи младшій сказалъ (Ерр. VIII, 15) *charta bibula*. Безъ всякаго также основанія перевелъ г. Ешевскій на стр. 189 *madida taberna* (Ерр. VIII, 11) словами: «*гостиница, набитая пьяницами*». Нѣсколько выше Сидовій назвалъ этотъ платокъ *linteum villis onustum*, мохнатое полотенце, а г. Ешевскій переводить: «*полотенце покрытое шерстью*». Такимъ образомъ вѣрный переводъ этой эпиграммы былъ бы

почти слѣдующій: *Раннимъ утромъ, требуетъ ли этого теплая ванна, или на охотѣ нагрѣтое чело увлажится, пусть прекрасный Филимацій оботретъ этияъ полотенцемъ мокрое лицо, чтобы потъ съ-него перешелъ во всасывающую шерсть*». Едва можно понять, какъ г. Ешевскій дѣлалъ конструкцію послѣдняго стиха, что вывелъ изъ него такой невѣрный смыслъ. Приступая къ переводу этого длиннаго письма, онъ говоритъ на стр. 91: «Превосходный переводъ, сдѣланный Гизо въ его Исторіи Французской цивилизаціи (*Leçon troisième*), поможетъ намъ *вѣрно и по возможности близко* передать разсказъ Сидонія, — что, какъ мы уже кажется замѣтили, дѣло не совсѣмъ легкое». Но въ цѣлой книгѣ г. Ешевскаго нѣтъ ни одной статьи Сидонія, которая была бы такъ невѣрно переведена, какъ это письмо: оттого оно болѣе другихъ подтверждаетъ мое мнѣніе о переводахъ г. Ешевскаго. Не облегчилъ ли себя сочинитель на этотъ разъ противъ обыкновенія и вмѣсто перевода латинскаго текста не представилъ ли намъ французскаго перевода Гизо? Къ сожалѣнію, у меня нѣтъ подъ рукою сочиненія Гизо и я не могу утверждать основательно или неосновательно мое подозрѣніе; но мнѣ кажется, что я на этотъ разъ не слишкомъ ошибаюсь. Французскіе переводы древнихъ греческихъ и римскихъ классиковъ, сколько я замѣтилъ, болѣею частью можно упрекать въ неточности. И такъ я бы желалъ предостеречь каждаго, кому нуженъ вѣрный переводъ, не слишкомъ много довѣрять французскимъ переводамъ, не сравнивъ ихъ прежде внимательно съ подлинникомъ.

На стр. 163 слова Сидонія (Ерр. I, 2, а не II, 2 какъ напечатано у г. Ешевскаго): «*Igitur (Theodoricus) vir est et illis dignus agnoscī, qui eum minus familiariter intuentur*» переведены слѣдующимъ образомъ: «Уже тѣмъ интереснѣе узнать этого человѣка (Теодериха), чѣмъ труднѣе взглянуть на него поближе». Между тѣмъ надо перевести такъ: «И такъ Теодерихъ такой человѣкъ, который стоитъ того, чтобы и тѣ знали его, которые не совсѣмъ близки къ нему». Не много прежде *civilitas Theodorici* переведено

словомъ образованность, но *civilitas* значить учтивость, възлн-
вость, людскость.

На стр. 164 читаемъ: «На разсвѣтъ Теодерихъ съ малымъ
числомъ спутниковъ посѣщаетъ собраніе своихъ священниковъ
(аріанскихъ), которымъ онъ оказываетъ большое уваженіе.» Но
текстъ: «*Antelucanos sacerdotum suorum coetus minimo comitatu
expetit, grandi sedulitate veneratur*» надо перевести такъ: «Тео-
дерихъ съ весьма малымъ числомъ спутниковъ посѣщаетъ
собранія своихъ священниковъ, бывающія до разсвѣта, и мо-
лится весьма усердно.» Правда я не знаю ни одного случая,
гдѣ бы римскій классикъ употребилъ слово *venerari* въ смыслѣ
молиться, безъ прибавки *deos* или другаго слова въ винитель-
номъ падежѣ, которое бы показывало кому молятся; но у Си-
донія, который, по отношенію къ латинскому языку, позво-
ляетъ себѣ гораздо большія вольности, это не должно казаться
страннымъ. Кромѣ того естественно, что язычники, поклоняясь
многимъ богамъ, всегда прибавляли имя того бога, которому мо-
лились; чего не нужно христіанину, исповѣдующему только
одного Бога. Если *veneratur* надо непременно отнести къ како-
му нибудь винительному падежу, то слѣдуетъ отнести къ сло-
ву *coetus*, а не къ *sacerdotum*. По связи гораздо скорѣе надо
сказать здѣсь, какъ Теодерихъ молился, нежели указывать на
то, уважалъ ли онъ своихъ священниковъ или нѣтъ.

• На стр. 166 читаемъ: «При счастливыхъ ударахъ онъ мол-
читъ, при несчастныхъ смѣется, когда ничья, нѣсколько сердит-
ся, но всегда умѣетъ владѣть собою». Сидоніи (Ерр. I, 2), взо-
бражая Теодериха, говоритъ также о его поведеніи при игрѣ
въ кости: «*In bonis jactibus tacet, in malis ridet, in neutris iras-
citur, in utrisque philosophatur.*» Здѣсь говорится только о
двухъ родахъ ударовъ, счастливыхъ и несчастныхъ, какъ
видно изъ слѣдующаго *utrisque*. И такъ надо перевести: «При
счастливыхъ ударахъ онъ молчитъ, при несчастныхъ смѣется,
но ни въ одномъ изъ этихъ случаевъ (т. е. ни въ какомъ случаѣ)
не сердится, а ведетъ себя какъ философъ» т. е. остается рав-

нодушень. Правда, Сидоній могъ не говорить, что Теодерихъ не сердится при счастливыхъ ударахъ, потому что это рѣдко бываетъ съ игроками въ кости, но этотъ писатель, изъ страсти къ сравненіямъ и контрастамъ слишкомъ часто прибѣгаетъ къ такимъ выраженіямъ и фразамъ, которыя не совсѣмъ приходятся кстати. Можетъ быть даже и слово *irasci* здѣсь надо принимать въ смыслѣ страсти, какъ на-примѣръ бываетъ радость при выигрышѣ и досада при проигрышѣ. Примѣровъ, гдѣ слова принимаются совершенно въ новыхъ значеніяхъ, у Сидонія довольно, и это предположеніе сдѣлано мною безъ всякой натяжки. У него ничто не дѣлается обыкновеннымъ способомъ. Всѣ эти мѣста, относящіяся къ Теодериху, переведены г. Ешевскимъ, какъ я показалъ, невѣрно; между тѣмъ, какъ онъ обязанъ былъ тѣмъ менѣе отступать отъ текста, чѣмъ важнѣе бываютъ при изображеніи характеровъ часто даже малѣйшіе отгѣнки.

Въ томъ-же письмѣ (I, 2) Сидоній пишетъ: «*Circa nonam recrudescit moles illa regnandi. Redeunt pulsantes, redeunt summoventes, ubique litigiosus fremit ambitus: qui tractus in vesperam, coena regia interpellante rarescit, et per aulicos deinceps pro patronorum varietate dispergitur, usque ad tempus concubiae noctis excubaturus.*» Последнюю половину этого мѣста г. Ешевскій стр. 166 переводитъ слѣдующимъ образомъ: «Это продолжается до вечера и толпа рѣдѣетъ только, когда объявляютъ, что готовъ уже королевскій ужинъ; она расходится по дворцу къ различнымъ патронамъ до *тѣхъ поръ, пока не начнутъ разставлять ночную стражу*». Но тамъ нѣтъ ни слова о разставкѣ ночной стражи. *Excubaturus* относится къ *ambitus*, а *ambitus* поставлено вмѣсто *ambientes*, какъ часто отвлеченное вмѣсто конкретнаго, на-пр. *senectus* вмѣсто *senes*, *servitium* вмѣсто *servi*. Мнѣ кажется, это мѣсто надо понимать такъ: «Когда король садится за столъ, то люди, ожидавшіе аудіенціи у него и не представившіе ему своихъ дѣлъ, не смотря на вечеръ, разходятся каждый къ своему другу, какого кто имѣетъ между придворными, именно

между живущими въ дворцѣ, чтобы тамъ до самаго того времени, когда пойдутъ спать, караулить не удастся-ли еще увидѣть короля хотя поздно вечеромъ.

На стр. 182 г. Ешевскій пишетъ: «Оправился хитрый старикъ, и, все еще взволнованный досадою на то, что Пеоній перебилъ его, сказалъ.» Въ подлинникѣ читаемъ Ерр. I, 11: «Colligit itaque sese trebacissimus senex (Athenius) et, ut semper intrinsecus aestu pudoris excoquebatur, cur sibi Paeonius *anteferretur*, — inquit» т. е. хитрый старикъ ободрился (отъ смѣха короля) и такъ какъ онъ всегда внутренно кипѣлъ отъ стыда, что Пеоній былъ ему предпочтенъ, сказалъ...» Именно и теперь предпочли Пеонія Атенію тѣмъ, что перваго посадили за императорскимъ столомъ выше послѣдняго. Нѣсколько прежде Сидоній называетъ Атенія «*hominem litium temporumque varietatibus exercitatum*» т. е. человѣкомъ наострившимся въ разныхъ спорахъ и обстоятельствеяхъ жизни, въ которыхъ онъ находился, — что г. Ешевскій на стр. 181 неточно переводитъ: «Атеній, испытанный превратностями времени и обстоятельствохъ». Что слово *tempus* употребляется въ такомъ смыслѣ, въ какомъ я его здѣсь принимаю, доказательствомъ можетъ служить Плиній (Ерр. I, 6, 9).

Въ томъ-же письмѣ (Ерр. I, 11) Сидоній говоритъ: «Sed cum ille (Paeonius) cofusus reticuisset, *Princepsque consuleret erubescenti*, ait, annuo postulatis)... Г. Ешевскій переводитъ это такъ: «Но когда смущенный Пеоній молчалъ и только *румянецъ*, покрывшій лицо, отвѣчалъ за него; я согласенъ, сказалъ императоръ, если... Но буквальный переводъ гласитъ: «Но когда пристыженный Пеоній молчалъ, а императоръ хотѣлъ помочь краснющему, то сказалъ... «Точный переводъ въ этомъ мѣстѣ потому важенъ, что здѣсь въ состраданіи Майоріана къ смущенному Пеонію высказывается сердечная доброта императора, а эта черта характера не выражена въ переводѣ г. Ешевскаго, не смотря на то, что послѣдній самъ желаетъ познакомиться своихъ читателей съ превосходнымъ характеромъ Майо-

ріана. Это даже и побудило г. Ешевскаго сообщить самое письмо Сидонія. Именно г. Ешевскій говоритъ стр. 178: «Любопытное письмо Сидонія даетъ возможность составить полное понятіе, какъ о характеръ *Майоріана*, такъ и объ отношеніяхъ къ нему Сидонія и...»

На какомъ основаніи г. Ешевскій на стр. 182 *comes* перевелъ словомъ *графъ*, я не смѣю рѣшить. *Comes* въ позднѣйшемъ латинскомъ языкѣ означаетъ вообще государственнаго чиновника и были *comites primi, secundi, tertii ordinis*. Одни классы изъ нихъ имѣли высшій санъ, на-пр. *Consistorini*. Упоминаются также *comes domesticorum equitum et peditum, comes castrensis, comes dispositionum, comes scholarum, rei militaris, aerarii utriusque, commerciorum* и другіе. Въ письмѣ I, 7 Флавій Азеллъ названъ *comes sacrarum largitionum* и это названіе г. Ешевскій стр. 217 переводитъ словомъ «министръ финансовъ». Ему соотвѣтствовалъ *comes rerum privatarum seu praefectus fisci principis*. Но были также *comites honorarii*, которые имѣли только титулъ, а не мѣсто; каковъ, кажется, былъ и Сидоній, потому что Майоріанъ въ разговорѣ называлъ Сидонія: *Comes Sidoni!* государственную же должность Сидоній получилъ позже отъ Антемія, который сдѣлалъ его предсѣдателемъ сената или начальникомъ города (*praefectum senatus seu urbis*).

Слова Сидонія, Ерр. I, 11: «*nisi, quod dico, jactantia est,*» переданы г. Ешевскимъ стр. 183 такъ: «*могу сказать безъ хвастовства*». По правильному переводу «*если то, что я говорю, не есть хвастовство*»; Сидоній боится, чтобы не сказать слишкомъ много и по скромности прибавляетъ эти слова; между тѣмъ какъ г. Ешевскій, совершенно на оборотъ, заставляетъ Сидонія говорить съ большою самоувѣренностью.

Въ примѣрѣ не совсѣмъ вѣрнаго перевода можно здѣсь привести конецъ письма Ерр. I, 11. Въ подлинникѣ стоитъ: *Sed cum mihi sic satisfactum est, ut pectori meo, pro reatu ejus, tot potestatum dignitatumque culmina et jura summitterentur, fateor exordium contumeliae talis tantū fuisse, cui finis gloria fuit*, а г.

Ешевскій на стр. 184 переводитъ: «Удовлетвореніе было впрочемъ слишкомъ достаточно; сильные и знатные вельможи *со слезами почти умоляли простить виновному* и, признаюся, клевета была мнѣ полезна, потому что кончилась къ моей славѣ». О просьбѣ за виновнаго въ подлинникѣ вовсе нѣтъ рѣчи, но по буквальному переводу говорится здѣсь: «Но когда я удовлетворень былъ такъ, что за обвиненіе меня имъ (т. е. за обвиненіе, которое должно было мнѣ повредить) столько высокихъ и сильныхъ особъ прижалось къ моей груди, то признаюся, что начало стыда, который кончился для меня со славою, было мнѣ весьма полезно».

Стр. 236 «Открыто и *со смѣхомъ* онъ толкуетъ о битвахъ съ мирными гражданами, о литературѣ съ варварами». Въ подлинникѣ (Ерр. II, 1): «*palam et ridentibus convocatis ructat (Seronatus) inter cives pugnas, inter barbaros literas*». Сидоній слѣдовательно не говоритъ, что Серонатъ при своихъ неумѣстныхъ шуткахъ смѣется, какъ должно думать по переводу г. Ешевскаго, но что смѣются *созванные Серонатомъ слушатели*. Черта самаго смѣшного тщеславія, что онъ передъ созванною имъ самимъ публикою хочетъ играть роль человѣка богатаго свѣдѣніями, а между тѣмъ все дѣлаетъ на оборотъ. Это въ переводѣ г. Ешевскаго совершенно исчезаетъ.

На стр. 275 сочинитель говоритъ: «Папанилла, которую Сидоній называетъ въ письмахъ *добррой женою и еще лучшей сестрою*, жила. . .» Г. Ешевскій сейчасъ говорилъ, что жены не разлучались съ мужьями, когда они дѣлались епископами, но жили при нихъ въ родѣ сестеръ. Представляя въ такой связи похвалу, воздаваемую Сидоніемъ собственной женѣ (Ерр. V, 16), Г. Ешевскій ясно обнаруживаетъ свое желаніе воспользоваться этимъ мѣстомъ, какъ прямымъ указаніемъ на то, что Сидоній со времени своего епископства жилъ съ своею женою въ такихъ же отношеніяхъ, какъ братъ съ сестрою. Въ самомъ дѣлѣ Сидоній пишетъ въ вышеприведенномъ письмѣ: «*Licet sis uxor bona, soror quoque optima es*» т. е. хотя ты жена

добрая, а сестра самая добрая. Эти слова, по причинѣ не совсѣмъ вѣрнаго перевода г. Ешевскаго, получили другой нѣсколько отгѣнокъ. Изъ свидѣтельствъ другихъ писателей, приводимыхъ Сирмондомъ въ его изданіи Сидонія (*Jacobi Sirmondi opera varia. Venetiis 1728. fol. Vol. I*) стр. 567 примѣч. с, и повторенныхъ г. Ешевскимъ на стр. 273 и слѣд., кажется довольно видно, что женатый человѣкъ, получивъ званіе епископа, вступилъ въ такое отношеніе къ своей женѣ, какъ братъ къ сестрѣ. Однакожъ въ показанномъ мѣстѣ Сидонія Папіанилла называется сестрою вовсе не въ отношеніи къ Сидонію, ея мужу, но къ Экдицію, брату ея. Именно въ началѣ этого письма Сидоній извѣщаетъ свою жену Папіаниллу, что ея братъ Экдицій получилъ титулъ патриція. Затѣмъ онъ выражаетъ надежду, что это извѣстіе въ такія тяжелыя времена послужить ей большимъ утѣшеніемъ и вѣрно доставитъ радость. Послѣ того онъ говоритъ; «*Novi enim probe, ne meo quidem te, quem ex lege participas, sic honore lætata (quam lætata es honore fratris tui); quia licet sis uxor bona, soror quoque optima es*». Если бы Сидоній оба слова *uxor* и *soror* хотѣлъ поставить въ отношеніи къ себѣ самому, то сказалъ бы непременно: «*quia licet fueris uxor bona, soror quoque optima es*».

На стр. 286 у г. Ешевскаго читаемъ: «не назначаютъ новыхъ (епископовъ) на мѣсто умершихъ, *чтобы* черезъ нихъ не могло получать посвященія нисшее духовенство, и духовное разореніе такимъ образомъ далеко распространяется». А въ подлинникѣ (*Err. VII, 6*) написано: « *nec ullis deinceps episcopis in defunctorum officia suffectis, (per quos utique minorum ordinum ministeria subrogabantur) latum spiritualis ruinae limitem traxit*». Переводъ хотя совершенно правиленъ, но только то, что Сидоній обозначалъ какъ естественное слѣдствіе того, что умершіе епископы не были замѣняемы другими, г. Ешевскій представилъ такъ, какъ будто бы противники православной церкви (*Ариане*) съ намѣреніемъ отмѣняли избраніе новыхъ епископовъ, дабы не могло получать посвященія нисшее духовенство, от-

чего естественно церковь должна была сильно страдать. *Utiq̄ue* никогда не значить «чтобы не», но тоже что «*saltem, certe, конечно*», иногда тоже что «*duntaxat, исключительно*» (Ulp. Dig. XXVI, 10, 3, § 16.) Равнымъ образомъ г. Ешевскій то, что въ подлинникѣ изображается какъ естественное слѣдствіе событій, часто представляетъ въ переводѣ какъ нѣчто достигнутое съ намѣреніемъ, что конечно не всегда составляетъ большую разницу въ смыслѣ какого либо мѣста, однако же иногда, какъ именно здѣсь, даетъ факту совершенно другую важность. Никто не станетъ отвергать, что здѣсь, гдѣ г. Ешевскій говоритъ о мѣрахъ, какія принимали Аріане въ краяхъ, находившихся во власти Готовъ, противъ католическаго духовенства, которое было сильнѣе ихъ въ ученыхъ богословскихъ спорахъ, весьма важно, естественнымъ ли образомъ произошло то, что служило ко вреду католической церкви, или это причинено было ей съ умысломъ ея противниками. Если бы Сидоній думалъ, что Аріане оставляютъ епископскія мѣста у православныхъ вакантными дѣйствительно съ намѣреніемъ уменьшить также число и числаго ихъ духовенства: то, какъ отъявленный врагъ Аріанъ, онъ высказалъ бы это здѣсь прямо и выразился бы опредѣленнѣе, можетъ быть такъ: «*ne per eos minorem ordinum ministeria subrogari possent.*» По моему мнѣнію, переводчикъ менѣе всего можетъ отступать отъ подлинника тамъ, гдѣ онъ на словахъ своего писателя основываетъ какія либо важные положенія.

Этихъ немногихъ примѣровъ достаточно для доказательства, что я не безъ основанія отвергаю мнѣніе рецензента Отеч. Записокъ. Такнхъ примѣровъ я привелъ бы еще гораздо больше, если бы не боялся выйти изъ тѣсныхъ границъ разбора, имѣющаго цѣлю опредѣлить достоинство этого сочиненія вообще, а не во второстепенномъ отношеніи. Однакожъ, нельзя не замѣтить, что чѣмъ болѣе г. Ешевскій подвигался впередъ въ своемъ трудѣ, тѣмъ менѣе показывалъ неточностей; оттого ли, что больше познакомился съ языкомъ Сидонія, или отто-

го, что изданный Грегуаромъ и Колломбе французскій переводъ Сидонія, которымъ онъ могъ воспользоваться только подѣ конецъ своего труда, существенно облегчилъ ему пониманіе Сидонія. Въ предисловіи, стр. XV, онъ самъ говоритъ: «Только подѣ конецъ я получилъ текстъ и переводъ Сидонія, изданные лѳонскими учеными Грегуаромъ и Колломбе. Это значительно облегчило мою работу и я могъ заимствовать изъ него нѣсколько примѣчаній для 1 и 2 главъ, и вполне воспользоваться имъ для 3.» Изъ конца предисловія, стр. XVI, кажется можно заключить, что г. Ешевскій имѣлъ подѣ рукою только лексиконъ Форчеллини. Но весьма полезенъ былъ бы ему лексиконъ: Car. du Fresne du Cange (*Glossarium ad scriptores mediae et infimae latinitatis*. Paris 1733. Basil. 1762. VI. fol.) съ дополненіями П. Карпентарія. (*P. Carpentarii Glossarium novum ad scriptores medii aevi cum latinis tum gallicos, sive Supplementum ad auctiorem glossarii Cangiani editionem*. Paris. 1766. IV. fol.) Впрочемъ я согласенъ, что переводчикъ Сидонія, по причинѣ особенности его языка и слога, долженъ бороться съ весьма большими трудностями и потому ему можно извинить небольшія неточности въ этомъ скучномъ трудѣ. Г. Ешевскій въ концѣ своего предисловія выражаетъ надежду, что не будутъ взыскательны къ его переводамъ: при трудности его предпріятія и при отличительномъ свойствѣ его труда, это желаніе весьма справедливо, и читатели его легко исполнять.

Прежде нежели стану отвѣчать на два послѣдніе вопроса, входящіе въ соображеніе при этомъ разборѣ, да будетъ мнѣ позволено исправить еще нѣсколько опечатокъ, которыя отчасти искажаютъ смыслъ, отчасти легко могутъ быть пропущены при второмъ изданіи книги самимъ сочинителемъ. Именно надо писать:

Стр. 16, примѣч. (35): *Thrax vates, deus Arcus atque Phoebus*
Omni carmine post erant et ipsas
Musas non ita musicas putares.

Стр. 23, примѣч. (49): *Epist. l. IX. ep. 15.*

- Стр. 47, строчк. 12 снизу (*bagaudae*).
- Стр. 50, строчк. 2 снизу *porculi*.
- Стр. 52, примѣч. (96): Sid. Epist. l. IV, 8.
- Стр. 69, примѣч. (142): *narratiunculae, quarum cognito hilararemur*,
- Стр. 73, примѣч. (159): Sid. l. VIII, 11.
- Стр. 76, примѣч. (164) строчк. 3 снизу: *Rhodantidas per urbes*.
- Стр. 79, примѣч. (167): *Pannonius—Chunus—Burgundio—Alites—Ostrogethus*.
- Стр. 105, примѣч. (219): Sid. Epist. l. VII, ep. 12.
- Стр. 120, примѣч. (15): строчк. 9 снизу: *confragosorum*.
- Стр. 163, примѣч. (57): Sid. Epist. l. I, 2.
- Стр. 170, примѣч. (65): строчк. 5 снизу: *Jussisti*.
- Стр. 187, примѣч. (82): *Auxerat Augustus. . .*
- Стр. 188, примѣч. (85): *Laudandam geor occupationem*.
- Стр. 278, примѣч. (54): *Cibyatarum*
- Стр. 286, примѣч. (66): Sid. l. VII, 6.
- Стр. 304, примѣч. (100): *vacuatam*.
- Стр. 307, примѣч. (108): *non minus in unum consilium*.
- Стр. 310, примѣч. (113): *inveniris*.
- Стр. 314, примѣч. (118): *Igitur, si quid nostratum precatibus acquiescis, actutum in patriam. . .*
- Стр. 315, примѣч. (119): *quae poscis, quia*.
- Стр. 316, строчк. 10 снизу: на *ею* избалованные. . .
- Стр. 318, примѣч. (125): *Tascius Victorianus*.
- Стр. 329, примѣч. (141): *En carmen, quod recenseas—destiterim vaticinari —*
- Стр. 334, примѣч. (150): *Spoiliis onustum —*

Вообще въ книгѣ г. Ешевскаго столько опечатокъ, что полное исчисленіе ихъ заняло бы нѣсколько страницъ. Впрочемъ, исправная печать составляетъ внѣшнее украшеніе книги.

И такъ, хотя я относительно филологической части этого сочиненія не могъ согласиться съ лестнымъ для сочинителя мнѣніемъ Отечественныхъ Записокъ, однакожъ въ остальномъ, касательно великихъ достоинствъ и малыхъ недостатковъ со-

чиненія, я вполне согласенъ съ обоними моими предшественниками, которые совершенно независимо другъ отъ друга разбирали это сочиненіе и пришли къ одинакимъ выводамъ. Впрочемъ, зная опасность, которой подвергается всякій, кто долженъ подавать свое мнѣніе послѣ такихъ важныхъ голосовъ, я принималъ вездѣ предосторожность, чтобы сужденіе этихъ ученыхъ не произвело на мое мнѣніе слишкомъ большого вліянія. Хотя такимъ образомъ я поставленъ въ непріятное для рецензента положеніе повторять главнымъ образомъ то, что уже сказано другими: однако цѣль моего разбора требуетъ полноты и я подаю здѣсь свой голосъ не по собственному побужденію. И такъ я буду стараться, тамъ, гдѣ не могу сказать ничего новаго, по крайней мѣрѣ выражаться какъ можно короче.

Чтобы достигнуть двойной цѣли, которую, какъ мы уже сказали, г. Ешевскій имѣлъ въ виду, онъ избралъ себѣ слѣдующій, какъ мнѣ кажется, единственно прямой путь. Весьма разнообразный матеріалъ, который ему представляли, съ одной стороны, происшествія жизни человѣка, проведшаго вѣкъ свой въ такой дѣятельности, какъ Сидоній, съ другой стороны, изображеніе одной изъ важнѣйшихъ и поучительнѣйшихъ эпохъ всемірной исторіи (см. начало предисловія, стр. V), сочинитель очень благоразумно раздѣлилъ на три, какъ по объему, такъ и по содержанію почти равныя, группы. Жизнеописаніе Сидонія при этомъ служило для него главною темою и оно поставлено на первомъ планѣ; три возраста жизни человѣческой и три направленія, въ которыхъ дѣйствовалъ Сидоній, приняты за основаніе дѣленія. Первая глава его сочиненія, на 110 страницахъ, представляетъ намъ юность Сидонія и вмѣстѣ съ тѣмъ подробное извѣстіе о его литературныхъ трудахъ, потому что онъ прежде всего трудился на литературномъ поприщѣ. Затѣмъ весьма умѣстно представлено изображеніе не только литературныхъ занятій тогдашнихъ Галло-Римлянъ, но также всѣхъ ихъ общественныхъ учрежденій и обычаевъ. Вторая глава заключаетъ 136 страницъ (111—246) и представляетъ намъ Сидонія

въ возмужаломъ возрастѣ и на государственномъ поприщѣ, такъ что политическая дѣятельность относится къ періоду цвѣтущей возмужалости. На заднемъ планѣ этой картины поставлены политическія отношенія Галліи и римскаго государства около половины V столѣтія, вѣрное изображеніе которыхъ составляетъ какъ необходимую и естественную, такъ величественную, разнообразную и притомъ однакожь не нарушающую единства часть цѣлой картины. Наконецъ въ 3-ей главѣ, самой краткой—она заключаетъ 99 страницъ (247—345),—мы видимъ Сидонія епископомъ. Онъ получилъ это высокое духовное званіе уже послѣ того, какъ сошелъ съ политическаго поприща, и сохранилъ его до конца своей жизни, хотя на нѣкоторое время разлученъ былъ съ своею паствою. Весьма естественно, сочинитель присоединилъ къ этой главѣ жизнь и дѣятельность тогдашняго христіанскаго духовенства, которое было уже раздѣлено на разныя, враждебныя между собой секты. Это сообщаетъ ясность и вмѣстѣ съ тѣмъ занимательность всему разсказу. Только при такомъ правильномъ и равномерномъ распредѣленіи матеріаловъ было возможно такъ искусно совладѣть съ ихъ массою и такъ много помѣстить въ трехъ столь тѣсныхъ рамкахъ, безъ всякаго ущерба для ясности картины. Хотя часто вниманію читателя представляются самые разнообразные предметы, однако нигдѣ сочинитель не отводитъ его далеко отъ главнаго лица картины и не даетъ ему потерять его изъ виду. Почти вездѣ г. Ешевскій умѣлъ мастерски второстепенныя обстоятельства такъ тѣсно связать съ главными событіями, что они не только кажутся не лишними, но даже необходимыми, для того чтобы пролить свѣтъ на главное лице, Сидонія. Однимъ словомъ, относительно распредѣленія матеріала, который надлежало разработать, сочинитель заслуживаетъ безусловную похвалу. Теперь посмотримъ, можно ли съ такою же похвалою отозваться о самомъ исполненіи, какъ въ цѣломъ, такъ и въ частяхъ.

Первую главу своего сочиненія г. Ешевскій начинаетъ изъ

вѣстіями о предкахъ, именно о дѣдѣ и отцѣ Сидонія. Читатель вводится въ семейство Сидонія, принадлежащее къ высокой галльской аристократіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ знакомится съ часто перемѣнявшимися тогда сановниками Галліи, съ которыми дѣдъ и отецъ Сидонія были въ сношеніяхъ разнаго рода (стр. 1—8). Такъ какъ нѣтъ подробныхъ извѣстій о самой ранней юности Сидонія и вѣроятно его воспитаніе въ сущности не много отличалось отъ обыкновеннаго тогдашняго воспитанія всего аристократическаго юношества въ Галліи; то сочинитель старается этотъ пробѣлъ въ жизнеописаніи Сидонія весьма кстати дополнить тѣмъ, что очень подробно рассказываетъ о состояніи тогдашнихъ галльскихъ училищъ (стр. 9—34). Именно, сказавъ кое-что о множествѣ школъ (стр. 9) и о положеніи учащихся въ нихъ (стр. 9—11), онъ изображаетъ училища V столѣтія и по крайней мѣрѣ во внѣшнемъ отношеніи немного находитъ въ нихъ различія съ училищами IV вѣка, времени самаго цвѣтушаго ихъ состоянія. Предметы преподаванія оставались тѣже: преподавались теперь, какъ и прежде, богословіе, римское право, греческій и латинскій языкъ, риторика и цинтика (стр. 12). Всѣ эти предметы сочинитель рассматриваетъ порознь и по порядку (философію стр. 12—14, римское право стр. 14 и 15, греческій и латинскій языки стр. 16—19, риторикѣ стр. 19—25 и поэзію стр. 25—34). При этомъ онъ не только подробно излагаетъ способъ преподаванія каждаго изъ нихъ и показываетъ, въ какой степени каждая изъ этихъ наукъ сравнительно пользовалась уваженіемъ у тогдашней образованной публики, но сверхъ того сообщаетъ краткія извѣстія о людяхъ, прославившихъ себя въ какомъ нибудь родѣ школьной учености. При этомъ случаѣ исчисляются (стр. 30 и 31) дошедшія до насъ стихотворенія Сидонія. Затѣмъ сочинитель изображаетъ упадокъ языческой литературы, которую Христіанство все болѣе и болѣе обезсиливало и, по непріязни къ ней, объявило вредною (стр. 34—37). Хотя въ V вѣкѣ, вмѣстѣ съ упадкомъ западной имперіи, угасла также и римская литература

и слѣдовательно не безъ основанія уже во время Сидонія со всѣхъ сторонъ слышны были жалобы на ея упадокъ; однакоже этотъ послѣдній вѣкъ умирающей римской словесности самодовольные современники, въ полной надеждѣ на возрожденіе наукъ, не только предпочитали предъидущему, но почти сравнивали его съ золотымъ, августовымъ вѣкомъ, — такъ что мы имѣемъ право принимать эти жалобы за однѣ риторическія фразы, посредствомъ которыхъ хотѣли въ большемъ блескѣ выказать Цицероновъ, Пиндаровъ и Платоновъ V вѣка (стр. 37 и 38). Послѣ этого отступленія сочинитель опять возвращается къ Сидонію. Онъ по именамъ называетъ намъ тѣхъ изъ его учителей, на которыхъ можно было указать съ вѣрностію, и нѣсколько обстоятельнѣе упоминаетъ о важныхъ знакомствахъ, которыя Сидоній завелъ въ бытность свою въ училищѣ (стр. 39 и 40). По выходѣ изъ училища, Сидоній велъ беззаботную жизнь богатаго свѣтскаго человѣка въ кругу Музъ. Однакожь до 455 г. нѣтъ точныхъ свѣдѣній о немъ; первыя произведенія его пера въ стихахъ и прозѣ до насъ также не дошли, вѣроятно потому, что Сидоній свои письма и стихотворенія издалъ въ свѣтъ гораздо позже и по строгому выбору, слѣдовательно только то было имъ предназначено къ изданію, что онъ самъ считалъ достойнымъ сохранить для потомства, а все остальное, писанное имъ въ юности, предано было забвенію. Судя по охотѣ писать, обнаруженной имъ въ уцѣлѣвшихъ сочиненіяхъ, вѣроятно онъ писалъ много. Потеря этихъ сочиненій сама по себѣ не важна, но можетъ быть замѣтна по извѣстіямъ, которыя съ ними для насъ исчезли. То, что дошло до насъ отъ Сидонія, достаточно для узнанія его характера и для правильной оцѣнки его, какъ писателя; отсюда легко можно понять, каковъ онъ былъ и какъ писалъ въ молодости. Хотя онъ самъ съ притворною скромностію говоритъ о себѣ, что ему писать легко, но что у него нѣтъ большаго дарованія; однакожь это признаніе, которому ни онъ самъ, ни современники не вѣрили, весьма вѣрно (стр. 41—43). Скоро писать въ тѣ

время, когда люди такъ быстро проживали жизнь, считалось чѣмъ-то великимъ. Къ серьезнымъ занятіямъ и серьезнымъ наукамъ не было ни времени, ни охоты; но легкій трудъ и развлеченія всякій любилъ и искалъ ихъ ужъ и для того, чтобы избавиться отъ мучительной мысли о печальной дѣйствительности, которая всѣхъ угнетала, и еще о болѣе ужасной будущности, которой близость многіе видѣли. Слѣдствіемъ этого было то, что смѣшнымъ образомъ высоко цѣнились были самыя пустыя произведенія (стр. 44 и 45). Имѣя около 20 лѣтъ отъ роду, Сидоній женился на Папіанилгѣ, дочери Авита, одного изъ знатнѣйшихъ и богатѣйшихъ вельможъ Галліи. Эта женитьба придала еще болѣе блеска и безъ того знатной уже его фамиліи и значительно умножила его богатство (стр. 45 и 46). Здѣсь весьма кстати и сообразно съ планомъ своей книги сочинитель вводитъ самое подробное изображеніе жизни и занятій высшаго общества въ тогдашней Галліи, къ чему матеріалъ онъ заимствовалъ большею частію изъ Сидонія, и отчасти также изъ другихъ источниковъ, современныхъ этому писателю. Во-первыхъ, онъ изображаетъ намъ при видимомъ и всё болѣе и болѣе близкомъ паденіи римскаго государства сомнительное положеніе Галліи и показываетъ, какъ упадокъ римской имперіи способствовалъ умноженію матеріальнаго благосостоянія высшаго сословія въ Галліи. Онъ сравниваетъ тогдашнихъ знатныхъ съ баронами среднихъ вѣковъ. У тѣхъ и другихъ онъ находитъ тѣже обширныя владѣнія, тоже презрѣніе къ низшимъ сословіямъ, туже фактическую независимость отъ центральной власти, потерявшей свое значеніе, тотъ же недостатокъ патріотизма, тоже преслѣдованіе эгонистическихъ интересовъ (стр. 46—51). Затѣмъ онъ описываетъ виллы богатыхъ Галло-Римлянъ, мало по малу обратившіяся въ крѣпкіе замки (стр. 51—58), положеніе женщинъ въ домѣ и въ обществѣ (стр. 58—67), образъ времяпрепровожденія богатой знати (стр. 67—71) и праздничный пиръ у императора Майоріана, въ Арлѣ, преимущественно съ литературною бесѣ-

дою, причемъ онъ находитъ случай познакомить насъ не только съ тогдашнею роскошью въ украшеніи и освѣщеніи мѣстъ праздничныхъ собраний и стола, съ кушаньями и винами, но также съ особенностями поэтического состязанія тѣхъ временъ (стр. 71—77). Это пиршество вмѣстѣ съ тѣмъ должно дать читателю понятіе о непостижимой беззаботности, съ какою галльская аристократія жила среди окружавшей ее опасности. Ибо между тѣмъ какъ варвары со всѣхъ сторонъ угрожали Галліи и римской имперіи, тѣ, которые болѣе всего были обязаны защищать отечество, такъ спокойно и беззаботно пировали и веселились, какъ будто бы они были поражены слѣпотою и не видѣли приближавшейся катастрофы. Самые дѣятельнѣйшіе изъ нихъ занимались литературными игрушками, и въ то время, когда дѣло шло о существованіи римскаго государства и образованія, Сидоній не умѣлъ найти лучшаго занятія, какъ приготовленіе своихъ писемъ и стиховъ къ изданію въ свѣтъ (стр. 78—82). Чтобы дать своимъ читателямъ понятіе о мелочности и ничтожности стремленій большинства тогдашней знати, г. Ешевскій представляетъ изображенный Павлиномъ, въ его Евхаристикоѣ, идеалъ жизни зажиточнаго человѣка (стр. 83) и затѣмъ уже продолжаетъ картину тогдашнихъ нравовъ, обычаевъ и взглядовъ. Мы видимъ знатнаго Галло-Римлянина на охотѣ (стр. 84 и 85) и въ путешествіи, на морѣ и на сушѣ (стр. 86), гдѣ онъ любитъ то въ стихахъ то въ прозѣ выражать свои путевыя впечатлѣнія, чтобы они не погибли для потомства (стр. 87 и 88). Случайно мы узнаемъ о жестокомъ наказаніи, которому Сидоній, по возвращеніи изъ Ліона въ Овернь, подвергнулъ часть работниковъ, которые на старомъ кладбищѣ, давно поступившемъ на другое мірское употребленіе, раскопывали именно то мѣсто, гдѣ была могила его дѣда, съ какимъ презрѣніемъ галльскіе аристократы смотрѣли на нисшій классъ и какъ съ нимъ обращались (стр. 88—90); и наконецъ сочинитель ведетъ насъ на церковный праздникъ, бывшій въ Ліонѣ (стр. 90—94). На томъ основаніи, что Си-

домій носить на себѣ столь вѣрный отпечатокъ своего времени, что для полнаго уразумѣнія этого времени нужно только точно и добросовѣстно съ нѣкоторыми подробностями наложить жизнь Сидонія, какъ человѣка, государственнаго чиновника, епископа и литератора (стр. 95 и 96); далѣе, что Сидоній въ томъ періодѣ жизни, который непосредственно предшествовалъ вступленію его на поприще государственной службы, главнымъ образомъ былъ преданъ литературѣ и своимъ друзьямъ и былъ въ близкихъ отношеніяхъ съ знаменитѣйшими учеными своего вѣка (стр. 97); г. Ешевскій по справедливости считалъ полезнымъ, помѣстить здѣсь краткія навѣстія о всѣхъ тѣхъ лицахъ, которые славились въ V вѣкѣ въ разныхъ городахъ Галліи или какъ учителя, или вообще какъ ученые (стр. 97—106). Эти люди, близкіе другъ другу уже по роду своихъ занятій, были еще тѣснѣе соединены тою опасностію, которая угрожала усиленно поддерживаемой ими греческо-римской образованности. Они охотно посылали другъ другу письма и новѣйшія свои произведенія. Какъ ни смѣшна была похвала, которою они надѣляли другъ друга, какъ ни тщетна была ихъ надежда на возрожденіе наукъ: однакоже усмія ихъ положить преграду вторгавшемуся варварству заслуживаютъ наше высокое уваженіе тѣмъ болѣе, что оно оказываемо имъ было даже при дворахъ варварскихъ вождей, которые овладѣли Галліею (стр. 107—109). Замѣчанія о легкомысліи, съ которымъ жили тогда въ самыхъ высшихъ кругахъ, заключаютъ эту поучительную и увлекательную главу (стр. 109 и 110).

Таково въ главныхъ очеркахъ содержаніе первой главы этого сочиненія. Здѣсь г. Ешевскій не находился на необработанной почвѣ, но умѣлъ пріятно изложить и значительно пополнить то, что уже сказано было объ этомъ предметѣ Фореиелемъ, Гизо, Шалемъ и другими. Источниками своими, особенно Сидоніемъ, онъ пользовался добросовѣстно и искусно обработалъ извлеченный изъ нихъ матеріалъ. Изложеніе его

ясно, легко и приятно, языкъ чистъ, благороденъ и сообразенъ съ важностию изображаемаго предмета. Не останавливаясь долго надъ тѣмъ, чтобы хвалить осторожность, съ какою авторъ на-пр. на стр. 39 не рѣшился признать на вѣрное Виктор-ра учителемъ Сидонія, потому что въ томъ мѣстѣ, которое можетъ служить доказательствомъ (Сард. I, в. 25), чтеніе колеблется между Victore и Doctore, хотя первое безъ сомнѣнія заслуживаетъ преимущество; или на томъ, чтобы осуждать его за то, что онъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не довольно точенъ въ выраженіяхъ, на-пр. когда онъ, на той же стр. прим. 78, Евладію, жену Проба Магна, называетъ сестрою Сидонія, между тѣмъ какъ она въ самомъ дѣлѣ была только его soror patruelis, дочь брата отца Сидонія (двоюродная сестра); — не останавливаясь, говорю, надъ такими мелочами, я спѣшу высказать, какія изъ другихъ отдѣловъ этой главы, по моему мнѣнію, заслуживаютъ или не заслуживаютъ одобренія.

Взглядъ новыхъ историковъ, которые паденіе западной римской имперіи приписываютъ не однимъ частымъ нападеніямъ варваровъ, какъ это дѣлалось прежде, но думаютъ, что этотъ колоссъ такъ легко сдѣлался добычею варваровъ, потому что онъ уже давно носилъ въ себѣ зародышъ разрушенія; этотъ по истинѣ вполне правильный взглядъ усвоилъ себѣ также и г. Ешевскій и безуспѣшно старался защитить его, что надлежащимъ образомъ оцѣнено уже въ часто упоминаемыхъ рецензіяхъ. Прекрасно изображены литературныя занятія въ Галліи, и для того, чтобы рѣзче отдѣлить римское начало отъ галльскаго въ литературѣ этого вѣка, будемъ ли принимать съ г. Ешевскимъ, что все дѣтское въ ней было признакомъ старѣвшей и мало по малу приближавшейся ко гробу римской словесности, или согласимся съ рецензентомъ Отеч. Зап. (стр. 21 — 28), что это было естественное явленіе, которое замѣчается во всякой юной словесности и слѣдовательно должно было повториться и въ галльской: тѣмъ не менѣе самое изображеніе остается вѣрнымъ и живымъ. Хотя авторъ, кажется, не

пользовался книгою Монара (*C. Monard: De Gallorum oratorio ingenio, rhetoribus et rhetoricae, Romanorum tempore, scholis. Bonn. 1848. 8*), однако же онъ пришелъ къ такимъ выводамъ, какіе находимъ въ этомъ отличномъ сочиненіи. Также удачно изображеніе всего того, что относится къ частной жизни галло-римскихъ вельможъ V вѣка. И здѣсь рецензентъ Отеч. Зап. (стр. 32) думаетъ, что сочинитель слишкомъ занятъ процессомъ разрушенія римской имперіи и потому вездѣ видитъ только слѣды упадка тамъ, гдѣ должно думать о водвореніи новаго порядка вещей и объ основаніи новыхъ народностей. Между тѣмъ если изъ описаній г. Ешевскаго читатель убѣдится въ истинѣ и вѣрности ихъ,— что въ самомъ дѣлѣ и дѣйствительно бываетъ: то мы не станемъ много спорить о способѣ его взгляда, который здѣсь не столько важенъ, сколько опредѣленіе самихъ фактовъ. Но тѣмъ менѣе можно умолчать о томъ, что мысли, высказанныя г. Ешевскимъ о положеніи женщины въ тогдашнемъ галльскомъ обществѣ, вовсе не могутъ быть приняты. По крайней мѣрѣ истина ихъ нисколько не оправдана приведенными сочинителемъ доказательствами. Дѣйствительно едва ли какое либо другое обстоятельство бросаетъ болѣе яркій свѣтъ на состояніе общества, какъ положеніе въ немъ женщины. Развратъ ея болшею частію есть вѣрный признакъ значительнаго упадка нравовъ въ цѣломъ обществѣ; почему г. Ешевскій весьма былъ бы радъ найти здѣсь женщину униженною и испорченною, потому что это не только само по себѣ было-бы весьма кстати, но даже могло бы служить подкрѣпленіемъ истины въ остальномъ. Но г. Ешевскій, заслуживающій только похвалу за осторожность сужденій во всѣхъ другихъ случаяхъ, именно здѣсь болѣе всего долженъ былъ остерегаться, чтобы въ рѣшеніи столь важнаго вопроса не подпасть въ зависимость отъ предварительно составленнаго мнѣнія, чего на этотъ разъ, къ сожалѣнію, кажется, онъ не избѣжалъ. Потому что читатель, какъ замѣчаетъ и рецензентъ въ Отеч. Зап. (стр. 32, 33), въ правѣ по ходу из-

ложенія подозрѣвать г. Ешевскаго въ томъ, что онъ имѣлъ уже готовое мнѣніе о женщинахъ прежде, чѣмъ развилъ его путемъ исторіи, почему весьма естественно было, что въ немногихъ свидѣтельствахъ объ этомъ предметѣ онъ именно нашелъ то, что думалъ найти. Онъ самъ говоритъ (стр. 59), что изъ Сидонія, въ сочиненіяхъ котораго о женщинахъ говорится рѣдко и только бѣгло, нельзя вывести никакого вѣрнаго заключенія; тѣмъ не менѣе ему кажется (на той же стр.), что именно молчаніе Сидонія ясно обнаруживаетъ, что женщина въ тогдашнемъ обществѣ играла второстепенную роль и что тамъ ее только терпѣли, но нисколько не сожалѣли о ея отсутствіи. Оставленный такимъ образомъ здѣсь Сидоніемъ, сочинитель ищетъ другихъ свидѣтелей, и въ самомъ дѣлѣ находитъ у Сальвіана, Маріа Виктора и Павлина вѣрныя доказательства, что женщины въ то время были въ большомъ презрѣніи по своему разврату. Однакоже, какъ мало эти свидѣтельства подтверждаютъ мнѣніе сочинителя, это оба рецензента изложили такъ вѣрно и основательно (см. Отеч. Зап. стр. 33 и Современ. стр. 11, 12), что я считаю себя избавленнымъ отъ обязанности новыхъ доказательствъ. Сидоній въ своихъ сочиненіяхъ весьма рѣдко говоритъ о женщинахъ; но тѣ немногія изъ нихъ, о которыхъ онъ упоминаетъ, пользовались, кажется, вполне его уваженіемъ. Если этотъ словоохотный писатель молчитъ о томъ, о чемъ сочинители писемъ разсуждаютъ охотно, то безъ сомнѣнія скорѣе всего должно думать, что онъ ничего не говоритъ о женщинахъ потому, что не имѣлъ ничего сказать о нихъ; изъ этого нельзя опять также заключать, что женщины были испорченной нравственности, но наоборотъ. Известное изрѣченіе: «тѣ женщины самыя лучшія, о которыхъ меньше всего говорятъ», кажется, не разногласитъ съ истиною.

Вторую главу сочинитель начинаетъ смертію императора Валентиніана III, котораго преемникомъ былъ Петроній Максимъ (стр. 111, 112). Положеніе имперіи было безнадёжно, и чтобы убѣдиться въ скоромъ паденіи ея, нужно только, по

словамъ сочинителя, взглянуть на Галлію, гдѣ еще больше было римскаго патриотизма, нежели въ самомъ Римѣ (стр. 113). Изложивъ на основаніи *potitia dignitatum* точно и подробно, какими путями разные варварскіе народы распространились въ Галлію, Британію и Испанію, которыя составляли всѣ вмѣстѣ Галльскую префектуру, и какіе круги они тамъ заняли, отчего, естественно, должно было страдать не только образованіе вообще, но въ особенности Христіанство (стр. 113 — 133), г. Ешевскій доказываетъ, что со смертію Валентиніана III собственно уже перестала существовать западная имперія, и что хотя она еще оставалась нѣкоторое время, но потому только, что варвары не понимали своей собственной силы. То, что Сидоній говоритъ о Готахъ, а именно, что имъ не нужно было сражаться, а только идти впередъ и забирать области въ свою власть, то же самое сочинитель находитъ приличнымъ сказать и о всѣхъ варварскихъ народахъ (стр. 133, 134). Только признаваемый самими варварами нравственный и умственный перевѣсъ римской имперіи, при всемъ политическомъ ея безсиліи, продлилъ мнимую власть надъ ними, а Римъ сохранилъ свое вліяніе на нихъ искусною своею политикою, вооружая однихъ варваровъ противъ другихъ, чтобы сами себя истребляли и ослабляли (стр. 134 — 137). Однако же такое положеніе дѣлъ не могло долго существовать. Варвары перемѣнили свой образъ жизни и свои идеи, вожди ихъ стали самостоятельными дѣйствовать и сознать безсиліе Рима. Сначала варвары принимали цивилизацію римскую только наружно, но тѣмъ больше она проникала въ нихъ, тѣмъ больше они теряли уваженія къ имперіи. Изъ военныхъ поселеній, которыми варвары какъ бы съѣтъю обняли цѣлыя области, произошли мало по малу независимыя государства и римская имперія рушилась безъ большихъ потрясеній, безъ трагической катастрофы, когда власть, средоточіемъ которой до сихъ поръ былъ Римъ, раздѣлилась между варварскими королями, изъ которыхъ каждый въ своемъ государствѣ заступилъ теперъ мѣсто римскаго императора (стр.

137 — 139). Послѣ этого общаго обзора сочинитель опять возвращается къ исходной точкѣ этой главы, чтобы представить своимъ читателямъ особо и по порядку событія, предшествовавшія паденію римской имперіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ показать, какое участіе принималъ въ нихъ Сидоній. Лишь только разошелся слухъ о смерти Валентиніана III, варвары въ Галліи, пользуясь замѣшательствомъ вслѣдствіе упраздненія римскаго престола, начали свои движенія впередъ. Максимъ сдѣлалъ Авита предводителемъ войскъ въ Галліи; поэтому сочинитель помѣщаетъ здѣсь краткое жизнеописаніе и характеристику послѣдняго (стр. 139 — 141). Такъ какъ Авитъ былъ въ большой дружбѣ съ Теодерихомъ II, то Вестготы, услышавъ о приближеніи Авита, удержались отъ завоеваній и торжественно приняли римскаго вождя. Между тѣмъ, пока шли переговоры, пришло извѣстіе о гибели Максима и Авитъ провозглашенъ былъ императоромъ (стр. 142 — 148). Г. Ешевскій даетъ вѣрное сужденіе о панегирикѣ Сидонія тестю его, изложивъ содержаніе онаго (стр. 148 — 151). Этимъ стихотвореніемъ Сидоній упрочилъ свою славу, какъ поэтъ: его статуя поставлена была въ портикѣ Траяна и онъ теперь могъ надѣяться на свое возвышеніе (стр. 151). Но Рицимеръ, дерзкій Свевъ, вождь наемныхъ войскъ въ Италіи, соединился съ военственнымъ Майоріаномъ, взялъ въ плѣнъ Авита и сдѣлалъ его епископомъ Піаченцы. Авитъ умеръ въ бѣгствѣ въ Галлію (стр. 152 — 154), а Рицимеръ послѣ краткаго управленія имперіею присвоилъ себѣ непомѣрную власть и сдѣлалъ императоромъ Майоріана. Сочинитель изображаетъ новаго императора какъ храбраго полководца и умнаго законодателя (стр. 154 — 156). Восстаніе въ Галліи, въ которомъ принимали участіе вмѣстѣ съ другими Сидоній, Пеоній и Марцелліанъ, скоро и легко было подавлено Майоріаномъ (стр. 157 — 160), и когда онъ самъ прибылъ въ Галлію, Теодерихъ II заключилъ миръ. Въ Галліи Майоріанъ такъ хорошо умѣлъ поставить себя и расположить къ себѣ сердца всѣхъ, что вскорѣ

начальники заговора, Марцеллианъ, Пеоній и Сидоній, пре-
дались ему; послѣдній даже, чтобы заставить забыть свое уча-
стіе въ возстаніи, принялъ на себя переговоры о мирѣ съ Тео-
дерихомъ II, и для этого отправился въ Тулузу (стр. 161—163).
Здѣсь г. Ешевскій помѣстилъ переводъ письма, въ которомъ
Сидоній описываетъ короля вестготскаго съ малѣйшими по-
дробностями, какъ по отношенію къ внѣшности, такъ и по от-
ношенію къ характеру его. Къ этому присоединены замѣчанія
объ успѣхахъ образованія у Готовъ, о простотѣ и невинности
ихъ нравовъ и о несовершенномъ развитіи у нихъ королевской
власти (стр. 163—169). Вслѣдствіе счастливаго исхода пе-
реговоровъ — потому что Теодерихъ призналъ опять первен-
ство Рима — Сидоній сдѣлался другомъ Майоріана и написалъ
панегирикъ въ честь этого соучастника въ смерти Авита (стр.
170). Изложивъ содержаніе этого стихотворенія, сочинитель
замѣчаетъ, что похвала, воздаваемая здѣсь Сидоніемъ какому-то
неизвѣстному, можетъ относиться только къ Ричимеру, убійцѣ
Авита; далѣе онъ даетъ свое мнѣніе о достоинствѣ этой топор-
ной работы, которая, какъ ему кажется, относительно плана и
мыслей, принадлежитъ еще къ лучшимъ стихотвореніямъ Си-
донія; наконецъ предполагая, что этотъ панегирикъ былъ от-
части вынужденъ и что въ немъ видны явные слѣды понятнаго
замѣщательства поэта, обвиняетъ Сидонія въ легкомысліи и не-
постоянствѣ за то, что онъ, не доставляя ни малѣйшей пользы
своему отечеству, разсыпается въ непомѣрной лести предъ
тѣми, которыхъ долженъ былъ обвинять въ смерти своего те-
стя. Здѣсь Сидоній представляется г. Ешевскому декламаторомъ
и пустымъ риторомъ, котораго заученныя и безъ всякаго
убѣжденія высказанныя фразы тѣмъ болѣе должны оскорблять
нравственное чувство читателя, что онѣ относятся къ Майоріа-
ну, единственному человѣку, трагическое положеніе котораго
могло бы истинно воодушевить поэта (стр. 170—178). За-
тѣмъ разсказывается, какимъ образомъ Сидоній, во время пре-
быванія Майоріана въ Арлѣ, былъ заподозрѣнъ Пеоніемъ и

умѣлъ оправдаться блистательнымъ образомъ въ сочиненіи пасквиля, на который тогда обращено было большое вниманіе и который могъ угрожать сочинителю опасностію (стр. 178—184). О смерти Майоріана, преемникомъ котораго Рицимеръ сдѣлалъ Ливія Севера, Сидоній не выражаетъ ни малѣйшаго сожалѣнія; однакоже онъ совершенно оставилъ государственныя дѣла и посвятилъ себя опять литературѣ и сельскому хозяйству. Часто также онъ путешествовалъ, чтобы лично познакомиться съ тѣми, которыхъ зналъ прежде только по имени (стр. 184—191). Въ такихъ удовольствіяхъ сельской жизни и въ частой перепискѣ съ своими многочисленными друзьями онъ искалъ отдыха послѣ трудовъ своей политической жизни и утѣшенія послѣ горькихъ, испытанныхъ имъ обольщеній. Казалось, онъ не думалъ объ опасномъ положеніи своего отечества, въ томъ убѣжденіи, что нужно было только вступить на престолъ дѣятельному императору, чтобы поддержать разпадающееся римское государство: внутреннее поврежденіе онаго составляло для Сидонія тайну (стр. 192 и 193). По смерти Майоріана, въ Далмаціи сдѣлался независимымъ Марцелліанъ. Продолжительная борьба между Рицимеромъ и Эгидіемъ въ Галліи кончилась смертію послѣдняго и была гибельна для Галліи (стр. 194—199). Варвары опустошали ее подъ тѣмъ предлогомъ, чтобы поддержать въ ней власть императора Севера. Северъ вскорѣ умеръ и Византійскій императоръ Левъ назначилъ Антемія императоромъ, а Рицимеръ женился на дочери новаго императора (стр. 200—202). Воцареніе Антемія произвело всеобщую радость, потому что надѣялись найти въ немъ сильнаго правителя имперіи и освободителя Галліи отъ варваровъ. Даже Сидоній оставилъ свою недѣятельность и по вступленіи Антемія на престолъ явился въ томъ же году депутатомъ Оверни въ Римѣ, гдѣ онъ попалъ прямо на свадьбу Рицимера (стр. 202 и 203). Сидоній неблагопріятствовалъ Рицимеру и сильно досадовалъ, что Антеміи унижалъ себя, заискивая благосклонность Рицимера, хотя сознавалъ, что это униженіе не-

вольное, вынужденное обстоятельствами (стр. 204 и 205). За тѣмъ г. Ешевскій помѣщаетъ письмо Сидонія, въ которомъ онъ описываетъ, какъ онъ представленъ былъ ко двору и какъ за панегирикъ Антемію произведенъ былъ въ префекты сената (стр. 205—208). Сочинителю кажется, что Сидоній въ этомъ письмѣ выказываетъ всю свою страсть къ почестямъ и особенно къ почестямъ въ Римѣ, можетъ быть въ той мысли, что только въ Римѣ онъ можетъ приобрести прочное значеніе (стр. 208 и 209). Путь къ этому будто бы открыла ему ода въ честь Антемія, которая написана наскоро и гораздо небрежнѣе прежнихъ, такъ что въ ней вездѣ явно выказывается цѣль, съ которою поэтъ сочинилъ ее. Сидоній самъ смѣется надъ этимъ своимъ стихотвореніемъ и вовсе не хочетъ скрывать настоящихъ своихъ чувствованій. Что онъ сдѣлалъ въ званіе депутата Оверни, объ этомъ онъ ничего не говоритъ, но кажется онъ былъ вполне доволенъ самимъ собою, потому что съ сожалѣніемъ смотритъ на тѣхъ Галло-Римлянъ, которые жили въ бездѣйствіи по своимъ имѣніямъ, старается даже уговорить ихъ послѣдовать ему и обѣщаетъ имъ свою помощь (стр. 209—212). Шурина своему, Экдицію, онъ доставилъ званіе главнокомандующаго въ Галліи и обѣщаніе Антемія сдѣлать его патриціемъ, что однако исполнилось только при Ненотѣ. Впрочемъ, при безнадежномъ положеніи государства, его собственное положеніе было небезопасное. Въ Галліи Теодериху II наследовалъ Ейрихъ, свирѣпый Аріанинъ, врагъ и католикковъ и римскаго государства (стр. 213—215). Римляне спѣшили заблаговременно противопоставить оплотъ противъ его напора, но отъ измѣны Арванда и остальная часть Римской Галліи едва не перешла въ руки Вестготовъ. Сочинитель представляетъ намъ въ переводѣ письмо Сидонія о процессѣ надъ Арвандомъ (стр. 216—221). Г. Ешевскій никакъ не можетъ согласить преданности къ престолу и любви къ отечеству Сидонія съ его непритворною дружбою къ измѣннику, ибо вездѣ онъ говоритъ только о глупости Арванда и нигдѣ не обличаетъ его въ из-

мѣническихъ планахъ. Между тѣмъ очевидно, область Овернь пострадала бы больше всѣхъ, если бы удалось Арванду на дѣлѣ его предпріятіе. Г. Ешевскій приписываетъ это странное поведеніе Сидонія преимущественно отсутствію всякой политической нравственности, которое составляло характеръ того печальнаго времени. Именно, въ то время нельзя было имѣть никакого твердаго политическаго убѣжденія. Когда самые добросовѣстные дипломаты не имѣли никакихъ опоръ и когда даже Майоріанъ и Эгидій, которыхъ трагическая судьба не позволяетъ сомнѣваться въ искренности ихъ намѣреній, не могли дѣйствовать по своему прямому убѣжденію, что же оставалось дѣлать такимъ людямъ, которые, подобно Сидонію, не имѣли ни твердаго политическаго убѣжденія, ни стойкаго характера вообще? (стр. 221—223). При такихъ обстоятельствахъ историку трудно опредѣлить нравственное значеніе того или другаго дѣйствія. Потомъ сочинитель разбираетъ причины такого поведенія Арванда и показываетъ, что здѣсь навѣрно участвовалъ Рицимеръ (стр. 223—225); поведеніе же Сидонія объясняетъ его дружбою съ Арвандомъ и его кроткимъ, легкомысленнымъ и слабымъ характеромъ. Кажется, что Сидоній забылъ Галлію только на то время, пока занять былъ интригами въ Римѣ, и мы по этому вовсе не имѣемъ права упрекать его въ недостаткѣ патриотизма, тѣмъ болѣе, что вся его позднѣйшая дѣятельность явно показываетъ въ немъ истиннаго патріота. Именно, лишь только Сидоній замѣтилъ, что не можетъ держаться въ Римѣ, то возвратился опять въ Галлію, которая, какъ онъ теперь видѣлъ, вовсе не могла рассчитывать на помощь со стороны Рима и такимъ образомъ совершенно предоставлена была собственнымъ силамъ. Однакоже Сидоній не думалъ теперь быть врагомъ Рима и, живя въ Галліи, выказалъ больше римскаго патриотизма, нежели сколько, казалось, имѣлъ его въ Римѣ (стр. 225—227). Искусно изобразивъ Аквитанію I и храбрыхъ жителей этой земли (стр. 227—231) и объяснивъ причины непоколебимой ея вѣрности Риму (стр.

232), сочинитель показываетъ, сколько она въ особенности должна была страшиться Ейриха (стр. 233—235). Опасность, угрожавшая отечеству, не скрылась отъ Сидонія, когда онъ возвратился въ Галлію. Онъ нашелъ тамъ сильную партію своекорыстныхъ Галло-Римлянъ, которая уже рѣшилась предать варварамъ всю Галлію. Предводителемъ этой партіи былъ Серонатъ, котораго Сидоній въ своемъ письмѣ, по переводу г. Ешевскаго, изображаетъ ничтожнымъ человѣкомъ (стр. 235—238). Серонатъ былъ казненъ. Вскорѣ потомъ вражда воспламенила междоусобную войну между Рицимеромъ и Антеміемъ. Послѣдній погибъ въ пылу сраженія и на его мѣсто провозглашенъ былъ императоромъ Аницій Олибрій (стр. 239 и 240). Послѣ немногихъ общихъ замѣчаній о паденіи западной имперіи, о необходимости и благотворныхъ слѣдствіяхъ этого паденія, сочинитель опять возвращается къ Сидонію. Участіе, которое Сидоній принималъ въ обвиненіи Сероната, составляло послѣднюю его политическую дѣятельность и вскорѣ потомъ онъ сдѣлался епископомъ въ Оверни (стр. 240—242). Въ концѣ этой главы г. Ешевскій сообщаетъ намъ характеристику Сидонія изъ Петиньи: но такъ какъ она кажется ему слишкомъ снисходительною, то по этому поводу онъ представляетъ свою собственную, болѣе строгую. Онъ упрекаетъ Сидонія особенно въ легкомысліи, неосновательности, риторизмѣ, перемѣчивости, непослѣдовательности и слабости характера (стр. 242—244). Но, какъ человѣкъ, особенно въ своемъ семействѣ и по отношенію къ друзьямъ, Сидоній, по мнѣнію сочинителя, представляется въ самомъ лучшемъ свѣтѣ; его нельзя не похвалить также за неутомимую дѣятельность. Горькій опытъ не перемѣнилъ его легкомыслія и съ тоюже самонадѣянностію, съ какою началъ свое политическое поприще, онъ принялъ теперь предложенный ему духовный санъ. Однакоже не личная заслуга его, но заслуга по самому званію была причиною, что дѣятельность его въ санѣ епископа оказалась важнѣе и благотворнѣе политической (стр. 245 и 246).

Глава, которой содержание мною сейчасъ изложено, относится къ политической исторіи отъ начала до конца и составляетъ ядро цѣлаго сочиненія. Сочинитель хотѣлъ здѣсь представить Сидонія въ его свѣтской дѣятельности, какъ гражданина и писателя, и для полноты въ рѣшеніи своей задачи, изложилъ даже современную исторію Римской Имперіи, въ особенности же Галліи и Оверни. Это выполнено имъ весьма удачно и кажется, что здѣсь онъ былъ точно въ своей сферѣ. Въ этой же главѣ, за исключеніемъ, какъ мнѣ кажется, не совсѣмъ вѣрно начертаннаго характера Сидонія, все такъ отчетливо, что трудно съ точностію опредѣлить, какое мѣсто удачнѣе другаго обрисовано. Болѣе всего мнѣ понравилось описаніе Оверни, ея обитателей и ея опаснаго положенія, затѣмъ изображеніе Майоріана; но едва ли менѣе удачно представлена и скромная жизнь, которую велъ Сидоній по смерти Майоріана до вступленія на престолъ Антемія. Во всемъ сочинитель основывается на Петиньи, но не безъ новыхъ вставокъ изъ источниковъ, тщательно имъ изученныхъ. Не довольствуясь, при изложеніи событій этого времени, историческою вѣрностію и хронологическимъ порядкомъ ихъ, онъ вездѣ вникаетъ въ причины событій и представляетъ свои сужденія о елѣдствіяхъ. Притомъ каждый разъ когда являются на сцену главные лица, онъ представляетъ возможно точную характеристику ихъ, раскрываетъ довольно часто тайныя побужденія ихъ дѣйствій и, при случаѣ, бросаетъ мѣткій взглядъ на запутанныя колеса великой государственной машины. О недостаткѣ нравственности въ политикѣ этого печальнаго времени онъ судитъ строго, но вѣрно, и мы не можемъ не согласиться съ нимъ въ томъ, что онъ въ духѣ времени ищетъ должнаго объясненія многимъ дѣйствіямъ Сидонія и другихъ главныхъ фигуръ этой исторической картины, которыя при другой точки зрѣнія остаются довольно загадочными. Онъ весьма искусно соединилъ міровыя событія съ жизнеописаніемъ Сидонія и связалъ общее съ частнымъ, нигдѣ не нарушивъ закона соразмѣрности въ изложеніи

событій, такъ что никогда не дѣлается ни утомительнымъ, ни темнымъ. Однимъ словомъ, мы имѣемъ предъ собою округленное по внѣшности и гармоническое по частямъ цѣлое, котораго общее впечатлѣніе не нарушается даже и тѣмъ, что въ него включены, по крайней мѣрѣ по содержанію, панегирики Сидонія и въ плавномъ переводѣ занимательнѣйшія его письма. Притомъ изложеніе такъ живо, языкъ при всей простотѣ и неизысканной естественности такъ прекрасенъ, такъ соотвѣтствуетъ возбужденному каждый разъ настроенію духа, что рассказъ оттого получаетъ почти драматическую свѣжесть и, можно сказать, дѣлаетъ читателя сочувствующимъ зрителемъ. Эта похвала могла бы казаться преувеличенною, но къ счастью я говорю это не одинъ. Препжніе рецензенты г. Ешевскаго высказали столь же лестное мнѣніе объ этомъ сочиненіи. Не взирая однако на всѣ означенныя достоинства и при оцѣнкѣ этой главы приходитъ на мысль напомнить сочинителю: «*temperato te hominem esse*»: именно, согласно съ обоими учеными, разборы которыхъ у меня передъ глазами, мнѣ кажется, г. Ешевскій представилъ въ слишкомъ ненавистномъ свѣтѣ слабости Сидонія, которыхъ впрочемъ нельзя совершенно отрицать. Конечно, похвально и служить вѣрнымъ признакомъ самостоятельности и зрѣлости въ сужденіяхъ, если писатель, долго занимаясь какимъ либо предметомъ, по собственному выбору, не увлекается естественнымъ пристрастіемъ къ нему и не дѣлаетъ послабленій или излишней снисходительности въ своемъ сужденіи объ немъ. Потому вполне справедливое и совершенно *sine ira et studio* высказанное г. Ешевскимъ въ предисловіи мнѣніе о Сидоніи сначала даже располагаетъ читателя въ пользу сочинителя. По крайней мѣрѣ я должевъ признаться, что на этомъ именно основаніи я напередъ возымѣлъ большое довѣріе къ сужденіямъ г. Ешевскаго. Но тѣмъ дальше я читалъ его сочиненіе, тѣмъ больше убѣждался въ равнодушіи его къ своему герою, которое кончилось несправедливостію къ нему. Можетъ быть г. Ешевскій впалъ въ эту крайность имен-

но потому, что слишком смѣло избѣгалъ другой. Впрочемъ, что такъ строго порицаемое г. Ешевскимъ поведеніе Сидонія можно извинить обстоятельствами; что г. Ешевскій, однажды составивъ себѣ мнѣніе о Сидоніи, по видимому искалъ въ дѣйствіяхъ и словахъ Сидонія однихъ подтвержденій своему мнѣнію, а потому дѣйствіямъ и словамъ его часто даетъ такое значеніе, котораго при ближайшемъ изслѣдованіи нельзя допустить или которае по крайней мѣрѣ не кажется нужнымъ; однимъ словомъ, что болѣе снисходительное сужденіе Петинья о Сидоніи должно быть правильнѣе, — все это весьма подробно и, какъ мнѣ кажется, весьма убѣдительно высказано обоими его рецензентами (см. Отеч. Зап. стр. 37 и слѣд., Соврем. стр. 14 и слѣд.), которые усердно защищаютъ Сидонія противъ обвиненій сочинителя. И такъ разсуждать здѣсь объ этомъ предметѣ больше того, сколько нужно для результата моихъ изслѣдованій, значитъ лить воду въ колодець, тѣмъ болѣе, что я не могу представить никакого новаго доказательства, котораго бы нельзя было найти въ этихъ разборахъ.

Для связи 3-ей главы съ предыдущею сочинитель въ началѣ главы изложилъ противуположности между обществомъ духовнымъ и свѣтскимъ. Тогда какъ въ политической жизни нигдѣ не замѣчаемъ ни единства, ни патріотизма, въ церкви повсюду видимъ единство, ревность, дѣятельность и силу. Духовенство Галліи находилось постоянно въ связи между собою и духовенствомъ другихъ частей христіанскаго міра. Оно обмѣнивалось мнѣніями насчетъ спорныхъ пунктовъ въ вѣроученіи письменно и изустно и всякое новое сочиненіе, всякое важное для христіанъ событіе скоро дѣлались извѣстными въ цѣломъ христіанствѣ (стр. 247 — 252). Такую же разницу находимъ между гражданскими и церковными учрежденіями этого времени, потому что христіанское духовенство пользовалось различными правами и привилегіями. Оно было свободно отъ повинностей и налоговъ, имѣло во многихъ случаяхъ свой собственный судъ, постоянное вліяніе на гражданскія и судебныя

дѣла и богатѣя имѣнія. Впрочемъ могущество церкви состояло собственно въ ея устройствѣ, въ тѣсномъ союзѣ всѣхъ ея членовъ въ то время, когда политической эгоизмъ и частные интересы разорвали всѣ узы свѣтскаго общества; въ самомъ дѣлѣ церковь въ это время составляла единственное живое учрежденіе среди устарѣлыхъ и мертвыхъ формъ государственнаго механизма (стр. 252 и 253). Каждый могъ быть священно-служителемъ, если былъ того достоинъ, а выборъ зависѣлъ отъ папсты (ст. 254). Епископы собирались часто, особенно въ Галліи, гдѣ не было собственно центрального управленія церковію. По мѣрѣ упадка свѣтской власти возрастала церковная и когда рушилась римская имперія, епископы были не только единственные представители римскаго образованія, но и единственные блюстители римскаго права (стр. 254—257). Не менѣе разительна противоположность между духовною и свѣтскою литературою. Тогда какъ эта послѣдняя страдала слабостію мыслей и пустотою или маловажностію содержанія, первая поражала силою мыслей и содержаніемъ, котораго важность поддерживалась постоянною борьбою со многими лжеученіями, волновавшими по мѣстамъ христіанскую церковь (стр. 257—261). Но духовные V вѣка занимались также и поэзіею и вообще принимали подъ свое покровительство даже тѣ науки, о которыхъ собственно болѣе должны были заботиться свѣтскіе ученые. Оттого между духовными находимъ самыхъ ученыхъ людей того времени и если большая часть епископовъ V вѣка отличалась ученостію, то всѣ безъ исключенія по возможности старались защищать римское образованіе противъ укоренявшагося варварства (стр. 261—265). Въ спорныхъ предметахъ удерживались отъ всякаго преслѣдованія иновѣрцевъ: споры шли только посредствомъ сочиненій, и православные, изъявляя истинно христіанское состраданіе къ заблудшимъ, только посредствомъ убѣжденія старались направлять ихъ на истинный путь (стр. 265—267). Наконецъ духовное общество различалось также и нравами отъ свѣтскаго,

потому что это послѣднее сохраняло еще много языческихъ обычаевъ; между тѣмъ какъ у тѣхъ, которые не по наружности одной приняли христіанство, являлось совершенное преобразование нравовъ. Были даже случаи, что люди, которые прежде проводили жизнь въ удовольствіяхъ и роскоши, дѣлались отшельниками, какъ скоро проникалъ въ нихъ духъ христіанскаго ученія (стр. 267). Сочинитель послѣ этого объясняетъ, почему избраніе Сидонія, свѣтскаго человѣка, въ епископы не могло никого удивить, не смотря на то, что въ этомъ отношеніи нерѣдко случались неправильности еще совсѣмъ другаго рода. Не смотря на свою свѣтскую жизнь, Сидоній славился семейными добродѣтелями и религіозностію; жителямъ же Оверни, при опасности, которая угрожала ихъ землѣ и вмѣстѣ православной церкви со стороны Аріанъ Вестготовъ, нуженъ былъ такой епископъ, который бы былъ богатъ, силенъ и въ почетѣ при дворѣ, чтобы могъ надежно ихъ защищать. При такихъ обстоятельствахъ, въ войнѣ, угрожавшей со стороны Вестготовъ, епископъ, показывавшій тогда вообще большую политическую силу, былъ естественнымъ ихъ руководителемъ (стр. 263—271). Жители провинцій всегда заботились о томъ, чтобы ихъ епископы были изъ среды богатой туземной аристократіи, потому что отъ такихъ только архипастырей могли ожидать защиты провинція, общество и просвѣщеніе. Тогдашнія обстоятельства требовали отъ епископа не однѣхъ христіанскихъ добродѣтелей, но и ученаго образованія и политическаго благоразумія, особенно въ Галліи, гдѣ по мѣрѣ внѣшней опасности возрастало также и политическое значеніе епископовъ. Сидоній удовлетворялъ всѣмъ этимъ условіямъ (стр. 272 и 373). Сочинитель, бросивъ взглядъ на особенность отношеній женатыхъ людей къ своимъ женамъ по избраніи въ епископы и на высокое нравственное значеніе брака въ христіанствѣ, сообщаетъ намъ нѣкоторыя извѣстія о Папіаннлѣ, женѣ Сидонія, и Росціѣ, его дочери (стр. 273—275). Сидоній избранъ былъ епископомъ Овернскимъ въ самое трудное время для этой обла-

сти. Аквитанія I видѣла себя совершенно беззащитною отъ фанатизма воинственныхъ Готовъ. Въ Италиі, по смерти Ричимера, Бургундецъ Гундобальдъ получилъ главное начальство надъ наемными войсками и по смерти Олибрія провозгласилъ Гликерія императоромъ. Однако въ Константинополѣ не признали Гликерія. Византійскій императоръ Левъ возложилъ порфиру на прежняго правителя Далмаціи — Юлія Непота. Последний ввелъ Гликерія въ плѣнъ, но даровалъ ему жизнь (онъ сдѣлалъ его епископомъ въ Салонѣ). При такихъ замѣшательствахъ въ Италиі, Аквитанія не могла оттуда ожидать никакой помощи. Съ другой стороны кровавая вражда между бургундскими тетрархами лишила Овернцевъ ихъ надежныхъ защитниковъ, а Овернское дворянство — благосостоянія, слѣдовательно средствъ къ оборонѣ. Къ этому присоединилось еще и то, что многіе благородные Аквитанцы или дѣйствительно были замѣшаны въ ссоры между бургундскими князьями или впали въ подозрѣніе (стр. 275—279). До сихъ поръ Аріане не являлись въ Галліи фанатиками. Первый началъ поступать такъ Ейрихъ, который способностями превосходилъ всѣхъ своихъ предшественниковъ (стр. 279—283). Онъ преслѣдовалъ православныхъ не потому, что былъ врагомъ римской цивилизаціи, но по чисто политическимъ расчетамъ, хотя они не оправдались, и вмѣсто того, чтобы, какъ предполагалъ Ейрихъ, утвердить царство Вестготовъ, способствовали къ его паденію. Фанатизмъ Ейриха, заразивъ также и Бургундцевъ, возрасталъ по мѣрѣ разширенія его царства, такъ что Сидоній весьма много жалуется на печальное состояніе православной церкви въ готскихъ владѣніяхъ (стр. 283—286). Овернь въ предстоявшей борьбѣ могла разчитывать только на храбрость своихъ жителей, которые тѣмъ болѣе были готовы на храбрую защиту своего отечества, что съ этою защитой соединялась защита церкви и вѣры. Тѣ самые люди, въ которыхъ по-видимому до сихъ поръ не было ни малѣйшей искры римскаго патриотизма, выказали теперь такую храбрость и такое самоотверженіе, ка-

кими славилась Римляне въ самый героическій періодъ своей исторіи. Въ главѣ ихъ стоялъ епископъ Сидоній, котораго характеръ является какъ бы въ другомъ видѣ и котораго риторическое направленіе обнаруживается теперь въ однихъ письмахъ (стр. 287 и 288). Эти письма составляютъ единственный и притомъ весьма неполный источникъ, изъ котораго заимствуются извѣстія о геройской борьбѣ Овернянъ съ Ейрихомъ. Именно, такъ какъ Сидоній писалъ свои письма безъ всякихъ видовъ на обнародованіе ихъ, то и не сберегъ всѣхъ: многія изъ нихъ или затерялись или послѣ, когда онъ рѣшился надать свою переписку, изъ предосторожности при нересмотрѣ были имъ пропущены; потому что онъ пустилъ въ публику свои письма, когда Овернь была въ рукахъ Готовъ, а самъ онъ былъ въ изгнаніи, слѣдовательно когда арианскіе правители внимательно смотрѣли за перепискою и сочиненіями православнаго духовенства и неосторожныя выраженія легко могли вредить писателямъ. И такъ г. Ешевскій по справедливости считаетъ правдоподобнымъ, что письма, относящіяся къ войнѣ Оверни, для насъ самыя любопытныя, были утаены самимъ сочинителемъ. Сверхъ того уцѣлѣвшія письма Сидонія дошли до насъ въ измѣненномъ видѣ, потому что Сидоній, какъ онъ самъ говоритъ, при наданіи передѣлалъ ихъ и при этомъ для литературной цѣли пожертвовалъ всѣми другими расчетами, именно вычеркнулъ изъ писемъ все опасное. Однакоже онъ не разпредѣлялъ ихъ ни хронологически, ни по содержанію, ни по лицамъ, къ которымъ писалъ, но нарочно перемѣшалъ, чтобы читатель не утомлялся однообразіемъ ихъ содержанія. Такимъ образомъ этотъ единственный источникъ для исторіи войны Оверни съ Ейрихомъ, сколько неудовлетворителенъ, столько же и затруднителенъ для руководства (стр. 288—291). Эта война продолжалась нѣсколько лѣтъ: она началась, когда Сидоній былъ уже епископомъ и кончилась не потому, что Ейрихъ побѣдилъ Овернянъ, но потому что Римъ постыднымъ образомъ уступилъ эту область королю Вестготовъ. Продолжительность

этой войны объясняется тѣмъ, что съ одной стороны Оверьянамъ благопріятствовали защищенная природою мѣстность страны и укрѣпленія ихъ осажденной столицы; съ другой стороны Ейрихъ, во что бы ни стало, хотѣлъ завоевать Овернь, чтобы округлить свое королевство и дать ему естественныя границы (стр. 291). Затѣмъ сочинитель весьма увлекательно описываетъ осаду Клермонта, энергическую дѣятельность и самоотверженіе Сидонія, который переродился какъ бы чудомъ и приносилъ все въ жертву своему отечеству; далѣе описывается помощь, оказанная Сидонію при защитѣ города воинственнымъ шуриномъ его Эджиціемъ. Г. Ешевскій изображаетъ прекрасный характеръ Эджиція, представляетъ коротко біографію его и даетъ ему въ этой кровавой драмѣ главную роль (стр. 291—300). Напрасно Сидоній просилъ помощи у римскаго императора, осада длилась и скоро въ бѣдствующемъ городѣ произвела голодъ, болѣзни и, что всего хуже, внутренніе раздоры, ибо одни хотѣли сдать городъ, а другіе желали защищать его до послѣдней крайности. Сосѣднія провинціи по возможности помогали страждущей области. Самъ Сидоній не щадилъ ни своихъ силъ, ни достоянія для облегченія общественнаго бѣдствія и съ помощію достопочтеннаго священника Констанція, который призванъ былъ изъ Ліона, ему удалось прекратить раздоры между жителями Клермонта (стр. 300—307). Даже Римъ сталъ подавать надежду на помощь; тогда Ейрихъ взялся за другія мѣры (стр. 307 и 308). Онъ показалъ видъ, будто бы хочетъ напасть на провинціи смежныя съ Италіей, и Римъ, не имѣя ни силы къ сопротивленію, ни надежды, что жители этихъ провинцій будутъ, подобно Овернцамъ, защищаться храбро, затрепеталъ отъ страха. Онъ согласенъ былъ лучше уступить Ейриху отдаленную Овернь, нежели имѣть его опаснымъ сосѣдомъ Италію, и вступилъ съ нимъ въ переговоры (стр. 308 и 309). Сидоній, узнавъ объ этомъ, все вниманіе обратилъ на религіозную сторону въ этомъ вопросѣ и особенно на фанатизмъ Ейриха. Онъ совѣтовалъ позаботиться по крайней мѣрѣ о томъ, да-

бы при сдѣлѣ Оверни обезпечена была вѣра и епископская власть; однакоже Овернь сдали безъ всякихъ условій, о чемъ Сидоній въ одномъ изъ приведенныхъ сочинителемъ писемъ съ благороднымъ негодованіемъ выражаетъ свое неудовольствіе (стр. 310—312). Эклицій бѣжалъ въ Бургундію; онъ не слѣдовалъ убѣжденіямъ ни Непота, ни Сидонія и его имя исчезаетъ изъ исторіи (стр. 313 и 314). Сидоній напротивъ сосланъ былъ въ крѣпость Ливію, лежавшую на испанской границѣ, откуда онъ возвратился уже по паденіи западной Римской имперіи, которое впрочемъ не замедлило совершиться. Именно Юлій Непотъ былъ низвергнутъ Орестомъ, который посадилъ своего малолѣтняго сына Ромула Августула на престолъ. Спустя годъ войска Одоакра взбунтовались, убили Ореста и объявили Римскій престолъ упраздненнымъ (стр. 314 и 315). Ейрихъ овладѣвъ всею южною Галліею и по ходатайству министра и любимца своего, Леона Нарбонскаго, позволилъ Сидонію, которому какъ образованному человѣку пребываніе между варварами было весьма тягостно, возвратиться изъ ссылки, (Сидоній для развлеченія себя перевелъ въ заточеніи жизнь Аполлонія Тіанскаго), но его задержали въ Бордо. На это Сидоній горько жалуется въ письмѣ, переведенномъ г. Ешевскимъ (стр. 316—324). Наконецъ, удостовѣрясь, что Ейрихъ не возвращаетъ ему прежней должности епископа изъ опасенія возстанія въ Оверни, Сидоній въ доказательство перемѣны своего образа мыслей рѣшился написать въ честь Ейриха панегирикъ, который онъ впрочемъ не прямо относитъ къ предмету своего ласкательства, но помѣщаетъ въ письмѣ къ Лампридію. Г. Ешевскій представляетъ переводъ этой оды и сильно порицаетъ Сидонія за такой низкій поступокъ, хотя самъ же говоритъ, что Сидоній сдѣлалъ это съ большимъ для себя насиліемъ (стр. 324—328). Въ награду за то Сидоній могъ опять возвратиться въ Овернь и тамъ управлять своимъ епископствомъ, однакожь онъ отказался писать исторію Ейриха, какъ ни убѣждалъ его къ тому Леонъ Нарбонскій (стр. 328—330). Королевскимъ

наиѣтникомъ въ Оверни Сидоній нашель Викторія, челоуѣка, котораго Григорій Турскій весьма порицаеть, а Сидоній напротивъ хвалить, впрочемъ кажется за то только, что онъ защищаль православную церковь и много для нея дѣлаль (стр. 330—332). Теперь Сидоній совершенно посвятиль себя своимъ духовнымъ обязанностямъ. Настало трудное время для православныхъ, потому что Ейрихъ преслѣдовалъ ихъ духовенство, какъ на-пр. всѣми высоко уважаемаго Фавста; впрочемъ въ Оверни онъ удерживался отъ гоненій, вѣроятно изъ опасенія къ храброму духу Овернянъ, который они показали въ войнѣ съ нимъ (стр. 332—335). Замѣчательнѣйшій памятникъ дѣятельности Сидонія, какъ епископа, есть его переписка съ представителями Галльской церкви. Онъ не достаточно былъ приготовленъ къ духовному сану и хотя со времени поступленія въ епископы занимался изученіемъ Св. писанія, однакоже война съ Готами много отвлекала его отъ этихъ занятій. Онъ самъ не скрываетъ своего незнанія въ богословскихъ предметахъ, и богословскія погрѣшности въ его письмахъ не должны насъ удивлять. Дѣятельность его по церкви ограничивалась практикою и нравственнымъ вліяніемъ. Лишь только онъ сдѣлался епископомъ, какъ отказался отъ всѣхъ литературныхъ трудовъ и посвятиль себя исключительно своей должности. Хотя его письма къ разнымъ духовнымъ лицамъ содержатъ въ себѣ много риторическаго, но они свидѣтельствуютъ намъ о важности епископа въ то время и знакомятъ насъ съ добросердечіемъ Сидонія. Самымъ откровеннымъ образомъ пишетъ онъ къ Лупъ (стр. 335—340). Помѣстивъ изъ Григорія Турскаго извѣстіе о смерти Сидонія, г. Ешевскій (стр. 340—342) замѣчаетъ, что Оверняне, забывъ недостатки Сидонія, помнили его краснорѣчіе и защиту Оверни, но что потомство можетъ судить о немъ только по его сочиненіямъ (стр. 342 и 343). Въ концѣ своей книги г. Ешевскій сообщаетъ нѣкоторыя извѣстія о ближайшемъ потомствѣ Сидонія, именно о его сынѣ и внуку (стр. 343—345).

Вообще въ этой третьей и послѣдней главѣ заключаются, относительно расположенія, изложенія и языка, тѣже достоинства, какія выставлены мною при разборѣ двухъ первыхъ главъ. Г. Ешевскій отлично объяснилъ противоположность, выражавшуюся во всѣхъ отношеніяхъ между духовнымъ и свѣтскимъ обществомъ V вѣка. Хорошо также изобразилъ внутреннее устройство церкви, участіе христіанскаго духовенства въ литературѣ, войну Оверни съ Эйрихомъ, жизнь Сидонія въ изгнаніи, равно какъ и послѣ возвращенія его въ Овернь. Сочинитель адѣсь, какъ и въ первыхъ главахъ, подтвердилъ достаточными доводами тѣ главныя положенія, которыя требовали по-видимому точнѣйшаго опредѣленія (стр. 249, 250 и слѣд. 259 и слѣд., 265 и слѣд., 268 и слѣд., 274 и слѣд., 282, 337 и т. д.) и представилъ довольно подробныя извѣстія даже о второстепенныхъ лицахъ, какъ напр. объ Эклициѣ (стр. 295 и слѣд.), о Лионскомъ священникѣ Констанціи (стр. 305 и слѣд.), о Леонѣ Нарбонскомъ (стр. 318 и слѣд.), о Викторіи (стр. 330 и слѣд.), о Фавстѣ (стр. 322 и слѣд.), о Лупѣ (стр. 339), о сынѣ и внуцѣ Сидонія (стр. 343 и слѣд.) Если и въ этой главѣ г. Ешевскій заслуживаетъ большой похвалы за изложеніе историческихъ фактовъ, которыми обставлена жизнь главнаго дѣйствующаго лица, то въ этой же главѣ находимъ новыя доказательства того, что у біографа былъ невѣрный взглядъ на характеръ Сидонія. Какъ всякая ошибка живописца въ очертаніи какой нибудь фигуры тогда выказывается явно, когда представимъ себѣ эту фигуру въ такомъ движеніи, которое бы давало возможность сличить надлежащее отношеніе отдѣльныхъ частей другъ къ другу и къ цѣлому; такъ точно и изображеніе характера какого либо лица тогда только оказывается дѣйствительно невѣрнымъ, когда видимъ, что это изображеніе не согласно съ поведеніемъ лица въ важнѣйшихъ случаяхъ его жизни; ибо характеръ человѣка вѣрнѣе всего познается вообще изъ его поведенія, особенно же изъ его дѣйствій въ важнѣйшихъ обстоятельствахъ жизни. Мы видимъ, что Сидоній

никогда въ жизни не выказывалъ большей дѣятельности, а тѣмъ менѣе свой настоящій характеръ, какъ при защитѣ Оверни противъ Ейриха. Еслибы г. Ешевскій за основу сужденія своего о Сидоніи принялъ образъ его поведенія при этомъ случаѣ; еслибы онъ изъ полученнаго такимъ образомъ результата исключилъ только то, что должно было по ходу дѣлъ приписать вліянію самыхъ обстоятельствъ, то характеристика его героя вышла бы вѣрнѣе. Тогда поведеніе Сидонія, казавшееся ему въ иныхъ случаяхъ столь предосудительнымъ, представилось бы ему яснѣе, потому что онъ былъ бы внимательнѣе къ свидѣтельствамъ, бывшимъ у него подъ рукою и оправдывающимъ поведеніе Сидонія (см. реценз. въ Соврем.). Но г. Ешевскій въ первыхъ двухъ главахъ своего сочиненія изобразилъ Сидонія отчасти самолюбивымъ, отчасти честолюбивымъ, безъ всякой силы воли, безъ твердости и въ политическихъ убѣжденіяхъ и въ характерѣ, и предполагаетъ, что риторическое направленіе подавило въ немъ даже теплоту чувства и всю прямоту въ дѣйствіяхъ. И такъ, при изложеніи блистательнаго періода жизни Сидонія, именно его геройской защиты Оверни, естественно онъ приходитъ въ затрудненіе, какимъ образомъ объяснить самоотверженіе, силу воли и глубину чувства, выказанныя тогда Сидоніемъ и согласить съ прежнимъ мнѣніемъ о характерѣ этого человѣка. По мнѣнію біографа, характеръ Сидонія измѣненъ былъ силою тогдашнихъ обстоятельствъ, какъ бы чудомъ. Не желая вовсе оспаривать возможности такого преобразованія, я однакожь думаю, что къ подобнымъ толкованіямъ можно прибѣгать только тогда, когда вовсе нельзя найти объясненія болѣе естественнаго, близкаго, а слѣдовательно лучшаго, и что по крайней мѣрѣ въ настоящемъ случаѣ совершенно не умѣстна такая насильственная попытка къ объясненію; потому что еслибы г. Ешевскій въ прежнихъ главахъ не такъ рѣзко выставилъ слабости Сидонія, если бы руководствовался болѣе свисходительнымъ мнѣніемъ Петиньи о его характерѣ и принялъ въ соображеніе то сильное впечатлѣ-

ніе, которое должны были произвести на всякаго патриота опасное положеніе Оверни и страданія туземцевъ, пылавшихъ любовію къ отечеству и ревностію къ вѣрѣ, и тѣмъ болѣе на Сидонія, который, какъ епископъ Оверни, стоялъ во главѣ ея жителей; тогда само собою исчезло бы въ поведеніи Сидонія то рѣзкое противорѣчіе, которое г. Ешевскій силится объяснить. Онъ самъ чувствовалъ, что это противорѣчіе требуетъ объясненія; такимъ образомъ онъ старается сколько возможно уменьшить неоспоримую заслугу Сидонія въ защитѣ Оверни и приписываетъ ее главнымъ образомъ его шурина, Эджицію. Но Эджицій только тогда пробился въ Клермонтъ, когда этотъ городъ былъ уже осажденъ Вестготами, а Овернь подъ начальствомъ Сидонія, своего епископа, уже давно ратовала съ врагами. И такъ, во всякомъ случаѣ Сидоній безъ вліянія и содѣйствія Эджиція началъ защищать Овернь, хотя безъ сомнѣнія по положенію дѣлъ могъ предвидѣть, что борьба за эту область будетъ весьма упорна. Конечно, Эджицій, какъ храбрый воинъ и опытный полководецъ, много могъ содѣйствовать защитѣ Оверни и, какъ воинъ, могъ играть при этомъ первую роль; однакоже душою всего должно признать Сидонія, который, какъ епископъ, былъ прямой глава Оверни. Далѣе, вѣроятно необходимость — сдѣлать изъ Эджиція личность, превышающую всѣ другія, за то, что онъ нѣкогда былъ здѣсь главнымъ лицомъ, — увлекла сочинителя въ лишній и болѣе подробный разговоръ о немъ, нежели какой можно помѣстить на основаніи достовѣрныхъ свидѣтельствъ. Сказавъ о юности Эджиція въ общихъ чертахъ только то, что безъ сомнѣнія можно примѣнить ко всякому молодому аристократу того времени, онъ на стр. 296 говоритъ: «до насъ не дошли подробности о дальнѣйшей дѣятельности сына Авита до той поры, когда событія въ Оверни не вызвали его на сцену». И такъ, откуда г. Ешевскій съ такою точностію могъ изучить характеръ Эджиція? Если сочинителю, по словамъ самаго г. Ешевскаго, (иначе и быть не можетъ, при недостаткѣ точнѣйшихъ свѣдѣній), достаточно

было, для изображенія Экдиція, одного поведенія послѣдняго при защитѣ Клермонта; то почему же въ сужденіяхъ своихъ о Сидоніѣ онъ не основывался на дѣйствіяхъ его при томъ же самомъ событіи? Также произвольно высказано, стр. 314, предположеніе о послѣднемъ времени жизни Экдиція: «По всей вѣроятности, Экдицій кончилъ свою жизнь въ подвигахъ христіанскаго благочестія, которое составляло такую же неотъемлемую принадлежность его благороднаго характера, какъ и никогда не измѣнявшее ему мужество.» Но противорѣчія, въ которыхъ, по нашему мнѣнію, г. Ешевскій запутался по причинѣ невѣрнаго понятія о характерѣ Сидонія, къ сожалѣнію еще здѣсь не оканчиваются. Возбудивъ въ насъ удивленіе къ Сидонію изображеніемъ его мужества при оборонѣ Оверни, онъ всячески опять старается представить его еще въ болѣшемъ униженіи. Именно Сидоній, въ письмѣ къ Лампридію (Ерр. VIII, 9), помѣстилъ свое стихотвореніе, въ которомъ изображаетъ могущество Ейриха иногда слишкомъ изысканными красками. Г. Ешевскій называетъ, на стр. 325, это стихотвореніе панегирикомъ Ейриху и сравниваетъ его съ стихотвореніями Сидонія въ похвалу Авита, Майоріана и Антемія. Въ томъ, что Сидоній могъ сдѣлать это, онъ видитъ (стр. 324) нравственное униженіе Сидонія и принимаетъ это стихотвореніе за новое доказательство того, что Сидоній былъ неисправимый риторъ, человекъ безъ твердыхъ убѣжденій, безъ вѣрной опоры. Еще болѣе; онъ находитъ въ этомъ стихотвореніи самое сильное подтвержденіе для своего взгляда, что главнымъ дѣйствовавшимъ лицомъ при оборонѣ Клермонта былъ не Сидоній, а Экдицій, который своимъ присутствіемъ и личнымъ вліяніемъ составлялъ опору для слабой воли Сидонія. Но если ближе присмотримся къ указанному сочиненію, то увидимъ, что оно совершенно отлично отъ панегириковъ Авиту, Майоріану и Антемію и едва ли можетъ быть названо панегирикомъ, потому что въ немъ не воспѣвается самъ Ейрихъ, а описывается одно впечатлѣніе, которое произведено было на Сидонія дѣй-

ствительно великимъ могуществомъ Ейриха. Что Сидоній былъ весьма далекъ отъ желанія лстать Ейриху, да и лесть не была бы кстати, ясно видимъ изъ того, что онъ напротивъ прямо отклонилъ отъ себя просьбу писать исторію Ейриха, хотя король легко могъ оскорбиться этимъ отказомъ. Далѣе, принявъ въ соображеніе, что пребываніе въ Бордо было для Сидонія весьма тягостно; что онъ показывалъ сильное желаніе возвратиться въ свое любимое отечество и въ свою епископію; что могущество Ейриха дѣйствительно ему внушало уваженіе; что онъ не могъ отказать въ благодарности королю за то, что послѣдній не только не притѣснялъ церкви въ Оверни, но даже сдѣлалъ нѣчто къ пользѣ ея; наконецъ, что ему стоило большаго принужденія написать это стихотвореніе — на все это соглашается самъ г. Ешевскій — и повторяю, принявъ все это въ соображеніе, едва-ли бы мы поняли, какимъ образомъ биографъ Сидонія въ этомъ поступкѣ его могъ найти что-нибудь унизительное и позорное, еслибы не имѣли права думать, что сочинитель всякое новое, хотя бы и мнимое доказательство охотно употреблялъ въ подтвержденіе своего личнаго взгляда, составленнаго прежде разбора событій. Между тѣмъ я, подобно другимъ двумъ рецензентамъ г. Ешевскаго, вижу въ разсматриваемомъ поведеніи Сидонія совершенно другое значеніе. Именно, мнѣ кажется, что сочиненіе этихъ стиховъ было не только извинительнымъ, но даже самымъ естественнымъ средствомъ для Сидонія къ улучшенію его собственнаго положенія и положенія его отечества, въ которое онъ не надѣялся безъ этого возвратиться. Точно, Сидоній задержанъ былъ въ Бордо изъ опасенія, чтобы появленіе его въ Оверни не произвело тамъ возстанія, а потому епископъ въ своемъ стихотвореніи выражаетъ свое высокое мнѣніе о силѣ Ейриха, показывая тѣмъ, что онъ не смѣетъ и думать о возмушеніи Оверни противъ него. Онъ своимъ стихотвореніемъ старается только успокоить Ейриха на счетъ возстанія въ Оверни, котораго тотъ опасался, и дѣйствительно, какъ мы знаемъ, Сидоніи до-

стигъ своей цѣли. Я здѣсь не вижу никакого самоуниженія поэта, а только вижу благоразумно обдуманное дѣйствіе добродушнаго по природѣ, незлопамятнаго и опытнаго въ придворной политикѣ мужа, который охотно уступаетъ суровой смѣлѣ и не робѣеть въ приступѣ къ примиренію, если малымъ пожертвованіемъ надѣется достигнуть давно желанной великой цѣли. Но довольно объ этомъ предметѣ; хотя я не могу согласиться съ строгимъ приговоромъ біографа о характерѣ Сидонія, однакоже я обязанъ отдать должную справедливость сочинителю, что и въ этой главѣ содержится много прекраснаго.

Въ разборѣ моемъ я старался доказать, что г. Ешевскій въ своемъ сочиненіи основательно обработалъ предметъ самъ по себѣ весьма важный и занимательный; что онъ своимъ трудомъ пополнилъ пробѣлъ въ древнѣйшей исторіи Франціи и въ исторіи римской словесности; что онъ удачно преодолѣлъ значительныя затрудненія; наконецъ, что онъ не только избралъ лучшій путь для достиженія своей цѣли, но дѣйствительно достигъ ея съ честію для себя, потому что сочиненіе его много способствуетъ къ лучшему уразумѣнію одного изъ важнѣйшихъ отдѣловъ всемірной исторіи и притомъ можетъ быть разсматриваемо какъ первое основательное и полное, спеціальное сочиненіе объ Аполлинарій Сидоніи.

Если еще разъ вкратцѣ исчислимъ достоинства этого сочиненія, то увидимъ, что они состоятъ: въ тщательномъ и добросовѣстномъ изученіи важнѣйшихъ источниковъ, въ осторожномъ, почти всегда безпристрастномъ и зрѣломъ сужденіи, въ правильномъ пониманіи историческихъ фактовъ, въ искусномъ распредѣленіи и группировкѣ матеріаловъ, что единственно даетъ возможность ясно представить самыя разнообразныя отношенія; въ увлекательномъ изображеніи, наконецъ въ правильномъ, простомъ, благородномъ языкѣ, всегда соответствующемъ рассказываемому предмету. Такимъ образомъ указанные мною недостатки, въ сравненіи съ такими важными достоинствами, въ сущности, могутъ быть почти вовсе неприняемы въ расчетъ. Не-

достатки эти состоятъ именно: въ невѣрности и неточности перевода мѣстъ, приведенныхъ изъ Сидонія; въ несовсѣмъ вѣрномъ изображеніи характера Сидонія, и наконецъ въ томъ, что сочинитель въ нѣкоторыхъ мѣстахъ слишкомъ вѣрныя и смѣлыя предположенія основываетъ на неопредѣленныхъ и недостаточныхъ свидѣтельствахъ древнихъ писателей. Кромѣ того, принявъ въ соображеніе съ одной стороны, что удачныя спеціальныя сочиненія этого рода не только въ нашей литературѣ, но и вездѣ, теперь весьма рѣдки; что наука древности, долгое время оставшаяся у насъ безъ обработки и только недавно получившая нѣкоторое движеніе, требуетъ еще поощренія для того, чтобы она дѣятельно подвигалась впередъ, — и съ другой стороны, что сочиненіе г. Ешевскаго отчасти есть зрѣлый плодъ трудовъ по предмету древности; что сочинитель обнаружилъ истинно большую смѣлость и усердіе, рѣшившись на этотъ трудъ, не смотря на славныя имена ученыхъ, которые уже испытывали свои силы на томъ же поприщѣ, ни на весьма большія затрудненія, которыя ему здѣсь представлялись: я полагаю, что сочиненіе г. Ешевскаго можетъ быть удостоено по крайней мѣрѣ *половинной*, если не полной Демидовской преміи.

РАЗБОРЪ

ИЗДАНОЙ П. БЕЗСОНОВЫМЪ КНИГЪ:

БОЛГАРСКІЯ ПѢСНИ,

СОСТАВЛЕННЫИ

АДЪЮНКТОМЪ АКАДЕМИИ ДУБРОВСКИМЪ.

Записываніе и собраніе народныхъ пѣсенъ, какъ извѣстно, соединено съ чрезвычайными трудностями; оно требуетъ особеннаго приготовленія и, скажемъ болѣе, особеннаго таланта. Не многимъ удавалось достигнуть возможно-полнаго успѣха въ этомъ дѣлѣ, которое трудно уже потому, что народныя пѣсни созданы не для чтенія, а для пѣнія. Такимъ образомъ онѣ тѣсно соединяются съ музыкою, или напѣвомъ;—отъ нихъ то много зависитъ весь складъ пѣсни и размѣръ ея стиха, такъ, что не рѣдко, по требованію музыкальнаго такта, слова пѣсни должны то удлинняться, то сокращаться, то измѣнять самое удареніе. Сколько смѣтливости и искусства долженъ имѣть собиратель, чтобы схватить главные отгѣнки пѣсенъ и не исказить ихъ настоящаго характера! Наконецъ, чтобы имѣть доступъ къ народной поэзіи, нужно глубоко сочувствовать простому народу и изучить его быть во всѣхъ подробностяхъ; сверхъ того необходимо имѣть врожденное призваніе къ самой поэзіи вообще.

Выполненія всѣхъ этихъ требованій не лзя и ожидать отъ г. Безсонова, потому что самъ онъ не былъ личнымъ собирателемъ Болгарскихъ пѣсенъ и только пользовался посторонними сборниками Венелина, Катранова и другихъ Болгаръ. — Какъ увидимъ, г. Безсоновъ не всегда почерпалъ свои запасы изъ вѣрныхъ источниковъ. Во всякомъ случаѣ ему мы обязаны изда-

ніемъ обширнаго сборника Болгарскихъ пѣсенъ. До него онѣ являлись въ печати только въ небольшомъ числѣ, разбросанныя по разнымъ изданіямъ. Знаменитый собиратель Сербскихъ пѣсенъ Вукъ Стефановичъ Караджичъ, еще въ 1822 году, кажется, первый напечаталъ нѣсколько Болгарскихъ пѣсенъ въ своемъ «Додатакъ к Санктпетербургскимъ сравнительнымъ рѣчищуамъ (У Бечу, 1822). Уже въ позднѣйшее время явился небольшой сборникъ Богоева, потомъ нѣсколько пѣсенъ напечаталъ Босилинъ, въ своемъ букварѣ, изданномъ въ Москвѣ; помѣщены также нѣкоторыя Болгарскія пѣсни въ журналѣ *Kolo*, издан. въ Загребѣ, въ Цареградскомъ Вѣстникѣ, наконецъ въ Москвитянинѣ и въ Извѣстіяхъ 2-го Отдѣленія И. А. Н. — Большая часть всѣхъ этихъ пѣсенъ также вошла въ сборникъ г. Безсонова. Вотъ, кажется, всѣ печатныя изданія, которыя ему были извѣстны.

Взглянемъ же теперь на содержаніе этого сборника. — Онъ состоитъ изъ трехъ отдѣловъ. Въ 1-мъ разсмотрѣнъ эпосъ Сербскій и Болгарскій, въ историческомъ и топографическомъ отношеніяхъ; во 2-мъ изложены главные вопросы языка Новоболгарскаго, условливающіе собою его правописаніе, и въ 3-мъ заключаются самыя пѣсни, которыя г. Безсоновъ раздѣляетъ на *юнацкія* и *женскія*. Къ 1-му разряду онъ относитъ, такъ названныя имъ, пѣсни *молодецкія*, *героическія* или *эпическія*; ко 2-му: *мнеологическія* или *баснословныя*, *колядки*, *кралицкія*, *сватовскія*, *свадебныя*, *пастушескія*, *подорожныя*, *хороводныя*, *любовныя*, и проч. Сверхъ того присоединены пѣсни *воинскія* или *воинственныя*, стихи и переводы Болгаръ и Болгарская *здравица* (т. е. застольная пѣсня). Въ концѣ 2-го выпуска помѣщено оглавленіе пѣсенъ Новоболгарскихъ съ показаніемъ источниковъ, откуда онѣ заимствованы и нарѣчія, на которомъ сложены. Присоединенъ также словарь-указатель отдѣльныхъ словъ и рѣченій, встрѣчающихся въ напечатанныхъ въ этомъ сборникѣ Болгарскихъ пѣсняхъ, и объясненныхъ примѣчаніями.

Представляя отчетъ объ этомъ замѣчательномъ трудѣ, какъ въ отношеніи къ языку Новоболгарскому, такъ и къ самымъ пѣснямъ, я буду пользоваться указаніями двухъ ученыхъ Болгаръ, основательныхъ знатоковъ Болгарской народности.

Въ обзорѣ эпоса Сербскаго и Болгарскаго, г. Безсоновъ, основываясь на народныхъ пѣсняхъ, представляетъ любопытныя свѣдѣнія объ исторіи и народной поэзіи Болгаръ и Сербовъ. — Главные вопросы языка Новоболгарскаго разсмотрѣны подробно, хотя, какъ увидимъ далѣе, они исполнены ошибокъ, безъ сомнѣнія потому, что собиратель не совершенно изучилъ Болгарское нарѣчіе и большею частію въ своихъ выводахъ основывался на искаженныхъ пѣсняхъ. Какъ бы то ни было, заслуга его состоитъ въ томъ, что онъ первый на Русскомъ языкѣ, въ обширномъ объемѣ, разсмотрѣлъ грамматическія формы Болгарскаго языка. Что касается до самыхъ пѣсень, то въ сборникѣ г. Безсонова, заключается не малое число (именно 90) такихъ, которыя переданы хорошо и вѣрно. Считаю долгомъ здѣсь отмѣтить ихъ: № № III, IV, V, VI, VIII, IX, XV, XVII, XVIII, XIX, XXII, XXV, XXVII, XVIII, XXIX, XXX, XXXII, XXXIII, XXXIV, XXXV, XXXVI, XXXVII, XXXVIII, XXXIX, XL, XLI, XLII, XLIII, XLIV, XLV, XLVI, XLVIII, XLIX, LIII, LIV, LXI, LXII, LXIII, LXIV, LXV, LXVI, LXVII, LXVIII, LXX, LXXI, LXXII, LXXIII, LXXIV, LXXV, LXXVI, LXXVII, LXXVIII, LXXIX, LXXX, LXXXI, LXXXII, LXXXIII, XC, XCI, XCIV, XCVII, XCVIII, XCIX, CII, CIII, CIX, CXI, CXIV, CXV, CXVIII, CXIX, CXX, CXXI, CXXII, CXXIII, CXXIV, CXXV, CXXVI, CXXVII, CXXVIII, CXXIX, CXXX, CXXXI, CXXXII, CXXXIII, CXXXIV, CXXXV, CXXXIX, CXL, CXLI.

Прочія пѣсни, болѣе или менѣе, неправильно записаны. Для доказательства нѣкоторыя изъ нихъ можно сравнить съ тѣми пѣснями, которыя напечатаны въ Извѣстіяхъ 2-го Отд. А. Н. — Замѣтимъ еще слѣдующія пѣсни: № XI. Во многихъ мѣстахъ этой пѣсни нѣкоторыя частицы или пропущены, или прибавлены, такъ, что стихи не вездѣ равны. Размѣръ стиховъ до

7-го, съ самаго начала, правилень, потомъ перемѣшанъ, что замѣтно и во многихъ другихъ пѣсняхъ. — Въ пѣсни подъ № XLVI, послѣ стиха 25-го, пропущенъ стихъ: «Той си харбиж прѣскокнѣ.» — Пѣсня подъ № LI приведена не вся; только начало. Пѣсня подъ № LII чуть ли не сочинена или передѣлана; а пѣсня подъ № LIX — цыганская, переведенная съ Турецкаго плохимъ языкомъ.

Теперь мы сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній, касательно вопросовъ Новоболгарскаго языка и объясненій пѣсенъ.

Въ вопросахъ языка Новоболгарскаго, на стр. 98-й, г. Безсоновъ утверждаетъ, что «правила членовъ соблюдаются въ точности *только на письмѣ.*» Напротивъ, они совершенно правильно употребляются въ говорѣ. Что же касается до письменнаго ихъ употребленія, то оно не точно и не одинаково. Почти всѣ Болгарскія книги переводились или съ Греческаго, или съ Русскаго, и даже съ Сербскаго, отъ того и члены употреблялись, или не употреблялись, смотря по тому, съ какого языка переводилась книга.

Стр. 103. «Чтобы напомнить склоненіе Ц. Славянскаго *съ* и *вьсь*, въ Н. Болгарскомъ существуетъ только *се*, и то въ смыслѣ нарѣчія.» Такъ несправедливо замѣчаетъ г. Безсоновъ; потому что въ Болгарскомъ существуетъ не только *се*, но и *все* (сред. р.) и *вся* (ж. р.), даже *весь*, хотя и рѣдко; также говорится *све*, какъ въ Сербскомъ.

Стр. 104 — 105. Авторъ замѣчаетъ: «*Кои* съ предлогами употребляется для всѣхъ косвенныхъ падежей, для именительнаго (въ сложномъ видѣ *нѣкто*) употребляется уже мѣстоименіе *кѣй-то* или *кой-то*», и т. д. Это неправильно: употребляется просто *кой*, ибо *кой-то* значитъ *который*, какъ мѣстоименіе относительное.

На стр. 116-й сказано, что въ Новоболгарскомъ языкѣ потеряно 3-ье лицо множ. числа аориста (*шл*), замѣняющееся окончаніемъ прошедшаго несовершеннаго (*хж*). Здѣсь нужно за-

мѣтить, что 3-е лице на *шя* потеряно не во всѣхъ мѣстахъ; въ другихъ же употребительно *жж*, какъ-то: около Софіи, Врацы, Радомира, Брезника и др., также кое-гдѣ во Фракіи.

На 148-й стр. авторъ утверждаетъ, что вспомогательный глаголь, находясь впереди главнаго, для перваго лица един. чис. имѣеть *штж*, а для всѣхъ остальныхъ лицъ обоихъ чиселъ *ште*; — но это ошибка; ибо одни выговариваютъ *штж*, другіе *ште*, даже *жда*, *жде*, также *шда*, *шде*, для всѣхъ лицъ и обоихъ чиселъ. Оно составлено изъ вспомогательнаго *штж* и частицы *де*.

Многія слова и выраженія въ Болгарскихъ пѣсняхъ истолкованы также ошибочно и невѣрно. Укажу на нѣкоторыя изъ нихъ:

Выпускъ первый. Стр. 170, стихи 9 и 10.

«Ако мя сѣрце брѣте, боли,
За Минуша мя поболѣ».

Г. Безсоновъ эти стихи объясняетъ слѣдующимъ образомъ: «Если у меня сердце (животъ) болитъ, то за Минуша (отъ жалости по немъ) еще болѣ (болитъ; — замѣьте въ эпич. языкѣ память о сродствѣ корней: *бол-ѣ-ть* и *бол-ій*, *бол-ыйшій*)». Последнее слово 2-го стиха: *поболѣ*, г. Безсоновъ употребилъ вмѣсто *по боли* (больше болитъ), вѣроятно предполагая, что *по*, употребляемое передъ прилагательнымъ для показанія сравнительной степени, не употребляется и передъ глаголомъ въ смыслѣ *болѣе*.

Стр. 172 и 173, стихъ 9-й и 10-й:

«Отбило ся к, отбило
На хайдушко-то кладенче».

При словѣ перваго стиха: *отбилося*, г. Безсоновъ замѣчаетъ: «Техническое выраженіе о гайдукахъ = заворовался, отвернулся (корень одинъ), завернулъ». Это слово значитъ просто — своротило съ дороги, завернуло куда-нибудь по дорогѣ. — *Отбихся у васъ*, я завернулъ, зашелъ мимоходомъ къ вамъ.

Стр. 260, стихъ 12-й: «Отвѣчва Царь Константинъ».

Слово *отвѣчва* г. Безсоновъ принимаетъ за старинную форму, между тѣмъ какъ въ немъ видно вліяніе Русское; по Болгарски слѣдуетъ сказать; *отвѣщава* (сравните: *пець*—печь; *нощъ* — ночь; *нощувать* — ночевать, и др.).

Выпускъ второй. Стр. 11-ая, стихи 3-й, 4-й, 5-й, 6-й и 7-й:

Дѣ штемъ Бѣгу
Людки вѣсятъ?
Вѣси — штемъ га
Отъ два слѣбца
Калинкови.

Издатель объясняетъ: «Свѣсилъ колыбелки (ку) съ двухъ столбиковъ калиновыхъ, повѣсилъ на двухъ столбцахъ.» Слово *слѣбецъ* истолковано неправильно, оно значитъ: *вѣтка, стебель*.

Стр. 14-ая, стихъ 2-й: «А одби ми се еде вотѣ от милнаго рода.»

Этотъ стихъ совершенно искаженъ. Его нужно исправить слѣдующимъ образомъ: «А одби ми се е девотѣ (т. е. дѣвушка) отъ милнаго рода.»

Такимъ образомъ г. Безсоновъ ошибочно объясняетъ, будто бы *отбило ся*, значитъ отбилось, оторвалось, тогда какъ слѣдовало бы сказать: разсталось, разлучилось. Онъ принялъ также е и *де* за одно слово, а вмѣсто *девотѣ* (дѣвушка) вышло *вотѣ*, т. е. плодъ, овощъ.

На стр. 19-ой, употребленное въ 12-мъ стихѣ слово: *було*, г. Безсоновъ объясняетъ: «головной уборъ замужнихъ женщинъ»; но оно значитъ покрывало, которымъ невѣста покрывается, идя къ вѣнцу.

Стр. 33-я, стихъ 4-й:

«Застрѣла чѣрни очи.»

Издатель при словѣ *застрѣла* замѣчаетъ, что въ Болгарскихъ пѣсняхъ очи постоянно пускаютъ стрѣлы, стрѣляютъ;

но *стрѣляю очи* значить бросаю взоры, повожу глазами; такъ точно какъ въ Польскомъ нарѣчїи: *strzelać oczyma*.

Стр. 47-ая, ст. 5-й и 6-й:

•Какъ ни бѣ дѣвѣйка,
Кони си бихъ продагъ. •

Первый стихъ г. Безсоновъ объясняетъ слѣдующимъ образомъ; «Если бы намъ, на нашу долю была дѣвушка, если бы можно намъ достать ее, продалъ бы коня.... Издатель переводитъ: почему она не дѣвица?» — Но издатель перевелъ хорошо. Можетъ быть, г. Безсоновъ принялъ *ни* за мѣстоимѣніе *намъ*, тогда какъ оно здѣсь значить *ме* и написано *ни* по произношенію, потому что, въ этомъ случаѣ, буква *е* безъ ударенія выговаривается какъ *и*. — Это видно по дальнѣйшему смыслу пѣсни.

Стр. 109, ст. 1-й и 2-й:

•Завѣвай байракъ
Ты на лѣшь войвода. •

Собственное имя предводителя гайдуковъ: *Налошь* или *Ла-лошь*, здѣсь измѣнено въ *на лошь*; отъ этого издатель сдѣлалъ произвольное объясненіе: *ты намъ плохъ воевода!*

Стр. 112-ая. При начальныхъ словахъ пѣсни: *И у долу*, г. Безсоновъ замѣчаетъ: «По низу, по низовью; *долу*, какъ нарѣчїе съ предлогомъ (въвъ), и какъ запѣвъ, довольно странно.» — Это объясненіе ошибочно. *И у долу* составляетъ одно слово: *отдолу*. Буква *т*, въ предлогѣ *отъ* передъ *д* произносится слабо; *о* безъ ударенія нѣкоторыми выговаривается, какъ *у*, а всѣ гласныя въ началѣ словъ іотируются. Такъ происходитъ: *юдолу*, записанное: *и у долу*.

Можно сдѣлать еще болѣе замѣчаній о неисправностяхъ и ошибкахъ, встрѣчающихся въ сборникѣ г. Безсонова; но они не отняли бы достоинства у его труда, какъ перваго опыта въ своемъ родѣ, предпринятаго въ ученой Русской литературѣ. Выше я указалъ на значительное число пѣсенъ вѣрно передан-

ныхъ; онѣ-то и придаютъ сборнику г. Безсонова немаловажную цѣнность для занимающихся Славянскою народною литературою. Замѣчательную часть этого труда составляетъ также обзоръ эпоса Болгарскаго и Сербскаго.

Не лѣзя не отдать справедливости трудолюбію г. Безсонова, можно даже сказать, его самоотверженію, съ какимъ онъ посвятилъ себя предпріятію, совершенно новому и не имѣющему у насъ хорошихъ пособій. — Онъ вполне заслуживаетъ поощрительной Демидовской награды.

РАЗБОРЪ

СОЧИНЕНИЯ

Г. КАЧЕНОВСКАГО

ПОДЪ ЗАГЛАВИЕМЪ:

**О КАПЕРАХЪ И ПРИЗОВОМЪ СУДОПРОИЗВОДСТВѢ
ВЪ ОТНОШЕНИИ КЪ НЕЙТРАЛЬНОЙ ТОРГОВЛѢ,**

СОСТАВЛЕННЫЙ

Орд. Проф. С. ПЕТЕРБ. УНИВЕРС. И. С. ИВАНОВСКИМЪ.

Торговля нейтральныхъ державъ съ воюющими подвергалась и подвергается донинѣ извѣстнымъ ограниченіямъ относительно мѣста (право блокады), относительно предметовъ торговли (военная контрабанда) и относительно перевозки товаровъ, принадлежащихъ воюющимъ подъ нейтральнымъ флагомъ, равно какъ и товаровъ, принадлежащихъ нейтральнымъ подъ флагомъ воюющихъ державъ. Законными средствами для введенія въ дѣйствіе сихъ ограниченій считались: осмотръ кораблей со стороны воюющихъ, раздача ими арматорскихъ патентовъ частнымъ каперамъ, наконецъ утвержденіе за каперами кораблей, захваченныхъ сообразно съ законами морской войны, по рѣшеніямъ призовыхъ судовъ.—Такъ какъ эти *пять* или *шесть* вопросовъ не рѣшены до сихъ поръ окончательно положительнымъ международнымъ правомъ и исполнены живаго интереса, то они занимали, въ настоящемъ и прошедшемъ столѣтіяхъ, умы весьма многихъ публицистовъ и разобраны ими въ мельчайшихъ подробностяхъ. Монографіи и систематическія сочиненія о морскомъ нейтралитетѣ столь многочисленны, что могли бы составить цѣлую библіотеку, и смѣло можно сказать, что, при настоящемъ состояніи практики международной, они почти исчерпаны съ догматической точки зрѣнія. Нѣтъ ни одного, сколько нибудь важнаго случая, относящагося къ нимъ, который бы не былъ разсмотрѣнъ, разрѣшенъ. Изысканія большей части писателей приводятъ къ результатамъ почти одно-

образнымъ. Въ настоящее время едва ли можно придумать новую теорію морскаго нейтралитета.

Но если *догматическая* сторона вопросовъ о морскомъ нейтралитетѣ до такой степени разработана, что трудно высказать о немъ что-нибудь совершенно новое, оригинальное, то напротивъ *историческая* сторона этого предмета можетъ быть еще обрабатываема съ успѣхомъ. Не всѣ источники рассмотрѣны; въ исторіи прошедшаго можно найти много фактовъ, дополняющихъ и уясняющихъ постепенное развитіе понятій о нейтральной торговлѣ. Къ подобнымъ изслѣдованіямъ относится и трудъ г. Каченовскаго, незамѣчательный по окончательнымъ теоретическимъ результатамъ, но заслуживающій одобренія по полнотѣ и послѣдовательности изложенія, равно какъ по богатству матеріаловъ, которыми умѣлъ воспользоваться авторъ.

Предметомъ сочиненія г. Каченовскаго есть *каперство* въ его отношеніяхъ къ нейтральной торговлѣ, а такъ какъ этотъ обычай морской войны тѣсно связанъ съ устройствомъ призовыхъ судовъ, которые утверждаютъ за каперами собственность на призы, то авторъ разсматриваетъ и начала призовога судопроизводства.

Г. Каченовскій дѣлитъ исторію каперства на 5 періодовъ. Въ первомъ періодѣ — до начала XVI столѣтія — каперство почти ничѣмъ не отличалось отъ корсарства. Мало по малу правительства стараются обуздать своеволіе морскихъ разбойниковъ и подчинить ихъ своимъ адмираламъ, учреждаютъ призовые суды. — Понятіе нейтралитета едва только начинаетъ вырабатываться въ сознаніи народовъ, не возбуждаетъ еще интереса и не вызываетъ споровъ международныхъ. Авторъ старается прояснить вопросъ: какимъ образомъ ни чьей власти надъ собою непризнающіе корсары превратились въ отвѣтственныхъ каперовъ; представляетъ очеркъ морскихъ разбоевъ и морскихъ войнъ этого періода, очеркъ — какъ онъ самъ сознается, еще весьма неполный, но не смотря на то занимательный, тѣмъ бо-

лѣе, что до сихъ поръ почти никто еще не коснулся этого вопроса.

Начиная съ XVI столѣтія, подъ вліяніемъ идей меркантильной системы, правительства издають противъ нейтральной торговли стѣснительные декреты; каперство достигаетъ огромныхъ размѣровъ; въ призовыхъ судахъ вкореняются злоупотребленія; въ особенности Великобританія старается подавить нейтральную торговлю и сдѣлать свои призовые законы обязательными для Европы. — Нейтральные стараются смягчать посредствомъ трактатовъ суровость средневѣковаго призоваго законодательства и обезпечить, въ видѣ изытія изъ общаго правила, въ видѣ привилегіи, свободу флага для своихъ кораблей. — Когда эта свобода нейтральнаго флага, появившаяся въ видѣ явленія случайнаго, произвольнаго, распространилась, принята была во множествѣ трактатовъ, континентальныя державы, въ оппозиціи съ Великобританіею во время Сѣверо-Американской войны, принимаютъ ее за безусловное начало, вытекающее изъ самой идеи нейтралитета, требуютъ ея соблюденія независимо отъ трактатовъ. Вооруженный нейтралитетъ 1780 г. наноситъ сильный ударъ каперству, даетъ начало благодѣтельнымъ реформамъ съ 1780 по 1793 годъ.

Вооруженный нейтралитетъ 1780 г. былъ столь рѣшительнымъ и многознаменательнымъ переворотомъ въ морскомъ международномъ правѣ, что безъ сомнѣнія ему надо бы взять за исходную точку новаго порядка вещей. Все пространство времени отъ начала XVI столѣтія до 1793 г. слѣдовало бы раздѣлить на два періода: отъ начала XVI ст. до 1780 г. и отъ 1780 до 1793 года. — Г. Каченовскій предпочелъ другое дѣленіе и за раздѣльный пунктъ втораго и третьяго періодовъ каперства принялъ *Утрехтскій* трактатъ 1713 г. По его мнѣнію, на Утрехтскомъ конгрессѣ западныя державы согласились между собою относительно основныхъ началъ нейтралитета (стр. 46 и 47), но, прибавляетъ авторъ, впадая самъ съ собою въ противорѣчіе, «онъ не позаботился о томъ, чтобы придать

«имъ всеобщую обязательную силу». Въ Утрехтскомъ трактатѣ принимали участіе только Англія, Франція, Голландія и Испанія. Началь нейтралитета онѣ не опредѣлили, а если приняли начало: *bord libre rend marchandise libre*, то это было постановленіе произвольное, имѣвшее обязательную силу для однихъ только договаривающихся, ни сколько не касавшееся другихъ державъ и вытекавшее не изъ идеи нейтралитета, но изъ добровольнаго соглашенія. — Трактатъ Утрехтскій, въ отношеніи къ свободѣ нейтральнаго флага, вполне подходитъ подъ одинъ разрядъ съ трактатами Франціи и Голландіи съ Портою 1604 и 1612 г., Франціи съ Голландіею 1646 г., Испаніи съ Голландіею 1654 г. и множествомъ другихъ, въ которыхъ принято начало: *le pavillon couvre la cargaison et la confiscation*. За чѣмъ же брать Утрехтскій миръ за начало новаго періода, предпочтительно передъ которымъ нибудь изъ этихъ старшихъ по времени трактатовъ?

Во второмъ періодѣ (отъ XVI вѣка до 1713 г.) авторъ слѣдитъ за содержаніемъ трактатовъ и развитіемъ внутренняго законодательства Европейскихъ державъ. Впрочемъ здѣсь его изложеніе не содержитъ ничего новаго, чего бы не было у *Wheaton'a*, *Hautefeuille*, *Massé* и другихъ. — Въ третьемъ періодѣ (1713—1793) онъ излагаетъ подробно дѣло о Силезскомъ займѣ, руководствуясь *Causes célèbres* Мартенса, и Вооруженный Нейтралитетъ, по источникамъ болѣе или менѣе уже извѣстнымъ.

Четвертый періодъ (1793—1815) представляетъ мрачную картину потрясенія всѣхъ уже выработавшихся въ сознаніи народовъ въ прежнее время началъ о нейтралитетѣ. Сама идея нейтралитета исчезаетъ въ регламентахъ государствъ, ведущихъ ожесточенную борьбу, а призовые суды дѣлаются орудіемъ, такъ сказать, торговой инквизиціи. — Недовольствуясь изложеніемъ трактатовъ, авторъ обратился къ внутреннему законодательству государствъ воюющихъ, въ особенности Великобританіи и Франціи, гдѣ практика призовыхъ судовъ приобрѣла стройность и послѣдовательность подъ вліяніемъ Уилліама

Скотта и Порталиса. По протоколамъ судовъ, по малозвѣстнымъ у насъ источникамъ англійскимъ, американскимъ, нѣмецкимъ, г. Каченовскій мастерски очерталъ направленіе призывной судебной современной практики. — *Этотъ очеркъ* (стр. 84 до 110) *такъ округленъ, такъ положенъ, что составляетъ самъ по себѣ особый трактатъ и есть самая лучшая, такъ сказать, капитальная часть всего сочиненія.*

Пятый періодъ (отъ 1815 до нынѣ) представляетъ безостановочное развитіе морскаго международнаго права на началахъ Вооруженнаго Нейтралитета, — *паденіе каперства.* Въ дѣйствіяхъ государствъ замѣтно видимое стремленіе къ смягченію бѣдствій морской войны. Значительное большинство писателей склоняется въ пользу свободы нейтральной торговли и къ освобожденію ея отъ всѣхъ тѣхъ стѣсненій, которыя не вытекаютъ изъ разумной идеи войны. Авторъ довелъ разборъ трактатовъ до послѣднихъ временъ, включилъ даже дипломатическіе акты, изданные по поводу настоящей войны. — Потомъ онъ дѣлаетъ подробный разборъ мнѣній писателей относительно подсудности дѣлъ о морскихъ призахъ и относительно каперства. — Будучи рѣшительнымъ противникомъ каперства, авторъ питаетъ надежду, что оно исчезло уже безвозвратно, что его можно будетъ вскорѣ отнести къ *antiquitates juris*, наконецъ изъявляетъ желаніе, чтобы частная непріятельская собственность была изъята отъ конфискаціи воюющими на морѣ, какъ она изъята на сушѣ, — словомъ, чтобы въ практикѣ морской войны были приняты тѣ же начала, которыя соблюдаются въ войнѣ континентальной.

Г. Каченовскій обнаружилъ въ своемъ сочиненіи многостороннюю начитанность, и хотя многія части его труда не содержатъ ничего новаго, за то другія отличаются полнотою содержанія и самостоятельностью взгляда. — Однако собственныя его сужденія не вездѣ логичны и правильны, грѣшатъ иногда неопредѣлительностью и содержатъ довольно разительныя противорѣчія.

Такъ на-пр. г. Каченовскій очень не кстатн задаетъ себѣ вопросъ: «въ какихъ предѣлахъ воюющіе могутъ осуществлять надъ нейтральными призовую юрисдикцію?» (стр. 142).— По мнѣнію его, призовые суды суть учрежденія международныя (146). Считать ихъ учрежденіями внутренними, не имѣющими международного характера, значить усвоить одному народу надъ другимъ законодательную власть (147). Если приговоръ призоваго суда сообразенъ съ трактатами и обычаями народовъ, то онъ имѣетъ обязательную силу и для нейтральнаго купца; въ противномъ случаѣ онъ не обязательенъ для нейтральныхъ. Авторъ предлагаетъ государствамъ учреждать смѣшанные призовые суды изъ подданныхъ воюющихъ и нейтральныхъ державъ, и жалѣетъ, что международная практика не согласна съ его теоріею (145).

Всѣ эти мнѣнія автора не могутъ выдержать критики. Практика международная логичнѣе г. Каченовскаго въ этомъ отношеніи. Ея правила сообразнѣе съ идеею нейтралитета. Никогда, ни въ какомъ случаѣ воюющій не имѣетъ юрисдикціи надъ нейтральнымъ. Допускать подсудность нейтральныхъ государствъ судамъ воюющихъ, въ какомъ бы то ни было случаѣ, значить подчинять одно государство другому. Въ глазахъ нейтральнаго, призовый судъ воюющаго есть только государственное установленіе той державы, которой принадлежитъ каперъ. Приговоры суда воюющей державы нисколько для нейтральнаго не обязательны и ничѣмъ не отличаются отъ мѣръ чисто административныхъ воюющаго государства. Нейтральные купцы, коихъ права нарушены были каперомъ, могутъ по правилу: *actor sequitur forum rei*, искать правосудіе у властей, коимъ подчиненъ каперъ, вчинать противу него искъ (*Reclamationsprocess*); въ случаѣ же отказа въ правосудіи, они обращаются къ своему собственному государству, которое вступается за нихъ путемъ дипломатическихъ сношеній, реторсій, репрессалій и даже войны. — Смѣшанныя комисіи, въ которыхъ г. Каченовскій видитъ осуществленіе своей идеи (150), ни-

сколько не походить на призовые суды. Онѣ учреждались и учреждаются не на время войны, но по ея окончаніи; онѣ налагаются *ad hoc*, для рѣшенія нѣкоторыхъ неоконченныхъ споровъ международныхъ. Заключенія ихъ не имѣютъ никакой обязательной силы до тѣхъ поръ, пока не утверждены правительствами, ихъ нарядившими. Онѣ суть ни что иное, какъ особенный видъ дипломатическихъ сношеній.

Выходя изъ ложной точки зрѣнія, что въ извѣстныхъ случаяхъ воюющей имѣетъ юрисдикцію надъ нейтральнымъ, авторъ считаетъ въ призовомъ судѣ капера истцомъ, а нейтральнаго отелъчикомъ, видитъ осуществленіе власти воюющаго надъ нейтральнымъ въ осмотрѣ кораблей и придаетъ слишкомъ большую важность автономіи призовыхъ судовъ. Приговоры Скотта или Порталиса имѣютъ отношеніе весьма косвенное къ международному праву; у автора они являются судьями, рѣшающими международные споры, между тѣмъ какъ они были ничто иное, какъ судіи, примѣняющіе регламенты и внутреннія узаконенія своихъ державъ, придерживающіеся буквы этихъ регламентовъ и посвящающіе имъ безусловно и обычай международные и часто даже трактаты. — Вообще авторъ слишкомъ снисходителенъ для призовой практики англійской и смотритъ на рѣшенія Уилліама Скотта, какъ на примѣненіе началъ международного права, хотя анализъ этихъ рѣшеній обнаруживаетъ, какъ нельзя яснѣе, что знаменитый судья никогда серьезно не придерживался ни *Consolato del mare*, ни другихъ источниковъ положительнаго международного права, ни требованій справедливости, и что вся его теорія призоваго судопроизводства основана на жалкихъ софизмахъ и направлена къ совершенному разрушенію нейтральной торговли.

Неправильный взглядъ автора на существо и значеніе призовыхъ судовъ отражается во всемъ его сочиненіи. — Укажемъ на нѣкоторыя другія его погрѣшности.

Reports англійскихъ судовъ авторъ переводитъ словомъ *rapports* (XIII, XIV, 26) между тѣмъ какъ это слово выражаетъ

только: судебные протоколы. Правительство Соединенныхъ Северо-Американскихъ Штатовъ онъ называетъ Вашингтонскимъ кабинетомъ (78).

Стр. 12 «Верховная власть (въ XIV столѣтїи) подчиняеть «каперовъ или консуламъ или обыкновеннымъ городскимъ властямъ». — А кто же были консулы въ XIV столѣтїи, если не обыкновенныя городскія власти? Консуловъ, въ смыслѣ ихъ нынѣшнемъ, еще въ то время не существовало.

Стр. 100 «Еще строже адмиралтейскіе суды къ тѣмъ нейтральнымъ подданнымъ, которые нанимаются перевозить непріятельскихъ офицеровъ и солдатъ. Въ подобныхъ случаяхъ ничто не можетъ спасти корабль отъ конфискаціи».... Нѣсколькими же строками ниже: «Только тогда, когда офицеры «перевѣзжаютъ на свой собственный счетъ въ качествѣ обыкновенныхъ пассажировъ, нейтральное судно можетъ считаться свободнымъ».

Стр. 131. Къ числу успѣховъ международнаго права въ XIX столѣтїи, со временъ Вѣнскаго мира, авторъ относитъ отмѣну устарѣлаго *droit d'ambaine*. — Этотъ обычай исчезъ ранѣе изъ практики международной. Во Франціи онъ былъ отмѣненъ въ 1790 г. постановленіемъ Законодательнаго Собранія.

Стр. IX. Г. Каченовскій имѣеть довольно странное понятіе о философской школѣ права народовъ. — «Такъ называемая философская школа общенароднаго права», говоритъ онъ, «теперь уже не имѣеть ни одного сколько нибудь замѣчательнаго представителя. Почти всѣ публицисты отказались отъ «построенія произвольныхъ теорій, согласились, что диспуты о «примѣненіи права естественнаго къ міровой жизни націй не «приносятъ пользы и начали искать юридическихъ основаній «международнаго союза въ самомъ существѣ государства, въ «сознаніи и въ вѣковыхъ убѣжденіяхъ человѣчества.... Геоферъ, Оппенгеймъ, Пюттеръ, Уитонъ, Миллеръ-Юхмустъ, Локранъ, Вурмъ Готфѣль, Редди и др. далеко оставили за собою «учениковъ Мартенса, какъ по обширности взглядовъ, такъ и

«по важности добытыхъ результатовъ». — Была когда то школа, отвергавшая положительное право народовъ и обращавшая эту науку въ сухія схоластическія умствованія, заимствованныя изъ такъ называемаго естественнаго права, — школа Пуффендорфа и его послѣдователей — но она давно уже забыта. Въ Мартенсѣ и его послѣдователяхъ, которые, между прочимъ говоря, ни когда не были величаемы именовъ философской школы, преобладаетъ направленіе чисто положительное, догматическое. — Искать юридическихъ основаній международнаго союза въ самомъ существѣ государства, въ сознаніи и вѣковыхъ убѣжденіяхъ человѣчества, не есть ли это отличительный признакъ, составляющій достоинство и славу новѣйшей философіи? — Въ этомъ отношеніи почти всѣ новѣйшіе писатели науки международнаго права вполне заслуживаютъ названія школы философской, и ея то методъ преобладаетъ нынѣ.

Соображая достоинства сочиненіе г. Каченовскаго съ его недостатками, я нахожу, что послѣдніе далеко уступаютъ первымъ. Принимая во вниманіе чрезвычайную бѣдность нашей отечественной литературы по международному праву, не смотря на сжатость объема сказаннаго сочиненія, я признаю его достойнымъ, на основаніи 1 п. X § Положенія о Демидовскихъ наградахъ, *половинной* преміи.

РАЗБОРЪ
ПОЛНАГО НѢМЕЦКО-РУССКАГО СЛОВАРЯ

Г. ПАВЛОВСКАГО,

СОСТАВЛЕННЫЙ

АКАДЕМИКОМЪ А. Х. ВОСТОКОВЫМЪ.

Словарь этотъ назначенъ для Нѣмцевъ, желающихъ выучиться по русски, и потому въ немъ главнѣйшимъ образомъ обращено вниманіе на Русскій языкъ. Для сего въ началѣ словаря особо показаны правила сочиненія существительныхъ съ числительными, употребленіе въ Русскомъ языкѣ дѣепричастій и спряженіе неправильныхъ глаголовъ. Въ самомъ словарѣ при существительныхъ на ъ (муж. и женск. р.) показаны окончанія родительнаго единственнаго, именительнаго и родительнаго множественнаго числа, а также родительный единственнаго тѣхъ существительныхъ, которыя выпускаютъ въ косвенныхъ падежахъ *о* или *е* своихъ окончаній, или превращаютъ *е* въ *ь* или *ѣ*. При глаголахъ означены виды ихъ, предлоги и падежи, коихъ они требуютъ. Въ примѣрахъ приведены разныя выраженія или фразы, свойственныя Нѣмецкому и Русскому языку, также пословицы и поговорки обоихъ языковъ, соотвѣтствующія однѣ другимъ. Всѣ русскія слова снабжены удареніями.

Нѣмецкая часть словаря также тщательно обработана и не уступаетъ полнотою ни одному изъ прежнихъ нѣмецко-русскихъ словарей, напротивъ того превосходитъ оныя, особенно точностью изъясненія словъ. Надъ составленіемъ этого словаря трудился авторъ 11 лѣтъ.

Признавая такимъ образомъ словарь г. Павловскаго заслуживающимъ въ полной мѣрѣ похвалы и одобренія, я не могу умолчать и о нѣкоторыхъ замѣченныхъ въ немъ недостаткахъ,

которые трудолюбивый составитель вѣроятно самъ усмотритъ и поправитъ при новомъ изданіи. Недостатки сіи состоятъ по большей части въ опечаткахъ; на-пр. подь словомъ *Abbalzen*, *теревá*, вмѣсто тетерева, подь словомъ *Abgleichen*, *юстрировать*, вмѣсто юстировать, подь словомъ *Abtakeln*, *разснáтка*, вмѣсто разснатка. Несмотря на такія ошибки, я полагаю, что Нѣмецко-Русскій словарь г. Павловскаго принесетъ несомнѣнную пользу въ Прибалтійскихъ Губерніяхъ тѣмъ, которые будутъ почерпать изъ него потребное имъ знаніе Русскаго языка, и по справедливости можетъ удостоенъ быть отъ Императорской Академіи Наукъ поощрительной Демидовской преміи.
